

НРАВСТВЕННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПРИМЕРЫ

Под общей редакцией Бруно Коппитерса,
Ника Фоушина, Рубена Апресяна

Гарбарку

Москва

2002

УДК 172.4(082)
ББК 87.7
Н86

Перевод:
Сергея Евтушенко, Бориса Кашникова,
Бориса Николаичева

под редакцией
Алексея Зверева

Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры /
Н86 Под общей редакцией Бруно Коппитерса, Ника Фоушина,
Рубена Апресяна. — М.: Гардарики, 2002. — 407 с.

ISBN 5-8297-0119-7 (в пер.)

Данная книга, написанная философами из Бельгии, России, Китая и США, впервые представляет русскому читателю современную теорию справедливой войны в систематическом виде. Подробно излагаются важнейшие принципы справедливой войны, которые затем отдельно раскрываются на примерах военных действий в Персидском заливе (1990—1991), Чечне (1994—1996), Косово (1999), антитеррористической кампании в Афганистане (2001), а также в связи с моральными и правовыми проблемами гуманитарной интервенции. Подробный научный аппарат книги отражает практически весь спектр современной специальной литературы, посвященной этико-философским проблемам войны.

Книга предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей философских и политических факультетов университетов. Также будет полезна для слушателей и адъюнктов высших военных учебных заведений.

В оформлении переплета использована гравюра «Скованный Марс» Корнелиса Мейссенса (Cornelis Meyssens) с фронтисписа книги: Bie C. de. Het gulden cabinet vande edele vry schilder-const ontsloten door den lanck ghewenschten vrede tusschen de twee machtighe croonen van Spaignien en Vrancryck. Antwerpen: Ian Meyssens Constvercooper, 1661, хранящейся в Koninklijke Bibliotheek (Бельгия)

УДК 172.4(082)
ББК 87.7

ISBN 5-8297-0119-7

© «Гардарики», 2002
© Апресян Р.Г., Ван Дамм Г., Кашников Б.Н.,
Келеманс К., Коппитерс Б., Фоушин Н.,
Хартл Э., Шень Чжисюн, Ши Иньхун, 2002
© Koninklijke Bibliotheek van Belgie, Brussel,
Afdeling Kostbare Werken. [Гравюра], 2002

КНИГИ УИЦ «ГАРДАРИКИ»

можно купить или заказать:

• **В книготорговом объединении «Юристъ — Гардарика»**

107082, Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 75, стр. 10

(ст. метро «Бауманская»)

Тел.: (095) 797-9081, 797-9082, 797-9083, 797-9084,
363-0634, 363-0635, 363-0636

Адрес электронной почты: ug_grd@aha.ru

Интернет-магазин «Юристъ — Гардарика»: <http://www.u-g.ru>

Оптовый отдел, «Книга-почтой» — с 9.00 до 18.00, выходные — суб., воскр.

Розничный магазин — с 10.30 до 20.00 (понед. — суб.)
с 10.00 до 16.00 (воскр.)

• **В книжном магазине «Юристъ»**

101000, Москва, Лубянский пр., д. 7, стр. 1

(ст. метро «Лубянка», «Китай-город»)

Тел.: (095) 928-4840

Время работы: с 10.00 до 19.00 (выходные — суб., воскр.)

НРАВСТВЕННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ВОЙНЫ:

Проблемы и примеры

Редактор *Н.А. Баранова*

Корректор *О.В. Мехоношина*

Художественный редактор *А.В. Антипов*

Компьютерная верстка *Г.С. Брудовской*

Изд. лиц. № 066160 от 02.11.98.

Подписано в печать 26.04.2002. Формат 60 × 90 1/16.

Печать офсетная. Гарнитура Ньютон. Усл.-печ. л. 25,5.

Тираж 3000 экз. Заказ №

УИЦ «Гардарики»

101000, Москва, Лубянский пр., д. 7, стр. 1

Тел.: (095) 921-0289, 925-6840

Факс: (095)921-1169

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ОАО «Можайский полиграфкомбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Бруно Коппитерс
Ник Фоушин*

Война! В истории человечества это слово всегда вызывало самые разные эмоции: от бурного энтузиазма и злобной жестокости до смертельного страха. Война — это то, что создавало империи, расширяло цивилизации, с одной стороны, и порождало ужасные страдания и разрушения — с другой. Война была ужасна с самого начала — еще тогда, когда основным оружием были копье, кинжал, булава, праща и лук¹. Кровавая схватка, в которой противника закалывали или рубили насмерть, очаровывала одних и вызывала внутреннее опустошение и отвращение у других. Часто после битвы ужасы войны продолжались, например, в массовых убийствах стариков, женщин и детей. Затем, по пятам войны, следовали голод и болезни, которые часто сводили в могилу больше людей, чем сама война.

Война всегда была обычным делом в жизни людей. Начиная с бронзового века, через всю историю человечества прошли тысячи войн. И уже во времена монгольских завоеваний количество жертв исчислялось сотнями тысяч, а иногда и миллионами². В XX в. Первая и Вторая мировые войны стали причиной соответственно 10 и 55 миллионов смертей³. И даже в наше время во всем мире продолжают идти десятки малых войн, которые по жестокости ничуть не уступают большим войнам. Не удивительно, что война

---

¹ *Ferrill A.* The Origins of War: From the Stone Age to Alexander the Great. L.: Thames and Hudson Ltd., 1985. P. 18—19.

² *Kwanton L.* Imperial Nomads: A History of Central Asia 500—1500. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 1979. P. 121.

³ *Addington L.H.* The Patterns of War Since the Eighteenth Century. Bloomington, IN: University of Indiana Press, 1984. P. 157, 248.

всегда была предметом тревожных размышлений людей. Некоторые из таких размышлений, например Сунь-цзы в его «Трактате о военном искусстве»¹ (написанном более 2000 лет назад) и К. Клаузевица в его работе «О войне»² (впервые опубликованной в 1832 г.), сосредоточиваются главным образом на том, как вести войну. Война отвратительна, и это, по-видимому, побуждало тех, кто о ней размышлял, искать приемы стратегии и тактики, благодаря которым их собственная страна не проиграла бы войну. Другие задумывались над проблемами правоты и неправоты сторон в войне. Ужасы войны побуждали их думать о том, какую роль могла бы играть в войне нравственность, если она вообще совместима с войной. Авторы этой книги разделяют озабоченность относительно нравственной стороны войны и тех проблем, которые порождают войны.

Представляемая книга посвящена справедливости и войне. Ее авторы — преподаватели этики в военных академиях и университетах Бельгии, Китая, России и США. Уже в этом отношении книга не совсем обычна. В основном авторы книг на темы военной этики пишут для своих соотечественников, обращаясь главным образом к тем вопросам, которые актуальны и имеют нравственный смысл для читателей, принадлежащих к определенной культуре. Дискуссии об этике войны удерживаются строго в границах отдельных стран. Это подтверждается тем фактом, что многие книги на данные темы, очень популярные в одних странах, остаются практически неизвестными (и непереведенными) в других, в результате чего снижается их значение. Книга Майкла Уолцера «Справедливые и несправедливые войны»³ долго оставалась неизвестной во Франции и Германии⁴, а работы французских философов, отстаи-

¹ Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М.: Воениздат, 1955.

² Клаузевиц К. О войне. М.: Логос; Наука, 1997.

³ *Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. Basic Books, 1977. (Здесь и далее звездочкой (*) отмечен текст, добавленный редактором русского издания.)

⁴ Французский перевод этой книги был опубликован под названием «Войны справедливые и несправедливые: моральная аргументация с историческими примерами» (*Guerres justes et injustes: argumentation morale avec exemples historiques*. Paris; Belin, 1999) спустя 22 года после английского издания. И по крайней мере до 1999 г. не было немецкого издания этой книги.

*Спустя 24 года после первого английского издания этой книги М. Уолцера нет и ее русского перевода. С некоторыми идеями М. Уолцера на темы войны можно познакомиться в кн.: Уолцер М. Компания критиков: Социальная критика

вающих «долг военного вмешательства» в бывшей Югославии¹ еще не оказали никакого влияния на политические споры по этой проблеме в англосаксонском мире. Также не выходят за рамки Китая или России ведущиеся в этих странах дискуссии о военной этике или этико-правовых проблемах военного вмешательства. Как мы увидим далее, здесь используются иные аргументы по сравнению с теми, что высказывают ученые в Западной Европе и англоязычных странах.

Национально обособленный характер дискуссий о военной этике резко контрастирует, во-первых, с тем интернациональным контекстом, в котором ведутся политические дискуссии по таким вопросам, как права человека или право на сецессию²; во-вторых, с международным характером определенных военных действий (например, миротворческие операции под эгидой ООН в бывшей Югославии); в-третьих, с тем моральным подходом к войне, какое он получил в *теории справедливой войны*, которая по строгим основаниям считается именно теорией. Как будет показано далее, эта теория имеет свои истоки в транскультурном опыте, в неких универсальных представлениях и принципах.

Понятно, что закрытость научных сообществ разных стран в их дискуссиях об этических проблемах войны отражает общественные интересы. Социальные ученые не стоят в стороне от политической жизни, и их место в дискуссиях, которые ведутся в стране, часто отражает политические интересы той страны, в которой они работают. Хотя по сравнению с временами холодной войны осознание необходимости преодоления военного противостояния усилилось, отношение общественности и политических элит в России, Западной Европе, Китае и Соединенных Штатах к моральным проблемам войны и военного вмешательства продолжает в значительной степени варьироваться. Это различие мнений обнаруживается в разных подходах государств к вопросам без-

---

и политические пристрастия XX века [главы 2 и 7]. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999.

¹ См., например: Lévy B.-H. *Le lys et la cendre*. P.: Grasset, 1996.

² *Сецессия (англ. secession от лат. secessio — отделение, отход, раскол) — отделение некоторой территории от государства. Стало принятым считать, что в отличие от более привычного термина «сепаратизм» термин «сецессия» является нейтральным с ценностной точки зрения. О проблеме сецессии см.: Бьюкенен А. Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. М.: Рудомино, 2001 (Публикации Музея и общественного центра им. Андрея Сахарова).

опасности. С начала 1990-х гг. Россия, Китай, Западная Европа и Соединенные Штаты столкнулись с новыми угрозами, и здесь оказались неэффективными предпринимавшиеся попытки сотрудничества в области безопасности. Можно выделить три вида таких новых угроз.

Первый вид угрозы Соединенные Штаты и их западные союзники испытали со стороны таких государств, как Ирак и Ливия, которые обвинялись в нарушении принципов международного порядка и поддержке терроризма. По мнению Соединенных Штатов, это касается Ирана, Ирака, Ливии, Северной Кореи, Судана и Сирии¹. Эти государства обвиняются в агрессии против соседних стран (Ирак) или в наращивании потенциала оружия массового поражения за пределами необходимого для обороны (Иран, Ливия и Ирак). Поэтому эти страны рассматриваются западными государствами как отверженные, а Соединенные Штаты даже навесили на них ярлык «государства-изгой». С окончанием холодной войны западные страны — члены Совета Безопасности ООН смогли даже убедить своего советского партнера прибегнуть к мерам принуждения в отношении Ирака — поддержать политику санкций ООН, а также использовать «все необходимые средства» для восстановления суверенитета Кувейта.

После войны в Персидском заливе (1991) санкции не были сняты. Однако в последующие годы между Россией, Китаем, некоторыми западноевропейскими государствами и Соединенными Штатами возникли разногласия относительно законности этого метода. Россия настаивала на снятии эмбарго на экспорт иракской нефти. Такая настойчивость объясняется историческими причинами. Традиционно между Багдадом и Москвой всегда были хорошие отношения, кроме того, Россия руководствовалась экономическими мотивами: эти санкции сделали невозможным для Ирака выплату его большого долга России².

Даже если такие разногласия в значительной степени отражают конфликт национальных интересов и провал режима эмбарго в достижении конкретных результатов (диктатура Саддама Хусейна

---

¹ Ср.: *Hellman Cb.* State Department Releases Annual Terrorism Report // *The Weekly Defense Monitor*. The Center for Defense Information (CDI), Vol. 4, Issue № 18, 2000, 4 May. Или: www.cdi.org

² *Lakhdar B.* Foreword // *Political Gain and Civilian Pain*, Lanham — New York/Boulder: Oxford; Rowman and Littlefield Publ., 1997. P. XIII.

по-прежнему крепка), не следует недооценивать моральные аспекты политики эмбарго. Эти вопросы широко обсуждаются в США. Политика эмбарго породила процесс постепенного, но неуклонного разрушения экономики и инфраструктуры ранее относительно богатой страны. Дети страдают от хронического и даже острого недоедания. Последствия этой войны, например развал системы водоснабжения и санитарной службы, разрушение больниц и школ, были усугублены неспособностью Ирака восстановить эти структуры жизнеобеспечения. Согласно исследованиям, проведенным в Колумбийском университете, в результате войны в Персидском заливе и санкций против Ирака с 1991 по 1998 г. умерли от 100 000 до 227 000 детей в возрасте до пяти лет; а по оценкам, приведенным в отчете ЮНИСЕФ, число детей, умерших в возрасте до пяти лет, достигло полумиллиона¹. Санкции, направленные против гражданских лиц, противоречат одному из столпов теории справедливой войны — принципу различия между комбатантами и некомбатантами².

Вопрос о том, какая политика была бы правильной по отношению к режимам Ирана, Ирака или Северной Кореи, не потерял своей актуальности после террористической атаки на США 11 сентября 2001 г. В январе 2002 г. Президент США Дж. Буш обратился ко всем государствам мира с призывом использовать все возможные средства для того, чтобы принудить страны-изгои прекратить производство оружия массового поражения и поддержку террористических групп. Иран, Ирак и Северная Корея, сказал Президент, образуют «ось зла». Эта демонизирующая лексика не встретила понимания у правительств Европейского Союза. По их мнению, политический диалог с руководством некоторых из этих стран мог бы содействовать их вовлечению в международное партнерство, направленное против терроризма, а применение

¹ The Economist. 2000. 8—14 April.

² *Хотя в литературе на русском языке уже встречается (как правило, в переводных работах) термин «принцип дискриминации», здесь термин «Principle of Discrimination» переводится как «принцип различия», поскольку за словом «дискриминация» в русском языке закрепилось определенное значение: ограничение прав, подавление прав. Только в медицине этот термин обозначает способность к различному восприятию разных раздражителей. Непривычное слово «комбатант» (combatant) здесь оказывается наиболее уместным для строгого обозначения легитимного участника вооруженных действий. Установление статуса комбатанта необходимо именно для разграничения участников вооруженных действий и мирного населения.

военной силы против Ирака вряд ли было бы разумным. Различия между США и их европейскими союзниками можно трактовать как разногласия относительно правильного использования отдельных принципов справедливой войны, таких, как принцип крайнего средства, соразмерности или вероятности успеха.

Второй вид новой угрозы, с которым столкнулись Россия, Китай, Западная Европа и Соединенные Штаты, обусловлен внутригосударственными конфликтами. Система безопасности, разработанная после Второй мировой войны благодаря образованию ООН и СБСЕ, подразумевала классические случаи, когда друг с другом воюют суверенные государства (межгосударственные конфликты). Но эти две организации оказались довольно беспомощными перед лицом нового типа военного противостояния, когда по крайней мере одна из воюющих сторон не рассматривается международным сообществом в качестве представителя суверенного государства. Распад федеративных систем Советского Союза и Югославии привел к созданию и признанию международным сообществом новых суверенных государств (15 союзных республик Советского Союза и 5 республик Югославии). Но дезинтеграция этих государств также спровоцировала претензии некоторых этнических меньшинств внутри них на собственную государственность, что породило конфликты, связанные со стремлением народов к отделению; таковы конфликты на Северном (Чечня) и Южном (Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия) Кавказе, в Молдавии (Приднестровье), в Боснии и Сербии (Косово). Таджикистан столкнулся с дезинтеграционными тенденциями вследствие региональных расколов и гражданской войны, поставившей его существование как государства под угрозу. Россия направила миротворческие силы в Кавказский регион и Таджикистан и начала войну против сепаратистской Чечни, в то время как НАТО совершила военное вмешательство в Боснию и Косово. В Руанде конфликт между народностями хуту и тутси в 1994 г. стал одним из самых ужасных примеров геноцида второй половины XX в.: около 800 000 тутси стали жертвой хуту. Неудачная попытка ООН вмешаться в этот конфликт, в частности усилия Бельгии и Франции разрешить его с помощью необходимых военных средств, вызвала широкую критику. Многие полагают, что относительно небольшой военный контингент мог бы предотвратить эти массовые убийства. Острая критика была направлена и в адрес Совета Безопасности ООН за его решение не проводить акцию по принуждению к миру.

В большинстве этих случаев России, Западной Европе и Соединенным Штатам было чрезвычайно трудно прийти к согласию относительно общих принципов, по которым осуществляется вмешательство (интервенция) в такого рода конфликты. Данные разногласия особенно драматичны, когда они связаны с вооруженными конфликтами в Европе. В случае военных конфликтов, связанных с сепаратизмом в бывших советских республиках к югу от России, западные правительства отказывались предоставить российским миротворцам статус «голубых касок» ООН, опасаясь, что Москва попытается создать там зону своих интересов. Миротворческие силы России на Кавказе рассматривались как инструмент подчинения обретших независимость южных соседей. Тем не менее в 1993 г. западные страны — члены Совета Безопасности согласились поддержать присутствие в Абхазии и Таджикистане российских войск (вначале объединенных вооруженных сил СНГ) и направить в эти страны военных наблюдателей ООН.

Самые серьезные кризисные ситуации возникли в связи с интервенцией НАТО в Косово и двумя войнами России в Чечне. Российское и китайское правительства критиковали НАТО за отсутствие легитимных полномочий на военное вмешательство в Косово, поскольку считали, что НАТО вмешивалась тем самым во внутренние дела Югославии. Основывая свою критику на нормах международного права, российское правительство заявило, что решение о военном вмешательстве в Косово мог принять только Совет Безопасности ООН. В случае Чечни Соединенные Штаты и Европейский Союз утверждали, что Россия прибегла к несоразмерному использованию силы, а также критиковали Россию за неизбирательные нападения на гражданские объекты. Как будет показано в этой книге, такая критика имеет отношение к применению классических принципов *теории справедливой войны*. Эти два случая будут разносторонне проанализированы в данной книге; при этом будут специально освещены различия моральных оценок российского, китайского и западных правительств.

Третий вид угрозы, на которую по-разному реагируют Россия, Китай, государства — члены Европейского Союза и Соединенные Штаты, связана с сохранением ядерной безопасности и касается контроля за распространением ядерного оружия и других видов оружия массового поражения. США обеспокоены сотрудничеством между Россией и Ираном в сфере использования

ядерной энергии в мирных целях, видя в этом нежелательную возможность для наращивания Ираном своей военной ядерной мощи. Отказ Конгресса США ратифицировать соглашение об испытании ядерного оружия в 2000 г. вызвал резкую критику со стороны как России, так и Европейского Союза. Россия, Китай и Европейский Союз разделяют озабоченность планами США разработать национальную программу противоракетной обороны. Такая система ракетного щита рассматривается как фактор, нарушающий равновесие, закрепленное существующими соглашениями между двумя главными ядерными державами, в частности Договором о противоракетной обороне (ПРО). Один из аргументов, использовавшийся французской стороной в июле 2000 г. в критике американской позиции, заключался в том, что дестабилизирующие возможности такого противоракетного щита непропорциональны той угрозе, которую представляют для США ракеты¹. Соразмерность (proportionality) является ключевым понятием теории справедливой войны. Кроме всего прочего, этот критерий используется для оценки легитимности применения отдельных видов оружия. Такие дискуссии выражают сильную обеспокоенность выбором метода противостояния угрозе с помощью оружия массового поражения. Открытое обсуждение морального аспекта использования ядерного оружия и реакции на его распространение несомненно уменьшилось после окончания холодной войны, но, как будет показано в книге далее, ставки остаются такими же высокими, что и прежде. Индия и Пакистан не сумели преодолеть свои разногласия относительно политического статуса Кашмира, и наблюдатели не исключают возможности, что развитие конфликта между этими двумя ядерными странами может в конце концов пойти по наихудшему сценарию, когда оружие массового поражения будет использовано с обеих сторон.

Книга состоит из нескольких частей. Во Введении указано место теории справедливой войны среди таких соперничающих между собой подходов к этике войны, как реализм, милитаризм и пацифизм. Затем описываются некоторые основные методологические проблемы написания книги о теории справедливой войны. Анализируются также такие методологические проблемы, как

¹ Herald Tribune. 2000. 14 July.

Речь шла о возможности ракетного удара со стороны государств-изгоев — Северной Кореи, Ирака, Ливии и т.д.

определение войны и концепция справедливости в теории справедливой войны. Здесь же ставится вопрос о том, до какой степени такой подход может претендовать на конституирование именно *теории* справедливой войны, а не представления просто традиции справедливой войны. Первая часть книги связана с шестью принципами *jus ad bellum*¹, т.е. принципами, определяющими условия, при которых война может быть начата. Во второй части анализируются два принципа *jus in bello*², а именно, принципы, которым надо следовать во время самой войны. Каждый принцип в этих частях книги анализируется в отдельной главе, объем которой в общем соответствует значению соответствующего принципа в рамках систематической теории справедливой войны. Анализ каждого принципа сопровождается разнообразными историческими примерами. В третьей части разные принципы применяются к различным случаям военного вмешательства (а именно, в Персидском заливе, Чечне, Косово и Афганистане) и гуманитарной интервенции. В заключительной части представлены некоторые выводы относительно применения принципов справедливой войны в различных политических обстоятельствах.

Соавторы этой книги необязательно придерживаются одинакового мнения касательно законности применения силы в отдельных конкретных случаях. Они даже необязательно имеют одинаковое мнение о том, как интерпретировать разные принципы справедливой войны и саму эту теорию. Такие различия в подходе являются естественным следствием особого плюралистичного характера теории справедливой войны. Согласие с вердиктом касательно легитимности использования силы в определенном случае возможно только в том случае, если те же абстрактные принципы применяются к ситуации, где не существует больших расхождений относительно ее интерпретации. Для авторов книги были важны не столько различные принципы, становившиеся предметом спора в тех порой жарких дискуссиях, которые происходили при ее подготовке, сколько их конкретное значение в конкретном контексте и то, правильно ли были описаны и проанализированы конкретные конфликты. Некоторые разногласия относительно трактовки фактов могут быть разрешены при более тщательном изучении имею-

¹ *Jus ad bellum* [юс ад беллум] — право на войну (лат.).

² *Jus in bello* [юс ин bello] — право в войне (лат.).

щейся литературы и обращении к различным историческим источникам. Однако описание и анализ являются также результатом разного рода предпосылок и разделяемых ценностных ориентаций. Сохранившиеся разногласия, в особенности касающиеся этической оценки событий, специально оговорены. Большинство глав этой книги были написаны в соавторстве; авторы указаны в начале каждой главы.

Этот проект был поддержан многими институтами Бельгии, Китая, России и Соединенных Штатов. Авторы хотели бы поблагодарить Бельгийскую королевскую военную академию, Министерство обороны Бельгии и Свободный университет Брюсселя за финансирование русского и китайского изданий этой книги, которые публикуются параллельно ее английскому изданию. Поддержка была получена также от фламандского Свободного Брюссельского университета (Vrije Universiteit Brussel), Фонда научных исследований (Fonds voor Wetenschappelijk Onderzoek, Фландрия, Бельгия), Военной академии США в Вест-Пойнте, НАТО, Института философии РАН, Московского центра Карнеги, Рязанского отделения Московского института Министерства внутренних дел РФ, посольства США в Бельгии, Университета Эмори, Американского Совета по международным научным обменам (CIES) и Академической программы Фулбрайта. Авторы особенно благодарны за поддержку проекта: министру Андре Флаго, генерал-лейтенанту Паулу Георису, генерал-лейтенанту Марку Ванкирсбилку, капитану Лео Вермееру, подполковнику Жан-Полю Салмону, подполковнику Яну Ван де Вейеру, а также Вернеру Боувенсу, Полу де Витте, Кнуту Дёрманну, Крису Доннелли, Веронике Келле, Энтони Лангу, Стефану Смису, Шинину Сонгу, Дмитрию Тренину и Эрику Франксу. Авторы выражают благодарность Наталии Барановой за работу над русским текстом книги.

ВВЕДЕНИЕ

*Ник Фоушин
Бруно Коппитерс
Рубен Апресян*

1. РЕАЛИЗМ

Убийства, увечья и разрушения, без которых не обходится почти ни одна война, привели к развитию четырех направлений мысли относительно этики войны. Одно из этих направлений известно как *реализм*. Реалисты учитывают все ужасы войны и поэтому, подобно большинству представителей других направлений, отчаянно пытаются определить издержки войны, особенно для своей собственной страны. В связи с этим они любят говорить, что война — это ад. Но реалисты оценивают войну также с точки зрения ее выгод. Они знают, что временами война дает стране прибыль в виде земель и ресурсов.

Однако чем бы ни мотивировалась их озабоченность войной, реалисты доказывают, что война является неморальной сферой деятельности. Для них война и этика — это такие две сферы, у которых нет ничего (или почти ничего) общего друг с другом. Когда свою точку зрения представляют сторонники *сильной версии реализма*, они высказывают следующие два утверждения.

Во-первых, они говорят, что даже в мирное время между государствами нет никаких значимых моральных отношений в том смысле, в каком такие отношения могут существовать между людьми, живущими в одной стране. В пределах страны или сообщества отдельные люди могут разнообразными способами оказывать друг другу моральную помощь или наносить моральный ущерб. Когда они намереваются убивать и потом действительно убивают друг друга, мы морально осуждаем их. Но, по мнению

Москва: Гардарики, 2002

сторонников сильной версии реализма, моральные правила, направленные против такого намерения и последующего решения убить, нанести увечья, украсть, солгать и т.д., неприменимы в том случае, когда речь идет о государствах. Поэтому когда государство намеревается вступить в войну с другим государством, прежде чем действительно начать войну, ему не нужно принимать во внимание моральные основания (т.е. основания, учитывающие интересы других государств и народов).

Во-вторых, сторонники сильной версии реализма утверждают, что сразу после начала войны моральные соображения становятся недействительными. Поэтому нельзя критиковать воюющие государства за то, как они ведут военные действия. Если они убивают раненых солдат врага, стреляют во вражеских моряков, находящихся на спасательных шлюпках, убивают военнопленных, нападают на гражданских лиц, отбирают у врага имущество и совершают другие подобные вещи, они не совершают ничего морально предосудительного. Безусловно, воюющие государства наносят врагу ущерб, но они не причиняют ему морального ущерба.

Приведем точку зрения Николаса Спайкмэна, автора книги «Стратегия Америки в мировой политике» (обратите внимание, какое слабое отношение имеет этика к тому, что предпринимают государства во взаимоотношениях друг с другом): «В международном сообществе допустимы все формы насилия, включая разрушительные войны. Это означает, что борьба за власть тождественна борьбе за выживание, и главной задачей внутренней и внешней государственной политики становится усиление соответствующих властных позиций. Все остальное вторично»¹.

Сторонники сильной версии реализма могли бы свести свою неморальную точку зрения на войну к утверждению, что область этики и область войны не пересекаются. Согласно реалистам, выражение «этика войны» — оксиморон, и говорить на языке этики о войне значит обрекать себя на внутренние противоречия. Реалисты не являются моралистами. Это не значит, что они не способны отличить истинное от ложного. Просто им нет никакого

¹ *Spykman N.J. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1994. P. 18. Цит. по: Donnelly J. Realism and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 162.*

логического смысла беспокоиться об этике, когда государства думают о войне или уже фактически участвуют в ней.

Но как реалисты обосновывают такую установку? Какие доводы они приводят в объяснение такой, казалось бы, странной позиции? Правильно было бы сказать, что разные реалисты выдвигают разные доводы. Тем не менее большинство из них обосновывают свою позицию следующими аргументами. Они говорят, что над государствами¹ нет никакого реального морального авторитета, который говорил бы им, как они должны вести себя на международной арене, заполненной «актерами», прибегающими к подлым приемам. Чтобы выжить на этой арене, государство должно преследовать исключительно свои собственные интересы, и больше ничьи. Если одна страна нападает на другую для того, чтобы захватить ее богатые запасы нефти, то единственный вопрос, который нападающие должны задать себе, заключается в следующем: выгодно ли это для нас? Если страна, на которую решено совершить нападение, в военном отношении слаба, если никто не готов прийти ей на помощь и, кроме того, если политические издержки от нападения незначительны (если они вообще есть), то нет оснований для того, чтобы не напасть. В самом деле, не напасть в таком случае было бы глупо. Согласно такой своекорыстной оценке, мировая арена, на которой выступают государства, — это джунгли, а не сад Эдема. И если государства хотят выжить, они должны действовать соответственно.

Другие сторонники сильной версии реализма представляют иные варианты объяснения своих причин. Они также настаивают на том, что своекорыстие движет государствами в их деятельности, но добавляют, что то, каким образом действуют государства, не является вопросом выбора. Реалисты доказывают, что угроза войны и сама война делают невозможным совершение каким-либо государством каких-либо иных действий, кроме совершаемых в

---

¹ Так, Генрих фон Трейчке пишет: «То, что государство не признает над собой никакого третейского судьи и в конечном счете должно подчинять свои правовые обязательства своему собственному вердикту, является еще одним принципом, вытекающим из сущности его суверенитета». На самом деле утверждение Трейчке больше похоже на рекомендацию, чем на характеристику истинного положения вещей. В каком-то смысле, употребляя слово «должно», он подразумевает, что государство не должно позволять какому-нибудь более высокому авторитету выносить за него решения (*Treitschke H. von. Readings in Western Civilization: 1500 to the Present / Ed. by G.H. Knoles and R.K. Snyder. Philadelphia; N.Y., 1968. P. 417*).

своих собственных интересах. Эти реалисты говорят, что ставки в войне столь высоки, что политически и психологически ни одно государство не может (не в силах) остановиться и рационально оценить, что в войне справедливо, а что нет. Если страна сталкивается с жестоким захватчиком, она может потерять все, в том числе свой народ и его культурное наследие. Поэтому выбора нет — остается только воевать на основе принципа «все средства хороши»¹. Если, как говорят философы, мы обязаны делать только то, что можем делать («можем, значит, нам следует», как часто выражаются), то мы не обязаны вести себя нравственно, если это невозможно для нас ни физически, ни психологически.

Взгляды тех, кто отстаивает позицию *умеренного реализма*, несколько отличаются от взглядов их более строгих собратьев. Работы умеренных реалистов чаще всего встречаются в политологической литературе². Их можно было бы полушутливо назвать «малодушные реалисты», поскольку в отличие от сторонников сильной версии реализма они не «идут до конца». Некоторые умеренные реалисты (например, Эдвард Хэллетт Карр) не отрицают обоснованности моральных ценностей, но отрицают их абсолютную и универсальную обоснованность. Скорее, следует считать, что моральные ценности отражают конкретную национальную концепцию государственных интересов. Ганс Моргентау критикует Карра за отрицание возможности абсолютной и универсальной перспективы, но в то же время, по его утверждению, проблема состоит в том, что государства не могут (не должны) вести себя в международных отношениях согласно универсальному моральному кодексу³. В практической политике умеренные

¹ Во время визита одного из авторов этих строк Н. Фоушина в Израиль в 1995 г. один израильский чиновник сказал ему: «Если бы на нас напали, у нас не было бы выбора. Для того чтобы спасти Израиль от гибели, мы бы сделали все что угодно».

² Книга Дж. Розенталя (*Rosenthal J. Righteous Realists: Political Realism, Responsible Power and American Culture in the Nuclear Age. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1991*) представляет собой общую работу о роли этики в трактовке реалистических позиций. Что касается самих реалистов, см.: *Carr E.H. Twenty Years of Crisis, 1919—1939: An Introduction to the Study of International Relations. N.Y.: Harper Torchbook, 1964 (N.Y.: MacMillan, 1951); Kennan G. American Diplomacy 1900—1950. Chicago: University of Chicago Press, 1951; Morgenthau H. In Defense of the National Interest. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1952.*

³ О Карре и Моргентау см.: *Donnelly J. Realism and International Relations. P. 166—167.*

реалисты обычно высказываются жестко, утверждая, что государства должны действовать в своих собственных интересах. Но не всегда ясно, означает ли это, что они должны «действовать исключительно в своих собственных интересах» или «действовать в своих собственных интересах, но принимать в расчеты интересы других»¹, когда это обходится не слишком дорого.

Прежде чем обратиться к обсуждению других способов оценки войны, целесообразно рассмотреть следующие три замечания относительно реализма. Первое замечание: даже в том случае, если реалисты намеренно не придерживаются моральных принципов, они все же могут действовать в согласии с ними. Древнекитайский автор «Трактата о военном искусстве» Сунь-цзы порекомендовал своему правителю хорошо обращаться с пленными. Затем он добавил, что это выгодно, поскольку пленные, с которыми обращаются хорошо, могут пригодиться для того, чтобы увеличить численность армии правителя². В данном случае Сунь-цзы не придерживался какого-то морального правила, а был занят пополнением собственной армии. Вероятно даже, что он вообще не мыслил моральным образом. Скорее, он рекомендовал совершать те поступки, которые находятся «просто в соответствии» с моральными принципами, т.е. поступки, которые «действуют параллельно» этим принципам. Неясно, что порекомендовал бы Сунь-цзы в том случае, если бы пленные отказались принять эту наживку или — что еще хуже — если бы они представляли обузу для правителя. Весьма вероятно, в этом случае Сунь-цзы мог бы порекомендовать правителю избавиться от пленных и, таким образом, он не придерживался бы никаких этических правил и не поступал бы «в соответствии» с ними.

Правитель (назовем его «Государь») мог бы поступать «в соответствии» с моральными принципами, но не придерживаться их, также в следующем случае. Предположим, у Государя нет никакой заинтересованности поступать морально, но он знает, что другие государства заинтересованы в этом, причем некоторые из

¹ Роберт Холмс в своей книге «О войне и морали» называет некоторых из таких мыслителей «мягкие реалисты». Эти реалисты «...почитают мораль, когда могут. Но ...считают, что от морали следует отказаться, когда это выгодно» (Holmes R. On War and Morality. Princeton N.J.: Princeton University Press, 1989. P. 57).

² Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М.: Воениздат, 1955. С. 14.

них состоят либо в дружественных отношениях с его государством, либо даже в союзе с ним. Государь не может позволить себе отвернуться от этих государств. Поэтому в течение какого-то времени он делает вид, что следует моральному пути, ожидая того момента, когда он сможет отказаться от этой роли и повести свою страну по внеморальному пути, выгодному для его государства и, весьма вероятно, для него самого. Поскольку правители-реалисты могут имитировать моральное поведение (разумеется, из корыстных соображений), они не обязательно будут внешне демонстрировать жестокость в своих действиях на международной арене. Следовательно, до какого-то момента эти правители будут создавать видимость порядочных в нравственном смысле деятелей. Но после этого момента они, вероятно, станут открыто применять свою власть и вести себя так, что это не будет даже «в соответствии» с принципами морали.

Второе замечание, касающееся реализма, связано с утверждением, согласно которому реализм представляет собой внеморальную позицию в отношении войны. Считается, что оно нуждается в уточнении, поскольку некоторые реалисты убеждены, что на самом деле их теория попадает в сферу этики¹. Их государственная этика выражается в том, что правители готовы выполнять свой долг по защите государства и своего народа. В принципе эту позицию можно было бы расширить, добавив, что было бы благодетельнее всего, если бы каждое государство заботилось в первую очередь об интересах своего народа. Таким образом, сторонники расширенной формы реализма утверждают, что в своих размышлениях они косвенным образом принимают в расчет интересы «иностранцев». Не приходится и говорить, что эта позиция малоубедительна, поскольку при выполнении своих обязанностей по отношению к собственному народу правитель может приказывать напасть на другой народ и даже уничтожить его.

Третье замечание по поводу реализма связано с большим количеством вариантов этой точки зрения. Поскольку реализм является двухчастной теорией, рассматривающей вопрос об условиях начала войны и вопрос об условиях ее ведения, возникает

---

¹ Рейнгольд Нибул в работе «Моральный человек и имморальное общество» стремится показать и, по-видимому, доказывает, что правила коллектива (нации, государства) стоят выше индивидуальных (*Neibuhr R. Moral Man and Immoral Society. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1932. P. 83*).

возможность, что некоторые мыслители в отношении одной части теории являются реалистами, а в отношении другой — нет. В этом смысле бывший госсекретарь США (во время правления Президента Р. Никсона) Генри Киссинджер казался реалистом, когда говорил, что руководители США должны четко формулировать для своего народа концепцию национальных интересов¹. Но он никогда открыто не заявлял, что, если такая концепция ведет к войне, Америка должна вести безнравственную войну.

В противоположность этому генерал Уильям Текумсе Шерман, воевавший во время Гражданской войны в США на стороне северян, считал, что гражданская война является злодеянием тех, кто ее начал. Поэтому нарушитель мира должен получить по заслугам и солдат ни в коем случае нельзя обвинять за те действия, которые они вынуждены совершать, чтобы быстро довести войну до победного конца. Когда один из полководцев Конфедерации обвинил Шермана в том, что тот совершил самый жестокий за всю войну акт, отдав приказ об эвакуации Атланты и последующем ее поджоге, Шерман не отрицал это обвинение, заявив, что такая жестокость была вынужденной. Любые военные действия дурны. Шерман решил, что Атланта больше никогда не должна служить в качестве военной базы для конфедератов. По его мнению, полную ответственность за эту войну несут власти южных штатов и они могут восстановить мир, только подчинившись Федеральной конституции. Поэтому в отличие от Киссинджера, который является реалистом, пока не начнется война, но не тогда, когда она уже началась, Шерман не был реалистом до начала войны, но, по-видимому, стал таковым после ее начала. Вот классическое выражение шермановской версии реализма: «Вы не сможете оценить войну в более резких терминах, чем я. Война есть жестокость, и вы не сможете облагородить ее; а те, кто втянул нашу страну в войну, заслуживают всех проклятий, которые народ может обрушить на их головы... Что толку возмущаться этими ужасными испытаниями войны? С таким же успехом вы можете протестовать против грозы. Эти трудности неизбежны, и единственный путь решения проблемы, благодаря которому жители Атланты могут надеяться снова начать жить в своем городе в мире и спокойствии, заключается в том, чтобы прекратить войну. А это можно осуще-

---

¹ *Kissinger H. Diplomacy. N.Y.: Simon and Schuster, 1994. P. 810.*

ствить, только допустив, что она началась вследствие заблуждения и не прекращается из-за гордыни»¹.

В общем, реализм — это весьма варьирующаяся точка зрения, которая так или иначе исключает или преуменьшает роль этики применительно к войне. Когда представители реализма говорят, что все происходящее на войне справедливо, они окольным образом говорят о том, что справедливость, законность, этика и т.п. не имеют ничего общего с войной. Вместо того чтобы говорить об этике, представители реализма говорят о том, что государство должно заботиться о собственных интересах.

2. МИЛИТАРИЗМ

Вторым направлением мысли, развившимся в ответ на ужасы войны, является *милитаризм*. Его легко спутать с реализмом, поскольку обе точки зрения, по-видимому, снисходительно относятся к войне, а также потому, что некоторые формы милитаризма, подобно реализму, имеют националистическую основу². Как мы увидим в дальнейшем, еще одна причина путаницы заключается в том, что государства колеблются между следованием принципам реалистической и милитаристской политики, большей частью из-за трудностей осуществления милитаристской доктрины на практике. Однако несмотря на видимую близость этих точек зрения, между ними существуют значительные расхождения. Такие реалисты, как Сунь-цзы, стараются избежать войны или стараются уменьшить ее потери и ужасы³. Для осуществления этого есть только один способ — образовывать межгосударственные союзы для того, чтобы достичь равновесия сил против сильных и угрожающих войной государств. Если такая уравнивающая стратегия не срабатывает, реалисты, возможно, выскажутся в пользу того, чтобы их государство вступило в войну. Но они будут делать это неохотно, если, конечно, они не будут видеть, что их государство

¹ *Sherman W.T.* Memoirs. Vol. II. 4th ed. N.Y.: Charles L. Webster and Co., 1892. P. 126. О Шермане см.: *Walzer M.* Just and Unjust Wars. N.Y.: Basic Books, 1977. P. 32—33.

² Как, например, у реалиста Генриха фон Трейчке. См.: *Treitschke H. von.* Politics / Abridged and edited by Hans Kohn. N.Y.; Burlingame: Harcourt, Brace and World, 1963. P. 12—15.

³ См.: *Сунь-цзы*. Указ. соч. Гл. II и III.

имеет явное преимущество, которое позволит ему легко выиграть эту войну. Милитаристы также осознают ужасы войны, но в противоположность реалистам они убеждены, что эти ужасы более чем компенсируются приобретениями от войны. По мнению милитаристов, война изменяет людей и делает их такими, какими они прежде не были и, возможно, не могли быть. Война делает из мужчин Мужчин. Она дает участвующим в войне почувствовать свою индивидуальность и достоинство. Она развивает их характер. Суровость войны воспитывает у участвующих в ней такие добродетели, как дисциплинированность, уверенность в своих силах, стойкость, преданность, ответственность и мужество. Поэтому для индивида, живущего в милитаристском обществе, война оказывается не только бременем — в ней есть также и особая польза.

Но война приносит пользу и государству. Война превращает скопление индивидов или членов той или иной социальной группы в единое сообщество. Война объединяет людей, давая им общую цель. Теперь они уже мыслят и говорят с такой позиции: «Мы жестоко сражались, мы выиграли войну и мы победим в следующей войне». Так стали думать спартанцы в VIII в. до н.э. после того, как завоевали Мессению¹. Поскольку мессенцы, которых спартанцы обращали в рабов (илотов), по численности семикратно превосходили спартанцев, последние для сохранения своего владычества были вынуждены создать, а затем постоянно поддерживать военную элиту. Существование ее обеспечивалось благодаря тому, что работать заставляли илотов. В свою очередь это способствовало удержанию илотов в порабощении.

Возможно, милитаризм легче породить и поддерживать в таком небольшом и относительно простом обществе, как спартанское. Тем не менее очевидно, что в Новейшее время, к примеру после Первой мировой войны, Япония превратилась в милитаристское государство². Хотя Япония была уже сложным обществом, она стала милитаристской, поскольку в культурном отношении была очень однородной и во главе страны стоял богоподобный лидер, что способствовало сосредоточению вокруг него преданного населения. Фашистский милитаризм в Италии был менее «удачным».

¹ Greek and Roman Civilization // The New Encyclopaedia Britannica. 13th edition. Chicago et. a.: Macropaedia, 1998. Vol. 20. P. 225—227.

² Edgerton R..B. Warriors of the Rising Sun. N.Y.; L.: W.W. Horton and Company, 1977. P. 234—239.

Муссолини не удалось с помощью идеологии переделать мышление крестьян и рабочих на милитаристский лад¹. У этих и других социальных слоев в Италии существовал свой собственный перечень требований (например, проведение земельной реформы и повышение заработной платы), поэтому они не считали милитаристскую идеологию особенно привлекательной. Тем, что Муссолини все же достиг успеха в милитаризации Италии, он обязан самой военной касте (главным образом офицерству) и некоторым, но отнюдь не всем, правительственным чиновникам. По отношению к другим он использовал реалистическую доктрину. Для Италии в целом легче было откликнуться на апелляцию к ее национальным интересам, чем к личностным и социальным требованиям милитаризма. По сравнению с Италией нацистская Германия стала более милитаристской отчасти из-за того, что Гитлер был жестким лидером, и из-за крайностей той длительной и отчаянной войны, которую Германия вела против Великобритании, США, СССР и других государств².

Цель, объединяющая народ в милитаристское общество, варьируется от одной нации или социальной группы к другой³. У одной нации это может быть государственная или этническая гордость, говорящая всему остальному миру: «Мы превосходим все народы, мы — высший народ». Или это может быть религиозная цель, вдохновляющая милитаристский дух: «Наша религия — истинная религия, и мы гордимся тем, что мы — в первых рядах тех, кто несет по свету Слово Божие». Или это может быть политическая цель: «Мы ведем войну во имя равенства и справедливости (или во имя пролетариата и т.д.) и гордимся этим».

Но при любой идеологии враги милитаристского «крестового похода» находятся не только за рубежом, но и в своей стране. Здесь враги — это не только те, кто противостоит «крестовому походу», но и те, кто пассивен и таким образом ничего не делает для его поддержки. С теми и другими следует обращаться безжалостно. В самом деле, есть основание быть более безжалостными

¹ *Grand A.de.* Italian Fascism: Its Origins and Development. Lincoln; L.: University of Nebraska, 1982. P. 138—139, 143, 147.

² *Kallis A.A.* Fascist Ideology: Territory and Expansionism in Italy and Germany 1922—1945. L.; N.Y.: Routledge, 2000. P. 5—9.

³ *Coates A.J.* The Ethics of War. Manchester; N.Y.: Manchester University Press, 1997. P. 43—44.

с «внутренними врагами», поскольку они являются ренегатами и изменниками, разлагающими общество¹. Безжалостность необходима и в том случае, когда имеешь дело с внешними врагами. Дело, за которое сражается типичный милитарист, важно и даже священо, так что полумеры здесь недопустимы. Более того, считается, что это дело является неотложным. Это похоже на то, как будто общество и мир страдают от острой и опасной болезни, которую можно вылечить только с помощью радикальной хирургии войны.

Таким образом, между милитаристами и реалистами есть два ключевых различия. Во-первых, милитаристы более склонны вступать в войну, чем реалисты. Когда нужно справиться с болезнями общества и всего мира, для милитаристов первым прибежищем является война, в то время как для реалистов это не так. Во-вторых, своими разговорами о добродетелях и борьбе во имя какой-то высшей цели милитаристы в отличие от реалистов помещают войну в сферу этики. Враждебность милитаристов к пацифизму мотивируется подобным образом — этически. В одном из своих памфлетов Бенито Муссолини отвергал пацифизм и прославлял войну по моральным основаниям: «Вообще говоря, в том, что касается будущего и развития человечества и оставляя в стороне какие-либо соображения, связанные с нынешней политикой, фашизм прежде всего верит в то, что вечный мир невозможен и бесполезен. Фашизм отвергает пацифизм, который является прикрытием для бегства от борьбы и малодушием перед необходимостью жертвы. Только война пробуждает все человеческие силы до состояния максимального напряжения, отмечая печатью благородства тех людей, которые имеют мужество смотреть ей в лицо. Все остальные суровые испытания лишь вторичны и никогда не ставят человека лицом к лицу с самим собой, когда он вынужден выбирать между жизнью и смертью»².

¹ *Kelsay J.* Islam and War: A Study of Comparative Ethics. Louisville KY: Westminster/John Knox Press, 1993. P. 100—104.

² *Mussolini B.* La doctrine du fascisme. Firenze: Vallecchi Editore, 1936. P. 28—29.

3. ПАЦИФИЗМ

Пацифизм представляет собой третье направление мысли в отношении войны. Пацифизм — доктрина, согласно которой война в моральном отношении неправильна. Он призывает каждого к немедленному отказу от войны, милитаризма и насилия. Но слово «пацифизм» часто употребляется и в более широком смысле. Его можно считать многовековой традицией мысли, основанной на том убеждении, что война — это такой феномен человеческой истории, который в конце концов должен быть устранен. Желание упразднить войну, восходящее к философам Эразму Роттердамскому и Иммануилу Канту, нашло свое практическое выражение в развитии международного права и основании Лиги Наций и Организации Объединенных Наций¹. Но такое определение пацифизма, вероятно, является слишком широким, чтобы можно было сказать что-либо существенное об использовании силы. Ни один руководитель государства какой-либо уважаемой страны не отрицает публично того, что человечество должно стремиться к всеобщему мирному сосуществованию, когда война будет навсегда запрещена. Большая часть ответственных граждан России и Запада также рассматривает войну как абсолютное зло, которое человечество должно упразднить так же, как в свое время было упразднено рабство. Но в то же время многие граждане полагают, что их правительство должно создавать эффективную военную оборону, и они, возможно, даже поддерживают военное вмешательство своего правительства в таких регионах, как Чечня или Косово.

Проблема возникает и при употреблении термина «пацифизм» в узком смысле — как позиции, противостоящей использованию особой категории оружия. Такая проблема возникает с термином «ядерный пацифизм». Многочисленные массовые движения против наращивания ядерного вооружения в Соединенных Штатах и в Западной Европе после Второй мировой войны часто относились в средствах массовой информации и книгах по истории к пацифистским. Но такого рода антивоенное движение в первую очередь противостояло политике ядерного сдерживания, которая, по мысли протестующих, неизбежно привела бы к ядерной войне и

¹ См.: *Koontz T.J.* Christian Nonviolence: An Interpretation // *The Ethics of War and Peace: Religious and Secular Perspectives* / Ed. T. Nardin. Princeton N.J.: Princeton University Press, 1995. P. 318—319.

уничтожению всей планеты. Эти движения не ставили под сомнение законность военной обороны как таковой¹. Участники антивоенного движения не обязательно руководствовались моральными интересами, которые можно считать пацифистскими по своей сущности. Определенную роль играли и другие аргументы («следование политике ядерного сдерживания уже не отвечает национальным интересам»). Для наших целей такое узкое употребление термина «пацифизм» не подходит. Мы пытаемся описать базовые этические установки по отношению к проблемам войны и мира. Поэтому ниже мы сосредоточимся на двух версиях пацифизма, первая из которых (а) отстаивает относительно согласованное множество моральных аргументов по этому вопросу, а вторая (б) качественно отлична от остальных трех основных направлений мысли относительно этики войны, обсуждаемых в этом введении. Первую версию можно отнести к категории религиозного пацифизма, а вторую — к «ненасильственному сопротивлению». Эти две версии не исключают друг друга. Частью истории обеих версий пацифизма являются некоторые миротворческие церкви и такие отдельные личности, как писатель Лев Толстой.

Первый вид пацифизма обусловлен религиозным и духовным противостоянием войне. На Западе он укоренен в христианстве и был особенно влиятельным в первые века новой эры. Точку зрения первоначальной христианской традиции приняли средневековые еретические движения (такие, как Чешское братство), а также протестантские миротворческие церкви нашего времени, например квакеры, меннониты, амиши и духоборы (первоначально жили в России, в настоящее время большинство из них живет в Канаде). Свои пацифистские взгляды они основывают на заповедях Нового Завета, содержащихся, например, в Нагорной проповеди, в частности на таких высказываниях, как «Блаженны миротворцы» (Мф. 5:9). Эти религиозные общины не отрицают потребность государства в организации военной службы или необходимости защиты страны военными средствами. Для этих

¹ Можно также различать, как предлагает Роберт Холмс, абсолютный и условный пацифизм. Согласно абсолютному пацифизму, не существует таких обстоятельств, при которых война может быть допустимой. Согласно условному пацифизму, война недопустима в обстоятельствах определенного типа. См.: *Non-violence in Theory and Practice* / Ed. Robert Holmes. Belmont CA: Wadsworth Publishing Company, 1990. P. 114.

религиозных общин государство является необходимым носителем социального порядка¹. Но их религиозные взгляды запрещали им брать на себя военные обязательства или поступать на военную службу. Это правило было основано на строгом разделении между «церковью» и «миром». Пацифистские сообщества считали себя группой верующих, чья ненасильственная позиция должна гарантировать им спасение. Отказывающиеся от военной службы подвергались гонениям со стороны властей — и до сих пор подвергаются гонениям во многих странах мира — в той степени, в какой правительства не признавали принцип отделения церкви от государства.

Существуют различные виды религиозного пацифизма². Несмотря на особенности их морального обоснования, все они, опираясь на определенные универсальные принципы, убеждают людей воздерживаться от применения силы. Среди принципов, играющих наиболее заметную роль, такие: присутствующий в каждом человеке внутренний свет божественного духа, милосердие, разум, изначальная открытость каждого человеческого существа трансцендентному миру. Многие из этих принципов хорошо выражены в философских произведениях одной из самых известных фигур в истории пацифизма — Льва Толстого. Он радикализировал многие встречающиеся в религиозной пацифистской традиции моральные предписания. Центральной в его мысли была следующая библейская цитата: «Вы слышали, что сказано: «око за око, и зуб за зуб». А Я говорю вам: не противься злему» (Мф. 5: 38—39)³. Толстой понимал эту фразу не как призыв к пассивному подчинению злу, но, напротив, как предписание морального сопротивления насилию. По его мнению, моральное

¹ См.: *Coppieters B.* Die pazifistischen Sekten, die Bolschewiki und das Recht auf Wehrdienstverweigerung // *Lehren aus der Geschichte? Historische Friedensforschung* / Ed. Reiner Steinweg. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1990. P. 308—360; *Zverev A.*, *Coppieters B.* V.D. Bonch-Bruevich and the Doukhobors: on the Conscientious Objection Policies of the Bolsheviks // *Canadian Ethnic Studies/Etudes Ethniques au Canada*. 1995. Vol. XXVII, № 3. P. 72—90. *См. также: *Ненасилие как мировоззрение и образ жизни (исторический очерк)*. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 39—130.

² На основе анализа пацифистской литературы Джон Йодер различает свыше 20 разновидностей религиозного пацифизма. См.: *Yoder J.H.* Nevertheless: Varieties of Religious Pacifism. Scottsdale; Kitchener: Herald Press, 1976.

³ См.: *Stephens D.* The Non-Violent Anarchism of Leo Tolstoy // *Leo Tolstoy. Government is Violence. Essays on Anarchism and Pacifism* / Ed. David Stephens. L.: Phoenix Press, 1990. P. 7—19.

сопротивление заключается главным образом в несовершении зла, совершить которое вам, возможно, приказывают государственные чиновники. Толстой выступал не только против государственной политики, но и против самой законности государства. Государство является орудием насилия, следовательно, христиане не должны участвовать в политике и занимать государственную должность: «Государство есть насилие, христианство есть смирение, непротавление, любовь и потому государство не может быть христианским, и человек, который хочет быть христианином, не может служить государству»¹. Максима неучастия в государственной политике, если поднять ее до уровня универсального закона, делает излишней суверенную политическую власть. Толстой считал армии средством, с помощью которого государства совершают величайшие жестокости. Однако, писал он, «уменьшиться и уничтожиться войска могут только против воли и никак не по воле правительства. Уменьшатся и уничтожатся войска только тогда, когда люди перестанут доверять правительствам и будут сами искать спасения от удручающих их бедствий и будут искать этого спасения не в сложных и утонченных комбинациях дипломатов, а в простом исполнении обязательного для каждого человека, написанного и во всех религиозных учениях и в сердце каждого человека, закона о том, чтобы не делать другому того, чего не хочешь, чтобы тебе делали, тем более не убивать своего ближнего»².

Этот русский писатель и философ оказал огромное влияние на пацифистские движения во всем мире. Его произведения вдохновляли Мохандаса Ганди на борьбу за независимость Индии, а Мартина Лютера Кинга — на выступления в защиту гражданских прав в Соединенных Штатах. Во время своих политических кампаний эти деятели настаивали на необходимости сопротивления несправедливости, но без применения военной или, в более широком смысле, — физической силы против отдельных лиц. Сторонники ненасильственного сопротивления, следуя примеру Ганди, для обозначения агрессора используют слово «оппонент», а не

¹ Толстой А.Н. Письмо Эугену Генриху Шмитту от 12 октября 1896 г. // Толстой А.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 68. М.: Госхудлитиздат, 1954. С. 167.

² Толстой А.Н. По поводу конгресса о мире (письмо к шведам) // Толстой А.Н. В чем моя вера? Тула: Приокское книжное изд-во, 1989. С. 293.

«враг». Более того, они подчеркивают необходимость непрерывного диалога со своими «оппонентами».

Последний тезис важен для понимания того, как мыслят современные американские пацифисты, или «ненасильники» (non-violentist), как они сами предпочитают себя называть. Роберт Холмс настаивает, что никогда не следует приостанавливать диалог с оппонентом¹, еще и еще продолжая обсуждение вплоть до достижения понимания. Согласно его мнению, причина войн во многом в том, что мы плохо понимаем друг друга. Нам как гражданам или как представителям правительств не хватает знаний, особенно в ситуации конфликта. Усилия по расширению наших знаний об ужасах войны или о взглядах «другой стороны» не могут не помочь нам оттянуть, а может быть, и оттянуть на неопределенное время начало войны. Наоборот, намерение разрешить конфликт с помощью угроз и политики силы не могут не усугубить положение вещей. При решимости всемерно развивать диалог есть все основания думать, что теоретически войне будет положен конец. Безусловно, нет гарантий, что это случится. Однако Холмс не является абсолютным пацифистом. Он допускает теоретическую возможность оправдания войны и поэтому называет себя условным пацифистом, или сторонником ненасилия. Но не может быть оправдано обращение к оружию тогда, когда не предпринято никаких усилий для достижения понимания; и именно такая практика является наиболее распространенной.

Приверженность ненасилию, утверждает Холмс, не означает пассивности². Традиционно ненасильственное сопротивление было связано с такими происходившими внутри страны реформаторскими движениями, как, например, кампания против расовой дискриминации в Соединенных Штатах. Но это также имеет значение и для оборонной политики. Поэтому в том случае, когда переговоры с агрессорами проваливаются и все попытки переговоров оказываются бесплодными, у нации, возможно, еще остаются возможности для *гражданского*, т.е. *ненасильственного, сопротивления* (вторая версия пацифизма). По утверждению сторонников такого пацифизма, оборона, организованная самими гражданами (civil-

¹ Holmes R.L. The Morality of Nonviolence // Concerned Philosophers for Peace Newsletter. 1995 (Fall) Vol. 15, № 2. P. 5—16.

² Holmes R.L. On War and Morality. P. 277.

ian-based defence), т.е. *гражданская оборона* (ГО)¹, может стать полноценной альтернативой² обычным способам (т.е. военным средствам) отпора агрессии. Можно определить ГО как систему сдерживания, основанную на способности мирного населения защищаться ненасильственными средствами³. Политика ненасильственных действий стремится ослабить оккупационный режим путем отказа от сотрудничества с оккупантами. Это можно осуществить открыто с помощью таких средств, как забастовки и сидячие забастовки, или (в более скрытой форме) путем снижения темпа работы на производстве, уничтожения полезной для завоевателей информации, бойкота и т.д. Все эти действия нацелены на лишение угнетателей плодов, полученных от незаконного захвата страны и установления в ней своего господства⁴. Возможное применение ГО зависит главным образом от ряда психологических и социальных факторов: моральной решимости граждан отказаться от сотрудничества с врагом, их способности организовать ненасильственное сопротивление, их технической подготовки и дисциплины. Кроме того, эффективность ГО предполагает, что агрессор не готов

¹ Разные авторы используют различные понятия и дефиниции, например, «социальная защита» (Иоган Низинг) и «ненасильственная гражданская оборона» (Джордж Кроуэлл). Термин «гражданская оборона», предложенный Джином Шарпом, стал самым известным уже в наше время. См.: *Sharp G. Civilian-Based Defense. Cambridge MA: Harvard University Press, 1990; Holst J.J. Civilian-Based Defense in a New Era. Cambridge MA: The Albert Einstein Institution [Monograph Series, № 2], 1990; Sharp G. The Dynamics of Nonviolent Action. In 3 vol. Boston: Porter Sargent, 1973; Sharp G. Self-reliant Defense Without Bankruptcy or War: Considerations for the Baltic, East Central Europe and Members of the Commonwealth of Independent States, (With the assistance of Bruce Jenkins), Cambridge MA: The Albert Einstein Institution, 1992. См. также: Crowell G. The Case for Nonviolent Civilian Defence Against External Aggression. Waterloo, On.: Ploughshares Working Paper 90—94.*

² По мнению некоторых сторонников ГО, элементы ГО, направленные против внешней агрессии, можно постепенно включать в государственную оборонную доктрину наряду с военными средствами. Определенная концепция ГО была включена в оборонные доктрины таких государств, как Швейцария и Швеция, наряду с обычными военными и партизанскими средствами сопротивления. *Epple R.A. Terminological Make-up — the Ideas of Swiss Military Strategies about the Role and Meaning of Non-violent Actions of Resistance as Part of the Total Defense in Western Europe. Brussels: Free University of Brussels (VUB), 1977.*

³ *Низинг И. Общественная оборона как логическая альтернатива: От утопии к выбору. М.: СЕРСО, 1993. С. 11.*

⁴ О практических примерах ненасильственного сопротивления см. веб-сайт пацифистской организации War Resisters International — <http://www.gn.apc.org/warresisters/>

использовать все средства, необходимые для достижения его целей. Например, ГО не достигнет своих целей, если у агрессора нет заинтересованности в экономическом потенциале данной страны и он готов полностью его уничтожить. Для того чтобы политика ГО была успешной, агрессор должен быть, кроме того, заинтересован в том, чтобы у населения сохранялось положительное или, по крайней мере, нейтральное отношение к нему. И наконец, агрессор должен беспокоиться об общественном мнении у себя на родине и о своей международной репутации¹.

4. ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ

Если пацифизм, говоря о том, что войны аморальны, представляет одну крайность в общественной мысли, а реализм, говоря о том, что войны внеморальны, представляет другую крайность, то *теория справедливой войны* занимает между ними некое промежуточное положение. Эта теория говорит о том, что одни войны безнравственны, в то время как другие могут быть оправданы с нравственной точки зрения. Занимая среднюю позицию, данная теория уязвима для критики с обеих сторон: пацифисты утверждают, что теоретики справедливой войны слишком либеральны по отношению к войне, а реалисты говорят, что теоретики справедливой войны призывают государства к неправильным войнам на неправильных основаниях.

Теоретики справедливой войны уязвимы для критики и по другой причине. Они подвергаются нападкам со стороны милитаристов, настаивающих на том, что их пропаганда войны является моральной (этической) по своей природе. Но у теоретиков справедливой войны совершенно иная точка зрения на этику войны. Грубо говоря, в то время как милитаристы усматривают в войне моральное благо и поэтому защищают ее как средство морального возрождения нации, теоретики справедливой войны лучше осознают опасность войны и поэтому стремятся наложить на использование силы нравственные ограничения. Таким образом, поскольку теоретики справедливой войны сталкиваются с очень трудной задачей — они должны защищаться от критики с разных сторон.

---

¹ Низинг И. Указ. соч. С. 44.

У теории справедливой войны давняя традиция. На Западе она восходит по крайней мере к первым христианским мыслителям и к произведениям Августина¹. Столкнувшись с необходимостью поддержки недавно христианизированной Римской империи, Августин пришел к заключению, что он должен примириться с войной. Он не мог с легкостью принять пацифистскую позицию, как это делали некоторые более ранние христиане, еще не наделенные властью. Поскольку в то время Римская империя находилась под натиском всевозможных «варваров», Августину предстояло рассмотреть вопрос о том, как побудить воевать христиан, которые были поборниками мира. Столкнувшись с данной проблемой, он четко сформулировал некоторые из принципов теории справедливой войны в том виде, в каком они известны нам сегодня. Они включают в себя помимо прочих *принцип правого дела* (just cause principle): для того чтобы начать войну, у государства или империи должны быть достаточные основания, и *принцип легитимной власти* (legitimate authority): только определенные, законно занимающие свой пост должностные лица могут вовлечь государство в войну. Позже Фома Аквинский развил теорию справедливой войны, но сделал это так же, как и Августин, — в рамках Церкви². Тем не менее позже, особенно благодаря работам Гуго Гроция, эта традиция была секуляризована³.

Однако у традиции справедливой войны была история еще до Августина. На эту тему писал Св. Амвросий, а до него эта традиция восходит к римлянам и даже к грекам. Цицерон у римлян, Платон и Аристотель у греков писали о тех моральных проблемах, с которыми, идя на войну, сталкиваются полководцы и воины. Но было бы ошибочно предполагать, что традиция справедливой войны является целиком западной. В Древнем Китае

¹ См.: *Августин Блаженный*. О Граде Божием [в особенности книги XVII и XIX]. Августин Блаженный. Творения. [Т. III и IV]. СПб.: Алетея; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. Комментарии о роли Августина в развитии теории справедливой войны на Западе см.: *Christopher P.* The Ethics of War and Peace: An Introduction to Legal and Moral Issues. [Chapter 3]. 2nd edition. Englewood Cliffs NJ: Prentice Hall, 1999. См. также: *Holmes R. L.* On War and Morality. [Chapter 4]. Princeton NJ: Princeton University Press, 1989. Поскольку Р. Холмс склоняется к пацифизму, его оценка Августина является негативной.

² *St. Thomas Aquinas*. The Summa Theologica. [II—II, Q. 40] / Translated by Fathers of the English Dominican Province and revised by Daniel L. Sullivan. Chicago; L.: William Benton Publisher, 1952.

³ *Гроций Г.* О праве войны и мира. М.: Госюрлитиздат, 1956.

Мо-цзы¹ и Мэн-цзы² писали о несправедливостях, с которыми сталкиваются люди, и о необходимости временами братья за оружие, чтобы искоренить их. В Древней Индии обсуждение войны и этики войны мы находим в «Законах Ману»³ и «Бхагавадгите»⁴. Поэтому традицию теории справедливой войны можно назвать поистине межкультурной.

Как мы сегодня знаем, концепции теории справедливой войны, развиваемые разными авторами, имеют некоторые общие черты. Большинство современных сторонников данной теории соглашались — во всяком случае на словах — со структурой этой теории и с тем, что собой представляют ее принципы. Что касается структуры, то основное разграничение проводится между принципами *jus ad bellum* (справедливости вступления в войну) и принципами *jus in bello* (справедливости ведения войны). Теоретики справедливой войны доказывают, что необходимы критерии, с помощью которых государство может определять, когда морально оправдано вступить в войну (*jus ad bellum*) и как морально вести войну (*jus in bello*). Обычно насчитывают шесть принципов или критериев, связанных с *jus ad bellum*, а принципов *jus in bello* — только два. Здесь мы их кратко охарактеризуем, а подробно каждый критерий будет обсуждаться в последующих главах книги.

Первым критерием или принципом, о котором уже говорилось в более ранней ссылке на Августина, является *принцип правого дела* (just cause). Этот критерий можно также назвать критерием правильных оснований (righteous cause) или критерием очень веских причин. Ни одно из этих названий не оказывается особенно полезным для понимания того, какое конкретно моральное основание позволит государству вступить в войну. Осознавая это, теоретики справедливой войны дополняют содержание данного принципа, говоря, что ему будет отвечать любой из следующих

¹ *Mo Tzu*. Basic Writings / Translated by Burton Watson. N.Y.; L.: Columbia University Press, 1963. P. 50—61. *Мо Цзы // Древнекитайская философия: Собрание текстов. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1972. С. 192—194.

² *Mencius*. The Works of Mencius [Bk I. Pt 1. Chapters 4—7; Pt 2. Chapter 8; Bk II. Pt 1. Chapters 2—3] // Chinese Classics / Ed. J. Legge. Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 1894.

³ *Законы Ману* / Пер. С.Д. Эльмановича, проверен. и исправл. Г.И. Ильиным. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

⁴ *Бхагавадгита* / Пер. с санскрита, посл., примеч., толковый словарь Б.Л. Смирнова. 3-е изд, доп. СПб.: Acad, [1994].

подкритериев. Если государство *A* (агрессор) нападает на государство *B* (жертва агрессии) и таким образом делает его своей жертвой в том смысле, что военные силы *A* самовольно переходят границу государства *B*, производят массовые разрушения и оккупируют части государства *B*, то у *B* есть моральное основание ответить на эту агрессию применением военной силы. Поэтому подходящим основанием для вступления в войну считается необходимость национальной самообороны. Или же в том случае, если государство *A* нападает на государство *B*, дружественное или союзное государству *B*, то у *B* есть моральное право вступать в войну, даже если на него самого не нападали. Второй подкритерий касается агрессивного поведения *A* против своего собственного народа. Если государство *A*, находясь в сговоре с проживающей на его территории крупной этнической группой, осуществляет геноцид по отношению к другой этнической группе, то международное сообщество может законно вступить в войну на гуманитарных основаниях.

Хотя, согласно теории справедливой войны, правое дело есть необходимое условие для вступления в войну, оно не является достаточным. Должны быть также применены и остальные пять критериев. Одним из них является принцип *легитимности власти* (*legitimate authority*). Этот критерий совершенно отличен от остальных тем, что он не говорит непосредственно о том, как решать проблему надвигающейся войны. Скорее, он указывает, что только определенные лица уполномочены выносить решение о том, вступать или не вступать в войну. Такими уполномоченными не могут быть частные лица, частные организации, генералы, ведущие предприниматели или профессора философии. Такими уполномоченными могут быть высшие государственные чиновники (например, президент) или определенного рода институты (например, законодательный орган). Кроме руководителей государств легитимной властью могут считаться и другие субъекты. Например, в некоторых случаях, когда есть угроза миру, произошло нарушение мирного договора или акт агрессии, в качестве легитимной власти может действовать Совет Безопасности ООН. Общеизвестно, что национально-освободительные движения, борющиеся против колониальных режимов, также обладают легитимной властью для защиты своего права на самоопределение при помощи применения силы. Однако легитимная власть насильственных движений за

отделение от государства в неколониальном контексте остается спорной. Спорно также и то, при каких условиях и до какой степени революционные движения можно считать обладающими легитимной властью для использования силы ради правого дела.

Третий критерий теории справедливой войны задан принципом *добрых намерений*. В прошлом этот принцип трактовался таким образом, что государство, в особенности его солдаты, не должны вступать в войну с ненавистью в сердце. Сегодня этот принцип предполагает то, что несколько легче проверить и что не так обязывающе. Он означает, что государство должно вступать в войну с намерением осуществить свое правое дело, ради которого и пришлось начать войну. Так, если государство *V* отвечает на агрессию, добрым намерением *V* будет просто остановить агрессию и, возможно, наказать преступника; *V* не воспользуется победой как обстоятельством, оправдывающим захват территории противника, о которой оно всегда мечтало.

Четвертый критерий — *принцип вероятности успеха* (principle of likelihood of success) — связан с пятым критерием — *принципом соразмерности* (principle of proportionality). Оба принципа имеют дело с последствиями решений. Принцип вероятности успеха говорит о том, что страна не должна вступать в войну, если вступление в войну не сулит хороших последствий, обычно из-за того, что страна, обдумывающая вопрос о вступлении в войну, имеет перед собой противника, обладающего серьезным превосходством в военной силе.

Принцип соразмерности говорит о том, что ожидаемая цена (потерь) при проведении военных действий не должна выходить за пределы получаемых выгод. Но что именно подразумевает этот принцип, часто остается неясным. Подразумевает ли он, что война является справедливой только в том случае, если ожидаемые выгоды превышают ожидаемые потери? Или же достаточно будет и того, что потери и выгоды будут примерно равны? Существует еще одна проблема, связанная с тем, как оцениваются потери и выгоды. Например, как оценить выгоды от вступления в войну с целью сдержать будущих агрессоров? С этим связана также проблема предвидения того, как долго продлится война и насколько она будет ужасной. В действительности из-за всех этих и других проблем принцип соразмерности является не очень убедительным. Единственное ясное руководство, которое он должен, по-видимо-

му, давать, заключается в напоминании государству о том, чтобы оно не вступало в войну в случае, если ожидаемые издержки такого поведения будут гораздо больше, чем выгоды. Так, в период холодной войны нарушением этого принципа со стороны НАТО стало бы развязывание Третьей мировой войны, применение ядерного оружия и любого оружия массового поражения для того, чтобы в 1968 г. поддержать чехословацкое сопротивление советской оккупации. Таким образом, даже если принцип правого дела позволил бы развязать Третью мировую войну, то принцип соразмерности не дал бы этого сделать.

Шестым и последним критерием *jus ad bellum* является *принцип крайнего средства* (last resort principle). Он более важен, чем большинство других принципов. Некоторые воспринимают этот принцип как побуждение к войне только после того, как уже испробованы все средства. Но, вероятно, это больше гипербола, чем хороший совет, поскольку процесс проверки всех вариантов в буквальном смысле бесконечен. Всегда существует еще какие-нибудь дополнительные возможности для переговоров, санкции, политический маневр, бойкот и т.д., которые можно испробовать прежде, чем открывать огонь и наносить ракетный удар. Вероятно, принцип крайнего средства следует воспринимать как подразумевающий нечто похожее на последнее разумное средство. Прежде чем вступать в войну, необходимо убедиться в том, что все дальнейшие дипломатические усилия бессмысленны. Следовательно, принцип крайнего средства не поощряет поспешные военные ответы, когда на это провоцируют извне. Этот принцип отдает предпочтение «холодным» головам перед «горячими».

В отличие от критериев *jus ad bellum*, выполняющих свою функцию до начала войны, критерии *jus in bello* выполняют свою функцию уже после того, как война началась. Теоретики обычно упоминают два критерия. Первый задается *принципом соразмерности* (proportionality), только теперь в соотношении потерь и выгод от совершения различных военных операций. Согласно этому принципу, боевые планы немедленно перейти какую-то реку признаются негодными, если они приводят к победе, но ценой больших потерь для обеих сторон, чего можно избежать в том случае, если принять какой-нибудь другой разумный план.

Второй принцип *jus in bello* называется *принципом различия* (discrimination). Так или иначе предполагается, что вовлеченные в

войну люди проводят различие в том смысле, что иногда противник является объектом для законного (*legitimate*) нападения, а иногда — нет. Одним из оснований разграничения людей, хотя и не вполне удовлетворительным, но все же практически пригодным, является то, что одни одеты в униформу, а другие — нет. Если бы вражеские силы нападали только на тех, кто одет в униформу, то с таким же успехом, как на бойцов, они нападали бы на капелланов и медицинский персонал. Но по крайней мере такая интерпретация принципа различия не позволяет нападать на стариков, женщин (невоенных) и детей. Короче говоря, если бы его придерживались, то кровопролитность войны в значительной мере уменьшилась бы. Однако некоторые доказывают, что хотя объектами нападения не должны быть капелланы и медицинский персонал, но на некоторые группы людей, не одетых в униформу, нападать можно. Сюда могут входить не носящие военную форму партизаны, а также работники заводов, производящих военное снаряжение и боеприпасы. Работники железной дороги, помогающие доставлять это снаряжение и боеприпасы к линии фронта, также считаются законным объектом нападения.

До некоторой степени норма различия зависит от обстоятельств. Например, в краткосрочной войне¹, вероятно, было бы несправедливым нападать даже на рабочих военных заводов. Хотя их вклад в войну является непосредственным, расчет времени здесь таков, что война закончится еще до того, как производимое ими военное снаряжение достигнет фронта. Другое дело, если война серьезная и затяжная. Вероятно, в такой войне законным будет нападение на рабочих оружейных заводов, а также на транспортные средства, доставляющие их на работу. Приведем еще один пример, показывающий, что критерий разграничения между теми, кто участвует в войне, и теми, кто не участвует, размытый. Во время войны в Персидском заливе (1990—1991) коалиционные силы атаковали мосты, которые использовались совместно и гражданскими лицами, и военными Ирака. Некоторые из этих мостов, вероятно, следовало атаковать, а другие — нет. Несомненно, оправданными (*legitimate*) целями были и те мосты, что находились вблизи линий фронта, и те, что весьма активно использовались

¹ *Например, такой, какой была Шестидневная израильско-арабская война 5—10 июня 1967 г.

военными. Но другие мосты, находившиеся далеко от линий фронта и использовавшиеся главным образом гражданскими лицами, вероятно, не были оправданными военными целями (в частности, потому что скоро стало очевидно, что эта война не продлится очень долго). Но, несомненно, были и такие мосты, которые по своему значению находились между названными двумя крайними типами, когда трудно было сказать, как с ними следует поступать.

Таким образом, один из способов разрешать моральные проблемы, связанные с боевыми действиями, заключается в том, чтобы разрешать их одновременно с точки зрения принципа соразмерности и принципа различия. Есть еще один способ. Вместо того чтобы выделять два весьма общих принципа, некоторые предпочитают выделять ряд менее общих правил или положений. Такие правила обнаруживаются в Женевских конвенциях¹, регулирующих приемы ведения войны и правила обращения с противником в ходе боевых действий. Более того, «интуитивно» мыслящие авторы сочли возможным сформулировать ряд таких правил, как, например, следующие:

✧ не разрешается добивать противника (т.е. пристреливать раненого вражеского солдата, когда во время боя солдат передвигается через поле боя — для того, чтобы обезопасить себя от выстрела в спину);

✧ запрещается грабить дома мирных граждан и другое их имущество;

✧ запрещается отбирать личное имущество у военнопленных;

✧ запрещается насиловать людей, будь то гражданское лицо, или вражеский военнослужащий;

✧ запрещается нападать на любые медицинские объекты противника;

✧ нельзя нападать на религиозные или культурные учреждения;

✧ нельзя подвергать военнопленных противника пыткам и «промыванию мозгов», лишать их пищи, одежды, жилища и медицинского ухода;

✧ нельзя использовать военнопленных противника для выполнения военных работ.

---

¹ *См.: Права человека: Сборник международных документов. М.: Юрлит, 1998. С. 384—587.

Какой бы путь ни выбирался, эти принципы или правила категории *jus in bello*, составляющей часть теории справедливой войны, могут в значительной степени ограничить масштабы ужасов войны.

5. ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ: СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ВОЙНА И ТЕОРИЯ

Когда мы говорим о теории справедливой войны, мы говорим в первую очередь о *справедливости*. В рамках нашей работы справедливость означает беспристрастность. Беспристрастность в свою очередь подразумевает, что к отдельным людям, группам, культурам и государствам относятся как к равным по крайней мере в двух отношениях. К ним относятся, во-первых, с равным вниманием, во-вторых, с равным уважением. Благодаря вниманию, мысль и действие обращены на их благосостояние, благодаря уважению — на их желания и их выбор. Идея состоит в том, чтобы обладающий властью не использовал ее корыстно в своих отношениях с тем, у кого власти нет. Теория справедливой войны учит тому, что ее принципы должны сдерживать сильных, чтобы по отношению к тем, кто не так силен, они были внимательными, заботливыми, заинтересованными, уважали их желания и выбор. Поскольку тема этой книги — война, а война является коллективной деятельностью, призыв к справедливости обращен к государственным, политическим и общественным руководителям. Этот призыв обращен к руководителям потому, что именно они принимают те решения, которые могут очень быстро привести к массовым проявлениям несправедливости. Но этот призыв обращен и к отдельным людям, потому что во время войны, когда их руководители дают им в руки современное оружие, они легко могут совершить самые серьезные акты несправедливости.

«*Война*» — это второй термин, значение которого следует прояснить, когда речь идет о теории справедливой войны. «*Война*» является одним из тех многочисленных центральных понятий в политике, значение которых за последние несколько столетий основательно изменилось¹. Ученые XVIII и XIX вв. писали о войне и мире, считая оба понятия резко различающимися-

¹ Best G. War and Law Since 1945. Oxford: Oxford University Press, 1997. P. 228ff.

ся. Можно было легко отличить друг от друга военное и мирное время. Они относились к противоположным условиям человеческого существования. Военные действия не обязательно начинались с объявления войны, но такое объявление делалось в основном как публичное заявление о том, что характер поведения государства, соответствующий мирному времени, сменяется на характер поведения, соответствующий военному периоду. За предыдущие столетия ученые написали впечатляюще большое количество юридических трудов по проблемам регулирования поведения государств по отношению друг к другу в военное время в отличие от мирного времени.

Современность не знает такого четкого различия между миром и войной; в течение XX в. оно постепенно стерлось. Мирные договоры были большей частью заменены на более ограниченные формы прекращения насильственных конфликтов: простое прекращение военных действий, прекращение огня, разного рода перемирия, подписание соглашения или введение миротворческих сил. Эти способы улаживания насильственных конфликтов не обязательно кладут им конец. Прекращение огня не исключает продолжения вооруженного конфликта другими военными средствами, такими, как, например, террористические акты.

Переход от мира к войне трудно квалифицировать с той же степенью строгости, как переход от войны к миру. Сложные конституционные требования демократических государств относительно объявления и начала войны и строго ограничительные статьи Устава ООН относительно применения силы заставили государства быть чрезвычайно осторожными при употреблении соответствующей терминологии. Действительно, употребление слова «война» имеет непосредственные правовые последствия в процессе принятия решений внутри страны (что может включать, например, необходимость получить одобрение своего законодательного органа) и на международной арене. В основном правительства избегают употреблять слово «война». Не было никакого объявления войны со стороны Соединенных Штатов во время войны во Вьетнаме, со стороны Великобритании, когда она послала свои войска против Аргентины на Фолклендские острова, или со стороны государств — членов НАТО во время их военного вмешательства в Косово. Термины «Вьетнамская война», «Фолклендская война» или «Косовская война» предпо-

читают употреблять средства массовой информации и ученые, но их нет в официально признаваемых формулировках по этим конфликтам, высказывавшихся государственными чиновниками Соединенных Штатов, Великобритании или соответственно стран — членов НАТО. Политическое значение термина «война» глубоко драматично. После террористической атаки на США 11 сентября 2001 г. американская администрация говорила о политических и военных мерах, которые она предпринимала против террористов и государств, поддерживающих террористов, как «войне против терроризма». Но это терминология не использовалась европейскими союзниками США в их антитеррористической политике.

Термин «война» избегают употреблять также в тех вооруженных конфликтах, которые одной стороной конфликта считаются по своей природе внутрисоюзными. Такими конфликтами являются, например, гражданская война, борьба за сецессию, антиколониальная война или война, ведущаяся одной из сторон «по доверенности», в интересах третьей стороны (проху war). В конфликтах, связанных с сецессионизмом, центральное правительство не заинтересовано в предоставлении сторонникам сецессии определенной формы признания путем употребления термина «война», поскольку этот термин в основном относится к межгосударственным конфликтам суверенных субъектов международных отношений. Если бы центральное правительство назвало эту борьбу войной, это было бы равнозначно легитимизации сецессионистских усилий. Поэтому в международном праве по отношению к длительным восстаниям и сецессионистским конфликтам была введена категория «статус воюющей стороны». Применение этой категории нацелено на то, чтобы для обеих сторон был задействован закон о международных вооруженных конфликтах. Чтобы получить такой статус, повстанцы или сецессионистская сторона должны контролировать территорию хорошо организованной вооруженными силами, а также признаваться как таковые центральным правительством. К сожалению, введение этой правовой категории не разрешает данной проблемы. Правительства, ведущие борьбу против восстания или сецессионизма, часто отказываются предоставить повстанцам статус воюющей стороны, поскольку это фактически будет означать признание потери значительной части территории в пользу повстанцев. Сталкиваясь с

таким отказом, международное право предусматривает необходимость соблюдения минимальных норм международного гуманитарного права на основании признания фактически сложившейся ситуации. Таким образом, можно обойти болезненный вопрос признания статуса. В том случае, когда соблюдается особый набор критериев, в международном праве используется термин «внутренний вооруженный конфликт». Критерий признания сюда не входит. Конфронтация между двумя группировками считается внутренним вооруженным конфликтом в том случае, если «борьба является интенсивной, организованной и достаточно затяжной для того, чтобы она выходила за пределы временных беспорядков и напряженностей. В дополнение к этому данный конфликт должен ограничиваться границами государства и, как правило, в него не должны быть вовлечены иностранные силы»¹. Как только возникает такая ситуация, независимо от правового положения сторон применяется статья 3 Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительный протокол II. Эти правовые документы включают в себя классические принципы *jus in bello*, относящиеся к традиции справедливой войны — принципы пропорциональности и различия.

Историки, политологи и ученые, работающие в русле традиции справедливой войны, решая вопрос о том, представляет ли вооруженный конфликт войну или нет, не имеют оснований придерживаться официальной терминологии или актов признания. Как показывает опыт международного гуманитарного права, иногда гораздо уместнее обойти проблему официального признания ситуации с помощью набора более объективных критериев, независимых от правительственных взглядов на данную проблему. Например, Хедли Булл дает такое определение войны, которое является широким настолько, что позволяет относить все виды военных конфликтов к компетенции теории справедливой войны. «Насильственные действия не являются войной, если только они не осуществляются от имени какого-нибудь политического объединения; что отличает убийство на войне от уголовного убийства, это его приказной и официальный характер, символическая ответственность политического объединения, от имени которого совершается

¹ Allison E., Goldman R.K. Belligerent Status // Crimes of War / Eds. R. Gutman and D. Rieff. N.Y.; L.: Norton & Company, 1999. P. 42.

убийство. Равным образом, насилие, которое осуществляется от имени политического объединения, не является войной, пока оно не направлено против другого политического объединения»¹. Это определение не проводит никакого различия между внутригосударственными и межгосударственными конфликтами, между теми политическими объединениями, которые учреждаются признанными государствами, и теми, которые учреждаются непризнаваемыми государствами. Мы будем использовать это широкое определение войны, поскольку по отношению ко всем таким конфликтам, несомненно, уместны принципы теории справедливой войны.

«Теория» является третьим и последним понятием, значение которого следует прояснить до подробного обсуждения теории справедливой войны в последующих главах. Когда мы говорим о теории справедливой войны, мы не должны понимать смысл этой теории таким же образом, как это бывает в естественных науках. В данном случае следует проводить различие между более строгим и менее строгим понятием теории². При строгом понимании теория представляет собой совокупность объяснительных принципов, на основе которых можно создать ряд проверяемых гипотез. Составление конкретных сценариев дает возможность предсказывать будущие события и затем проверять обоснованность гипотез. Когда мы говорим о теории справедливой войны, мы подразумеваем теорию в значительно менее строгом смысле. Такая «тонкая» теория прежде всего придает полю исследования определенную структуру, систематизирует исследуемые вопросы и включает в себя логически связанный набор понятий. Практическая «тонкая» теория не дает представления о выборе, который надлежит сделать. Он должен осуществляться отдельными людьми³. Теория имеет довольно

¹ Bull H. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. L., 1977. P. 184; цит. по: Best G. *War & Law since 1945*. Oxford: Oxford University Press, 1997. P. 4.

² См. на эту тему: Coppeters B., Mybul I., Huysseune M. (eds). *Introduction to Secession, History and the Social Sciences*. Brussels: VUB Brussels University Press, 2002. P. 12–13. См. также: Buzan B., Waever O. *Security Complexes: A Theory of Regional Security* — доклад, представленный на конференции «Центральная Азия в контексте новой безопасности», организованной Шведским институтом международных отношений в Стокгольме 2–3 сентября 1999 г.

³ Waldron J. *Minority Cultures and the Cosmopolitan Alternative // The Rights of Minority Cultures* / Ed. Will Kymlicka. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 98.

скромное значение — она служит средством исследования моральных проблем, связанных с применением военной силы.

Далее, сосредоточившись на содержании теории справедливой войны (той ее части, где говорится о том, *что* предполагается совершить), мы уделили недостаточное внимание ее обоснованию или той части теории, где говорится, *почему* что-то предполагается совершить. Действительно, есть такое мнение, что без вопроса «почему?» не существует ни одна теория. Считается, что теория включает в себя не только сведение вместе многих аспектов ее предмета, но и объяснение того, почему сводятся вместе именно данные, а не какие-нибудь другие части, принадлежащие этой теории. Но когда речь идет об обосновании теории, мы сталкиваемся с проблемой. При чтении литературы по вопросам теории справедливой войны становится очевидно, что относительно «почему?» единого мнения практически нет. Один автор обосновывает вариант этой теории, апеллируя к традиции Церкви¹, в то время как другой принимает подход, основанный на правах². Третий автор апеллирует к какому-то среднему уровню «интуитивных» принципов³, в то время как четвертый — к какой-нибудь версии теории договора⁴. Существуют также утилитаристские обоснования теории справедливой войны⁵.

Единственный утешительный момент такого положения в том, что это свойственно не только теории справедливой войны. С той же проблемой сталкиваются реализм и пацифизм. Одни пацифисты приходят к своим убеждениям, апеллируя к Новому Завету, другие — к правам, к общим моральным принципам, третьи — к

¹ U.S. Catholic Bishops. *The Just War and Non-Violent Positions // War, Morality, and the Military Profession*. 2nd edition / Ed. M.M. Wakin. Boulder Co; L.: Westview Press, 1989. P. 239—255.

² См.: *Walzer M. Just and Unjust Wars*.

³ *Childress J.F. Just-War Theories: The Bases, Interrelations, Priorities and Functions of Their Criteria // War, Morality and the Military Profession*. P. 256—276. Чайлддресс апеллирует к тому, что можно назвать принципами среднего уровня, например к принципам невредоносности (непричинения вреда), благодеяния (помощи другим) и справедливости как порождающим принципы справедливой теории.

⁴ *Rawls J. The Law of Peoples // On Human Rights: The Oxford Amnesty Lectures 1993* / Ed. Stephen Shute and Susan Hurley. N.Y.: Basic Books, 1993. P. 41—82.

⁵ *Brandt R. Utilitarianism and the Rules of War // War, Morality and the Military Profession* / Ed. M. Wakin. Boulder CO: Westview Press, 1981. P. 393—413; *Hare R.M. Rules of War and Moral Reasoning // Hare R.M. Essays on Political Morality*. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 45—61. См. также: *Fotion N. A Utilitarian Defense of Just War Theory // Synthesis Philosophica*. Zagreb. Vol. 12, fasc. 1. 1997. P. 209—225.

пользе. Более того, проблема «почему» создает сложности для всей этики, и этим этика отличается от науки. Такое разнообразие существующих теорий в одно и то же время не означает, что теории бесполезны¹. Тот факт, что несколько этических теорий общего типа обоснования превращаются в теорию справедливой войны (или пацифизм), доказывает, что эти этические теории и теория справедливой войны бесполезны не больше, чем, например, тот факт, что несколько шоссе сходятся в Москве, доказывает, что они бесполезны. Теории являются полезными средствами для упорядочивания нашего мышления, поэтому мы не должны настаивать на том, что с этой задачей лучше всего справляется только одна теория. Таким образом, теорию справедливой войны можно обосновать или объяснить многими разными способами, при этом, возможно, один способ будет подчеркивать значение одного аспекта этой теории, в то время как другой — значение другого².

---

¹ Однако такой вывод делает Анетт Байер. См.: *Baier A. Doing Without Moral Theory? // Anti-Theory in Ethics and Moral Conservatism / Eds. Stanley G. Clarke and Evan Simpson. Albany N.Y.: State University of New York Press, 1989. P. 33—34.*

² В этой главе текст в параграфах, посвященных реализму и теории справедливой войны, отчасти заимствован из: *Folton N. Reactions to War: Pacifism, Realism and Just War Theory // Ethics in International Affairs / A. Valls. Lanham, Md.; Boulder, N.Y.; Oxford: Rowman & Littlefield, 2000. P. 15—32.*

Часть первая

ПРИНЦИПЫ *JUS AD BELLUM*

Глава I

ПРАВОО ДЕЛО

Карл Келеманс

1. ОБЩИЙ ПОДХОД

Предметом внимания этой главы является первый и, без сомнения, важнейший среди принципов *jus ad bellum* — *принцип правого дела*. Для того чтобы получить общее представление о данном принципе, пройдем три этапа. Начнем с самого общего подхода, который позволит нам выработать понятие принципа правого дела. На втором и третьем этапах рассмотрим две важнейшие категории правого дела — самозащиту и защиту других. Каждая из них будет проанализирована и проиллюстрирована рядом примеров.

Война — ужасное ремесло, и отношение к ней должно быть подобающим. Действительно, чтобы оправдать ее тяжелые последствия, всякий, кто намерен прибегнуть к военной силе, должен заручиться тем, что в теории справедливой войны называется правым делом. Иными словами, война должна иметь серьезные основания. Что же это за основания? Что может быть достаточно серьезным, чтобы оправдать нечто, имеющее столь ужасные последствия? Для того чтобы ответить на этот вопрос, полезно обратиться к тому, что писали по этому поводу наиболее видные представители теории справедливых войн.

Августин, общепризнанный создатель теории справедливых войн, дает некоторое представление о содержании правого дела. В изложении Фомы Аквинского Августин говорит следующее: «Справедливой обыкновенно считается та война, которая воздает за неправо, когда народ или государство должны нести наказание

Москва: Гардарики, 2002

за нежелание возместить ущерб, причиненный их подданными, или вернуть присвоенное незаконно»¹. С точки зрения доминиканца Франсиско де Витория (1480—1546), другого оригинального теоретика справедливых войн, народ имеет *causa justa*² в том случае, если он стремится преодолеть нарушение своих прав³. По мнению Витория, подобное нарушение прав обуславливает правоту дела не только для того, кто непосредственно пострадал от несправедливости, но и для международного сообщества в целом. Иезуит Франциско Суарес (1548—1617) полагает, что правое дело это не просто исправление неправого: народ-жертва имеет также право *наказать* тех, кто виновен в несправедливости⁴. Это право на наказание вытекает из того факта, что подвергшиеся несправедливости приобретают юрисдикцию в отношении виновных в несправедливости. Для других теоретиков справедливой войны — Гуго Гроция⁵ (1583—1645) и Эммериха де Ваттеля⁶ (1714—1767) — правое дело заключается также в предотвращении несправедливости. Но здесь Ваттель оговаривается: требуется особая осторожность, дабы не пойти на поводу у «смутных и непроверенных предположений и самому не превратиться в несправедливого агрессора»⁷.

Исходя из этих суждений, можно предположить, что правое дело — в сущности *исправление* совершенной несправедливости и/или *наказание* за нее или *предотвращение* ожидаемой несправедливости. Это дает некоторое представление о понятии «правое дело», но следует признать, что оно все еще туманно. Попробуем еще немного прояснить это понятие. Основу определения правого дела составляет наличие (действительное или ожидаемое в близком будущем) несправедливости. О какой же несправедливости идет речь? Мы говорим, что являемся жертвами несправедливости в том случае, если кто-то нанес нам обиду или, другими словами, поступил с нами недолжным образом. Из этого следует, что

¹ Aquinas T. Summa Theologica. II—II. Q. 40. A. 1. P.: CERF, 1985. P. 280.

² Causa justa (лат.) — правое дело.

³ Bartbelemey J. The Founding Fathers of International Law. P.: V. Giard & E. Brière, 1904. P. 11.

⁴ Ibid. P. 110.

⁵ Гроций Г. О праве войны и мира. Кн. II, гл. I, § I, 1. Указ. изд. С. 185—186.

⁶ Vattel E. de. The Law of Nations or the Principles of Natural Law. Book III. Chapter III. § 26. P.: Guillaumin, 1863. P. 368.

⁷ Ibid. P. 19.

несправедливость предполагает представление о том, что индивиды и группы индивидов (например, государство) обладают определенными правами, защита которых может потребовать применения силы. Ярким примером такой несправедливости является то, что мы обычно именуем агрессией — нарушение политического суверенитета и территориальной целостности государства. Но теория справедливой войны ясно указывает, что использование военной силы не ограничено защитой собственных прав (самозащита). Не меньшую правоту имеет дело защиты прав других. Рассмотрим эти категории правого дела (самозащита и защита других) более подробно.

2. САМОЗАЩИТА

Первое, что приходит на ум, когда идет речь об оправданном применении силы, это самозащита. Действительно, в большинстве случаев мы убеждены, что, подобно индивиду, государство имеет право применить силу в случае нарушения своих прав (политического суверенитета и территориальной целостности). Никто, к примеру, не сомневается, что во время Первой мировой войны Бельгия имела полное право вооруженного сопротивления немецкому вторжению. Германия 2 августа 1914 г. предъявила Бельгии (она была нейтральной) ультиматум с требованием обеспечить свободный проход немецких войск для нападения их на Францию. Бельгия ответила отказом, и на следующий день немецкие войска вторглись на территорию Бельгии. В данном случае вооруженное сопротивление совершенно оправдано, и даже немцы не стали скрывать того факта, что их действия представляли собой нарушение международного права¹. Однако самоочевидный характер самозащиты не означает, отсутствия проблем.

Сопротивление имевшему место нападению представляется нашим современникам единственной формой самозащиты. Но так было не всегда. Как полагает Телфорд Тэйлор, в период от Августина до Ваттеля легитимность применения силы основывалась на понятиях справедливой и несправедливой войны, в то

---

¹ Майкл Уолцер рассуждает о том, что он называет «насилие над Бельгией». См.: *Walzer M. Just and Unjust Wars. A Moral Argument with Historical Illustrations.* N.Y.: Basic Books, 1992. P. 240—242.

время как после Первой мировой войны главный упор был сделан на различии между «захватническими» и «оборонительными» войнами¹. В результате сочетания первичности принципа суверенитета и все возрастающего разрушительного потенциала военной техники постепенно сложилось общее убеждение (в особенности после Второй мировой войны) в том, что войну нельзя более считать «нормальным» инструментом управления государством. Применение военной силы может быть оправдано лишь как ответ на вооруженное нападение. Многие полагают, что постепенная эволюция этого взгляда в направлении парадигмы агрессор — защитник означает низведение проблемы *jus ad bellum* (т.е. справедливости начала войны) к чисто военно-техническому вопросу. Для решения вопроса, кто прав и кто виноват, достаточно будет ответить на вопрос: «Кто выстрелил первым?» Эта зауженная трактовка правого дела, тем не менее, является достаточной во многих, вероятно, даже в большинстве случаев. Мы уже приводили пример Бельгии. Другой очевидный пример — действия Польши во Второй мировой войне. Как и в случае с Бельгией, Германия напала на Польшу, что и стало началом войны². Но представим себе, что Бельгия и Польша решили нанести Германии упреждающий удар (предположим на минуту, что у них были для этого соответствующие военные возможности) в тот самый момент, когда нападение Германии было уже неминуемо. Может ли эта упреждающая военная акция считаться самозащитой? Рассмотрим этот вопрос несколько подробнее.

Легитимность *упреждающего удара* как правого дела основана на том факте, что предполагаемая несправедливость неизбежна. Не приходится и говорить о том, что раз *действительная* несправедливость еще не произошла, то, очевидно, квалификация упреждающего удара как самозащиты (а значит, и как правого дела) будет всегда несколько спорной. Насколько реальна угроза? Адекватна ли она предполагаемому военному ответу? Сторонники упреждающего удара как акта самозащиты приводят весьма пря-

¹ Taylor T. Just and Unjust Wars // War, Morality, and the Military Profession / Ed. M. Wakin. Boulder: Westview Press, 1979. P. 255.

² Случай Польши интересен тем, что немцы попытались создать впечатление, будто войну начала Польша. Заставив заключенных, одетых в польскую военную форму, «напасть» на немецкую радиостанцию на немецко-польской границе в Гляйвице, Германия пыталась легитимизировать свое собственное нападение как самозащиту.

молинейные аргументы: зачем я должен ждать, пока несправедливость достигнет меня, если я могу нанести удар первым и предотвратить ее вообще?

Майкл Уолцер, относясь к этому взгляду с большой симпатией, тем не менее подчеркивает, что нельзя путать *упреждающий* удар и *превентивное* использование силы. Говоря о превентивном использовании силы, Уолцер имеет в виду идею реалистов XVIII в., которые считали, что война, осуществленная с целью предотвращения роста могущества соседа и нарушения баланса сил, легитимна. Как полагали реалисты, подобная война не только способствует восстановлению баланса сил, но и, что более важно, значительно снижает расходы на оборону. С их точки зрения, ожидание означает не предотвращение войны, но увеличение масштаба борьбы и ухудшение условий ее ведения¹. Уолцер парирует этот аргумент о последствиях с помощью того, что он называет «утилитарный ответ второго уровня». Международные отношения, утверждает он, динамичны. Совершенного равновесия быть не может, поскольку соотношение сил меняется постоянно. Это означает, что в случае, если государства будут прибегать к войне всякий раз, когда происходит очередное изменение соотношения сил, война станет «обычным и часто практикуемым» инструментом управления государством, результатом чего станут тяжелые моральные последствия. Напротив, упреждающее использование силы, продолжает Уолцер, вполне обоснованно, но только в случае наличия *достаточной угрозы*. Фактически это указывает на три вещи: потенциальный агрессор имеет выраженное намерение нанести удар, потенциальный агрессор демонстрирует такую степень активной подготовки, которая делает это намерение действительной угрозой, а общая ситуация такова, что ожидание или любые другие действия, кроме военных, значительно увеличивают риск для нации-жертвы². В качестве иллюстрации этого обоснованного упреждающего удара Уолцер приводит пример Шестидневной войны (1967)³.

Эту войну Израиль начал 5 июня, первым атаковав Египет и его союзников (Сирию, Иорданию и Ирак). Уолцер отмечает узкие временные рамки (три недели), предшествовавшие фактическому

¹ *Walzer M. Just and Unjust Wars. P. 77.*

² *Ibid. P. 81.*

³ *Ibid. P. 82—85.*

нападению, и приходит к такому выводу: по всем признакам Израиль столкнулся с тем, что называется достаточной угрозой. Во-первых, имело место выраженное намерение противников нанести удар. В своей речи 29 мая египетский президент Гамаль Абдель Насер ясно заявил, что «в случае войны целью Египта станет как минимум уничтожение Израиля»¹. Во-вторых, присутствовали явные признаки того, что Египет и его союзники активно готовятся к враждебным действиям против Израиля. С 14 мая египетское правительство начало ввод своих войск на Синай. Египет также потребовал вывода чрезвычайных сил ООН и заявил, что Тиранский пролив не будет более доступен для израильского судоходства. В конце мая Сирия, Иордания и Ирак образовали военную коалицию с Египтом. Наконец, было то, что Уолцер называет «существенной асимметрией сил»². Египет мог позволить себе разместить большую армию на длительный срок вдоль границы Израиля. Напротив, Израиль был вынужден прибегать к мобилизации резервистов всякий раз, когда наступал момент кризиса. Резервисты не могли быть использованы длительное время, и это означает, что Израиль не мог «переждать» кризис, подобно Египту. Иными словами, Израиль не мог бесконечно откладывать военные действия без серьезного риска для успешной обороны.

Во времена холодной войны вопросы упреждающего удара горячо обсуждались в терминологии первого и второго ядерного удара³. Специфический характер стратегических ядерных вооружений привнес новое измерение в дискуссию об ожидаемом использовании силы. Ядерный контекст сильно изменил сам характер «близкой и неотвратимой несправедливости». Действительно, предполагаемая несправедливость представляла теперь не что иное, как частичное или полное уничтожение своего собственного общества от ядерного нападения. Другой аспект новизны заключался в том, что присутствие ядерной угрозы стало постоянным. В отличие от обычного упреждающего удара ядерный сценарий не требует приготовлений по причине постоянной и прямой доступности стратегического ядерного арсенала. До тех пор, пока оба

¹ . *Walzer M. Just and Unjust Wars. P. 83.*

² *Ibid.*

³ Дополнительные сведения о различии «первого и второго удара» см. в статье Стивена Ли: *An Encyclopedia of War and Ethics / Ed. D.A. Wells. Westport; L.: Greenwood Press, 1996. P. 140—142.*

ядерных оппонента убеждены в том, что другая сторона в достаточной мере устрашена ее собственным военным потенциалом, не существует непосредственной опасности упреждающего удара. Убедительность ожидаемого применения ядерного оружия становится, однако, опасно очевидной при таком сценарии, когда оба противника не только убеждены, что они сами обладают способностью первого удара, но и считают, что ею обладает *также* и противник. Это очень легко может привести к ситуации, при которой каждая из сторон начнет подозревать другую в намерении нанести внезапный удар, что будет в свою очередь требовать упреждения и т.д.¹ Для всех должно быть очевидно, что сценарий, основанный на принципе «ударь первым, пока не ударили они», может иметь ужасающие последствия и его следует стараться избежать, чего бы это ни стоило.

Еще одна, менее очевидная, форма самозащиты, далеко выходящая за рамки непосредственной обороны, связана со стремлением возратить несправедливо отобранное. Как только война закончилась и враг достиг желаемых целей, апелляция к непосредственной самозащите становится неуместной. Теперь воздающая справедливость требует корректирующих военных действий по восстановлению территориальной целостности, а действия по самозащите приобретают, скорее, наступательный характер. Господствующая парадигма защитник — агрессор противоречит требованиям интуитивной справедливости. Действительно, как только государство-жертва вознамерится военным путем восстановить попорченную территориальную целостность, напав на первоначального агрессора, оно рискует быть само объявлено агрессором. Один из способов избежать этого аберрантного этического последствия заключается в том, что возвращение несправедливо отторгнутого включают в самозащиту в более широком смысле. Именно это имеет в виду Энтони Коутс, обращаясь к Фолклендской войне (1982).

В апреле 1982 г. Аргентина вторглась на британские Фолклендские острова. В тот же день Великобритания приняла решение послать соединение своих военно-морских сил для возвращения Фолклендов. Британцы высадились 21 мая, и аргентинские войска

¹ Ramsey P. The Just War: Force and Political Responsibility. Littlefield: Adams Quality Paperbacks, 1983. P. 68.

сдались 14 июня. По мнению Коутса, этот пример ясно показывает, что означает отложенная самозащита. Тот факт, что Великобритания не смогла дать незамедлительный ответ, не делает агрессию менее несправедливой. Интервал между актом агрессии и последующим ответом составляет то, что Майкл Уолцер называет «разновидностью временного и морального пробела, во время которого можно найти альтернативное разрешение конфликта»¹. Именно так и было в Фолклендской войне. Интервал между аргентинской агрессией и британским военным ответом был заполнен серией дипломатических усилий (например, государственный секретарь США Хейг пытался выступить посредником между двумя сторонами, правда, без особого успеха). Но эта временная и моральная задержка не отменяла права Британии восстановить нарушенную Аргентиной справедливость. Однако опасность заключается в том, что, как уже было сказано, легитимность самозащиты имеет тенденцию снижаться с течением времени. Чем дольше затягивается ответ на неправоное деяние, тем больше риск, что последующий ответ будет считаться агрессивным актом, а не оборонительным. Точно такую же реакцию вызовет и прямо противоположное действие. Если страна предвосхитит отдаленную опасность нападения, напад сама, это действие, скорее всего, будет расценено как агрессия, а не оборона.

3. ЗАЩИТА ДРУГИХ

С точки зрения Уолцера, право применения силы для защиты других, чей суверенитет и/или территориальная целостность были нарушены, является не актом великодушия, но просто выражением необходимости. Для защиты прав членов международного сообщества не существует полиции (как внутри государства), и потому полицейская власть распределена между его членами. Если эти государства не могут восстановить права других государств, «международное сообщество впадает в состояние войны или перерастает во всеобщую тиранию»². Примером такой войны по защите других является Корейская война (1950—1953). Когда Северная

¹ *Walzer M.* Just and Unjust Wars. A Moral Argument with Historical Illustrations. 2nd edition. N.Y.: Basic Books, 1992 P. XIV.

² *Ibid.* P. 59.

Корея начала массированное вторжение в Южную Корею 25 июня 1950 г., США заставили Совет Безопасности одобрить военные действия по защите Южной Кореи под командованием США¹. Одобрение стало возможно благодаря отсутствию в Совете Безопасности представителей Советского Союза, которые в противном случае, несомненно, наложили бы вето на всякое предложение о помощи Южной Кореи. Но в их отсутствие Северная Корея была осуждена, и от нее потребовали вывода войск. Двумя днями позже, 27 июня, Совет Безопасности призвал всех своих членов помочь Южной Кореи в отражении агрессии.

Говоря о «защите других», теория справедливой войны понимает под «другими» не только другое государство как таковое, но и группу индивидов, чьи основные права были нарушены. Теоретики справедливой войны, например Витория, Суарес, Гроций и Джентилис, были знакомы с идеей интервенции в гуманитарных целях. Идея о том, что ответственность политических лидеров распространяется и за пределы границ государств, логически вытекала из их теории естественного права. Убеждение в существовании объединяющего все человечество универсального морального порядка привело к утверждению права государств вмешиваться в дела другого государства во имя защиты его невинных граждан.

После окончания холодной войны проблема легитимности *гуманитарной интервенции* стала одной из центральных в дискуссиях на темы этики международных отношений. Для полного понимания важности этих дискуссий, необходимо иметь более или менее ясное понимание того, что представляет собой гуманитарная интервенция. В буквальном смысле гуманитарная интервенция означает «вмешательство во внутренние дела другой страны во имя гуманитарных целей». Некоторые авторы считают, что подобное вмешательство не обязательно предполагает использование военной силы и даже военных средств вообще. Так, Джордж Кент определяет гуманитарную интервенцию как «помощь, предоставляемую народу определенного государства третьей стороной без согласия правительства»². Эта помощь может быть предоставлена

¹ До сих пор не вполне ясно, кто в действительности начал войну. Есть свидетельства, что Южная Корея пересекла 38-ю параллель уже 23 июня.

² Kent G. Humanitarian Intervention // An Encyclopedia of War and Ethics. P. 214.

как военными, так и неправительственными организациями типа «Врачи без границ». Рассмотрим для примера войну в Биафре (1967—1970). Несколько неправительственных организаций (например, «Каритас») вмешались без согласия нигерийского правительства (Нигерия желала предотвратить отделение народа ибо (игбо) в регионе Биафры) с целью предоставить гуманитарную помощь голодающему населению Биафры. Другие авторы, подобно Полу Кристоферу, хотят ограничить концепцию гуманитарной интервенции случаями, при которых интервент «использует вооруженную силу в роли средства принуждения для осуществления какого-то влияния на внутренние дела другой страны и выводит свои вооруженные силы, как только поставленные цели достигнуты»¹. Учитывая, что в нашей книге рассматривается моральная приемлемость использования военной силы, мы будем придерживаться последнего, более ограниченного, определения гуманитарной интервенции.

Переводя предмет гуманитарной интервенции в категории нашего общего определения правого дела (см. раздел настоящей главы «Общий подход»), мы должны задать себе вопрос, можно ли идентифицировать факт совершенной или предполагаемой несправедливости. В случае гуманитарной интервенции ответ на этот вопрос очевиден. Несправедливость заключается в нарушении прав человека, и нарушение их означает отсутствие должного отношения к людям. Следовательно, правое дело может заключаться в предотвращении, наказании и исправлении несправедливости.

К сожалению, все это не так просто. Вторгаясь в чужую страну с целью оказания гуманитарной помощи, мы неизбежно нарушаем ее суверенитет и территориальную целостность. Государство — объект такой помощи может заявить, что с ним обращаются не так, как положено (другие не должны вмешиваться в его внутренние дела), и поскольку оно защищает свой суверенитет, его дело правое. Кто же в таком случае прав? Интервент, защищающий фундаментальные права человека в другой стране, или страна, защищающая себя от иностранной интервенции?

С точки зрения антиинтервенционистов, долг невмешательства (являющийся основным следствием суверенитета) превыше всего.

¹ *Christopher P.* The Ethics of War and Peace: An Introduction to Legal and Moral Issues. Upper Saddle River: Prentice Hall, 1999. P. 193.

Они обосновывают свою позицию тем, что, если для интервенции будет открыта дверь, нации окажутся на очень скользкой дорожке. Допущение интервенции, пусть и в гуманитарных целях, чревато разрушением основ международного порядка. К тому же государства ответственны прежде всего перед своими народами и не должны заниматься спасением страдающего населения всего остального мира. Идея гуманитарной интервенции, продолжают антиинтервенционисты, как будто внушает нам некую разновидность чувства вселенской вины, подобной той, которую испытывал отец Паисий в «Братьях Карамазовых»: он был убежден, что «каждый единый из нас виновен за всех и за вся на земле, несомненно, не только по общей мировой вине, а единолично каждый за всех людей и за всякого человека на сей земле»¹. Но, с другой стороны, некоторые авторы считают, что, как только страны начинают систематически и массово нарушать фундаментальные права своих собственных граждан, они теряют право на суверенитет. Их доводы восходят к теории общественного договора, т.е. легитимность суверенитета государства основана на правах, которые получают индивиды посредством государствообразующего общественного договора. Как только государство перестает уважать договор, оно не может более считаться легитимным политическим образованием.

Каждая из этих позиций относительно гуманитарной интервенции хорошо аргументирована и имеет длительную историю. Тем не менее, как замечает Брайен Хехир, долгое время происходило маятниковое движение от одной из этих двух крайностей к другой². На протяжении всего Средневековья и до середины XVII в. господствующая нормативная установка была в поддержку интервенции. Средневековое политическое сообщество было основано на универсальных ценностях христианства. Если правитель совершал тяжкую несправедливость по отношению к своим гражданам, это не могло быть только его личным делом. Другие правители «Христианской республики» («*Repubblica*

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 11. М.: Правда, 1982. С. 191.

² *Hehir B.J.* Intervention. From Theories to Cases // *Ethics & International Affairs*. 1995. Vol. 9. P. 5—6.

Christiana») имели право вмешательства в целях избавления угнетенных¹. С заключением Вестфальского мира в 1648 г. на смену этому универсальному моральному основанию пришла нормативная установка суверенитета и недопустимости интервенции. Стремясь положить конец религиозным войнам и хаосу, все стороны пришли к выводу о благоразумности порядка, при котором никто не вмешивается в чужие дела. Эта точка зрения, при которой провозглашалась принципиальная недопустимость интервенции, господствовала около 300 лет (хотя на практике это правило далеко не всегда выполнялось).

Первый важный признак еще одного изменения можно обнаружить в Уставе ООН. Хотя суверенитет и недопустимость интервенции все еще остаются главными ценностями в Уставе, очевидно и то, что индивидуальные права человека становятся важной частью международной моральной реальности. В особенности это стало очевидно с окончанием холодной войны в 1990-е гг. В то время как в период холодной войны количество возможных гуманитарных интервенций сдерживалось страхом военной эскалации, одной из ведущих тенденций эпохи после окончания холодной войны явился растущий спрос на международные гуманитарные интервенции в межгосударственные войны. Как в политике, так и в научных дискуссиях можно наблюдать растущее согласие в том, что суверенитет более не является святыней. Считается, что изменение нормативной основы международного порядка должно найти отражение и в позитивном международном праве².

¹ Право гуманитарной интервенции обосновывается в работах многих теоретиков справедливых войн, в частности Витория, Суареса и Гроция. См. также: *Johnson J.T.* Humanitarian Intervention, Christian Ethical Reasoning, and the Just War Idea // *Sovereignty at the Crossroads? Morality and International Politics in the Post-Cold War Era* / Ed. L.Lugo. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 1996. P. 127–143.

² По этому предмету имеется обширная литература. Например: *Chopra J., Weiss T.* Sovereignty Is No Longer Sacrosanct: Codifying Humanitarian Intervention // *Ethics & International Affairs*. 1992. Vol. 6. P. 95–117; *Malanczuk P.* Humanitarian Intervention and the Legitimacy of the Use of Force. Amsterdam: Het Spinhuis, 1993. 69 p.; *Lillich R.* Humanitarian Intervention through the United Nations: Towards the Development of Criteria // *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*. 1993. Bd 53, № 3. P. 557–575; *Tesyn F.* Humanitarian Intervention: An Inquiry into Law and Morality. 2nd edition Irvington-on-Hudson: Transnational Publishers, Inc. 1997. P. 338.

Другая проблема, связанная с концепцией правого дела, касается определения *масштаба* интервенции. Как далеко может зайти такая интервенция? Должна ли она быть ограничена предоставлением гуманитарной помощи или она может быть более существенной и создавать среду, благоприятную для демократии и прав человека? Защитники первой точки зрения утверждают, что даже в случае интервенции с гуманитарными целями мы должны стараться воздерживаться, насколько это возможно, от вмешательства во внутренние дела другой страны. Мы должны всегда помнить, что конфликт, в который мы вмешиваемся, не есть *наш* конфликт и потому не следует влиять на его результат. С точки зрения убежденного антиинтервенциониста Джона Стюарта Милля, подобная позиция предполагает безусловное уважение принципа самоопределения. «Члены политического сообщества должны сами добиваться своей свободы...» и «они не могут быть освобождены при помощи внешней силы»¹. Напротив, Роберт Филипс выступает как убежденный защитник более интервенционистского подхода. Он доказывает, что «было бы моральным ретроградством спасать кого-либо от неминуемой смерти только для того, чтобы возвратить его в лоно политического режима, чья неспособность или злонамеренность уже однажды поставила его на грань голодной смерти»². Хотя и может *показаться*, что этот подход с позиции гуманитарной помощи определенно выражает правое дело, с более концептуальной точки зрения это странным образом представляется далеко не столь очевидным. Прекрасной иллюстрацией этого является международное вмешательство в боснийский конфликт (1992—1995).

К началу Боснийской войны весной 1992 г. Босния уже была признана международным сообществом в качестве суверенного государства. Его официальное правительство, возглавлявшееся мусульманами, старалось сохранить единство Боснии как независимого государства, в то время как боснийские сербы и боснийские хорваты делали все возможное для присоединения соответственно к Сербии или Хорватии, что означало бы конец Боснии как национального образования. Боснийское правительство отчаянно

¹ Цитату Дж.С.Милля мы приводим по книге М. Уолцера: *Walzer M. Just and Unjust Wars. A Moral Argument with Historical Illustrations.* P. 87.

² *Phillips R., Cady D. Humanitarian Intervention: Just War vs Pacifism.* Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 1996. P. 28.

призывало международное сообщество вмешаться на своей стороне. Хотя Совет Безопасности неоднократно осуждал покушения на целостность Боснии, он достаточно сдержанно относился к идее посылки туда миротворческих сил для прекращения боевых действий¹. При этом он был готов предоставить войска для распределения гуманитарной помощи. С самого начала враждебных действий международное сообщество стало свидетелем страшных злодеяний и антигуманных действий, совершаемых всеми участниками конфликта. Главной целью этих действий было избавиться от тех людей, которые не принадлежали к «правильной» этнической группе. Процесс этнической чистки был многолик — запугивание, лишение собственности, заключение в концентрационные лагеря, массовые изнасилования и казни. Естественно, это привело к невероятному обострению проблемы беженцев и перемещенных лиц не только на территории бывшей Югославии, но и в соседних странах. По данным Верховного комиссара ООН по делам беженцев, в августе 1994 г. число беженцев только в Боснии и Герцеговине превысило 2 млн. Стремясь смягчить гуманитарную катастрофу, Совет Безопасности санкционировал использование силы для обеспечения безопасности гуманитарного персонала², защиты гуманитарных конвоев³ и соблюдения запрета на полеты в воздушном пространстве Боснии⁴. В ходе боснийского конфлик-

¹ Нежелание международного сообщества вмешиваться в военный конфликт в Боснии было преодолено после падения зоны безопасности в Сребренице в июле 1995 г. и, разумеется, после артиллерийского залпа по сараевскому рынку 28 августа 1995 г., в результате которого 41 человек погиб и 84 были ранены. В ответ на этот залп НАТО начала воздушную кампанию («Решительная сила») против боснийских сербов в Боснии. Эта воздушная кампания была приостановлена 20 сентября 1995 г., она привела к Дейтонским мирным переговорам и завершилась мирным соглашением по Боснии (ноябрь 1995).

² В Резолюциях 761 (29 июня 1992) и 770 (13 августа 1992) Совет Безопасности, в частности, требовал, чтобы «все стороны и заинтересованные лица предприняли необходимые меры для обеспечения безопасности персонала Объединенных Наций и другого персонала, вовлеченного в распределение гуманитарной помощи».

³ В Резолюции Совета Безопасности 770 (13 августа 1992) Совет Безопасности призвал все страны «предпринять, непосредственно или посредством региональных представительств или иным способом, все необходимые меры для доставки, через координацию усилий с ООН, осуществляемое соответствующими гуманитарными организациями гуманитарной помощи для Сараево и в иные нуждающиеся части Боснии и Герцеговины».

⁴ В § 4 Резолюции Совета Безопасности 816 (31 марта 1993) Совет Безопасности уполномочил «страны — члены ООН, непосредственно или посредством региональных представительств или иным способом, предпринять под руководством

та были также созданы шесть так называемых зон безопасности (Сараево, Сребреница, Жепа, Горажде, Бихач и Тузла)¹. Эти зоны должны были быть свободны от каких-либо вооруженных нападений и враждебных действий. Но в отличие от иракских защитных зон международное сообщество не брало на себя ответственность за их военную защиту². Размещенные в этих зонах силы ООН должны были приносить только сдерживающий эффект. Но, как показала трагедия в Сребренице в июле 1995 г., когда боснийские сербы убили несколько тысяч мужчин-мусульман на глазах голландского воинского контингента ООН, политика защитных зон с треском провалилась³.

Итак, суть гуманитарной помощи в боснийском конфликте была довольно проста — это попытка смягчить человеческие страдания путем удовлетворения наиболее насущных потребностей людей — в еде, крове и медицинской помощи. Это означает, что целью гуманитарной интервенции была не коррекция, предотвращение или наказание несправедливости, но смягчение последствий этих несправедливостей. Учитывая это обоснование для использования силы, содержащееся в резолюциях Совета Безопасности,

---

Совета Безопасности и в тесной координации с Генеральным секретарем и сил ПРОFOR ООН все необходимые меры с целью обеспечения неукоснительного соблюдения бесполетного статуса воздушного пространства Боснии и Герцеговины».

¹ См.: Резолюция Совета Безопасности 819 от 16 апреля 1993 г. и Резолюция Совета Безопасности 824 от 6 мая 1993 г.

² Ключевой в этом смысле была резолюция Совета Безопасности 836 от 4 июня 1993 г. Этой резолюцией Совет Безопасности уполномочивал Защитные силы ООН «...осуществляя самозащиту, предпринять необходимые меры, включая применение силы, в качестве ответа на обстрелы зон безопасности любой из сторон или на военное вторжение в них или в случае преднамеренного создания препятствий для свободного перемещения внутри или за пределами этих зон для Защитных сил ООН или защищенных гуманитарных конвоев». На первый взгляд, эти мероприятия создавали впечатление, что защита зон безопасности создавала основания для применения силы: в случае, если зона безопасности подвергалась военному нападению, не важно в виде обстрела или вооруженного вторжения, санкционировалось применение всех необходимых мер для отражения этого нападения. Так бы оно и было, если бы не факт, что Резолюция Совета Безопасности 836 ясно отмечает «действия по самозащите». Эти три слова существенны. Добавляя выражение «действуя в самозащите», международное сообщество тем самым ограничивало свои возможности использования военной силы случаями, при которых военные нападения представляли также угрозу для безопасности персонала ООН и других организаций.

³ Подробное описание этой трагедии содержится в книге: *Honig J.W., Both N. Srebrenica. Record of a War Crime*. L.: Penguin Books, 1996. 204 p.

международное сообщество могло использовать силу для доставки гуманитарной помощи, но не для прекращения, например, этнических чисток. Это обоснование не могло быть использовано также для ареста и наказания тех, кто отдавал приказы совершать эти жестокие преступления и осуществлял их на практике. Тот факт, что обоснование гуманитарной помощи не имело корректирующего, наказывающего и превентивного характера, означает *stricto sensu*,¹ что оно не удовлетворяло требованиям определения правого дела и, следовательно, не могло рассматриваться как правое дело. Есть основания утверждать, что правое дело, по определению, должно предполагать наличие относительно ясной цели. Одно только смягчение человеческих страданий недостаточно для того, чтобы называться правым делом в соответствии с нашим общим его определением.

Эти замечания о минималистской природе гуманитарной помощи были высказаны многими авторами в ходе Боснийской войны.

Например, Розалин Хиггинс отмечала, что международное сообщество сделало очень мало в Боснийском конфликте: «В ответ на широкомасштабные проявления незаконного насилия мы избрали тактику не пресечения его, а оказания помощи его жертвам по облегчению их страданий. Выбранная нами политика позволяла страданиям продолжаться»². Дэвид Риф выразил этот взгляд еще более остро: «ООН кормила людей и позволяла их обстреливать из артиллерии»³. Как полагает Томас Вейс, всем стало ясно, что ООН сосредоточила все свои усилия только на последствиях конфликта. По его словам, «ООН коллективно недооценила такие задачи, как защита фундаментальных прав, сбор информации о военных преступлениях или даже энергичное повседневное расследование предполагаемых нарушений»⁴.

¹ *Stricto sensu — в строгом смысле (лат.).

² *Higgins R.* The New United Nations and Former Yugoslavia // *International Affairs*. 1993. V. 69. P. 469.

³ *Rieff D.* Slaughterhouse. Bosnia and the Failure of the West. L.: Vintage, 1995. P. 120.

⁴ *Weiss T.* UN Responses in the Former Yugoslavia. Moral and Operational Choices // *Ethics & International Affairs*. 1994. Vol. 8. P. 5. Для более детального изучения этических последствий и ограничений гуманитарной помощи см.: *Pasic A., Weiss T.* The Politics of Rescue. Yugoslavia's Wars and the Humanitarian Impulse // *Ethics & International Affairs*. 1997. Vol. 11. P. 105—131.

Наконец, важно также понять, что дискуссия о масштабах гуманитарной интервенции не ограничивается одним лишь принципом правого дела. Она имеет не менее важные последствия для тех критериев *jus ad bellum*, которые тесно связаны с принципом правого дела. Возьмем для примера принципы *вероятности успеха* или *соразмерности*; их действие зависит от того, намерены ли мы предпринять ограниченную или более значительную интервенцию. Можно даже утверждать, что власть, уполномоченная принимать решения в обоих сценариях, не обязательно должна быть одной и той же (принцип *легитимной власти*) в разных случаях. Можно, например, с легкостью констатировать, что интервенция с широкими политическими и социальными последствиями требует более значительной легитимации (например, уровня Совета Безопасности) по сравнению с интервенцией, имеющей целью чисто гуманитарную помощь.

4. ВЫВОДЫ

В соответствии с теорией справедливой войны дело, ради которого государство вступает в войну, должно быть правым. В настоящей главе мы провели различие между двумя разновидностями целей, ради которых вступают в войну. Первая имеет отношение к самозащите, а вторая — к оказанию помощи другим. В рамках первой мы рассмотрели три подкатегории. Первая и наиболее очевидная из них — непосредственная защита от неприятельского нападения; вторая — упреждающий удар, а третья — возвращение того, что было ранее незаконно отторгнуто. Ввиду того что ни одна из этих трех подкатегорий не представляет собой прямого ответа на несправедливость, многие теоретики — последователи традиции справедливой войны рассматривают их как акты неприкрытой агрессии.

Вторая основная разновидность правого дела, а именно помощь другим, в свою очередь также включает в себя три подкатегории. Первая из них — защита другой страны, чей суверенитет и территориальная целостность (в настоящее время) нарушаются; вторая — защита другой страны, чей суверенитет и/или территориальная целостность были нарушены в недалеком прошлом; третья — это помощь группе людей (в другом государстве), чьи фундаментальные права нарушаются. Последняя подкатегория,

более известная под названием гуманитарной интервенции, представляет собой поле острых дискуссий в эпоху после окончания холодной войны: имеет ли страна или группа стран право или даже обязанность вмешательства во внутренние дела другой страны? Эта дилемма суверенитет — права человека также своеобразно отражает главную трудность, связанную с применением принципа правого дела. Одно дело — утверждать, что правое дело государства заключается в стремлении положить конец нарушениям прав человека. Но как быть при этом со страной, подвергшейся интервенции? Разве она не имеет права на самозащиту?

Не существует легкого и прямого ответа тогда, когда мы сталкиваемся со случаями, в которых обе стороны рассматривают свое дело в войне как правое. В концепции правого дела имеются средства для разрешения такой ситуации. Например, католические епископы США вполне отдают себе отчет в тенденции некоторых теоретиков относиться к правому делу как к абсолютному принципу. В своем папском послании «Вызов мира, Божий завет и наш ответ» они утверждают, что «каждая из сторон должна признать ограниченный характер своего правого дела и вытекающее отсюда требование использовать только ограниченные средства для достижения своих целей»¹. Этот принцип, или доктрина, правого дела редко используется как отдельный критерий *jus ad bellum*; и в теории справедливой войны к нему в основном обращаются как к принципу сравнительной справедливости. Так как противник не является олицетворением зла, а мы — воплощением добродетели, теория справедливой войны призывает нас отказаться от преувеличения собственных претензий и попытаться избегать применения чрезмерной силы для достижения своего правого дела.

---

¹ US Catholic Bishops. Pastoral Letter: The Challenge of Peace, God's Promise and our Response // Elshain J. B. (ed.). Just War Theory. Oxford: Basil Blackwell, 1992. P. 99.

Глава II ЛЕГИТИМНАЯ ВЛАСТЬ

Бруно Коттитерс

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

На протяжении всей современной истории государство было главным действующим лицом в любых войнах и инициатором наиболее масштабных форм насилия. Государства осуществляли военные агрессии, колониальные экспансии и репрессии против этнических меньшинств. Но даже когда государства не проводят такую политику, они все равно представляют *угрозу* для других государств. Всегда считалось и считается, что древний римский принцип *Si vis pacem, para bellum* («Хочешь мира — готовься к войне») лежит в основе искусства мудрого управления государством. Даже самые миролюбивые государственные деятели вынуждены действовать в соответствии с этим принципом. По всей видимости, все государства, включая даже те, которые не готовятся к военной агрессии или экспансии, должны быть достаточно вооружены, чтобы суметь защитить свое население и территорию.

Однако готовность к военной обороне сама по себе воспринимается другими государствами как возможная угроза их собственной безопасности. Взаимные опасения толкают к новым военным разработкам и наращиванию вооружений, которые трудно контролировать. Похоже, ни одно государство не может избежать последствий этого, если оно не хочет поставить на кон безопасность своего собственного народа. По-видимому, не существует серьезных гарантий от возможных агрессивных намерений других государств, кроме мощной военной обороны. Поэтому подобная ситуация справедливо обозначается как «дилемма безопасности». Следствием таких взаимных угроз стало то, что сегодня программы обычных и даже ядерных вооружений выходят из-под контроля, увеличивая тем самым риск военной конфронтации. Одно из решений этой проблемы — наложение государствами на себя определенных самоограничений, касающихся проведения ими военной политики. Такие ограничения являются результатом

Москва: Гардарики, 2002

многосторонних соглашений по контролю над вооружением и развитию институтов международной безопасности. Однако исторический опыт свидетельствует, что такие формы самоограничения не обязательно кладут конец гонке вооружений или существенно уменьшают риск военной конфронтации.

Исходя из этого государства не ограничивают использование военной силы, наоборот, оказывают ей предпочтение. Они прибегают к силе, похоже, совершенно независимо от политических намерений своих лидеров. Но следует принимать во внимание и миротворческую роль государств¹. Государства часто играют существенную роль в сдерживании насилия, и эту цивилизующую роль нельзя игнорировать. Одно из главных достижений современных суверенных государств — установление монополии на использование силы с признанием незаконности вендетты и кровной мести и конфискацией вооружения у местных военачальников, ополченцев и средневековых баронов. Запрещение каких-либо частных военных формирований имело целью общественную безопасность. Немецкий социолог Макс Вебер, ссылаясь на утверждение, высказанное русским большевиком Львом Троцким, считал, что отличительным признаком государства — в противоположность другим формам политических организаций — является монополия на использование силы².

Различие между «частной» («private») и «государственной» («public»³) формами ведения военных действий помогает ограничить ресурс насилия. Частные военные действия всегда нелегитимны, а государственные могут при определенных обстоятельствах быть легитимными. Принцип, в соответствии с которым каждый человек имеет право осуществлять правосудие от своего имени,

¹ См.: *Ignatieff M. The Warrior's Honor: Ethnic War and the Modern Conscience.* N.Y.: Henry Hold, 1998. P. 160.

² См.: *Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. Сост. Ю.Н. Давыдов. М.: Прогресс, 1990. С. 645.*

³ *Деление войн на частные и публичные проводит Г. Гроций, ссылаясь на М. Сильвестра (1460—1523), итальянского богослова, доминиканского монаха, чьим трактатом «О войне» Гроций широко пользовался. Под публичной Гроций понимал войну, которая ведется органами государственной (Гроций говорит «гражданской») власти; под частной — войну, которую развязывают лица, не обладающие законной государственной властью (О праве войны и мира. Кн. I, гл. III, § I. Указ. соч. С. 118—119). Такое разделение было вполне актуально в период преодоления феодальной междоусобицы и утверждения сильной централизованной власти.

сделал бы невозможным любой законный порядок. Частные войны привели бы к анархии, когда каждый отдельный человек представлял бы угрозу для всех других. Отдельные люди судили бы, исходя из собственных моральных критериев, не принимая во внимание законные процедуры. Эта анархическая ситуация ярко описана в Ветхом Завете, в последней строфе Книги Судей: «В те дни не было царя у Израиля: каждый делал то, что ему казалось справедливым» (Суд. 21:25).

Перед угрозой разрухи и лишений, к которым ведет война, и в свете теории справедливой войны только военные силы государства могут быть использованы как законный инструмент и элемент государственного принуждения (*vis coactiva*). Понятие *легитимной власти*, таким образом, опирается на государственные институты как на легитимный источник силы. Но легитимация возникает не только из интереса государства или его внутренних забот. Право государства или какой-либо международной организации на войну может быть понято как возникающее из их приверженности как части международного сообщества общему благу и законности. Государства и международные организации могут использовать силу только в том случае, если эти действия служат защите международного порядка и поддержанию мира и безопасности¹. Такое понимание государства и военной силы предполагает приоритет принципа верховенства закона в международных отношениях. Данная концепция справедливой войны, также знакомая современному международному праву, является лишь одной из многих, которые постепенно сформировались в течение веков. Совсем иная концепция господствовала несколько столетий назад.

В средние века военная служба рассматривалась как средство наживы, а не как служба государству². Те, кто был занят военной службой, воевали сами, со своим собственным снаряжением и людьми, а не как слуги государства, получающие жалованье. В Столетней войне между Францией и Англией (1337—1453) часто

¹ Coates A.J. The Ethics of War. Manchester: Manchester University Press, 1997. P. 126—128.

² О трансформации представления о государственной власти в военных действиях см.: Stacey R.C. The Age of Chivalry // The Laws of War. Constraints on Warfare in the Western World / Eds. M. Howard, G.J. Andreopoulos, and M.R. Shulman. New Haven; L.: Yale University Press, 1994. P. 27—39.

было трудно сказать, из-за чего воюют различные местные военачальники и отряды бедных рыцарей¹. Но они всегда воевали от имени какого-либо правителя. В соответствии с законами войны того времени без такой общественной санкции они не могли бы воевать. Без такой санкции они, например, не имели права на выкуп и захваченную добычу². И все же в те времена оставался вопрос: кого в обществе, где власть была разделена между сотнями различных политических образований, можно было квалифицировать как общественную власть. Папу Римского? Короля? Местных принцев? Города? Отсутствие согласия по этим вопросам продолжалось до тех пор, пока не была установлена монополия ограниченного количества суверенных государств на использование силы.

Политическая карта средневековой Европы, где границы политических образований не были четко географически определены, постоянно менялась. Постепенно возобладало убеждение, что государственный суверенитет и независимость от любой внешней власти являются единственным средством остановить религиозные войны, принесшие так много разрушений Европе в XVI—XVII вв. Эта секуляризация понятия легитимности власти включала отрицание претензии католической церкви на всеобщую власть. Постепенно в течение столетий сформировалось ясное представление о том, кто может легитимно применять силу. Это представление стало более ясным в 1500 г., чем в 1300 г., и тем более после Вестфальского мира, который завершил ожесточенную Тридцатилетнюю войну (1618—1648). Принцип невмешательства во внутренние дела независимых государств был четко сформулирован в конце XVIII в., получив название вестфальской системы международного порядка³. Признание суверенной власти за государствами исключило легитимность военных в принятии решений во внутригосударственных или международных отношениях⁴.

¹ Stacey R.C. *The Age of Chivalry*. P. 31.

² Ibid. P. 32.

³ Представление о том, что норма невмешательства во внутренние дела стала осуществляться после Вестфальского мира, является исторически неточным. См.: Krasner S.D. *Sovereignty. Organized Hypocrisy*. Princeton: Princeton University Press, 1999. P. 19.

⁴ О понятии суверенитета см.: Hyde-Price A. *Reflections on Security and Identity in Europe // Security and Identity in Europe. Exploring the New Agenda* / Eds. L. Aggestam and A. Hyde-Price. Basingstoke: Macmillan, 2000. P. 30—31; Krasner S.D.

Принцип легитимной власти, являющийся элементом современной теории справедливой войны, неразрывно связан с современным правовым принципом государственного суверенитета. С конца XVIII в. суверенитет рассматривается как единственно возможный и общепринятый механизм организации международного сообщества. Но его смысл и границы постоянно были предметом дискуссий. Право правительств представлять конечный и абсолютный суверенитет, фактически отрицавшее существование где-либо любого другого конечного и абсолютного суверенитета¹, ставилось под вопрос как внутри государств революционными и сепаратистскими движениями внутри страны, так и на международном уровне — более могущественными государствами или союзами государств.

Фундамент вестфальской модели — принцип невмешательства во внутренние дела других государств — на практике неоднократно нарушался. Священный союз, созданный главными европейскими державами после поражения Наполеона в 1815 г., апеллировал к праву подавления революционных режимов ради сохранения традиционного порядка². Соединенные Штаты, страна, которая постоянно осуществляла интервенции в Центральную Америку и на Карибские острова, до 1933 г. отвергала правовой принцип, согласно которому «ни одно государство не имеет права вмешиваться во внутренние дела другого государства»³. Советские войска были введены в Венгрию (1956) и Чехословакию (1968), чтобы восстановить порядок. Когда США вторглись в Панаму в 1989 г., они ссылались на необходимость борьбы с распространением наркотиков⁴. В течение всего периода холодной войны советское и американское правительства активно поддерживали своих союзников в «войнах по доверенности» (proxy wars) в Африке и Азии. За советской интервенцией в Афганистан

Op. cit. Суверенитет имеет как внутреннее, так и внешнее измерения. Внутренний суверенитет означает верховенство над всеми другими властями на данной территории. Внешний суверенитет — это независимость от иностранных держав (Ibid. Op. cit. P. 47). *См. также Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете // Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. С. 7—98.

¹ Krasner S.D. Op. cit. P. 11.

² Ibid. P. 69.

³ США приняли этот принцип на XVII Международной конференции американских государств в 1933 г. (Ibid. P. 21).

⁴ Ibid. P. 69.

последовала активная военная поддержка антисоветских моджахедов западными странами.

Но все эти нарушения не привели к отмене института суверенитета. И те страны, которые своими практическими действиями нарушали принцип невмешательства во внутренние дела, были крайне заинтересованы в сохранении суверенитета как краеугольного камня международной безопасности. Однако суверенитет, не только практически нарушается, но и теоретически оспаривается. Можно выделить комплекс из пяти проблем, связанных с вопросом о том, когда может быть применена сила от имени легитимной власти. Все эти проблемы прямо относятся к вопросу о суверенитете.

2. КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКИЕ РЕЖИМЫ

Первая проблема возникает из соотношения между принципом легитимной власти и понятием государственного суверенитета. Это соотношение, выражавшееся в подчинении первого второму, постоянно оспаривалось¹. Согласно критикам такого подхода, превращение этого принципа в чисто формальное и ни к чему не обязывающее требование исключает легитимное сопротивление тирании и другим несправедливым режимам (т.е. такой подход отрицал бы право на сопротивление)². Если исходить из формалистской интерпретации этого принципа, то у движений Сопротивления нацистской оккупации в Западной и Восточной Европе не было права защищать свою страну, поскольку они действовали не под руководством официального правительства. Эта формалистская интерпретация ставилась под сомнение даже в официальной практике. Например, во Второй мировой войне британское правительство имело серьезные основания оказывать практическую поддержку коммунистическому партизанскому движению Тито в его сопротивлении немецкой оккупации Югославии и в то же время признавало королевское правительство Югославии в качестве единственного законного правительства³.

¹ Coates A.J. The Ethics of War. P. 125.

² Ibid. P. 129.

³ Andreopoulos G.J. The Age of National Liberation Movements // The Laws of War. Constraints on Warfare in the Western World. P. 197.

«Свободная Франция»¹. 3 сентября 1939 г. Франция и Британия объявили войну Германии. 4,5 млн французов были мобилизованы на службу во Франции или ее колониях. Но до весны сражения так и не начались. 10 мая 1940 г. немецкая армия начала наступление. Первые недели blitzkriega оказались катастрофическими для союзных войск. Бельгия капитулировала 28 мая. 235 тыс. британских и 115 тыс. французских солдат пришлось эвакуировать в Британию, а 35 тыс. французских военных попали в плен. 14 июня немецкие войска вошли в Париж. Тремя днями позже маршал Филипп Петен, новый глава французского правительства, признал поражение Франции. Петен пользовался широкой народной поддержкой как один из главных архитекторов военной победы Франции в Первой мировой войне. Но теперь он решил, что дальнейшее сопротивление Германии бесполезно. 22 июня было подписано перемирие. Перемирие означало не просто прекращение огня, но то, что Франция и Германия больше не находятся в состоянии войны друг с другом. Этот акт имел далеко идущие последствия. Подписавшись под текстом перемирия, французские власти поставили вне закона всех тех, кто хотел продолжать борьбу против немецкой оккупации. Так как правительство, представлявшее французский народ, капитулировало, не было легитимной власти, которая могла бы продолжить войну или оказывать вооруженное сопротивление.

На официальную французскую позицию отчасти повлиял опыт предыдущей войны. В начале военных операций французы высказывали твердую решимость одержать победу над Германией и очень надеялись, что удастся избежать трагедии Первой мировой войны, в которой страна потеряла 1,4 млн чел. Однако число жертв военных операций в 1940 г. нельзя было игнорировать. К концу 1940 г., после нескольких сокрушительных военных поражений, примерно 92 тыс. солдат французских и союзных войск были убиты или пропали без вести, 200 тыс. были ранены

¹ «Свободная Франция». Очерк о французском сопротивлении основан на следующих источниках: *Bell P.M.H.* The Origins of the Second World War in Europe. L.; N.Y.: Longman, 1986; *Bachelier C.* L' Armée française entre la victoire et la défaite // *Azéma J.-P.* and *Bédarida F.* La France des années noires. P.: Seuil, 2000. P. 75—101; *Azéma J.-P.* Le choc armé et les débandades // *Ibid.* P. 105—137; *Crémieux-Brilhac J.-L.* La France libre // *Ibid.* P. 191—242; *Frank R.* Pétain, Laval, Darlan // *Ibid.* P. 307—348; *Azéma J.-P.* De Munich a la Libération. 1938—1944. P.: Seuil, 1979.

и 1,5 млн взяты в плен. Немецкая армия потеряла в сражении 45 тыс. солдат. Эти цифры показывали, что сражения были крайне ожесточенными.

Несмотря на сокрушительное поражение Франции, Петен надеялся, что мир с Германией будет способствовать моральному возрождению французского общества. Идя на коллаборационизм, Петен рассчитывал на осуществление своей собственной политической программы. Идеал «национальной революции», как он его называл, был обобщен в нескольких словах: «Бог, Отечество, Семья и Работа». Идеология Петена соответствовала взглядам крайне правых в Европе 1930-х гг. Она проповедовала антисемитизм и была враждебна парламентской демократии.

Не все французы смирились с поражением. За несколько дней до подписания перемирия, 18 июня 1940 г., генерал Шарль де Голль выступил по Би-би-си с призывом к французам продолжать сопротивление. Этот офицер, который был практически неизвестен французам, призвал их и особенно французских военных сделать выбор между двумя властями. Де Голль убеждал военных порвать со своими командирами, а французских граждан — дистанцироваться от своего правительства и признать высшей властью «France libre» («Свободную Францию»).

Число офицеров и солдат, которые были готовы откликнуться на этот призыв, оказалось скромным. Среди 115 тыс. французских солдат, бежавших тогда в Британию, только незначительное меньшинство не просило о своей репатриации во Францию. К концу августа только два генерала и один адмирал восприняли призыв де Голля к оружию. В движение «Свободная Франция» («Forces françaises libres») вступали молодежь и бежавшие из плена военные. Но их было немного. Численность войска возросла с 7 тыс. в июле 1940 г. до 50 тыс. в июле 1943 г., но эта цифра составляла только 2% французских сухопутных сил в начале войны. Высшие чины французского офицерского корпуса не были представлены в «Свободной Франции». К де Голлю присоединились в основном лейтенанты и капитаны из Иностранного Легиона (Legion étrangère) и колониальных войск. Государственные служащие также не горели желанием вступить в «Свободную Францию». Из дипломатического корпуса ни один посол или высокопоставленный дипломат не присоединился к де Голлю до конца 1940 г. Единственным исключением был глава французского торгового представительства в Нью-Йорке.

7 августа 1940 г. де Голль и Черчилль подписали соглашение, касающееся организации французских войск. Вопрос о легитимной власти был в центре дискуссий. Де Голль настаивал на том, что «Свободная Франция» должна рассматриваться как член коалиции и что он и его движение воссоздадут *французскую* армию. «Франция — это мы», — заявил де Голль Черчиллю¹. Британский премьер-министр согласился с тем, что французские подразделения будут иметь максимально возможную самостоятельность.

В июле и августе 1940 г. некоторые из французских колоний (Новая Каледония, Таити, Чад, Камерун и Французская Экваториальная Африка) присоединились к «Свободной Франции». Это было сделано местными властями или по инициативе военных подразделений, желавших продолжения войны. Данный шаг значительно усилил власть «Свободной Франции» несмотря на то, что не все колонии Западной и Северной Африки проявили свою приверженность де Голлю. Расширение территориальной базы обеспечило правительству де Голля увеличение войска и, что более важно, территориальный суверенитет. Идея «Свободной Франции» обрела территориальную реальность.

Дальнейшим выражением легитимности «Свободной Франции» стало создание в октябре 1940 г. Совета Оборона. Затем (сентябрь 1941 г.) последовало создание правительства — Французского национального комитета (Comité national français) под руководством де Голля. Комитет включал в себя губернаторов колоний, ведущих военных и известных граждан. Он был создан «от имени французского народа и империи»². Британское правительство признало это учреждение как представляющее «Свободную Францию», но не пошло так далеко, чтобы считать де Голля главой государства.

В заявлении, сделанном публично во Французской Экваториальной Африке в ноябре 1941 г., новые власти заявили, что «новая французская власть» создана на основании свободной воли миллионов французов и французских подданных во всем мире³. Заявление отрицало легитимность и законность коллаборационистского вишистского режима. В своих публичных заявлениях во время войны де Голль представлял «Свободную Францию» не только как

¹ Цит. по: *Cremieux-Brilhac J.-L. La France libre // Ibid. P. 201.*

² *Ibid. P. 208.*

³ *Ibid. P. 208.*

освобожденную часть Французской империи, но и как ее «духовную реальность», которая «спасла честь Родины».

Решающим прорывом для де Голля в поисках признания легитимности его военной и политической власти стала поддержка его Движением Сопротивления в самой Франции. В 1942 г. французское Сопротивление признало власть де Голля, и это означало, что теперь он стал во главе значительных сражающихся сил. Поэтому 14 июля 1942 г. «Свободная Франция» была переименована в «Сражающуюся Францию». Ведущие участники Сопротивления были включены во Французский национальный комитет.

Де Голль выступал за участие Франции в войне в мировом масштабе. Этот взгляд он выразил уже в своем заявлении 18 июня 1940 г.: «Исход этой войны не может быть решен сражениями во Франции, эта война является мировой войной. В мире есть достаточно сил, чтобы сокрушить наших врагов»¹. Практически это означало, что де Голлю пришлось рассеивать свои слабые военные силы по всему миру. Например, французские летчики были отправлены в апреле 1943 г. на Восточный фронт, где они воевали против немцев под Калугой. Участие французских войск часто превращалось в чисто символическое присутствие. Но присутствие на стороне союзников имело большое геополитическое значение. Де Голль хотел реального участия во всех решениях, касающихся будущего французских колоний. Он не позволял рассматривать «Свободную Францию» как британский протекторат или как временную власть. Но американцы и англичане не всегда были готовы учитывать французские интересы, поскольку должны были отстаивать собственные геополитические интересы.

Петен назовет тех, кто присоединился к «Свободной Франции», «диссидентами». Но после войны он, а не де Голль предстанет перед французским судом и будет осужден за свое поведение во время войны. Петен был обвинен в коллаборационизме и измене. В глазах всего мира (как и в книгах по истории) французские войска под руководством де Голля и Сопротивление в самой Франции (в котором участвовало много коммунистов) будут рассматриваться как представители «подлинной Франции». Однако огромные трудности, с которыми столкнулся де Голль, пытаясь получить поддержку в армии и среди госслужащих, показали, как

¹ Цит. по: *Cremieux-Brilhac J.-L. La France libre. P. 192.*

непросто изменить традиционные стереотипы лояльности и дисциплины. Представление о том, что только законные власти имеют легитимные полномочия вести войну, глубоко укоренилось во Франции и особенно в ее государственных структурах. То обстоятельство, что Петен был весьма уважаемой фигурой и что он пришел к власти законным путем, только укрепляло это ограниченное представление о принципе легитимной власти. Наибольшую поддержку призыв де Голля к сопротивлению получил на периферии империи, где центральным властям было очень трудно сохранять полный контроль, и от негосударственных структур.

3. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Наличие революционных движений представляет вторую проблему для принципа легитимной власти. Революционеры бросают вызов существующей власти от имени высшей власти — воли народа, законов истории или во имя какой-то идеологической программы. В 1917 г. русские большевики, воспользовавшись массовым недовольством народа, арестовали членов российского правительства и захватили власть в Петрограде. Они заявили, что действуют в соответствии с историческими интересами трудящихся. Политический режим, установленный ими, просуществовал до конца 1980-х гг. В 1989 г. коммунистический режим Чаушеску в Румынии натолкнулся на широкое сопротивление народа и был в конечном итоге насильственно свергнут. В первом случае мы имели дело с революционным коммунистическим движением, а во втором — с революционным антикоммунистическим движением. Общее у них то, что массовые движения, применяя силу, апеллируют к принципу легитимной власти от имени суверенной воли народа¹.

Своими действиями революционеры демонстрируют, что ошибочно формальное отождествление суверенитета и легитимной власти, с одной стороны, и существующего правительства — с другой. Оно не позволяет определить возможность повстанцев одержать, используя силу, победу и создать дееспособное правительство. В глазах революционеров их власть является легитимной, так как она позволяет народу восстановить права, которых

¹ В 1917 г. эта воля народа была выражена в формуле «диктатура пролетариата».

они были лишены несправедливым режимом. Понятие суверенитета, а точнее суверенитета народа, составляет стержень революционной морали. Однако легитимность революционеров не зависит лишь от их намерений или самооценки. В некоторых случаях революционные движения смогли опереться на народный суверенитет и посредством этого получить признание в качестве легитимной власти. Так было в случае с американскими колониями, которые в 1776 г. провозгласили свое право на независимость от Британской империи. Кубинские революционеры смогли свергнуть в 1959 г. диктатуру Батисты благодаря народной поддержке. В конце 1990-х гг. в Мексике повстанческое движение сапатистов организовало партизанское восстание с целью защитить индейское население области Чьяпас. Эти революционеры стремились привлечь мировое внимание к бедственному положению индейского населения в Мексике. Они получили широкую поддержку в массах, представителями которых они себя считали. Их легитимность была признана даже мексиканским правительством, которое согласилось на новые переговоры по правам коренного населения в 2001 г. После 7 лет борьбы движения сапатистов мексиканский конгресс согласился обсудить законопроект, дающий индейским общинам некоторые формы самоуправления, соответствующие их древним обычаям, а также некоторый контроль над природными ресурсами их земель.¹ Однако в других случаях революционные призывы не смогли найти отклика у населения, которое революционеры хотели поднять на борьбу. Такова была, например, судьба Эрнесто Че Гевары, который, ведя партизанскую войну в Боливии в 1960-е гг., стремился получить поддержку бедных крестьян. Он был арестован и затем казнен боливийскими властями (не без участия ЦРУ) в 1967 г.

4. СИСТЕМА БЕЗОПАСНОСТИ ООН

Теория справедливой войны и понятие легитимной власти столкнулись с серьезными изменениями в международном праве. Несмотря на то что последние три столетия суверенитет оставался центральным принципом в международных отношениях, после Второй мировой войны были сделаны решительные шаги по огра-

¹ См.: The Economist. 2001. 3—9 March; 2001. 17—23 March.

ничению применения силы суверенными государствами. Ограничения, предусмотренные Уставом ООН в отношении применения военной силы, и соответствующая роль Совета Безопасности представляют собой третью проблему для традиционного принципа легитимной власти. Устав ООН обязывает государства, входящие в ООН, разрешать «свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость» (статья 2, § 3) и воздерживаться от применения силы в отношении любого другого государства (статья 2, § 4). Однако государства — члены ООН сохраняют право на индивидуальную или коллективную самооборону, если на них или на других членов ООН совершено вооруженное нападение. Если спорные вопросы будут выноситься на обсуждение Совета Безопасности, он будет рекомендовать сторонам достичь соглашения, а если спор уже вылился в вооруженное столкновение, он будет пытаться привести конфликт к мирному исходу. Правда, согласно главе 7 Устава, Совет Безопасности может предпринять меры для реализации своего решения и санкционировать применение силы. Это происходит, когда имеет место угроза миру, нарушение общественного порядка или акт агрессии и все другие средства решения спора исчерпаны (принцип крайнего средства). Совет Безопасности в этом случае может дать полномочия на применение силы коалиции государств или региональной организации.

Система безопасности ООН не исключает интервенцию даже на территорию суверенного государства, когда его действия представляют угрозу миру. В этих обстоятельствах Совет Безопасности может принять принудительные меры для восстановления международного мира и безопасности. Эти меры включают введение экономических санкций и эмбарго или даже наделение государств — членов ООН полномочиями на использование «всех необходимых средств», включая военную акцию, для разрешения конфликтов. Это означает, что члены Совета Безопасности смогли найти согласие относительно их легитимного права осуществлять гуманитарное вмешательство.

Поддержка Устава ООН почти всеми государствами мирового сообщества не положила конец дебатам по вопросу о том, кто в качестве легитимной власти правомочен применять силу в ситуа-

циях, не относящихся к легитимной самообороне. В академических дискуссиях об использовании силы в гуманитарных интервенциях большая группа ученых придерживалась той позиции, что только Совет Безопасности обладает исключительными полномочиями на решение этого вопроса¹. Они убеждены, что, во-первых, санкция на использование силы, данная организацией, в которой представлены ведущие государства мира, создает наилучшую гарантию для умиротворения конфликта, а во-вторых, правовой порядок системы безопасности ООН, установленный после Второй мировой войны, представляет наилучшую гарантию против односторонних действий какой-то одной державы или союза государств. С этой точки зрения моральные ценности, используемые для оправдания гуманитарной интервенции, должны оставаться подчиненными правовым нормам Устава ООН.

Однако вторая группа ученых считает, что это — преимущественное, но не исключительное право Совета Безопасности ООН. Региональные организации, например Организация африканских государств (ОАГ) или Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), могут в определенных случаях легитимно действовать самостоятельно. Но эти ученые исключают возможность односторонней интервенции отдельных государств, с чем не согласна третья группа ученых. По их мнению, суверенные государства сохраняют, несмотря на существование ООН, право использовать силу для гуманитарного вмешательства.

Ученые второй и третьей групп приводят различные доводы в пользу законного использования силы региональными организациями и суверенными государствами, например недостаточное «осуществление реальных полномочий» Советом Безопасности ООН (П. Рэмзи) или неспособность ООН действовать в качестве организации, «готовой и способной» вмешиваться в серьезные гуманитарные кризисы (М. Уолцер).

Указанная академическая дискуссия стала весьма актуальной во время кризиса в Сербии/Косово в 1999 г., когда члены Совета Безопасности не смогли выработать единую позицию относительно

---

¹ Об этих дискуссиях см.: *Ceulemans C. Een ethische analyse van de beslissing tot het gebruik van militair geweld door de VN en de NAVO in het voormalige Joegoslavië (1991—1995) aan de hand van de «Jus ad bellum»-traditie* (докторская диссертация, защищенная в Свободном Брюссельском университете — Vrije Universiteit Brussel в 2000 г.).

но гуманитарной катастрофы в Косово. Эта ситуация более подробно описана в гл. XI и XII настоящего издания.

5. АНТИКОЛОНИАЛЬНАЯ БОРЬБА

Применение принципа легитимной власти исключительно к международно признанным государствам и к Совету Безопасности ООН было поставлено под вопрос с возникновения в колониях различных движений за независимость. Это четвертая проблема, связанная с принципом легитимной власти. Для представителей национально-освободительного движения вооруженная борьба, которую они ведут, легитимна как форма сопротивления колониальному угнетению, а это предполагает, что они стремятся к признанию легитимности своего руководства. Данные движения порождают не только новые формы политической лояльности, но и новые формы легитимности. До того как этот вопрос встал на повестку дня ООН, международное сообщество рассматривало антиколониальные движения как внутренние войны, которые могут пользоваться преимуществами и правами, предоставляемыми международным правом, только тогда, «когда эти движения, приобретая черты, достаточно похожие на характеристики государства, получают права воюющей стороны или признание в качестве нового правительства у власти»¹.

Однако движения за независимость стремились к тому, чтобы быть признанными в качестве субъектов международного права, и поэтому поднимали вопрос о том, при каких условиях они могут прибегнуть к использованию силы для освобождения своей страны. Чтобы опереться в своем требовании на статью 51 Устава ООН, они ссылались на право самообороны². Они успешно защищали это требование, представляя себя как движения, которые сопротивляются насильственным действиям, лишаящим их права на самоопределение. Декларация предоставления независимости колониальным странам и народам, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1960 г., официально заявила, что нахож-

¹ *Wilson H.* International Law and the Use of Force by National Liberation Movements. Oxford: Clarendon Press, 1988. P. 105. Цит. по: *Andreopoulos G.J.* The Age of National Liberation Movements. P. 197.

² О нижеследующем см.: *Ibid.* P. 199ff.

дение народа под иностранным подчинением, господством и эксплуатацией является отрицанием основных прав человека, поскольку это противоречит Уставу ООН и создает препятствие на пути укрепления всеобщего мира и сотрудничества на Земле¹. От заявления, что народ, находящийся под колониальным правлением, имеет право на самоопределение, оставался лишь маленький шаг до заявления, что использование силы является легитимным, если это право отрицается. Такая линия аргументации нашла понимание у многих членов ООН.

Эти дебаты возобновились в 1970 г. в связи с принятием Декларации о принципах международного права, касающихся отношений дружбы и сотрудничества между государствами, соответствующих Уставу ООН. По одной интерпретации, Декларация узаконивает вооруженное сопротивление насильственному отрицанию самоопределения в ситуации, когда колониальное или иностранное господство установлено или поддерживается силой, и даже утверждает, что освободительные движения имеют *jus belli* (право вести войну) в соответствии с Уставом ООН. Согласно другой интерпретации, применение силы является легитимным только как защита от вооруженного нападения, а не как собственная силовая инициатива для достижения самоопределения. То обстоятельство, что Устав говорит о сопротивлении, ничего не упоминая о *вооруженном* сопротивлении, отнюдь не упрощает толкования прав освободительных движений. Таким образом, на уровне международного права вопрос о том, могут ли эти движения легитимно инициировать применение силы или использовать ее только в ответ, остается открытым.

Французский Алжир. Алжирская война за национальное освобождение против французской колонизации началась в 1954 г., в том самом году, когда французская армия потерпела во Вьетнаме сокрушительное поражение под Дьенбьенфу². Фронт национального освобождения (ФНО) начал свои действия в ноябре с ряда вооруженных нападений, совершенных в различных частях алжир-

¹ Basic Facts about the United Nations. P. 277.

² О нижеследующем см.: *Andreopoulos G.J.* The Age of National Liberation Movements. P. 191—213; *Coppieters B.* De Algerijnse Onafhankelijkheidsoorlog // Diskussiedossiers Derde Wereld / E. Witte. Brussel: Centrum voor Sociale Structuur en Economische Conjunctuur van de Vrije Universiteit Brussel, 1979. P. 88—94.

ской территории. Эта кампания порвала с легалистскими традициями прежних алжирских партий, которые стремились к постепенной политической реформе колониальной системы. Использование силы рассматривалось ФНО как наилучшее средство обязать другие алжирские партии занять ясную позицию в борьбе за национальное освобождение.

Для того чтобы подавить это движение, французские власти использовали военную силу. Затем они попытались изолировать ФНО от населения, проведя ограниченные политические и социальные реформы, привлечение алжирцев на нижние уровни государственной службы, осуществление земельных реформ. Французы надеялись, что такая политика ослабит и изолирует ФНО и тем самым приведет к возникновению «третьей силы», делающей всякие переговоры с ФНО излишними. Верхушка французских военных была резко против всякого компромиссного решения. Поражение в Индокитае и угроза коммунизма создали настроения, при которых очень трудно было принимать политические решения. С французской точки зрения Алжир — l'Algérie française — был неотъемлемой частью французской территории. Принцип территориальной целостности не рассматривался как предмет для переговоров. Огромное большинство французского населения поддерживало эту позицию. В Алжире проживал миллион французских колонистов, так называемых *pieds noirs*, чье будущее ставилось на карту. В связи с этим Алжир для Франции был гораздо важнее, чем любая иная колония.

Французские власти не сумели подорвать авторитет ФНО. На военном уровне они не сумели ликвидировать военный аппарат ФНО, на политическом — не сумели лишить ФНО легитимности в глазах населения. Французским военным удалось изгнать ФНО из городов, но очистить от него сельские районы они не смогли. Тогда французские власти попытались лишить ФНО гражданского прикрытия и поддержки. Это было сделано путем перемещения сотен тысяч сельских жителей в «фильтрационные лагеря» («regroupment camps»). То, как унижительно это было сделано и в каких бесчеловечных условиях оказались люди в лагерях, вызвало волну возмущения и привело к дальнейшему увеличению популярности ФНО. Репрессии французских властей против алжирских националистов также укрепляли их авторитет в глазах местного населения.

Отказ французского правительства признать ФНО в качестве легитимной власти непосредственно повлиял на методы ведения войны. Партизанам было отказано в статусе воюющей стороны, поэтому они не могли рассчитывать на обращение с ними в соответствии с Женевскими конвенциями. Французское правительство рассматривало войну как внутренний мятеж, руководимый террористическими силами. Террористов следовало подавить всеми необходимыми средствами. Французские власти отказались применять к ним статью 3, общую для всех конвенций, регулирующих внутренние конфликты, и следовать основным гуманитарным правилам. В этой войне, с самого начала получившей у французов название «une sale guerre» (грязной войны), по отношению к военнопленным широко практиковались пытки. Методы, использовавшиеся во время войны — создание концентрационных лагерей и предоставление иммунитета тем французским военным, которые нарушали законы войны, — дискредитировали сами цели войны. Для французского общественного мнения стало глубоким потрясением то, что «*la patrie des droits de l'homme*» (родина прав человека) оказалась вовлеченной в варварскую войну. Применяя пытки, французские военные нарушили не только Женевские соглашения, но законы самой Франции и Всеобщую Декларацию прав человека.

ФНО рассчитывал на военную победу, подобную той, которая была одержана вьетнамцами в сражении под Дьенбьенфу. Но французское правительство было больше заинтересовано в сохранении Алжира, чем Индокитая. Поэтому оно посылало все большие контингенты войск в этот регион. В 1956 г. в Алжире находилось примерно 350 тыс. военных. Французским властям удалось перекрыть границу между Марокко и Тунисом, что затруднило ФНО получение военного снаряжения. В результате ФНО испытывал все возрастающие трудности в военных столкновениях с французами, но имел успешные результаты, применяя партизанскую тактику. В 1958 г. было создано Временное правительство Алжирской Республики, которое стремилось добиться своего признания международным сообществом. Алжир получал поддержку от стран «третьего мира», в частности Египта.

Во Франции правительству де Голля, образованному в 1958 г., пришлось сменить политику своих предшественников. Примерно 2 млн человек, или одна пятая всего алжирского населения, была

в то время насильственно подвергнута выселению. Де Голль пытался модернизировать алжирскую экономику, чтобы получить поддержку алжирской элиты. Но эта политика не имела успеха. Французская позиция по отношению к войне постепенно менялась. Для экономики Франции Алжирская война стала тяжелым бременем: война затрудняла модернизацию, отвлекала внимание политического руководства от проведения необходимых политических и экономических реформ. Для большей части французской элиты, поставленной перед необходимостью укрепить позиции Франции в процессах мировой конкуренции и европейской интеграции, проблема Алжира не могла быть приоритетной.

В сентябре 1959 г. де Голль признал право алжирского народа на национальное самоопределение и объявил, что гражданам Алжира предоставлялся выбор из трех вариантов: полная интеграция Алжира с Францией (возможность чего была практически исключена самим де Голлем), полная независимость или автономия в союзе с Францией. Решение следовало принять по результатам референдума. Среди французских военных оппозиция такому компромиссному решению привела в апреле 1961 г. к путчу, который был быстро подавлен французскими властями. Со своей стороны ФНО организовал многочисленные демонстрации в Алжире, которые показали, что только он должен быть признан единственной законной властью на территории Алжира. Профранцузские алжирские политики были тем самым устранены из переговорного процесса. В конечном счете переговоры между двумя воюющими сторонами привели к соглашению о независимости Алжира, которое получило поддержку подавляющего большинства населения как во Франции (90%), так и в Алжире (99%). Однако какое-то время, продолжались столкновения между французскими подпольными боевиками (Organisation de l'Armée Secrète, ОАС), которые отвергли соглашение, и ФНО. Но в конце концов, к июлю 1962 г. Алжир стал независимым.

В описанной ситуации, как и во многих войнах, соображения французских властей в духе *jus ad bellum* оттеснили на задний план принципы *jus in bello*. Французские власти в Алжире заявляли о своей цивилизующей миссии (*mission civilisatrice*), проводя политику, которая нарушала базовые гуманитарные нормы. Критика французских властей как со стороны все более широких слоев общественности внутри страны, так и во всем мире ослабила их позицию и внесла решающий вклад в их поражение.

6. ЛЕГИТИМНАЯ ВЛАСТЬ И СЕЦЕССИЯ

Международное право ограничило право на отделение и внешнее самоопределение народов, находящихся под колониальным управлением. Попытки народности ибо в 1967 г. отделиться от Нигерии и создать независимую Биафру, а также позже другие сецессионистские претензии в Азии, на Балканах и на Кавказе не были поддержаны, так как попадали под эти специфические принципы. Но непризнание сецессионистских претензий в качестве легитимной антиколониальной борьбы не остановило эти движения от применения силы для освобождения от того, что они считали иностранным господством. Борьба вызвала новый тип дискуссий о принципе легитимной власти в теории справедливой войны и породила пятую проблему для этого принципа.

Все сецессионистские движения основывают свои требования на принципе самоопределения. Но международное сообщество крайне сдержанно воспринимает данный принцип, когда он идет вразрез с принципом территориальной целостности государств. Сдержанность объясняется главным образом соображениями благоразумия и основана на предположении, что сецессионистские движения создают мощный эффект подражания. Считается, что каждая успешная попытка отделения приведет к возникновению многих новых сепаратистских движений и конфликтов. Кроме того, говорится, что сецессия часто порождает нежизнеспособные образования, которые угрожают международному миру и безопасности.

Но соображения благоразумия — не единственная причина ограничения права современных сецессионистских движений силой добиваться независимости. Принцип самоопределения и особенно прояснение того, кто выступает субъектом самоопределения, можно интерпретировать по-разному. В противоположность большинству национально-освободительных движений в колониях в 1950-х и 1960-х гг., которые в общем основывались на полиэтнической лояльности, многие современные сецессионистские движения определяют это право в этнических терминах. Такая ограниченная интерпретация принципа самоопределения еще больше затрудняет признание международным сообществом представительности сецессионистских движений. Оно не может признать движение, которое претендует на осуществление суверенитета над определенной территорией, ссылаясь на принцип на-

ционального самоопределения, и в то же время исключает часть населения территории из своего определения нации и того, кто действительно является субъектом самоопределения. Здесь сецессия привела бы к тому, что на независимых территориях появятся другие меньшинства, оказывающиеся заложниками независимости, а также к этническим чисткам. Печальной иллюстрацией такой возможности стало изгнание из Косова этнических меньшинств (сербов и цыган) после интервенции войск НАТО в 1999 г.

В теории¹ государственное отделение рассматривается как приемлемое лишь в качестве крайнего средства в случаях геноцида, систематической дискриминации, эксплуатации и несправедливости по отношению к меньшинствам или этническим группам. Отделение является легитимным только при условии, что политическое примирение между сецессионистской партией и правительством в любой форме исключено, а другие альтернативы, например решение проблемы третьей стороной посредством силы, невозможны. Однако, похоже, международное сообщество даже в таких крайних ситуациях избегает признания легитимной власти за сецессионистскими движениями. До насильственной дезинтеграции Югославии только Бангладеш, которая была вовлечена в сепаратистскую войну с Пакистаном, сумела в начале 1970-х гг. получить у международного сообщества признание одностороннего провозглашения государственного отделения. Это произошло в очень специфических обстоятельствах, о чем будет сказано далее в нашей книге. Ситуация с Югославией, где провозглашение независимости Словенией, Хорватией и Боснией не было принято Сербией, но признано международным сообществом в начале 1990-х гг., также очень специфична. Во всех других случаях, где сецессионистские движения использовали силу для реализации своего одностороннего стремления к независимости (Косово, Абхазия или Чечня), международное сообщество заняло совершенно иную позицию. Оно не признало их как легитимную власть по различным указанным выше причинам.

---

¹ Хорошая подборка основных подходов к нормативным исследованиям сецессии дана в: National Self-Determination and Secession / Ed. M. Moore. Oxford: Oxford University Press, 1998.

7. ВЫВОДЫ

Принцип легитимной власти применялся на протяжении истории к множеству различных типов политической власти. Августин первым сформулировал этот принцип справедливой войны и связывал его с институтами Римской империи. В средние века на право вести войну в качестве общественной власти претендовали короли, знать и города¹. Институт суверенитета лишь постепенно сформировался в течение веков в качестве единственного принципа, определяющего, какой политический орган имеет право устанавливать справедливость или наказывать зло. Несмотря на то что суверенитет и в настоящее время остается основным регулятивным институтом в международных отношениях и что существующие правительства воспринимаются как единственные обладатели права на ведение войн, конкурирующие формы легитимной власти проявляли себя на протяжении всей современной истории. Революционные, сепаратистские и антиколониальные движения оспорили право существующих правительств быть единственной властью, использующей легитимную силу. После Второй мировой войны Устав ООН ограничил права государств на ведение войны и использование угрозы применения силы. Он возложил на Совет Безопасности ООН основную ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Все эти различные проявления принципа легитимной власти показывают, что принципы справедливой войны не являются неизменными и внеисторическими, но, напротив, в том, что они реагируют на изменяющиеся культурные и политические потребности, проявляется их глубоко исторический характер.

---

¹ О законах войны в средние века см. также: *Parker G. Early Modern Europe // The Laws of War. Constraints on Warfare in the Western World. P. 40–58.*

Глава III ДОБРЫЕ НАМЕРЕНИЯ

*Бруно Коппитерс
Борис Кашников*

1. ВВЕДЕНИЕ

Принцип добрых, или правильных, намерений тесно связан с принципом правого дела. До некоторой степени его можно назвать субъективным измерением данного принципа. Однако принцип добрых намерений следует также рассматривать как самостоятельный моральный принцип. Его реализация не обязательно предполагается при принятии или осуществлении принципа правого дела. Например, у государства может быть правое дело для вступления в войну, но может отсутствовать соответствующее намерение. К тому же намерение вступить в войну может не иметь с правым делом ничего общего, даже если такое основание объективно существует. Кроме того, подталкивать государство к войне могут намерения политических деятелей независимо от того, какое основание объявляется официально. В соответствии с множеством обстоятельств эти намерения бывают разными. На протяжении истории человечества войны велись со следующими основными намерениями:

- ✧ убивать и грабить (варварские войны);
- ✧ прославиться на войне (рыцарские войны);
- ✧ реализовать коммерческие интересы (торговые войны);
- ✧ осуществить колониальную экспансию (колониальные войны);
- ✧ захватить территорию и ресурсы других государств (захватнические войны);
- ✧ реализовать цели той или иной религии (крестовые походы и религиозные войны);
- ✧ осуществить перемены в своей стране путем применения силы (гражданские войны);
- ✧ выйти из состава государства или препятствовать отделению (войны за отделение);

Москва: Гардарики, 2002

- ✧ экспортировать революцию в другие страны (революционные войны);
- ✧ отвоевать несправедливо захваченные территории (войны за восстановление справедливости);
- ✧ отомстить за причиненную несправедливость (войны возмездия);
- ✧ защитить свою страну от агрессии (оборонительные войны);
- ✧ предотвратить возможную агрессию в будущем (превентивные войны);
- ✧ нанести упреждающий удар — до нанесения неизбежного удара со стороны другой державы (упреждающие войны);
- ✧ помочь другому государству, ставшему жертвой агрессии (войны в защиту других государств);
- ✧ защитить народ, которому угрожает геноцид или в отношении которого грубо нарушаются права человека (гуманитарные интервенции).

Значимость этих различных намерений вступить в войну со временем изменяется. В период холодной войны политические дебаты о военной политике сосредоточивались на гражданских, революционных, оборонительных, превентивных и упреждающих войнах. С окончанием холодной войны стали уделять больше внимания войнам в защиту других государств, войнам за отделение и гуманитарным интервенциям, чем угрозе глобального конфликта. Кроме того, различные намерения нередко пересекаются, поэтому не всегда бывает легко определить главную причину, по которой какое-то государство вступает в войну. Подобные проблемы исторической интерпретации будут проанализированы на примерах, которые приводятся ниже.

Этический анализ разнообразных типов намерений и войн неизбежно сталкивается с двумя фундаментальными вопросами, для которых весьма актуальным оказывается интуитивное понимание нами этой проблемы. Во-первых, какие намерения (в случае, если они есть) из 16 перечисленных выше являются добрыми? Интуитивно большинство из нас склонно считать, что некоторые из них являются недобрыми, а все остальные — добрыми¹. Например, намерение защитить свою страну от агрессии,

¹ Разумеется, пацифист, скорее всего, скажет, что среди всех этих намерений ни одно не может оправдать войну, в то время как скептик скажет, что все они в равной степени добрые и недобрые.

ведущее к оборонительной войне, считается добрым. Так, несомненно, борьба против нацистской агрессии во время Второй мировой войны была справедливой для русских, поляков, французов и многих других народов.

Во-вторых, существует проблема совместимости добрых намерений с наступательной войной. В большинстве случаев наступательные войны являются орудием агрессии. Однако можно вспомнить о тех трех намерениях из нашего списка, ведущих к наступательной войне, которые тем не менее, интуитивно, кажутся добрыми. Первое связано с гуманитарной интервенцией. Если вы являетесь свидетелем невероятных зверств или грубого нарушения прав человека, то разве вы не должны остановить преступников? Второе имеет отношение к упреждающей войне, когда государство наносит удар первым для того, чтобы предотвратить неизбежный удар со стороны другого государства. Если вам грозит неминуемое нападение со стороны гораздо более сильного государства, то разве вы не имеете права нанести удар первым? Третье намерение связано с тем, что описывается в указанном выше списке как война за восстановление справедливости, когда государство отвоевывает с помощью силы то, что было несправедливо у него захвачено. Если около 10 лет назад часть территории вашей страны была оккупирована каким-то другим государством, разве вы не имеете право освободить ее?

Сколь бы интуитивно правильными ни казались эти суждения, понятно, что их недостаточно для достоверного морального познания наших интуиций. И здесь нельзя игнорировать влияние политической культуры. Интуитивное познание, имеющее отношение к применению силы, в лучшем случае имеет ограниченную межкультурную обоснованность. С точки зрения моральной интуиции викингов намерение убивать и грабить считалось бы абсолютно приемлемым. Средневековые рыцари ничего не имели против намерения снискать себе славу на войне. Еще не так давно в Европе считались приемлемыми колониальные и экспансионистские войны. То, что одно государство рассматривает как необоснованную оккупацию своей территории, оккупирующее ее государство может считать вполне законным. Поэтому принцип добрых намерений должен опираться на более прочные этические основания, чем те, которые предоставляет нам интуиция.

Согласно принципу добрых намерений, война может считаться справедливой только в том случае, если она ведется не с дурными намерениями, даже если при этом существует правое дело и соблюдаются все остальные принципы теории справедливой войны. Это общее правило сталкивается с двумя основными проблемами. Во-первых, какова степень уверенности в том, что в конкретных решениях использовать силу наличествуют (и преобладают) справедливые намерения? Во-вторых, до какой степени данный принцип может соблюдаться при смешанных намерениях? Следует ли в данном случае считать этот принцип нарушенным, или достаточно сказать, что добрые намерения должны преобладать, или достаточно всего лишь, чтобы добрые намерения просто присутствовали среди различных намерений, определивших решение использовать силу? В следующем разделе данной главы мы сосредоточимся на проблеме оценки той роли, которую играют намерения — при том, что они субъективны, — в принятии решений, влияющих на жизнь всего политического сообщества. Затем, в разделе 3, мы рассмотрим, как проблема смешанных намерений выглядит на фоне различных философских традиций. В разделе 4 мы сосредоточимся непосредственно на проблеме смешанных намерений и различных интерпретациях той роли, которую смешанные намерения играют в применении принципа добрых намерений. В заключительной части главы будет проведен анализ ряда конкретных случаев и особенно тех трудностей, которые связаны с выявлением субъективных намерений в исторических исследованиях и с распутыванием смешанных намерений в очень сложных процессах принятия решений.

2. СУБЪЕКТИВНОСТЬ НАМЕРЕНИЙ

Одно государство может официально объявить войну другому государству для того, чтобы защитить какое-либо (третье) государство от его агрессии (что объективно представляет собой правое дело), но фактически вступить в эту войну с субъективным намерением оккупировать его территорию и эксплуатировать его ресурсы. Распознать присутствие такого дурного намерения трудно. Одной из главных проблем принципа добрых намерений является, безусловно, его субъективный характер. Определить, имеют ли место добрые или дурные намерения, со стороны невозможно,

пока они не реализовались во внешних действиях. Но и тогда это осуществить нелегко, поскольку любой единичный пример публичного поведения можно интерпретировать по-разному. Единственный выход — произвести оценку намерений задним числом на основе отслеживания действий государства на протяжении длительного времени. Именно такой подход позволяет уяснить намерения отдельных людей. Их публичные действия на протяжении какого-то периода времени обнаруживают присущие им мораль и характер. Оценка таких действий может также оказаться полезной при ответе на вопрос, до какой степени правдивы декларируемые ими намерения.

Однако в сфере международных отношений оценка намерений в значительной мере отличается от оценки в сфере индивидуальной морали, будучи гораздо более сложной. Субъектами международных отношений выступают государства. Но их намерения включают в себя намерения самых разных субъектов. Во всех странах (в том числе в странах с диктаторскими режимами) различные политические течения, группы давления и организации отстаивают подчас противоположные взгляды на национальные интересы или интересы правящей элиты. В таком случае субъективная подоплека политического акта является результатом столкновения интересов и соперничества многих политических волей. Поэтому поведение государства не обязательно будет последовательным, и это — одна из причин того, почему трудно раскрыть настоящие намерения государства. Кроме того, те политические деятели, которые имеют реальное влияние на военную политику, обычно не передают свои намерения огласке. Политические дискуссии по вопросам войны и мира часто проходят за закрытыми дверями, а официальные документы, дающие ученым какой-то ключ к разгадке действительных намерений политиков, часто на протяжении десятилетий остаются недоступными для общественности.

Такие же трудности, как в сфере международных отношений, возникают и в условиях гражданских или сепаратистских войн, т.е. войн, ведущихся с целью отделения. Они ведутся под лозунгами высоких идеалов, которые не обязательно что-то говорят о действительных намерениях тех, кто их провозглашает. Таким образом, применяя принцип добрых намерений к конкретным обстоятельствам войны, историки, политологи и философы сталкиваются с огромными затруднениями, которые нужно принимать

во внимание при выработке исследовательской методологии. Поэтому при вынесении вердикта в отношении принципа добрых намерений главной добродетелью была бы осмотрительность.

Но, возможно, какой-нибудь исследователь, вконец озадаченный огромными методологическими проблемами, связанными с применением этого принципа, объявит, что для применения этого принципа в реальной политике действительно необходимо всевидящее око Всемогущего Бога. По крайней мере Он был бы в силах раскрыть субъективные мотивы, кроющиеся за всеми решениями по ведению войны. Несомненно, подобная уверенность во всезнающей высшей силе доминировала в мысли Августина Блаженного, который первым в христианской традиции сформулировал принцип добрых намерений. Далее мы проанализируем трактовку этого принципа Августином, а затем представим некоторые современные интерпретации его применения к моральному анализу использования военной силы.

3. ФИЛОСОФСКИЙ СПОР

Как философский принцип добрых намерений возник вместе с христианством — практически-духовным движением, в котором акцентировалась внутренняя сфера жизни субъекта. Августин, который был критически настроен по отношению к христианской пацифистской традиции, стремился объяснить христианам необходимость использования силы при особых обстоятельствах с тем, чтобы они могли со спокойной совестью идти на войну. Согласно Августину, справедливые войны должны вестись с намерением достичь мира¹. Мир есть нечто, к чему стремится любой здравомыслящий человек.

По Августину, желание христиан быть верными христианскому призыву к ненасилию должно быть согласовано с потребностью государства опираться в делах обороны на преданных и послушных граждан. Таким образом, Августина интересовали главным образом только личные намерения различных индивидов, ответственных за военную политику. Августин выступал в пользу государства как средства поддержания мира и порядка, но в то же

¹ *Блаженный Августин. О Граде Божием [XIX, 12] // Блаженный Августин. Творения. [Т. IV]. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. С. 339.*

время выражал недоверие намерениям людей при ведении войны. В сочинении «Contra Faustum» он писал, что «настоящим злом войны является любовь к насилию, мстительная жестокость, свирепые и безжалостные нравы, неистовое сопротивление, жажда к власти и тому подобное...»¹. Намерения воюющего индивида можно считать добрыми только в том случае, если это делается «в послушании Богу или какой-нибудь законной власти»² и если при этом он не подчиняется дурным по своей природе мотивам ненависти к врагу или страсти к насилию. Осуществляя свою волю и стремясь к миру с помощью Бога и церкви, мы не должны быть одержимыми такими низкими мотивами даже тогда, когда ведем войну.

Августин понимал, что в его попытке определить добрые намерения с точки зрения желания достичь мира ему необходимо точное понимание этого понятия. Поэтому он ввел в употребление понятие мира праведников, или справедливого мира: «Итак, что мир несправедливых по сравнению с миром праведных не может называться миром, это ясно тому, кто умеет предпочитать правое неправому и упорядоченное превратному»³. Так что необходимо не только намерение достичь мира, но и намерение достичь справедливого мира.

Несомненно, формулирование принципа добрых намерений было великим достижением морального прогресса человечества. До этого войны обосновывались неприкрытым и откровенным намерением убивать, насиловать, грабить, мстить или снискать славу. Именно на такие мотивы войны Августин наложил запрет, видя в них проявление варварства. Но августиновское понимание этого принципа способствовало также подготовке почвы для философского обоснования религиозных войн. Действительно, Августин считал не только те войны справедливыми, целью которых было восстановление справедливости, но и те, целью которых было выполнение того, что предписано Богом. «Справедливые войны обычно определяются как войны в отместку за обиды, когда государство или город, против которого должны быть направлены

¹ *Augustine. Contra Faustum. 22. 74 // The Works of Aurelius Augustine / Ed. by M. Dods. Vol. 6: Writings in Connection with the Manichaean Heresy / Transl. by R. Stothert. Edinburgh: T. and T. Clark, 1872.*

² *Ibid.*

³ *Блаженный Августин. О Граде Божиим [XIX, 12] // Указ. соч. С. 341.*

военные действия, пренебрегал своим долгом либо наказывать своих граждан за совершенные злодеяния, либо вернуть то, что было несправедливо им захвачено. Кроме того, война несомненно является справедливой, если ее предписывает сам Бог»¹.

Критики указывали, что точка зрения Августина является радикально субъективистской. Некоторые войны можно назвать справедливыми потому, что они основываются на субъективной воле божественного правителя, а также потому, что они (субъективно) воспринимаются верующими как предписываемые Богом². В случае таких войн принцип добрых намерений апеллирует к Божьей воле, открывающейся тем, кто претендует на обладание легитимной властью. Таким образом, для подтверждения чьего-то права начать войну достаточно указать на то, что он обладает легитимной властью, поскольку намерен исполнить веление свыше. Сочетание теологической интерпретации с принципом правого дела и субъективной интерпретации принципов добрых намерений и легитимной власти может легко привести к такому взгляду на войну, в котором аннулируются все остальные принципы *jus ad bellum* и *jus in bello*. Множество религиозных войн, которые велись на протяжении столетий и в которых действительно не соблюдались три других принципа *jus ad bellum* (соразмерности, вероятности успеха и крайнего средства), а также два принципа *jus in bello* (соразмерности и различия), доказывают, что вероятность возникновения такого взгляда на войну не чисто теоретическая.

Но у теории Августина есть также некий оттенок пацифизма. Августин оправдывал использование силы для защиты общего блага, но отрицал, что отдельный христианин может оправданно применять силу для своей личной самообороны, например в том случае, когда на него напали грабители. Такое действие запрещается, поскольку считается, что оно побуждается эгоистическим мотивом: «Что касается убийства других для того, чтобы защитить свою жизнь, я не одобряю этого, кроме тех случаев, когда это происходит с воином... защищающим других людей, согласно закону данному ему полномочию»³. Несомненно, эта мысль была отзвуком традиционных христианских идей о непротивлении злу,

¹ Christopher P. The Ethics of War and Peace. 2nd edition. Boulder, CO: Westview Press, 1999. P. 40.

² Ibid. P. 41.

³ Ibid. P. 46.

хотя политические взгляды Августина на справедливую войну были совершенно чужды пацифистской доктрине. В связи с этим можно упомянуть о том, что исламская традиция справедливой войны (джихад), возникшая спустя столетия после Августина, также основывается на ряде подобных соображений. Единственным допустимым на войне добрым намерением считается желание служить исламу. Все эгоистические мотивы, будь то ненависть, вожделение, жадность или жажда славы, считаются недопустимыми как безусловно несправедливые¹.

Новая светская и юридическая интерпретация теории справедливой войны, принадлежащая Гуго Гроцию, противоположна принципу добрых намерений. В своих усилиях по созданию кодекса норм международного права, который должен был основываться на подлинно объективных критериях, Гроций отвергал какие-либо обращения к этому принципу как несовместимые с его собственной концепцией. Он доказывал, что хотя все принципы могут оцениваться субъективно, они все же являются объективными в том смысле, что они применимы к межгосударственным отношениям. Несмотря на то что намерения относятся к внутренним состояниям отдельных политических деятелей, состояниям, которые могут быть, а могут и не быть предосудительными, они в конце концов не оказывают влияния на справедливый или несправедливый характер самой войны. Намерения лица, предпринимающего военные действия могут быть предосудительными или даже порочными, однако сама война, считал Гроций, не становится от этого несправедливой, если причина ее справедлива². Например, у каждого государства есть несомненное право оказывать сопротивление иноземному вторжению, и это право является таким же объективным, как и само вторжение, и не зависит от намерений защитников страны. То, что действительно имеет значение при оценке справедливости войны, есть объективные права, существующие независимо от любых субъективных намерений политических деятелей.

Спор между теми, кто при всей субъективности принципа добрых намерений защищает его обоснованность, и теми, кто выступает против него, не закончен и поныне. Современные дис-

¹ *Kelsay J. Islam and War*. Louisville KY.: Westminster: John Knox Press, 1993. P. 29.

² *Гроций Г. О праве войны и мира* Кн. II, гл. XXII, § XVII. Указ. соч. С. 532—533.

куссии все еще во многом используют те же аргументы, которые встречаются у Августина и Гроция. Одну из современных интерпретаций принципа добрых намерений можно найти в пастырском послании о войне и мире Национальной конференции католических епископов США. Здесь утверждается, что добрые намерения в использовании силы должны быть нацелены на достижение правого дела¹, которое определяется как противостояние «реальной и несомненной опасности». Кроме того, правое дело включает в себя защиту жизни невинных людей, сохранение условий, необходимых для нормального человеческого существования, и защиту основных прав человека². Но другие участники спора о принципе справедливой войны оспаривают его обоснованность. Например, Роберт Холмс считает, что этот принцип препятствует трезвой беспристрастной оценке, которая является неотъемлемым элементом моральных ограничений на применение силы³.

4. АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПА ДОБРЫХ НАМЕРЕНИЙ

Относительно способов надлежащего применения принципа добрых намерений существуют три различных толкования. Согласно всем трем, наличие добрых намерений при использовании силы означает реализацию правого дела. Таким образом, все согласны с тем, что у государства должно быть намерение исправить ту несправедливость, которая и заставила его заявить, что его вступление в войну оправданно. Все согласны также с тем, что никакие дурные намерения не могут оказывать решающего воздействия на решение использовать силу. Но исследователи расходятся в своих суждениях о том, в какой степени другие намерения играют роль в принятии решения использовать силу. Согласно первому толкованию, намерение должно быть направлено исключительно на реализацию правого дела. По второму толкованию, в применении силы в военной обстановке могут присутствовать и другие намерения, но намерение действовать в соответствии с правым делом

---

¹ US Catholic Bishops' Pastoral Letter, *The Challenge of Peace : God's Promise and Our Response* // *Elsbain J.B.* Just War Theory. N.Y.: New York University Press, 1992. P. 100.

² *Ibid.* P.98.

³ *Holmes R.* On War and Morality. Princeton: Princeton University Press, 1989. P. 196.

должно перевешивать все остальные уже тем, что оно является самым значительным. Третье толкование сводится к следующему: решение вступить в войну помимо множества значительных намерений влияет также намерение осуществить правое дело, принцип добрых намерений все равно соблюдается. Из этих трех толкований второе в наибольшей степени соответствует традиции справедливой войны.

Согласно первому толкованию, принцип добрых намерений предписывает, чтобы государство вступало в войну только исходя из правого дела. Когда, вступая в войну, государство имеет в виду и какие-то иные кроме правого дела цели, то можно сказать, что принцип добрых намерений не соблюден и, следовательно, война несправедлива. В соответствии с такой интерпретацией, именно чистота намерений является тем моральным идеалом, к которому мы стремимся. Так, в случае войны в Персидском заливе принцип добрых намерений не был соблюден, поскольку на решение Соединенных Штатов и их союзников силой пресечь вторжение Ирака в Кувейт определенную роль, очевидно, сыграли нефтяные интересы.

Этот взгляд на принцип добрых намерений подвергается критике как слишком требовательный¹ т.е. как требовательный перфекционизм. Но считается, что перфекционизм игнорирует ограниченную природу и цели политической морали. Мораль общественной сферы имеет дело с далеко не совершенным миром политики и поэтому не должна основываться на тех же нормах, которые мы применяем по отношению к индивидуальной морали. Во многих обстоятельствах в частной, т.е. личной, сфере мы рассматриваем поступок как моральный только в том случае, когда он совершается с намерением принести пользу другим и когда он не испорчен эгоистическими мотивами. Но, говорят критики, такой взгляд на мораль нельзя перенести в политическую сферу, поскольку от публичных властей требуется, чтобы они признавали автономию и конкретные потребности сообщества. Эти власти ответственны не просто за удовлетворение потребностей других народов, но также и в особенности потребностей того общества,

---

¹ Критику слишком требовательного морального подхода к теории справедливой войны см. в обсуждении этой темы Энтони Коутсом: *Coates A. The New World Order and the Ethics of War // The Ethical Dimension of Global Change / Ed. by B. Holden. L.: Macmillan, 1996. P. 205—225.*

которое они представляют. Их намерения в принимаемых ими решениях относительно применения силы на войне, заключают критики, должны отражать эту позицию.

Это подводит ко второму толкованию принципа добрых намерений. В соответствии с ним следует признать существование разнообразных намерений в сфере принятия публичных решений. Мы не можем предполагать, что каждый государственный деятель, участвующий в принятии решения о вступлении в войну, будет одинаково искренне стремиться к правому делу и ни к какой другой цели помимо этой. Но до тех пор, пока правое дело доминирует над всеми остальными намерениями, принцип добрых намерений считается соблюденным. В действительности эта интерпретация допускает некоторую гибкость. Здесь признается, что некоторые из остающихся намерений могут способствовать действию с добрыми (справедливыми) намерениями и таким образом подкреплять главную цель. Рассматривая с этой позиции войну в Персидском заливе, можно предположить, что у военных сил коалиции в качестве главной цели выступало пресечение иракской агрессии против Кувейта. Однако такая интерпретация позволяет доказывать, что намерением сил коалиции было также удовлетворение интересов мировой экономики, в том числе, конечно, и собственных самокорыстных экономических интересов, и недопущение того, чтобы Саддам Хусейн завладел еще большей частью мировых запасов нефти. Однако проявление таких дополнительных намерений еще не привело бы к тому, что силы коалиции не прошли бы проверки на подлинность их добрых намерений. Такая интерпретация запрещает лишь действия, рассчитанные на то, чтобы служить главным образом интересам крупных нефтяных компаний, казне политических лидеров и т.п. Эти намерения вполне могут присутствовать, но они не должны играть определяющую роль в ходе принятия решения.

Согласно третьему толкованию, достаточно, чтобы среди множества целей, ради которых принимается решение вести войну, принцип правого дела был определяющим и чтобы при этом отсутствовали дурные намерения или они, по крайней мере, не были определяющими в принятии решений. При таком толковании практически нет или вовсе нет необходимости рассматривать относительное соотношение различных намерений с тем, чтобы выяснить, чем определяется решение вступить в войну — правым делом или какой-либо иной целью. Таким образом, если одной из

значимых целей коалиции было восстановление суверенитета Кувейта, то принцип добрых намерений соблюден. И несомненно, если бы в «наборе целей» присутствовало дурное намерение (например, вступление в войну с целью испытания новой ракетной технологии), то вопрос соблюдения этого принципа был бы поставлен на повестку дня. Кроме того, используя третье толкование, довольно легко показать, что у сил коалиции были добрые намерения. Причем сделать это настолько легко, что становится трудно отделить данное толкование добрых намерений от реализма. Напомним, намерения реалистов принадлежат к разряду своекорыстных. Если добрые намерения сил коалиции включают в себя широкий спектр своекорыстных намерений, то замутнение теории справедливой войны схемами реалистического мышления кажется вероятным даже несмотря на то, что эта теория, в отличие от реализма, требует при решении о вступлении в войну руководствоваться этическими категориями, в частности принципом правого дела.

Рассмотрим несколько характерных примеров в свете этих трех толкований принципа добрых намерений. В соответствии со сказанным выше о принципе правого дела существуют две его основные разновидности, которые необходимо отчетливо различать. Во-первых, под рубрикой самообороны мы различаем применение силы для: а) остановки продолжающейся агрессии, б) преодоления последствий агрессии в прошлом, в) упреждения потенциальной агрессии. Во-вторых, под рубрикой помощи другим странам мы различаем военные действия: а) в помощь дружественному государству или союзнической стране, ставшей жертвой продолжающейся агрессии, б) для преодоления последствий прошлой агрессии, в) по гуманитарным причинам. Предполагается, что принцип добрых намерений направлен на то, чтобы сделать такого рода правое дело объектом наших намерений.

В этом отношении меньше всего проблем представляет война в целях самообороны. Если ваша страна стала жертвой несправедливой агрессии, то доминирующим должно быть намерение отразить агрессию. Кроме того, добрые намерения можно рассматривать как явно доминирующие в том случае, когда государство помогает союзнику в отражении агрессора, а затем отводит свои военные силы, не получая при этом никаких территориальных выгод. Разумеется, большинство исторических примеров не явля-

ются столь ясными. Добрые и дурные намерения часто перемешаны таким образом, что дурные намерения следуют под прикрытием намерения осуществить правое дело.

Следующий далее краткий анализ касается отдельных войн, вызванных необходимостью гуманитарной интервенции, отражения агрессии и нанесения превентивного удара. Эти войны были развязаны с официально объявленными добрыми намерениями. Проанализируем, в какой степени эти декларации соответствовали действительности и что в каждом случае означали добрые или дурные намерения.

5. ИНДО-ПАКИСТАНСКАЯ ВОЙНА 1971 г. ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ?¹

До 1971 г. страна, которая сейчас известна как Бангладеш, была провинцией Пакистана и называлась Восточным Пакистаном. В конце 1960-х гг. здесь возникло серьезное движение за большую автономию. Местное бенгальское население не имело своих представителей в правительстве и не могло высказывать свое мнение об экономической политике, проводившейся центральным правительством. Недовольство бенгальцев приняло угрожающие масштабы, поскольку действия центрального правительства и, в частности, его экономическая политика были направлены на дискриминацию Восточного Пакистана. Националистические лидеры Авами лиг [Awami League] (Восточный Пакистан) потребовали, чтобы наделить их провинцию правом взимать налоги, предпринять шаги, необходимые для защиты их национального языка, осуществить политическую реформу и способствовать дружественным связям с Индией. Они находились в оппозиции военным правителям Пакистана, которые противились проведению каких-либо из этих реформ.

¹ См.: Пучков В. Политическое развитие Бангладеш. М.: Наука, 1986. С. 9—14; Singhal D. P. Pakistan. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1972; Baeck L. Van Pakistan tot Bangla Desh. Antwerpen — Utrecht: De Nederlandsche Boekhandel, 1972; Payne R. Massacre. N.Y.: Macmillan, 1973; Choudhury G.W. The Last Days of United Pakistan. L.: Hurst & Co, 1974; Ziring L. Pakistan. The Enigma of Political Development. Folkestone and Boulder/Colorado: Dawson & Westview, 1980; The Cambridge Encyclopedia of India, Pakistan, Bangladesh / Ed. by Francis Robinson. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

В 1970 г. наводнения и разрушительный циклон в Восточном Пакистане привели к сотням тысяч жертв. Военная администрация оказалась неспособной организовать операции по спасению пострадавших людей. Это увеличило недовольство местного населения. Не удивительно, что общенациональные выборы, проведенные 7 декабря, принесли убедительную победу Авами лиг, которая завоевала 160 мест из 162, выделенных для Восточного Пакистана в Национальной Ассамблее. В противоположность этому в Западном Пакистане подавляющее большинство голосов завоевала Народная партия. Программы Авами лиг и Народной партии были диаметрально противоположны. Представитель Народной партии Али Бхутто отстаивал идею централизованного правления, в то время как лидер Авами лиг шейх Муджибур Рахман требовал того, чтобы центральное правительство отвечало только за оборону и иностранные дела. Переговоры между сторонами не привели к конкретным результатам. В Восточном Пакистане произошли демонстрации и забастовки. Националистическое движение инициировало обсуждение вопроса о независимости. В ответ на это центральное правительство предприняло репрессивные меры против населения Восточного Пакистана. Шейх Муджибур Рахман обвинил армию в том, что она ведет себя как оккупационные войска и совершает убийства безоружных людей. Но он также выдвинул предложения о разграничении полномочий, что сохранило бы территориальную целостность Пакистана. Он все еще был убежден в том, что политическая реформа могла бы предоставить право решающего голоса населению Восточного Пакистана, которое по численности было больше населения Западного Пакистана, а также положить конец притеснениям и эксплуатации бенгальцев. Но когда в марте 1971 г. центральное правительство проявило нежелание вести переговоры, а также отказалось отменить военное положение, шейх Муджибур Рахман решил взять в свои руки власть в Восточном Пакистане.

25 марта 1971 г. стало роковой датой для будущего Пакистана. Шейх Муджибур Рахман был арестован; президент Пакистана Яхья Хан заявил, что закон и порядок будут восстановлены любыми доступными ему средствами. В тот же день военные устроили повсеместную бойню. Она началась в Даккском университете. После артиллерийского обстрела прямой наводкой студенческих общежитий оставшиеся в живых студенты были расстреляны или заколоты штыками. Официальный историк пакистанской

армии генерал-майор Фазал Мукиим Хан писал: «Для того чтобы взломать некоторые комнаты общежитий (Даккского университета), армия была вынуждена применять реактивные установки. Из-за шума выстрелов во время этой роковой ночи в Дакке казалось, будто шла настоящая война с применением современного оружия»¹. Был составлен «черный список» из преподавателей, живших по соседству со студенческими общежитиями, и по этим адресам были разосланы проводившие облаву отряды. Западные журналисты выражали возмущение по поводу размаха убийств. В своих репортажах они с сожалением упоминали о боевой технике и боеприпасах, которые пакистанские военные получили из США. Корреспондент британской газеты «Дейли телеграф» сообщил 30 марта: «Вскоре после полуночи одна колонна войск, впереди которой шли американские танки М-24 времен Второй мировой войны, спешно направилась к Даккскому университету. Войска заняли библиотеку Британского Совета (расположенную в студенческом городке) и использовали ее в качестве того огневого рубежа, с которого они обстреливали близлежащие общежития. Примерно 200 студентов, захваченные врасплох, были убиты в Икбал-холле, который служил, как мне сказали, штаб-квартирой боевого антиправительственного студенческого союза. Через два дня тела многих убитых все еще разлагались в выгоревших комнатах, другие были разбросаны снаружи, а какие-то плавали в соседнем озере»². Нападение на университет было частью согласованного плана, направленного на уничтожение интеллектуальной и политической жизни страны. Резня продолжалась в течение нескольких месяцев во всех частях Восточного Пакистана. Центральные власти решили уничтожить все силы, которые могли бы оспаривать их власть. К маю 1971 г. армия восстановила контроль на всей территории Восточного Пакистана.

По оценке шейха Муджибура Рахмана, было убито 3 млн человек. Общественное мнение во всем мире было потрясено этой ужасной трагедией. В течение всего лета 1971 г. Индия переживала настоящий кошмар, пока продолжалась резня бенгальцев — через границу устремилось огромное число беженцев. Согласно нескольким источникам, в Индии нашли убежище до 10 млн человек. По словам американского сенатора Эдварда Кеннеди, которые

¹ *Choudbury G.W.* The Last Days of United Pakistan. P. 184.

² *Ibid.* P. 185.

он высказывал после пятидневной поездки по лагерям беженцев, «...теперь он убедился, что пакистанская армия совершала в Восточном Пакистане геноцид»¹. На поддержание жизни беженцев даже на минимальном уровне требовались гигантские средства. Такие расходы были неподъемны для слабой индийской экономики. Столкнувшись с этой трагедией, индийское правительство не могло оставаться пассивным. А пакистанские войска, казалось, совершенно оторвались от политических и военных реалий. Они были уверены, что окончательно сокрушили сепаратистское движение в Восточном Пакистане и способны отразить любую угрозу интервенции со стороны Индии.

Положение в области безопасности на пакистано-индийской границе быстро ухудшалось: участились пограничные столкновения. В декабре три пакистанских самолета совершили неожиданную атаку на индийские военно-воздушные базы. Радио Исламабада объявило, что Пакистан ведет *джихад*, т.е. священную войну, против Индии. Однако вскоре стало ясно, что пакистанские военные переоценили свои возможности и степень той иностранной поддержки, которую могли получить. Индийская армия, которую поддерживали местные партизаны, с удивительной быстротой продвигалась по территории Восточного Пакистана. К 13 декабря индийская армия подошла вплотную к столице Восточного Пакистана Дакке. К тому времени советское правительство выступило с предупреждением, что при нападении китайской армии на Индию, оно окажет поддержку диверсионному движению на приграничной китайской территории. В декабре 1971 г. мир вплотную подошел к прямому противостоянию между главными мировыми державами. Постоянный американский представитель в ООН Джордж Буш заявил, что «главным агрессором» явно была Индия. Однако попытки со стороны Соединенных Штатов побудить Совет Безопасности ООН осудить индийскую интервенцию провалились. В любом случае у Советского Союза было право вето. Примерно в то же время Седьмой американский флот на всех парах вошел в Бенгальский залив, стремясь запугать индийское правительство. Но помочь пакистанской армии было уже невозможно: она сдалась 17 декабря 1971 г. Вскоре мировое сообщество признало независимость Бангладеш. Это был единственный случай (вплоть

¹ The Times. 1971. 17 August; quoted in *Singhal*. Pakistan. P. 199.

до распада Югославии через 20 лет) одностороннего выхода из состава государства в неколониальном контексте, который был признан в международном масштабе как морально и политически легитимный. Индийские войска были выведены из страны, позволив новому мусульманскому государству Бангладеш заботиться о себе самостоятельно.

У каждого из нас есть право считать, что действительные намерения Индии находились в согласии с официально прокламируемым принципом правого дела — остановить резню в Восточном Пакистане и защитить себя от агрессии. Действительно, прежде чем отвести войска, индийские военные остановили резню. Это не означает, что мы не должны обращать внимания на геополитические выгоды, полученные Индией в результате расчленения ее основного соперника в этом регионе. Но заинтересованность в ослаблении Пакистана не указывает на то, что намерения Индии явно отличались от стремления осуществить правое дело, которое объявлялось как основание для применения силы. Индия имела право спасти жизнь миллионов невинных людей в той ситуации, когда все возможности для переговоров были исчерпаны и когда на карту были поставлены коренные интересы государственной безопасности Индии. Конечно, в моральной оценке индийской интервенции нельзя упускать из виду и дестабилизирующий фактор — миллионы беженцев, бремя, которое представляли беженцы для истощенной экономики страны, а также возросшую напряженность на ее собственных границах.

Некоторые авторы, например Г.В. Чоудхури¹, критиковали и пакистанские зверства, и индийскую военную интервенцию, которая волей-неволей также способствовала отделению Бангладеш. В то время такую критику разделяли многие американские официальные лица. Однако остается неясным, как без индийской интервенции можно было предотвратить дальнейшую резню в Восточном Пакистане. Совет Безопасности ООН не был готов к активным действиям. Осуждение Америкой индийской политики, похоже, было инспирировано скорее политикой холодной войны, чем соображениями справедливой войны. Индия была союзником Советского Союза, а Пакистан — союзником Запада, поэтому с точки зрения США укрепление геополитической позиции Индии

¹ Choudhury G.W. The Last Days of United Pakistan. P. 202—227.

в этом регионе следовало предотвратить несмотря на все добрые намерения, которые Индия, возможно, имела в данном конкретном случае.

6. ГИТЛЕРОВСКАЯ ОККУПАЦИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1938 г. ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ?¹

Чехословакия, располагавшая большими экономическими ресурсами, входила в гитлеровский план аннексии задолго до начала Второй мировой войны. Гитлер в речи, произнесенной 20 февраля 1938 г. перед рейхстагом, объявил, что 10 млн немцев живут «...отрезанными от нас непосредственно у границ рейха». Из этих 10 млн в Австрии жили 6,5 млн. Остальные 3,2 млн немцев жили в Чехословакии. Гитлер неоднократно выказывал свою ненависть и презрение к ее славянскому народу и начиная с 1937 г. неоднократно заявлял, что его конечной целью является уничтожение полиэтничного государства Чехословакии. Одним из вариантов осуществления этой угрозы была аннексия Судетской области, где проживала основная масса немцев, а затем — захват оставшейся части страны. Для этих целей Гитлер планировал использовать национал-социалистскую партию судетских немцев *Heimatspartei*, которой руководил Конрад Генлейн. В этом контексте полезным политическим лозунгом было требование автономии. Среди немецкого населения Судетской области партия Генлейна пользовалась большим успехом. На выборах в мае 1935 г. она собрала около 1,2 млн голосов. Еще в 1937 г. Генлейн начал требовать автономии для населенных немцами районов. Правительство Чехословакии отказало ему в выполнении его требований, поскольку опасалось появления подобных требований со стороны многих других проживающих в стране национальностей. В марте 1938 г. Генлейн, посоветовавшись с Гитлером, согласился с ним в том, что «...мы всегда должны требовать столько, чтобы нас никогда нельзя было удовлетворить»².

¹ Об этом случае см.: История Второй мировой войны 1939—1945: В 12 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1974. С. 90—99; *Bell P.M.H.* The Origins of the Second World War in Europe. L.; N.Y.: Longman, 1986; *Kitchen M.* Europe between the Wars. A Political History. L.; N.Y.: Longman, 1988; *Maria R.* De l'accord de Munich au pacte germano-soviétique du 23 août 1939. P.: L'Harmattan, 1995.

² *Bell P.M.H.* The Origins of the Second World War in Europe. P. 231.

В то время и Великобритания, и Франция были полны решимости избежать войны с Германией даже ценой потери Чехословакии. Они не чувствовали себя достаточно подготовленными для вооруженной конфронтации с Германией и надеялись достичь сепаратной договоренности с Гитлером без участия Советского Союза. Кроме того, британский премьер-министр Чемберлен считал, что СССР хочет втянуть Великобританию в войну с Германией. По его мнению, было бы невозможно вовлечь Советов в переговоры, не оттолкнув при этом Гитлера. На Лондонской конференции в апреле 1937 г. британские и французские руководители договорились о том, что они окажут как можно большее давление на правительство Чехословакии с тем, чтобы удовлетворить требования судетских немцев. В мае в Судетской области произошли беспорядки. 21 мая два немца были убиты при нападении на чешских полицейских. Немецкие средства массовой информации немедленно подняли античешскую истерию, обвинив чехов в немыслимых зверствах против немцев в Судетской области. В то же время Германия стала угрожать интервенцией.

Правительство президента Бенеша в сентябре уступило объединенному давлению со стороны Германии, Франции и Великобритании и согласилось почти на все требования партии Генлейна. Но немецкие ирредентисты¹ организовали инцидент в городе Моравска-Острава, который привел к аресту двух их представителей. Эти аресты стали поводом для срыва переговоров. 12 сентября на съезде нацистской партии в Нюрнберге Гитлер объявил, что он не может оставить судетских немцев беззащитными. В ту же ночь в главных городах Судетской области были организованы мятежи. Чемберлен, убежденный в том, что нависла угроза войны, приехал в Берхтесгаден, чтобы встретиться там с Гитлером. Он принципиально согласился с Гитлером, что Судетская область будет присоединена к Германии, хотя и сказал при этом, что должен прокон-

---

¹ Разницу между сецессией (отделением) и ирредентизмом (*англ. irredentism от итал. irredentismo, от итал. irredenta — получать назад) можно определить следующим образом: «Сецессия включает в себя выведение некой группы людей и ее территории из-под власти того государства, частью которого она является. А ирредентизм влечет за собой возвращение этнически родственного народа и его территории к исторической родине с соответствующим изменением межгосударственной границы» (*Horowitz D. Self-Determination: Politics, Philosophy, and Law // National Self-Determination and Secession / Ed. by Margaret Moore. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 182*).

сультуриться со своим кабинетом и французами. Он не упомянул о праве чехословацкого правительства на участие в этом решении. Но когда Чемберлен получил поддержку своего кабинета и правительства Франции, Гитлер выдвинул новые требования, включавшие автономию для словацкого меньшинства. Он хотел также немедленно оккупировать Судетскую область. С каждым разом становилось все яснее, что Гитлер никогда не удовлетворится каким-либо компромиссным решением и что за любой договоренностью последуют новые угрозы и новое запугивание. Тогда Великобритания и Франция решили объявить военную мобилизацию. Они продемонстрировали свою готовность пожертвовать интересами Чехословакии ради стабильности в Европе. Но это не означало, что они были готовы сохранить мир ценой подчинения Германии всей Европы.

Столкнувшись с этим кризисом, четыре государства (Англия, Франция, Германия, Италия) в конце сентября собрались на конференцию в Мюнхене. Советский Союз на нее не пригласили. Гитлер произнес речь, в которой он обвинил Чехословакию в притеснениях немецкого населения и повторил свои требования немедленной аннексии населенных немцами районов «...для блага международного мира и стабильности». Он объявил, что, каковы бы ни были результаты конференции, 1 октября Судетскую область займут немецкие войска. И снова Франция и Великобритания решили пойти на соглашение с Германией за счет Чехословакии. 30 сентября 1938 г. Мюнхенское соглашение было подписано всеми четырьмя государствами. Территории, где проживали судетские немцы, немедленно отходили к Германии. Немецкая оккупация началась 1 октября. На некоторых других территориях с большой долей немецкого населения планировалось провести плебисциты. Окончательную границу четыре государства решили определить позднее. У чехословацкого правительства не было другого выбора, кроме как принять все эти условия.

С подписанием Мюнхенского соглашения началась вторая стадия плана по разрушению государственности Чехословакии. В Чехословакии проживали около 3,3 млн словаков и полмиллиона подкарпатских русинов. Словацким политикам было сказано, что Германия поддержит словацкую независимость. Германия оказывала давление также и на Подкарпатскую Русь. В марте 1939 г. чешское правительство распустило правительство Подкарпатской

Руси и Словакии и объявило в стране военное положение. Гитлер пригласил в Берлин словацкого премьер-министра для того, чтобы подготовить текст декларации независимости. В ночь на 15 марта Гитлер встретился в Берлине с чешским президентом Эмилем Гахой и объявил, что Чехословакии больше не существует. Чехословацкий президент был вынужден согласиться с выдвинутыми требованиями перед лицом угрозы разрушения чехословацких городов немецкими военно-воздушными силами. Гитлер сообщил Гахе, что у него есть выбор только между сопротивлением, которое будет тут же сломлено, и мирной оккупацией. В ту же ночь немецкие войска пересекли границу. Ставшая «независимой» Словакия приняла немецкий протекторат, а Подкарпатская Русь была передана союзнику Германии — Венгрии. Стало ясно, что следующим шагом Германии будет продвижение далее на восток — в Польшу. Как писал Франц Миллер, «Гитлер утверждал в «Mein Kampf», что он намеревался физически выселить славянские расы из Центральной Европы в восточные регионы. В первые два года немецкой оккупации власти определили пять крупных районов Богемии и Моравии, из которых все чехи обязаны были к определенной дате уехать для того, чтобы расчистить территорию для немецких колонистов. К 1 сентября 1941 г. эти области были «очищены» от чешского населения, и их заняли немцы. Чехам запрещалось что-либо брать с собой, за исключением одежды. Их сельскохозяйственные орудия, предприятия, даже кухонные принадлежности должны были остаться немецким переселенцам»¹.

Намерения Гитлера в войне против Чехословакии были достаточно ясны. Немцы хотели захватить новые территории и их население и подготовиться к будущим войнам. Эти действительные намерения не имели ничего общего с официально декларируемыми намерениями защитить немецкое меньшинство от притеснений и жестокого обращения. Права Судетской области и Словакии на национальное самоопределение были поняты в чисто этническом смысле и использовались для оправдания территориальной экспансии. У западных демократий было бы правое дело защитить Чехословакию. Но в их намерения не входило действовать справедливо и, поступая таким образом, защитить жертву агрессии.

¹ *Miller F.T. History of World War 2. Philadelphia, Toronto: The John C. Wenston Company, 1945. P. 117.*

Вместо этого они стремились реализовать свои собственные геополитические интересы и, насколько можно, оттянуть начало войны.

7. ГИТЛЕРОВСКАЯ ОККУПАЦИЯ ПОЛЬШИ В СЕНТЯБРЕ 1939 г.¹

После Чехословакии главной целью дальнейшей немецкой экспансии стала Польша. Адольф Гитлер начал Вторую мировую войну с целью покорения Европы ради владычества арийской расы. На рассвете 1 сентября 1939 г. без объявления войны немецкие самолеты атаковали Польшу. В последующие несколько часов более 30 польских городов уже были объаты пламенем. Война велась против женщин и детей. Наряду с военными целями немцы бомбили все без разбору: дома, больницы, церкви и школы. Вероломство Гитлера повергло мировое сообщество в моральный шок. Вторжению в Польшу предшествовала скоординированная кампания пропаганды, развязанная против польского народа. Польша обвинялась в осуществлении агрессивных планов против Германии, и нападение Германии объявлялось упреждающим ударом. В действительности, вторжение в Польшу происходило из-за ее геополитического положения, поскольку она находилась западнее Советского Союза. В конечном счете Советский Союз был главным объектом германской экспансии, поскольку на его территории имелись огромные запасы нефти, железа, марганцевых руд и других природных ресурсов.

Польская армия оказала героическое сопротивление, но была полностью разбита. Соотношение огневой мощи было 72:1 в пользу Германии. Через месяц война в Польше закончилась. Не будет ошибкой считать, что правое дело, объявленное Гитлером в этой войне, не имело ничего общего с его действительными намерениями экспансии и завоевания. Но что можно сказать по поводу следующего примера, также связанного с Польшей?

---

¹ *Miller F.T.* Op. cit. P. 120—127; История Второй мировой войны 1939—1945: В 12 т. Т. 3. М.: Воениздат, 1974. С. 13—35.

8. СОВЕТСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ПОЛЬШУ В СЕНТЯБРЕ 1939 г.¹

На 17-й день сопротивления немцам Польшу поразила другая потрясающая новость. В войну вступил Советский Союз. 17 сентября с востока в Польшу вошла Красная Армия. За два дня советские войска, не встретив на пути никакого сопротивления, оккупировали почти половину Польши, отрезав Гитлера от богатых нефтяных скважин Галиции и блокировав ему прямой путь на Румынию. Быстро подойдя ко Львову и достигнув Брест-Литовска, советские войска заняли позицию на бывшей (до 1918 г.) границе Российского государства

Намерения нацистов в войне с Польшей были довольно очевидны. Никто не принимал всерьез заявление Германии о том, что она вынуждена нанести удар «перед лицом польской агрессии» или с намерением защитить немецкое меньшинство. Настоящие намерения немцев и при оккупации Чехословакии, и в войне с Польшей были ясны. Их целью была экспансия и завоевание. Намерения поляков в этой войне также были совершенно очевидны. Они как могли защищали свою страну. Но что можно сказать о намерении вторгшихся в Польшу советских войск? Были ли они добрыми в смысле соответствия теории справедливой войны?

23 августа 1939 г. советское руководство подписало пакт о ненападении с Гитлером. В секретных протоколах этого пакта предполагался раздел территории Польши между Германией и Советским Союзом. Кроме того, Советскому Союзу была предоставлена также возможность аннексировать Эстонию, Латвию и Литву. Частично этот пакт возник из-за разочарований советского руководства в западной политике. Сталин предпринял несколько попыток организовать широкую коалицию государств для противостояния нацистской Германии, но западные демократии не поддержали эти инициативы. Москва надеялась, что пакт с Германией предоставит Советскому Союзу некоторую передышку, необходимую для подготовки к военной обороне от предстоящей немецкой агрессии.

Но, вторгшись в Польшу, Советский Союз претендовал также на те территории, которые когда-то были частью Российской

¹ *Miller F.T.* Op. cit. P. 335—358.

империи. Эти территории, населенные миллионами украинцев и белорусов, по мнению советского руководства, были несправедливо отняты у советских республик Украины и Белоруссии Польшей в результате русско-польской войны в 1920 г. Поразительно, что в секретных протоколах немецко-советского пакта 1939 г. не было даже упоминания о советских притязаниях на польские территории на основе национальных интересов украинцев и белорусов¹. Решение Советского Союза обратиться к принципу самоопределения как оправданию советской оккупации Польши было, по-видимому, принято уже в последний момент. Когда министр иностранных дел Германии фон Риббентроп 3 сентября посоветовал Советскому Союзу занять свою часть польской территории (в соответствии с секретными протоколами), советский нарком иностранных дел Молотов ответил, что намерением Советского Союза было сразу же объявить о необходимости прийти на помощь украинцам и белорусам. Это сделало бы советскую военную интервенцию оправданной в глазах общественности. Статья, помещенная в ведущей советской газете «Правда», рассказывала о тяжелом положении национальных меньшинств в Восточной Польше. После своей военной интервенции 17 сентября советское правительство представило польскому послу в Москве — и всей международной общественности в его лице — еще одно обоснование своих действий: было сказано, что Польское государство фактически прекратило свое существование. Такая ситуация рассматривалась как серьезная проблема для Советского Союза, поскольку она создавала в данном регионе вакуум власти, который непременно заполнили бы нацисты, если бы им позволили это сделать. Интервенция была необходима также для того, чтобы защитить украинцев и белорусов, проживавших на территории Польши.

Советское население приняло эти оправдания, апеллирующие к созданию лучшей защиты СССР от нападения со стороны Германии, а также к праву украинцев и белорусов на самоопределение и восстановление справедливых границ. Однако эта точка зрения разделялась не всеми. Многие наблюдатели заявляли, что подлинные советские намерения были связаны с экспансией и завоеванием, стремлением к политическому владычеству и экспортом рево-

---

¹ Об этом вопросе см.: *Aspaturian V.V. The Union Republics in Soviet Diplomacy. A Study of Soviet Federalism in the Service of Soviet Foreign Policy.* Genève; P.: Librairie Droz and Librairie Minard, 1960. P. 59—71.

люции. Они указывали, что в 1940 г. специальные подразделения НКВД расстреляли тысячи польских офицеров в Катынском лесу под Смоленском. Это преступление было официально признано лишь спустя полвека постсоветским российским руководством. Намерение уничтожить польскую армию, которая оказала героическое сопротивление вторжению немцев, невозможно оправдать с точки зрения самозащиты Советского Союза. Кроме того, 1,5 млн поляков, прежде всего интеллигенции, были депортированы в советские трудовые лагеря¹.

В истории есть множество случаев, похожих на этот. Ученые не могут дать быстрый ответ на вопрос, каковы же истинные намерения тех, кто использует военную силу. Любая интерпретация должна основываться на анализе различных точек зрения. Всегда существует реальная опасность нарушения морального принципа добрых намерений. Именно по этой причине не следует легкомысленно сбрасывать со счетов скептицизм Гроция по поводу принципа добрых намерений.

---

¹ *Sakwa R.* Soviet Politics in Perspective. L.: Routledge, 1998. P. 257.

Глава IV ВЕРОЯТНОСТЬ УСПЕХА

Ник Фоушин
Бруно Коппитерс

1. ПРОБЛЕМЫ

Принцип *вероятности успеха* имеет сравнительно короткую историю. Одним из первых, кто в начале XVII в. прямо определил его как принцип теории справедливой войны, был Гуго Гроций¹. С тех пор большинство авторов называют его среди шести принципов, оправдывающих само решение о начале войны (принципы *jus ad bellum*). Однако существует также точка зрения, что этот принцип не является базовым, поскольку его следует рассматривать в рамках принципа соразмерности². Дискуссия по этому вопросу излагается в следующей главе.

Этот принцип имеет не одно название. Одни называют его «принцип надежды на успех», другие — «принцип обоснованной надежды на успех»³. Однако ни одна из этих формулировок не говорит, каким соотношением должна быть выражена предполагаемая степень вероятности успеха: 1:2, 2:3, 3:4 или каким-то еще. Похоже, разные теоретики справедливой войны выбирают разные критерии вероятности, и когда один говорит, что вероятность успеха в предстоящей войне недостаточно высока, другой утверждает прямо противоположное.

Но более серьезная проблема связана не с такими понятиями, как «вероятность» или даже «обоснованность», а с понятием «успех». Это может вызвать недоумение. Для многих, возможно, особенно для тех, кто чувствует свою силу, успех в войне означает

---

¹ Гроций Г. О праве войны и мира Кн. II, гл. XXIV, § IV—VIII. Указ. соч. С. 550—553.

² Coates A.J. The Ethics of War. Manchester; N.Y.: Manchester University Press, 1997.

³ Childress J.F. Just-War Theories: The Bases, Interrelations, Priorities and Functions of Their Criteria // War, Morality and the Military Profession. 2nd ed. / Ed. by M. Wakin. Boulder CO, Westview Press, 1986. P. 264.

победу, недостаточный успех — нечто меньшее. Но в некоторых войнах успех может означать просто остановку вражеского вторжения недалеко от границы, где оно началось, или даже остановку противника в ситуации, близкой к собственной катастрофе. Кто-то может считать успехом то, что армия и нация завоевали уважение, оказав противнику достойное сопротивление, хотя сопротивление привело к потере собственной армии. Другая проблема, связанная с понятием успеха, заключается том, что у стран, ведущих войну, имеется тенденция переформулировать его в ходе войны. Когда война начинается, лидеры смело говорят об успехе как о полной победе. Когда война в разгаре, те же самые лидеры часто утверждают, что их вооруженные силы и нация достигли успеха, имея в виду только отражение агрессии или достижение чего-то далекого от полной победы.

2. ЛЮКСЕМБУРГ, 1940 г.

Ощущение трудностей, связанных с применением принципа успеха, может возникать даже при описании сравнительно простой и незамысловатой ситуации из истории Второй мировой войны. Во время этой войны Люксембург оказался на пути вермахта. Географически Люксембург — государство с территорией примерно 1000 кв. миль (немногим более 2500 кв. км). Его население тогда составляло 300 тыс. человек¹. Армия Люксембурга была, собственно, не армией, а пограничной охраной численностью примерно 300 человек². Когда нацистская Германия решила напасть на Францию в 1940 г., для нее не было смысла в военном отношении пытаться преодолевать мощную линию Мажино, простиравшуюся от Швейцарии на север к границам Бельгии и Люксембурга. Как и в Первой мировой войне, целесообразнее было обойти основные французские линии обороны. Но это требовало прохода через Люксембург, а также Бельгию и Нидерланды. Когда для народа Люксембурга стало очевидно, что немцы готовы пройти через их страну, чтобы напасть на Францию, возник вопрос: как страна должна отвечать на агрессию Германии?

¹ The New Encyclopaedia Britannica: Macropaedia. Chicago: Encyclopaedia Britannica Inc., 1998. P. 314—318.

² Collier's Encyclopedia. N.Y.: Collier's, 1996. P. 121.

Один ответ, совместимый с принципом вероятности успеха, — сказать немцам «Будьте нашими гостями» и разрешить им, а возможно, даже помочь быстро и беспрепятственно продвигаться на запад по направлению к Франции. Другой ответ, также совместимый с данным принципом, — рассматривать немцев как незваных гостей. При этом ответе немецкой армии не оказывают ни сопротивления, ни поддержки. Ясно, что именно это и стало политикой люксембургского правительства, которое фактически бежало в Англию, когда немцы вошли в страну. Но в любом случае, рассматривались ли немцы как званые или незваные гости, принцип вероятности успеха делает очевидным, что правительство Люксембурга и его народ не должны были сопротивляться немцам. В самом деле, на какой успех могли возлагаться надежды в случае сопротивления? Была ли хоть какая-то вероятность того, что 300 легко вооруженных пограничников нанесут поражение немецкой армии? Вряд ли! Была ли хоть какая-то вероятность того, что эти пограничники, даже если они не оказались бы в состоянии победить немцев, смогли бы задержать их на достаточный срок, чтобы помочь бельгийцам и французам оказать сопротивление немецкому вторжению? Иначе говоря, была ли вероятность достижения ими успеха посредством оказания некоторой существенной помощи в ситуации, когда они не смогли помочь сами себе? Вряд ли!

Но, может быть, существует какой-то другой смысл понятия «успех», который применим здесь? Один из уже упомянутых вариантов связан с честью и самоуважением. Если бы граждане Люксембурга выбрали борьбу, усилилось бы их чувство собственного достоинства и самоуважения? Обратите внимание на то, что означает «успех» в этом смысле и как он отличается от описанных выше более очевидных смыслов. Эти другие смыслы тесно связаны с результатами военных действий. Считается, что нация достигает успеха, если она занимает территорию, отражает нападение противника, наносит урон его войскам и т.п. Так, Люксембург имел бы успех, если бы отразил неоправданное нападение Германии или хотя бы как-то существенно притупил его остроту: замедлил бы наступление немцев или заставил бы их заплатить высокую цену за свою агрессию. В противоположность этому обретение чести или самоуважения только косвенно связано с результатами военных действий. Этот более субъективный смысл понятия «успех»

во Второй мировой войне мог бы выразиться в следующем. Если бы Люксембург принял участие в безнадежной и очень короткой войне против вермахта, эти героические деяния могли бы вдохновить граждан Люксембурга как внутри страны, так и за ее пределами внести в будущем свой вклад в общие военные усилия, чего в противном случае они могли бы не сделать.

Этот аргумент в пользу войны с целью защиты чести представляется по меньшей мере надуманным. Вовсе не очевидно, что люксембуржцы боролись бы активнее только из-за того, что 300 пограничников пожертвовали собой, снискав тем самым почет и уважение. Если бы эмигранты увидели, что их страна подверглась неспровоцированной агрессии, они, скорее всего, приняли бы активное участие в борьбе за восстановление суверенитета своей страны с помощью союзников вне зависимости от того, принесли бы себя в жертву 300 пограничников или нет. Кроме того, вовсе не очевидно, что в случае, когда страна уступает перед лицом абсолютно превосходящих сил противника, она сразу же теряет свою честь и самоуважение.

В других условиях вывод о том, что безнадежно уступающей в силе стране не следует сопротивляться, мог быть не столь ясен. Рассмотрим гипотетическую ситуацию, когда агрессор обещает уничтожить все и всех на своем пути независимо от наличия или отсутствия сопротивления. Обреченному народу тогда остается выбирать: умереть в борьбе или без нее. Здесь можно было бы утверждать, что следует оказать сопротивление, поскольку существует определенный смысл успеха, заключающийся в сохранении чести (чем будут гордиться будущие поколения) и поскольку нечего или почти нечего терять. Однако ясно, что Люксембург во Второй мировой войне не был в такой ситуации. Немцы не собирались истреблять народ Люксембурга. Поэтому немногочисленные войска Люксембурга сделали правильно, последовав принципу вероятности успеха. Фактически этот принцип рекомендовал не оказывать сопротивления *во время* вторжения. Но впоследствии, когда союзные войска накопили силы, в соответствии с критерием вероятности успеха от граждан Люксембурга потребовалось сопротивление агрессору.

3. БЕЛЬГИЯ, 1940 г.

Полезно сравнить применение принципа успеха к ситуации с Люксембургом и применение этого принципа к ситуации, сложившейся у его западного соседа. Во время Второй мировой войны население Бельгии составляло примерно 8 млн человек и ее армия состояла из 22 дивизий¹, военно-воздушный флот не был внушительным, но и игнорировать его было нельзя. Вдобавок, хотя Бельгия формально не состояла в союзе с Великобританией и Францией, она была уверена, что в случае нападения получит помощь. С этой помощью союзные силы превосходили немецкие. Так, у них было больше живой силы и танков и примерно столько же самолетов. Правда, взаимодействие между Бельгией и Нидерландами, с одной стороны, и Британией и Францией — с другой, не было идеальным: Бельгия не хотела быть тесно связана с ними из боязни спровоцировать нападение немцев. Все же силы, нацеленные против Германии, были в количественном и качественном отношении на достаточно высоком уровне, чтобы бельгийцы сделали вывод о необходимости в случае начала войны последовать рекомендации принципа вероятности успеха и оказать сопротивление немцам.

Однако, как оказалось, успеха они не добились. В то время немцы лучше, чем союзники, понимали, как использовать современную военную технику — танки и самолеты. В результате они быстро преодолели сопротивление не только бельгийской армии, но также французской и британской. Успех пришел к Бельгии позже и преимущественно благодаря усилиям ее союзников. Но в самый канун войны и сразу после ее начала бельгийцы могли выбирать: сопротивляться или нет. Суть дела в том, что если бы выбор совершался в соответствии с принципом вероятности успеха, последний подвинул бы Бельгию на сопротивление.

4. ТАИЛАНД, 1940 И 1941 г.

Еще один пример применения данного принципа во Второй мировой войне дает нам Азия. Когда война уже готова была распро-

---

¹ The Oxford Companion to World War II / Ed. by I.C.B.Dear and M.R.D.Foot. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 118.

страниться и на Азию, Таиланд оказался в ситуации, промежуточной между описанными выше ситуациями Люксембурга и Бельгии. В отличие от Люксембурга Таиланд имел армию, но она не была такой сильной, как бельгийская. Его армия насчитывала не более 50 тыс. человек¹. Таиланд располагал 150 самолетами, но не все они были высокого технического уровня. Тайский военно-морской флот был слабым и состоял из одного устаревшего эсминца и множества мелких суденышек. В политическом плане ситуация не могла восприниматься Таиландом как благоприятная. Тайское правительство боялось Великобритании и Франции, так как подозревало, что та или другая жаждет присоединить Таиланд к своей империи. Великобритания колонизировала Бирму на западе, а Франция — Лаос и Камбоджу на востоке. Страх, который испытывали тайцы, был не безосновательным.

Тем не менее этот страх несколько ослаб, когда Таиланд, с одной стороны, и Великобритания и Франция — с другой, подписали пакт о ненападении в 1940 г.² Пакт гарантировал тайский нейтралитет в случае, если в этой части мира разразится война.

Однако к следующему году ситуация изменилась. В середине 1940 г. Франция была разбита на западном фронте, и теперь Таиланд имел дело с ослабленным вишистским правительством Франции. Тайцы воспользовались сложившейся ситуацией и атаковали французов. Они хотели получить некоторые спорные территории в Лаосе и Камбодже. К концу этой маленькой войны тайцы заняли большую часть спорной территории, потеряв при этом немалую долю своего ветхого флота.

Фактическое посредничество Японии позволило закончить эту войну³. Заключенное соглашение формально признавало за Таиландом право владения завоеванными спорными территориями. Действуя в качестве посредника, японцы кое-что заработали и для себя. Они вырвали у вишистского правительства согласие использовать его колониальные территории в Индокитае как плацдарм для любых атак, которые Япония захотела бы предпринять в направлении Малайи, Сингапура и нидерландских колоний на юге. Япония также предложила, чтобы Таиланд позволил ей использовать некоторые его территории в качестве своего плацдарма и

¹ The Oxford Companion to World War II. P. 1106.

² Ibid. P. 1107.

³ Ibid.

получил бы в награду за это еще больше подконтрольных Франции территорий в Камбодже и Лаосе. Понятно, что тайцы соблазнились этим предложением, но одновременно испугались той опасности, которая теперь угрожала им от другой колониальной державы — на этот раз азиатской.

События достигли пика 8 декабря 1941 г. Война Японии против Соединенных Штатов и Великобритании началась днем раньше. Уже на следующий день японцы начали свое продвижение на юг, рассчитывая использовать любые плацдармы, какие они могли найти для успешного продвижения к Сингапуру и далее. Перед тайцами встал вопрос, как им следует реагировать на японскую агрессию. С одной стороны, если бы они стали сотрудничать с Японией и предоставили необходимые ей плацдармы, они получили бы дополнительные французские колониальные территории. Они также могли еще больше расположить к себе японцев, если бы не стали тормозить их продвижение¹. С другой стороны, в случае сопротивления у них не было перспектив. Их армия была достаточно сильной, чтобы побить ослабленные французские силы, но для японцев она не была достойным противником. Вероятность их успеха равнялась нулю или почти нулю. Поэтому если бы тайцы применили принцип вероятности успеха, они предоставили бы японцам свободный проход. Именно это они и сделали. Очевидно, какое-то сопротивление со стороны некоторых сил имело место, но оно продолжалось не более одного дня. Затем тайцы решили предоставить японцам возможность прохода повсеместно. Хотя очень вероятно, что тайцы приняли решение не противодействовать японцам в *согласии* с принципом вероятности успеха (т.е. их решение совпадало с этим принципом), очень сомнительно, чтобы они при этом рассуждали в терминах теории справедливой войны. Об этом говорит следующий отрывок, касающийся тайско-японских отношений гораздо позже 7 декабря 1941 г. Он взят из книги Сар Десаи «Юго-Восточная Азия».

Несмотря на договор о дружбе и сотрудничестве с Японией, который предоставлял Таиланду большую внутреннюю автономию, чем та, которой пользовались другие страны Юго-Восточной Азии, два азиатских союзника недолюбливали друг друга. Основной заботой тайского руководства было сохранение независимос-

¹ *Sar Dasai D.R.* Southeast Asia: Past and Present. 4th ed. Boulder CO: Westview Press, 1997. P. 186.

ти. Пхибун Сонгхрам (премьер-министр) сказал своему начальнику штаба в 1942 г.: «Какая из сторон, Вы полагаете, потерпит поражение в этой войне? Она и будет нашим врагом»¹.

Судя по этому высказыванию, Сонгхрам говорит больше как реалист, нежели теоретик справедливой войны. Движущей силой здесь выступает собственный интерес, а не справедливость. Но реалистский подход не исключает благоразумных ограничений на применение силы. Не противодействовать Японии, конечно же, было в национальных интересах Таиланда.

5. КУБА, 1950-е гг.

Применение принципа вероятности успеха в гражданских и партизанских войнах еще сложнее, чем в обычных войнах. Хороший пример в этом отношении представляет Куба в 1950-е гг. Между 1952 и 1958 г. на Кубе правил насквозь коррумпированный режим генерала Фульхенсио Батисты. Естественно, что очень быстро возникла оппозиция этому режиму. Наиболее сильную оппозиционную группу возглавлял молодой и харизматический Фидель Кастро. Тем не менее успех усилий Кастро свергнуть режим Батисты казался маловероятным. Его попытка 26 июля 1953 г. захватить казармы Монкада в провинции Ориенте и тем самым положить начало революции потерпела неудачу². Сам Кастро в результате оказался в тюрьме. Были и другие неудачи и провалы, не последней из которых был морской десант в 1956 г., когда Кастро со своими людьми вернулся на Кубу с еще одной попыткой свергнуть Батисту³.

В организационно-техническом отношении вторжение обернулось настоящей катастрофой. Пустившись в плавание 25 ноября на яхте, перегруженной более чем вдвое, экспедиция из 82 человек попала в шторм; яхта получила механические повреждения, вынуждена была выбросить груз за борт, потеряла ориентацию и пристала к берегу не в том месте и не в тот день. За два дня до того как 2 декабря в илистом устье реки села на мель яхта

¹ *Dasai Sar D.R.* Southeast Asia: Past and Present. Ibid.

² *Balfour S.* Castro. L.; N.Y.: Longman, 1990. P. 38—40. См. также: *Liss S.B.* Fidel! Boulder; San Francisco; Oxford: Westview Press, 1994. P. 16.

³ *Balfour S.* Op. cit. P. 47—48.

«Гранма», вооруженный отряд Франка Паиса (одного из лидеров Движения 26 июля) попытался поднять восстание в Сантьяго, но после примерно 30 часов спорадической ружейной стрельбы в полицейских и военных они были вынуждены отказаться от своей затеи. Через 48 часов, с трудом пробравшись через мангровое болото, оборванные и измученные повстанцы вышли, наконец, на твердую землю. Первому встретившемуся крестьянину Кастро торжественно заявил: «Я — Фидель Кастро, и мы пришли освободить Кубу». Через 4 дня другой крестьянин сообщил о них сельской гвардии, прочесывавшей местность в поисках членов кастровской экспедиции. В результате устроенной засады эта экспедиция была почти вся разбита. Из 82 человек, начавших экспедицию, только 16 (хотя легенда говорит о 12) остались живыми и свободными, чтобы начать войну против современной армии режима Батисты¹.

До какого-то момента в 1958 г. никто не мог утверждать, что кастровские силы имеют основательные шансы на успех. К этому времени они обосновались в горах Сьерра-Маэстра на востоке Кубы, завоевали поддержку местных крестьян, а также выиграли несколько небольших сражений с батистовскими силами. Но до этого, между 1953 и даже 1957 г. перспективы кастровской революции были мрачными. Действительно, если бы кто-то применил принцип вероятности успеха в тот период, Кастро посоветовали бы сложить свою палатку и отказаться от революционных методов. Вероятность его успеха казалась такой незначительной, что с точки зрения теории справедливой войны предпринятую революцию никак нельзя было признать оправданной. Как оказалось, успех Кастро был настолько маловероятным, что даже он сам был удивлен, когда режим Батисты неожиданно рухнул, говорят, под тяжестью собственной коррупции. Данный сценарий ставит перед теорией справедливой войны следующую проблему. В начале многих революций (например, американской революции) их успех кажется маловероятным или относящимся к далекому будущему. Если это так, то похоже, что теории справедливой войны свойственно предрасположение в пользу существующих правительств и против революционных движений. Даже если бы эти движения отвечали другим критериям справедливой войны, они, кажется, не

¹ Ibid. P. 48.

смогли бы соответствовать принципу вероятности успеха. В этом случае они никогда бы не смогли начать справедливую войну, так как, напомним, для начала войны страной или группой необходимо, чтобы она отвечала всем критериям начала справедливой войны.

Это наводит на мысль, что в описанных случаях данный принцип не должен соблюдаться. Таким образом, если революционные группы, подобные кастровским, соответствуют всем другим принципам *jus ad bellum*, за исключением принципа вероятности успеха, следует считать, что они ведут справедливую войну. Это означает, что теория справедливой войны не должна представляться как фиксированный набор критериев, применимых ко всем ситуациям. Напротив, ее следует рассматривать как более гибкий нормативный инструмент: в определенных ситуациях какой-то критерий мог быть исключен из перечня, другой — модифицирован, а третий, наоборот, добавлен в перечень критериев. О гибкости теории справедливой войны мы еще будем говорить в последующих главах.

6. «МИНИ» И «МАКСИ»

Существуют, однако, и другие сценарии, которые необходимо рассмотреть для более полного понимания принципа вероятности успеха. Например, это сценарии, где нация готова сказать «нет» войне, но имеет другую альтернативу помимо полной капитуляции. Рассмотрим такую ситуацию. Государство, назовем его «Мини», осознает, что существует высокая вероятность скорого вторжения со стороны «Макси» и что нет шансов остановить это вторжение. Поэтому «Мини» уже согласилось с принципом вероятности успеха. Но его лидеры разработали план ненасильственной гражданской обороны¹. Согласно этому плану, «Мини» не будет использовать силу в любом ее виде для сопротивления вторжению. Однако, и это предпочтительней, государство организует и научит свое гражданское население сопротивляться вторжению, где бы оно ни происходило, посредством отказа от сотрудничества. Обучение организовано так, что до вторжения население просят потратить немалое время на то, чтобы понять суть

¹ О ненасильственной гражданской обороне см. подробнее во Введении.

ненасильственного сопротивления и как его следует применять. Поэтому, когда однажды «Макси» мирно оккупирует «Мини», граждане «Мини» предпримут такие действия, как некачественный ремонт дорог, плохое продовольственное и телефонное обслуживание, перестановка уличных знаков, блокирование уличного движения, распространение дезинформации и попытки убедить солдат «Макси» в том, что оккупация является ошибкой. В общем они используют все возможные ненасильственные методы для того, чтобы сделать жизнь оккупантов неприятной, а то и невыносимой.

Как оценить вероятность успеха *этой* программы сопротивления? Правильный ответ: «непросто». Если «Макси» — демократическое государство с вооруженными силами, склонными действовать в согласии с принципами международного гуманитарного права, а его правительство прислушивается к международному общественному мнению, оно не может отвечать на политику несотрудничества, помимо прочего, сокращением продовольственного снабжения населения «Мини». Оно не смогло бы прибегнуть и к насилию, отправив на казнь тех граждан «Мини», которые отказались от сотрудничества. Поэтому со временем, через год или два, политические лидеры «Макси» могут, подсчитав затраты на эту несчастную оккупацию, сделать вывод, что необходимо вступить в переговоры с теми, кто организует сопротивление «Мини», и, возможно, уйти из этой страны. Но «Макси» может и отвергнуть такой путь, особенно если оно имеет достаточные политические и военные причины для того, чтобы остаться. Оно может также не испытывать неудобства, поскольку, например, военные вскоре могут отказаться от услуг местной телефонной связи, а использовать собственную сеть для обеспечения сотовой телефонной связи. В лучшем случае население «Мини» одержит победу над оккупантами «Макси» посредством того, что можно назвать долгой войной на истощение оккупантов — войной без оружия.

Однако какова бы ни была степень вероятности успеха у народа «Мини», имеющего дело с *либеральным* «Макси», его шансы на успех, по всей видимости, будут существенно меньшими, если он столкнется с *авторитарным* «Макси». «Макси» этого типа, скорее всего, не будет столь терпимо к ненасильственной гражданской обороне, с действиями которой ему приходится иметь дело

ежедневно. Вероятно, чтобы склонить население «Мини» к сотрудничеству, было бы сокращено продовольственное и медицинское обеспечение. Отказывающиеся от сотрудничества подвергались бы аресту, а их лидеры — репрессиям. «Макси» могло бы организовать трудовые лагеря. Несомненно, эта невооруженная война на истощение существенно повлияла бы на обе стороны. Военные силы «Макси» находились бы в тяжелых условиях, но и население «Мини» тоже страдало бы, например из-за роста заболеваний среди детей и стариков. И еще неизвестно, какая из сторон сломалась бы первой, и, следовательно, остался бы открытым вопрос о применении принципа вероятности успеха к ненасильственной гражданской обороне.

7. ЧЕХОСЛОВАКИЯ, 1968 г.

Применение принципа вероятности успеха в контексте оккупации Чехословакии в 1968 г. на конкретном примере показывает, что отказ от использования силы в самообороне не обязательно обрекает население на неизбежную катастрофу. Действительно, значительная часть населения Чехословакии продемонстрировала, что гражданское сопротивление может быть достаточно умелым и эффективным¹.

За несколько месяцев до оккупации партийное руководство Чехословакии приступило к решительной программе десталинизации и демократизации. Руководство стремилось децентрализовать процесс принятия решений, а также содействовать осуществлению правовой реформы.

Эти перемены вызвали большие опасения в Москве. Со временем эти опасения превратились в открытую враждебность. Ослабление цензуры и возникновение новых политических групп со своими собственными программами не соответствовали советскому взгляду на социализм. Московское руководство боялось, что призыв к реформе социализма оказался бы заразительным примером

¹ *Hosking G.* The First Socialist Society: A History of the Soviet Union from Within. Cambridge MA: Harvard University Press, 1990. P. 368—374; *Windsor and Ph., Roberts A.* Czechoslovakia 1968: Reform, Repression & Resistance, N.Y.: Columbia University Press, 1969; *Sharp G.* The Dynamics of Nonviolent Action. Boston: Porter Sargent. P. 98—101.

для других стран социалистического блока, и это в свою очередь усилило бы «контрреволюционные силы».

21 августа 1968 г. советские войска, поддержанные военными контингентами из других стран Варшавского договора, вторглись в Чехословакию, чтобы положить конец реформистскому движению и восстановить просоветский режим. Ведущая советская газета «Правда» писала, что каждая нация может избрать «свой собственный особый путь к социализму», но при условии, что это «не нанесет ущерба ни социализму в их собственной стране, ни фундаментальным интересам других социалистических стран, ни мировому рабочему движению, которое ведет борьбу за социализм»¹. В соответствии с этой декларацией (которая вскоре получила название «доктрина Брежнева») другие социалистические страны имели право и обязанность вмешиваться, если это условие не выполнялось.

Оказавшись перед лицом вторжения, чехословацкое правительство призвало армию не оказывать сопротивления продвижению оккупационных войск. Вооруженное сопротивление не имело смысла. Чехословацкое руководство считало, что необходимо избегать всякой силовой конфронтации между гражданскими лицами и оккупационными войсками. Но многочисленные служащие, коммунисты-реформаторы, журналисты, студенты и рабочие развернули ненасильственное сопротивление оккупации. Они распространяли газеты и бюллетени новостей, информирующие население о реальной ситуации в стране. Благодаря подпольному радио люди получали инструкции о том, что делать, как общаться с оккупационными войсками и как сопротивляться им, не провоцируя репрессий. Чтобы помешать продвижению войск, уничтожались или подменялись дорожные знаки. Кроме того, участники ненасильственного сопротивления пытались убедить солдат в том, что оккупация несправедлива. Чтобы вступить с ними в контакт, они приносили им еду, чай и кофе. Установить диалог было нетрудно. Молодые чехи и словаки в то время изучали русский язык в школе.

Москва оправдывала военную акцию, называя ее «братской помощью» народу Чехословакии, который, как утверждалось, стал жертвой «ревизионизма некоторых руководителей чехосло-

¹ *Hosking G.* Op.cit. P. 372.

вацкой компартии и мирового империализма». Участникам ненасильственного сопротивления было нетрудно объяснить советским солдатам и офицерам, что это не так. Объяснения были настолько успешными, что советское командование вынуждено произвело замену некоторых частей оккупационных войск. Историк Джеффри Хоскинг говорит, что особенно сильным было сопротивление среди рабочих. На одной из фабрик в предместье Праги был даже созван подпольный съезд коммунистической партии, на котором коммунисты-реформаторы осудили вторжение.

Это ненасильственное сопротивление не привело к победе. Вместо этого советское правительство пришло к соглашению с чехословацким реформистским руководством. Первому секретарю Александру Дубчеку разрешили вернуться к власти, но ему пришлось согласиться с тем, что политическая жизнь в Чехословакии должна быть «нормализована», т.е. следовало восстановить прежний коммунистический режим. «Нормализация» происходила постепенно. В апреле 1969 г. Дубчек был заменен консервативным Густавом Гусаком. В коммунистической партии прошла проверка на политическую благонадежность и чистка. Каждый третий из полутора миллионов членов партии вышел из нее или был исключен. Аналогичные чистки имели место в средствах массовой информации, научных организациях и учебных заведениях.

В результате этих репрессий новый режим стабилизировался. Но это не означает, что движение ненасильственного сопротивления было лишь бесполезным жестом. Те, кто противостоял оккупации, сумели сделать максимум возможного в неблагоприятной ситуации. Оглядываясь назад, удивляешься тому, что страна, 20 лет жившая при авторитарном режиме, смогла так эффективно организовать движение ненасильственного сопротивления, как если бы это происходило в условиях демократии. Но поскольку движение носило преимущественно спонтанный характер, оно не имело того влияния, которое было бы возможно, будь оно организовано властями заранее. Лидеры сопротивления правильно поступили, согласившись с принципом вероятности успеха и, тем самым, сумев избежать бессмысленной силовой конфронтации с советскими войсками. Однако они дали понять, что советские войска не являются желанными гостями. Их сопротивление опровергло официальную пропаганду, утверждавшую, что военная

интервенция была в интересах населения. В результате «нормализовавшегося» режиму впоследствии было крайне трудно завоевать доверие.

Хотя ближайший, непосредственный результат чехословацкого сопротивления оказался ограниченным, очевидно, что оно имело значительные долговременные последствия. Сопротивление оказало огромное влияние на коммунистические партии во всем мире. Ряд западноевропейских коммунистических партий открыто выразил протест против советского вторжения и решительно отмежевался от советского руководства. В Западной Европе эти партии начали пропагандировать «еврокоммунистическую» программу социализма и резко критиковали советскую модель. Чехословацкое сопротивление имело также огромное идеологическое влияние на тех коммунистических реформаторов и диссидентов, которые через два десятилетия начнут демократические реформы в Польше, Советском Союзе и других странах социалистического блока. Для многих из них попытка социалистического обновления в Чехословакии 1968 г. была вдохновляющим примером.

Если провести сравнение с предыдущими моделями сопротивления «Мини» оккупации «Макси», мы увидим, что Чехословакия 1968 и 1969 г. оказывается где-то посередине. Советский режим был крайне авторитарным. Он не ответил на гражданское сопротивление так, как ответило бы на него демократическое государство: переговорами, компромиссами и последующим выводом своих войск. Но он не был и столь репрессивным, чтобы подвергнуть лидеров сопротивления репрессиям или создать трудовые лагеря для контроля над местным населением. Советский режим был, конечно, авторитарным, но он твердо держался специфической идеологической позиции, в соответствии с которой утверждалось, что оккупация Чехословакии отвечает действительным интересам населения этой страны. Эта идеологическая мотивация ограничивала меру репрессий, которые режим мог осуществить. Ненасильственное сопротивление наглядно продемонстрировало ложность псевдодемократической риторики, призванной оправдать оккупацию Чехословакии. Итак, в краткосрочной перспективе ненасильственное сопротивление не было особенно эффективным. Оно позволило избежать кровопролития, но осталось чисто символическим. Однако в долгосрочной пер-

спективе оно стало наиболее мощным орудием разрушения легитимности оккупации.

О принципе вероятности успеха будет идти речь и в следующей главе. Принцип соразмерности, который будет рассмотрен в этой главе, настолько близок принципу вероятности успеха, что трудно, не обращаясь к одному, завершить разговор о втором.

Глава V СОРАЗМЕРНОСТЬ

Ник Фоушин

1. ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ ПРИНЦИП

Принцип *соразмерности* относителен. Само по себе ничто не является соразмерным. Скорее, нечто является соразмерным только относительно чего-то другого. Например, в юриспруденции часто говорят, что наказание должно быть соразмерным преступлению (т.е. должно определенным образом соотноситься с ним). Не всегда ясно, что это означает, но почти все согласны с тем, что будет несоразмерным (т.е. несправедливым), если человека осудят на смертную казнь за совершенное в первый раз преступление в виде угона автомобиля. Однако многие согласились бы с тем, что заключение этого человека на определенный срок в тюрьму является соразмерным наказанием. Подобным образом вознаграждение молодого человека миллионом долларов за оказание помощи переходящей улицу старушке тоже было бы несоразмерным, а вот высказанная ему благодарность была бы уместной. Еще один пример. За то, что солдат подвергал свою жизнь большому риску и благодаря этому спас жизни многих своих товарищей, просто похвалить его на словах (например, сказав ему: «Отличная работа!»), несомненно, было бы несоразмерным, но наградить его за это медалью и (или) повышением в звании было бы очень кстати.

Когда речь идет о той части теории справедливой войны, которая связана с *jus ad bellum*, то одинаково легко обнаружить реальные и воображаемые примеры несоразмерности. Для государства было бы несоразмерным начать «большую» войну лишь из-за того, что несколько пьяных солдат другой стороны случайно забрели за линию границы. Также было бы несоразмерным начать «большую» или даже «небольшую» войну из-за пограничного спора, связанного с дюжиной (или около того) домов, или из-за спора по поводу прав на рыбную ловлю в небольшом регионе океана. Несколько труднее найти примеры соразмерности. И все

Москва: Гардарики, 2002

же общепризнанно, что соразмерный ответ — начать войну будет в случаях, когда относительно сильное государство подвергается нападению со стороны в равной степени сильного государства или когда очень сильное государство отвечает на нападение относительно сильного государства на слабого союзника (например, случай войны в Персидском заливе 1990—1991 гг.).

Но даже если эти интуитивные суждения о начале войны трактуются как непроблематичные, применение принципа соразмерности требует большей ясности и точности. В противном случае эти суждения о войне примут субъективный характер. Кроме того, без ясно и точно сформулированного принципа было бы, по-видимому, практически невозможно вынести более трудные решения о том, вступать в войну или нет.

Первое явное упоминание этого принципа встречается в Древнем Китае. Возможно, самым известным китайским поборником этого принципа был Мо-цзы¹. Этот философ и знаток практики ведения войны совершенно естественно был озабочен потерями и выгодами, поскольку в основе его этики лежал *утилитаризм* — теория, защищающая максимизацию пользы и минимизацию потерь для всех тех, кого затрагивают любые предпринимаемые действия. В ранний период становления традиции справедливой войны в христианстве на принцип соразмерности не обращали достаточного внимания. Августина и многих его последователей больше волновал принцип добрых намерений. Гораздо позже Фома Аквинский сделал ссылку на соразмерность, но он не трактовал ее как главный принцип наряду с такими принципами, как принцип легитимной власти, правого дела или добрых намерений². Однако ко времени Гуго Гроция принцип соразмерности уже основательно внедрился в теорию справедливой войны³.

К сожалению, ни в древней, ни в современной литературе мы не найдем четко сформулированного принципа соразмерности. Многие авторы говорят об этом принципе, не определяя ясно его

¹ *Mo Tzu*. Basic Writings [III, Section 19] / Trans. by B. Watson. N.Y., L.: Columbia University Press, 1963. P. 52—61.

² *Aquinas St.Th.* The Summa Theologica, II—II, Q 42, A 2, O 3. / Trans. by Fathers of the English Dominican Province. Chicago, L., Toronto, Geneva, Sydney, Tokyo, Manila: William Benton Publisher, Encyclopaedia Britannica Inc., 1952. P. 584// <http://www.newadvent.org/summa/304202.htm>.

³ Гроций Г. О праве войны и мира. Кн. II, гл. XXIII, § VI. Указ. соч. С. 539.

суть¹. Они просто называют этот принцип, а затем начинают применять его в обстоятельствах *jus ad bellum*, как будто все понимают его значение. Для такой уклончивости есть серьезное основание. В действительности, доказуемую версию этого принципа трудно сформулировать. Означает ли он то, что хорошие последствия вступления в войну должны быть равноценны плохим или должны превосходить их? Или он означает, что хорошие последствия развязывания войны в сравнении с плохими должны быть на две трети больше последних, или по крайней мере на три четверти, или еще на сколько-нибудь?

В этой связи следует обратить внимание на то, насколько бесполезно это в тех (редких) случаях, когда комментаторы пытаются объяснить этот принцип. В пастырском послании Национальной конференции католических епископов США этот принцип объясняется следующим образом: «Причиняемый войной ущерб и вызываемые ею потери должны быть соразмерны пользе, ожидаемой в результате того, что стороны взялись за оружие...»². Подобным образом Шелдон Коэн уверяет нас, что суть этого принципа состоит в следующем: «ущерб, причиняемый военными действиями, должен быть соразмерным достигаемому эффекту»³. В этих формулировках, далеких от прояснения сути соразмерности, просто используется слово «соразмерность», которое еще необходимо объяснить. Мнение Пола Рамсея в этом смысле оказывается более полезным. Он говорит, что государство достигнет соразмерности, когда «будет осуществлено блага больше, чем погублено, или же будет предотвращена бóльшая мера зла»⁴. Ту же мысль У.В. О'Брайен выражает таким образом: «Возможное благо, которое может быть достигнуто посредством успешного применения вооруженной силы во исполнение принципа правого дела, должно перевешивать то возможное зло, которое будет порождено войной»⁵. Мысль заключается в том, что если вероят-

¹ См. *Christopher P.* The Ethics of War and Peace. 2nd ed. Upper Saddle River, N.J.: Prentice Hall, 1999; *Kelsay J.* Islam and War. Louisville KY: Westminster: John Knox Press, 1993; *Walzer M.* Just and Unjust War. N.Y.: Basic Books, 1977.

² U.S. Catholic Bishops. The Just War and Non-Violence Positions // War, Morality and the Military Profession. 2nd ed. / Ed. by M.Wakin. Boulder CO: Westview Press, 1986. P. 248.

³ *Coben S.* Arms and Judgment. Boulder, CO: Westview Press, 1989. P. 39.

⁴ *Ramsey P.* Just and Unjust War. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1968. P. 195.

⁵ *O'Brien W.V.* The Conduct of a Just and Limited War. N.Y.: Praeger, 1981. P. 27.

ность положительных последствий перевешивает отрицательные на 51% и более, в то время как вероятность отрицательных последствий сохраняется в 49% случаев и менее, то при прочих равных условиях допустимо начинать войну. Очевидно, для Рамсея и О'Брайена даже соотношение 50:50 не является достаточным для того, чтобы послать войска в бой.

Однако подобная формулировка ставит проблему, которая вызывает сомнение в приведенном выше толковании данного принципа. Даже если бы принцип соразмерности можно было как-то точно сформулировать, разработав конкретное руководство относительно того, когда можно идти на войну, его слабым местом останется проблема измерения. Какой смысл говорить о 51, 52 или 53% вероятности получения положительного результата, если часто трудно предугадать, будет война длиться несколько недель или несколько лет? Вспомним, например, о Гражданской войне в США и о Первой мировой войне. Многие тогда думали, что война «закончится к Рождеству (того года, когда она началась)». Какой смысл в таких измерениях, если часто перед началом войны не ясно даже, кто будет в ней участвовать? Вспомним, например, о Корейской войне. Северная Корея, СССР и Китай, очевидно, были убеждены, что Соединенные Штаты (наряду с государствами — членами ООН) не вмешаются в эту войну. Кроме того, можно задать вопрос, будет ли это война между двумя государствами или между двумя коалициями? Будет ли это локальная или мировая война? Какой оборот примет война в связи с введением новых технологий? Если какое-то государство вступает в войну, то будет ли реально сдержана агрессия в будущем? А если будет, то какая в точности выгода в результате этого будет получена?

Какое же в таком случае место среди всех этих как будто неразрешимых вопросов занимает принцип соразмерности? Следует иметь в виду, что цель теории справедливой войны в разделе *jus ad bellum* заключается в наложении ограничений на начало войны. Тогда из этих вопросов вытекает то, что принцип соразмерности наилучшим образом применим к крайним обстоятельствам. Если количество блага, которым может обернуться война, явно перевешивается количеством зла, то данный принцип не санкционирует начало войны. И наоборот, если очевидно, что благо перевешивает зло, то этот принцип допускает начало войны. Эти виды рекомендаций являются подходящими, потому что из-

мерения могут быть сделаны в тех случаях, когда между тем, что хорошо, и тем, что плохо, существует большая разница. По-разному оценивая благо и вред, принцип соразмерности может справиться с легкими случаями. И, наоборот, в тех случаях, когда результаты измерения ожидаемого блага и зла «слишком близки по значению» или когда из-за недостатка информации эти измерения могут быть осуществлены лишь с величайшими трудностями, принцип соразмерности является, как правило, разрешительным. Лица, обдумывающие возможность вступить в войну, будут говорить себе что-то подобное следующему: «Поскольку нет никаких ясных доказательств запрещения войны, то мы с чистой совестью можем вступить в эту войну». Таким образом, в отношении трактовки простых и не столь простых случаев принцип соразмерности действует в теории справедливой войны во многом подобно принципу вероятности успеха.

2. ЕЩЕ РАЗ О ЛЮКСЕМБУРГЕ И БЕЛЬГИИ

Вспомним описанную в предыдущей главе ситуацию, в которой оказался Люксембург во время Второй мировой войны. Вероятность успеха была нулевой, поэтому, согласно теории справедливой войны, с самого начала вторжения не следовало ничего предпринимать для воспрепятствования продвижению немцев через территорию страны на территорию Бельгии и Франции. Сопrotивление немецкой агрессии в этом случае было бы несоразмерным. Урон, нанесенный полиции, насчитывавшей 300 человек, и гражданскому населению, которое попало бы под обстрел, не компенсировался бы никаким благом.

Положение Бельгии во время Второй мировой войны также описывалось в предыдущей главе. Принцип вероятности успеха и принцип соразмерности позволяли бельгийцам вступить в борьбу. По информации, имевшейся в распоряжении бельгийцев до нападения немцев, бельгийцы могли оценить вероятные потери и выгоды и установить возможность сопротивления немцам. До начала военных действий не было очевидно, что немцы обязательно одержат победу. Скорее, в то время казалось, что у Бельгии и ее союзников была возможность боевыми действиями остановить немецкую агрессию.

Следует прояснить, как производится оценка вероятных потерь и выгод и как в данном случае бельгийцы могли полагать, что

большее благо будет достигнуто, если оказать немцам сопротивление, чем в результате капитуляции. Подобно принципу вероятности успеха, принцип соразмерности является мерой общей пользы и вреда. Ни один из этих принципов не оценивает пользу и вред с точки зрения только одной стороны. Скорее, они оба принимают в расчет интересы каждой стороны, в том числе интересы потенциального врага. Таким образом, оба принципа как таковые являются этическими. Считается, что война является справедливой (при всех прочих равных условиях), если участие в ней, вероятно, принесет больше общей пользы, чем вреда. В этом смысле единственное благо, достигаемое тем, что бельгийцы и их союзники оказали сопротивление немцам, заключается в том, чтобы преподать немцам урок и показать им, что агрессия чревата потерями. Усвоение этого урока может быть болезненным, но, в конце концов, предполагается, что для немцев это полезно. Этот урок полезен также тем государствам, которые не участвовали во Второй мировой войне, а наблюдали агрессию со стороны. Кроме того, считается, что Вторая мировая война была справедливой, поскольку она способствовала сохранению независимости народов Бельгии, Франции, Великобритании, Люксембурга и Нидерландов. Она была справедлива также потому, что сохранилась независимость других народов, которые могли бы стать жертвами агрессии, если бы не было ясно продемонстрировано, что за агрессию всегда наступает расплата. Таким образом, во внимание принимаются благо и ущерб всех народов.

3. «МИНИ» И «МАКСИ»

При оценке применимости принципа соразмерности к сценарию оккупации государства «Мини» государством «Макси» принимаются во внимание также благо и ущерб каждой стороны. «Макси» оккупировало «Мини», но нужно вспомнить, что «Мини» не оказало ему военного сопротивления. Вместо этого «Мини» для борьбы с «Макси» решило использовать стратегию гражданской обороны (civilian-based defense). Учтем, что даже в том случае, если бы «Макси» было либеральным, то мирное население «Мини», как и военные «Макси», понесло бы потери. Это тем более произошло бы в том случае, если бы политика «Мини» в какой-то своей части была направлена на поддержку забастовок, которые

парализовали бы ее экономику. Разумеется, проведение забастовок не могло быть продуктивно, поскольку при этом мирное население «Мини», вероятно, пострадало бы больше, чем военные «Макси». В конце концов, «Макси» могло бы ввозить провиант, одежду, жилища для своих военных и, таким образом, свести на нет отрицательные для себя последствия забастовок. Но у населения «Мини» нет такого же легкого доступа к этим жизненно необходимым ресурсам.

В любом случае принцип соразмерности санкционировал бы гражданскую оборону правительства «Мини» только в том случае, если для всех заинтересованных сторон общее благо превысит общий ущерб. Следовательно, она была бы санкционирована в том случае, если бы не пострадали чрезмерно народ «Мини» и военные «Макси», а также если бы «Мини» в конце концов удалось бы убедить правительство «Макси» вывести свои войска. Можно предположить, что если «Мини» имеет дело с либеральным правительством «Макси», то потери с каждой стороны не будут слишком велики и вероятность успешного прекращения агрессии может быть весьма высокой. Какие при этом возможны потери и какова вероятность успеха — это зависит, вероятно, от того, насколько решительно «Макси» настроено удерживать в своих руках завоевания, полученные в результате оккупации «Мини».

Однако если «Мини» имеет дело с авторитарным «Макси», то расчеты потерь в сравнении с выгодами и вероятность успеха, вероятно, будут совершенно другими. За политику гражданского неповиновения «Мини» заплатить высокую цену — страдания населения, и меньшая вероятность того, что ему удастся убедить «Макси» покинуть страну. Но, как и в других приведенных выше случаях, расчеты здесь затруднительны, если не сказать, сильно затруднительны. В конце концов, политика гражданской обороны связана с истощением участников. Она достигает цели или терпит неудачу, но через длительное время; в этом случае чем дальше в будущее мы стараемся заглянуть, тем менее определенными становятся наши оценки того, что случится.

Существует дополнительный фактор, который может очень сильно усложнить ситуацию. Имея дело с авторитарным «Макси», руководство «Мини», вероятно, обнаружит, что какая-то часть населения становится все менее управляемой. Поскольку запасы продовольствия уменьшаются и от этого страдают дети, некоторые

граждане могут прийти к мнению, что они должны делать нечто больше, чем просто участвовать в политике гражданского неповиновения. Они могут решить взяться за оружие и начать партизанскую войну. В этой ситуации расчеты соразмерности и вероятности успеха становятся практически бессмысленными. Например, каким образом разработчики политики гражданской обороны «Мини» могли бы еще до вторжения спрогнозировать, в какой момент их политика перерастет в партизанскую войну?

Прежде чем закончить рассмотрение различных сценариев отношений государств «Мини» и «Макси», нужно рассмотреть еще один вопрос. Принципы *вероятности успеха* и *соразмерности* не являются единственными принципами теории справедливой войны, которые здесь можно применить. Например, принцип *правого дела* действует так, что «Мини» может сослаться на него для того, чтобы объяснить, почему оно реагирует на действия «Макси» именно таким образом. Кроме того, принцип *легитимной власти* действует постольку, поскольку правительство санкционировало ту политику гражданской обороны, которую приняло население «Мини». Согласно принципу *добрых намерений*, «Мини» проводит политику гражданской обороны, чтобы избавиться от захватчика. Наконец, действует еще и принцип *крайнего средства*. Политика гражданской обороны принимается «Мини» только после того, как были рассмотрены все альтернативы возможного ответа на вторжение «Макси», в том числе и вооруженного сопротивления.

4. РАСХОЖДЕНИЕ МЕЖДУ ПРИНЦИПОМ ВЕРОЯТНОСТИ УСПЕХА И ПРИНЦИПОМ СОРАЗМЕРНОСТИ

Примеры, которые рассматривались в этой и предыдущей главах, предполагают, что суждения, выраженные с помощью принципов вероятности успеха и соразмерности, близки. Там, где один принцип гласит, что государство (или группа людей) должно вступать в войну, другой принцип утверждает то же самое. Там, где один принцип не рекомендует войну, о том же говорит и другой. Единственным возможным исключением является пока случай революции на Кубе, возглавлявшейся Кастро (см. предыдущую главу). Было доказано, что в данном случае, возможно, нет необходимости придерживаться принципа вероятности успеха.

Этот принцип неприемлем по отношению к революционным движениям, какими бы идеями они ни вдохновлялись, если принимать стандарт, которому могут отвечать только национальные государства.

Однако можно было бы доказать, что Кастро и его сподвижники-революционеры могли и должны были выполнить требования принципа соразмерности. В то время казалось, что свержение режима Батисты принесет больше добра, чем зла. Этот режим отнял у рабочего класса право на забастовку, упразднил кубинский парламент, запретил политические партии, бросил в тюрьмы и казнил множество тех, кто выступал против режима; он был чрезвычайно коррумпированным, и деньги текли в руки чиновников, а не на нужды народа. Еще в 1952 и 1953 гг. можно было сделать обоснованный расчет, показывавший, что кубинскому народу будет лучше жить без коррумпированного режима Батисты. Как показывали расчеты соразмерности, без режима Батисты было бы лучше даже в том случае, если бы в результате его свержения произошла кровопролитная гражданская война. Так что в данном случае между двумя обсуждаемыми принципами нет соответствия. Один принцип «молчит» (и должен «молчать»), в то время как другой «говорит», что участие в войне является оправданным.

Первая мировая война дает более яркий пример расхождения этих двух принципов. Рассмотрим роль четырех главных сторон в этой войне — Германии, Великобритании, Франции и России. Каждая из них могла предполагать, что ее действия соответствуют требованиям принципа вероятности успеха. Так, у Германии была крупная, хорошо обученная и экипированная армия и мощный военно-морской флот, уступавший по мощи только флоту Великобритании. Кроме того, Германия разработала «план Шлиффена», согласно которому ее армия должна была вторгнуться во Францию, как только для Германии появится благоприятная возможность двинуться в этом направлении. Известна была и слабость этого плана¹, однако немецкая армия была достаточно грозной, поэтому была высока вероятность ее успеха даже в том случае, если бы она воевала с Францией и Россией одновременно.

Что касается французской армии, то при столкновении с потенциальным врагом с востока ее превосходство в силе не было

¹ Keegan J. The First World War. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1999. P. 20—46.

очевидно. Как и немецкая армия, она была крупной, насчитывавшей несколько миллионов солдат и хорошо обученной армией. Кроме того, Франция заключила такой договор с Россией, по которому в том случае, если любое из этих двух государств подвергнется нападению, то другое должно прийти ему на выручку. Что касается России, то ее военные силы не были столь хорошо экипированы и, возможно, не столь хорошо подготовлены, как французские или немецкие. Однако численность населения России такова, что она могла бы практически бесконечно посылать на фронт подкрепление. Кроме того, как обнаружил Наполеон и еще предстояло позже обнаружить Гитлеру, у России такая огромная территория, что она легко может поглотить любую вторгшуюся армию. Что касается Великобритании, то ее армия не приступила бы к военным действиям, не сотрудничая с Францией. Хотя британская армия меньше по численности в сравнении с главными континентальными армиями, она обладала высокими боевыми качествами. Она получила боевое крещение в кровавой англо-бурской войне и лучше, чем большинство других армий, знала, какими потерями чревата современная война¹.

Таким образом, у всех четырех государств были основания полагать, что в большой европейской войне они смогут достичь успеха или, по крайней мере, сохранить свои позиции. Могло оказаться, что одно или, может быть, два из них ошибались в этой оценке. Но в самом начале войны оценка каждого государства, согласно которой оно может соответствовать требованиям принципа вероятности успеха, была обоснованной.

Однако что теперь можно сказать о принципе соразмерности? Могли ли лидеры этих стран ожидать, что потери в войне будут больше, чем выгоды? Очевидно, большинство из них так не считали. Может быть, так в их взглядах проявилась национальная гордость, может быть, невозможно было сопротивляться взрыву патриотизма нации, обусловленного войной, или, может быть, руководство этих стран настолько утратило контроль над событиями, что один шаг по направлению к войне неизбежно приводил к другому.

Но если бы они контролировали тенденцию сползания своей страны к войне и, пользуясь случаем, применили бы принцип

---

¹ Keegan J. Op. cit. P. 98.

соразмерности, то, возможно, Первой мировой войны не было бы. Войны, предшествовавшие этой великой войне, ясно свидетельствовали о том, что современные войны чрезвычайно кровопролитны. Русско-японская война (1904—1905) ясно показала, что современное вооружение, в том числе скорострельные многозарядные ружья, пулеметы, мощная артиллерия, а также крупные армии и военно-морские флоты могут стать причиной ужасающего числа потерь¹. Несомненно, русские, как и японцы, усвоили этот урок. А британцы, немцы и французы посылали на эту войну своих наблюдателей. Кроме того, хотя они и не участвовали в боях, но могли выявить тенденции современной войны — большие потери. У британцев, как уже отмечалось, был также недавний опыт боев в англо-бурской войне² и других колониальных войнах. Они знали, насколько опасным может быть огонь из современного нарезного оружия, поэтому, когда началась Первая мировая война, они рыли глубокие окопы, чего бельгийские, французские и немецкие солдаты поначалу не делали. Таким образом, признаки надвигающейся катастрофы были налицо. С появлением нового и более смертоносного оружия, которое могут использовать миллионы солдат, обращение к принципу соразмерности должно было заставить государства задуматься, прежде чем вступить в большую войну с участием множества стран. Каждое государство могло бы самостоятельно решить, что оно для себя добилось бы успеха, если бы вступило в большую войну, но отдельный расчет, основанный на принципе соразмерности, послужил бы предупреждением, что цена большой войны может оказаться слишком высокой.

Таким образом, хотя принципы вероятности успеха и соразмерности большей частью дают сходные результаты, в общем они являются разными принципами. Они сходны по учету последствий для *каждой* стороны и трудностям применения. Слабым местом как одного, так и другого принципа является оценка. Часто невозможно удовлетворительно оценить вероятность успеха или соразмерность. Их объединяет также то, что они — второстепенные принципы. Оба принципа пытаются измерять пользу и вред, основываясь на том, что говорит принцип правого дела. Если этот принцип говорит об ответе на агрессию, то вероятный успех

¹ Edgerton R.B. Warriors of the Rising Sun: A History of the Japanese Military. N.Y., L.: W.W. Norton & Co, 1997. P. 179—180.

² Keegan J. Op. cit. P. 98.

следует оценивать с точки зрения того, насколько агрессор был ослаблен или понес поражение. Подобным образом, оценка соразмерности говорит о том, что польза от вступления в войну частично должна быть связана с избавлением от агрессора и сдерживанием его от агрессии в будущем.

Несмотря на сходство этих двух принципов, они различны. Принцип вероятности успеха эже по масштабу. Он касается только достижения цели (соответствия требованию некоего правового дела) обсуждаемой войны и не принимает во внимание общие потери при достижении этой цели. Это учитывает принцип соразмерности, который требует ответа на вопрос: если даже успех в войне возможен, стоит ли этот успех ожидаемых потерь? Как мы уже видели, бывают случаи, когда применение принципа соразмерности приводит к отрицательному ответу на вопрос о целесообразности начала войны при том, что по критерию вероятности успеха война может быть оправдана.

Глава VI КРАЙНЕЕ СРЕДСТВО

*Бруно Контитерс
Рубен Апресян
Карл Келеманс*

1. ВВЕДЕНИЕ

Согласно теории справедливой войны, использование вооруженной силы при разрешении конфликтов между государствами может быть оправдано лишь в крайнем случае, т.е. когда все иные возможные средства их разрешения исчерпаны. Так что участник конфликта может сослаться на *правое дело, законную власть, добрые намерения*, а также на все иные, предусмотренные принципами справедливой войны оправдания для использования военной силы, но тем не менее его вступление в войну будет запрещено.

Уже у Цицерона мы можем найти рассуждение о том, что единственное моральное условие, при котором войну можно считать справедливой, заключается в том, что пострадавшая сторона испробовала все средства мирного разрешения конфликта¹. Римская юридическая практика, говорил он, предполагает, что между требованием компенсации за нанесенный ущерб и переходом к враждебным отношениям прошло некоторое время². Это дает возможность оппоненту возместить нанесенный ущерб. Вступление в войну может считаться справедливым только при условии, что эта альтернатива была отвергнута. Другие авторы, например Фома Аквинский, также рассматривали войну как своего рода санкцию за нанесенный ущерб в случае, когда никакие другие средства возмещения ущерба оказались невозможными. Альтернативы войне рассматривал также Гуго Гроций. В качестве таковых он предлагал мирные конференции, посредничество и даже такие

---

¹ *Christopher P.* The Ethics of War and Peace. An Introduction to Legal and Moral Issues. N.J.: Prentice Hall, 1994. P. 13.

² Согласно римскому праву, должно было пройти 33 дня между требованием возмещения убытков и началом военных действий. *Ibid.* P. 13—14, 55.

методы разрешения конфликта, которые сегодня могут показаться эксцентричными, например жребий или единоборство¹.

Гроций прямо говорил, что хотя требование стремиться избежать войны касается обеих сторон, в основном к этому обязывается тот, «кто нападает, а не тот, кто защищает свои владения»². По его мнению, применение военной силы для защиты от нападения всегда справедливо. Этот взгляд широко распространен в истории мысли. Страна, чья территория подверглась агрессии, не имеет иного выбора, как сопротивляться или капитулировать³. Военная оборона строится на этом предположении. Первая задача армии заключается в том, чтобы сдерживать агрессию и решительно действовать в случае, если сдерживание не возымело действия. Но *принцип крайнего средства* не должен полностью игнорироваться и тогда, когда государства сталкиваются с военной агрессией, например в случаях, когда военные операции еще не начались, но неминуемость агрессии очевидна. Возможность невоенных средств предотвращения агрессии определяется в такой ситуации самыми разными факторами. В некоторых случаях она может быть предотвращена благодаря дипломатическим усилиям. Согласно теории справедливой войны, эта возможность с моральной точки зрения гораздо предпочтительнее использования силы. Но, конечно, трудно указать точно, до каких пор следует в некоей конкретной ситуации стремиться к невоенному разрешению конфликта. Ни в коей мере это не должно продолжаться долго. Неприятель может, например, устранить все возможности для переговоров неожиданным вторжением на чужую территорию.

Попытка применить принцип крайнего средства может поставить политических деятелей перед трудным выбором между злом войны и бременем несправедливого решения. В некоторых случаях бремя несправедливого мира может быть предпочтительнее ужасов войны. В иных случаях сдержанность в использовании силы и политика попустительства агрессии могут и не предотвратить войны, но будут восприняты неприятелем как проявление слабости и поэтому могут только подтолкнуть его к агрессии. В этом случае

¹ Christopher P. Op. cit. P. 95.

² Гроций Г. О праве войны и мира. Кн. II, гл. XXIII, § VI—XI. Указ. соч. С. 539—542.

³ Regan R.J. Just War: Principles and Cases. Washington D.C.: The Catholic University of America Press, 1996. P. 64—66.

у агрессора появляются дополнительные возможности для увеличения своего военного потенциала. Такой результат применения принципа крайнего средства на самом деле свидетельствует, что оно было ошибочным. Наиболее явный пример ошибочного следования принципу крайнего средства мы имеем накануне Второй мировой войны. Политика умиротворения, которую проводили Великобритания и Франция в отношении нацистской Германии, привела к результатам, прямо противоположным их намерениям. Мюнхенские соглашения 1938 г. не оказали сдерживающего воздействия на экспансионистскую военную политику Гитлера, но открыли ему путь к оккупации Чехословакии и усилили его политические и военные позиции в Европе.

2. СОВЕТСКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1939 г.

В истории международных отношений можно насчитать множество примеров успешного и неуспешного применения принципа справедливой войны. Ниже приведены два примера из советской истории, которые демонстрируют, какое значение может придаваться этому принципу. Первый пример — советско-японская война в мае 1939 г.¹ Во второй половине 1930-х гг. Япония проводила на Дальнем Востоке экспансионистскую политику. В 1936 г., после того как Япония установила марионеточный режим в Китае (названный ими Маньчжоу-Го) недалеко от границ Монголии, исчезли все сомнения в том, что Монголия может стать второй после Китая жертвой японской агрессии. Советское правительство понимало, что японская оккупация Монголии будет серьезной угрозой безопасности СССР, и поэтому официально заявило, что в случае японского нападения на Монголию СССР окажет ей военную помощь. 12 марта 1936 г. Советский Союз и Монголия подписали соглашение о военной взаимопомощи. Тем не менее Япония продолжала свои военные приготовления. Она выпустила новую карту региона, на которой граница между Монголией и японским марионеточным государством Маньчжоу-Го оказалась перенесенной дальше на запад. В ответ на это Советский Союз официально предупредил Японию, что он не допустит нарушения территориальной целостности Монголии и любая попытка изме-

¹ История Второй мировой войны: В 12 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1974. С. 74.

нения существующей границы между Монголией и Маньчжоу-Го приведет к войне. Несмотря на эти предупреждения 11 мая 1939 г. японские вооруженные силы пересекли международно признанную границу и попытались оккупировать территорию восточнее реки Халхин-Гол. Советская армия пришла на помощь Монголии, и четырехмесячная война завершилась поражением Японии. Отвергая территориальные претензии Японии, советское правительство, очевидно, пыталось не допустить войны всеми возможными для этого средствами. Японскому правительству несколько раз делались официальные предупреждения, и японское нападение на Монголию не оставило советскому правительству никакой иной альтернативы, кроме войны.

3. СОВЕТСКО-ФИНСКАЯ (ЗИМНЯЯ) ВОЙНА 1939—1940 гг.

С точки зрения принципа крайнего средства интерпретация войны 1939 г. между Советским Союзом и Японией довольно проста. Более сложным случаем является советско-финская, или Зимняя, война¹. Финляндия была демократическим государством, а Советский Союз нет, но отсюда не следует непременно, что у Советского Союза в этой войне, которую он вел против демократического государства, не было правого дела. Нужно сказать, что советское руководство имело обоснованные требования к Финляндии и его политика, предшествующая началу военных действий, в полной мере соответствовала принципу крайнего средства. Чтобы это утверждение было понятно, требуется описать ту сложную ситуацию, с которой в то время столкнулось советское руководство.

В конце 1930-х гг. Германия готовилась к войне с соседними странами, и это создавало угрозу безопасности Советского Союза. Ему не удалось организовать военный союз с западными странами

¹ Этот эпизод реконструирован на основе следующих источников: *Elman M.F.* Finland in World War II: Alliances, Small States, and the Democratic Peace // *Paths to Peace. Is Democracy the Answer?* / Ed. M.F. Elman. Cambridge (Mass.); L.: The MIT Press, 1997. P. 191—232; История Второй мировой войны: В 12 т. Т. 3. М.: Воениздат, 1974. С. 358—365; *Мухин Ю.* Между молотом и наковальней (<http://stalinism.newmail.ru/duel/glava03.htm>); *Reis Th.* Lessons of the Winter War — Yesterday and Today (<http://virtual.finland.fi/finfo/english/war1.html>); *Vihavainen T.* Before the war — Finland, Stalin and Germany in the 1930s (<http://virtual.finland.fi/finfo/english/before.html>).

против общего противника. Отношения между Москвой и Берлином были крайне обострены. В этих условиях Москва понимала, что в случае агрессии Германия скорее всего воспользуется финской территорией. Советско-финская граница проходила примерно в 30 км от Ленинграда, второго по величине города Советского Союза. Поскольку Советский Союз в случае агрессии скорее всего не смог бы защитить свою территорию, ему было необходимо, чтобы Финляндия пошла на серьезные концессии и предоставила свою территорию для создания линии обороны против возможного германского вторжения.

Со своей стороны, финское правительство с подозрением относилось к намерениям СССР. В 1937 г. в результате выборов в Финляндии на смену консерваторам пришло новое правительство, сформированное социал-демократической, аграрной и либеральной партиями. Оно и отказалось от прогерманской позиции, опасаясь, что эта позиция может увлечь Финляндию в германо-советский конфликт, но вместе с тем оно не проявляло готовности к политике примирения с Советским Союзом. Большинство финнов опасались, что Советский Союз в своих экспансионистских устремлениях претендует на территории северных соседей. С их точки зрения, Советский Союз был готов завоевать не только три балтийских государства, но и Финляндию — страну, которая была частью царской империи до Октябрьской революции 1917 г. Некоторые финны имели другие мотивы в отношении Советского Союза. Они не доверяли ему, но в то же время поддерживали доктрину восстановления Великой Финляндии за счет Советского Союза и не испытывали энтузиазма относительно поддержки соглашений с Советским Союзом.

Несмотря на предубеждение финнов в отношении договора, советское правительство выступило с серией инициатив, которые имели несколько этапов. Первый этап переговоров начался в апреле 1938 г. Советский Союз предложил подписать договор о совместной обороне, по которому он брал на себя обязательство предоставить Финляндии свои войска в случае немецкого вторжения. Финскому правительству было дано специальное разъяснение, что Советский Союз не стремится к оккупации финской территории, но ему нужно иметь возможность продвинуться на территорию Финляндии в случае, если она станет жертвой немецкой агрессии с тем, чтобы противостоять врагу. Финляндия отвергла это предложение, считая, что его реализация поставит под угрозу

ее суверенитет. Тогда Советский Союз предложил Финляндии военную защиту в случае германской агрессии без заключения формального договора об обороне. Тем самым Финляндия соглашалась бы с тем, что для предотвращения нападения со стороны Германии она должна была обратиться к Советскому Союзу за защитой. От Финляндии также требовалось согласие на строительство оборонительных сооружений на островах Суурсаари или Гогланд в Финском заливе, что самой Финляндии осуществить было не под силу. Советский Союз рассматривал оборону этих островов как исключительно важную задачу для обеих стран. Финляндия отказалась и от этого предложения и не выразила ни малейшего интереса в продолжении переговоров.

Начиная с марта 1939 г. Советский Союз выступил с рядом новых предложений, и все они были отвергнуты финским правительством. Финляндии было предложено передать в аренду на 30 лет остров Гогланд и несколько небольших островов в Финском заливе, передвинуть советско-финскую границу в глубь Карельского перешейка для обеспечения защиты Ленинграда, взамен Финляндии предлагалась советская территория в Карелии. Советская сторона также предложила компенсировать Финляндии все издержки, связанные с переселением финского населения.

В августе 1939 г. Советский Союз, подписав с Германией Договор о ненападении, получил «свободу рук» в Балтийском регионе. И хотя этот договор усилил стратегические позиции Советского Союза, недостаточность военной обороны для защиты Ленинграда по-прежнему оставалось проблемой. К концу ноября стало ясно, что никаких надежд на переговоры с Финляндией больше нет. Министр иностранных дел СССР Вячеслав Молотов заявил: «...Мы, гражданские люди, уже ничего в данном случае сделать не можем; настала очередь военных говорить на своем языке»¹. 30 ноября Сталин принял решение начать войну. Его целью было отодвинуть границу от Ленинграда и обеспечить безопасность морской базы на финском берегу. Война (которую российские историки называют «Финская», а финские — «Зимняя») длилась более трех месяцев и сопровождалась значительными потерями с обеих сторон. В марте 1940 г. Финляндия пошла на соглашение на условиях СССР и вынуждена была

¹ Цит. по: *Elman M.F.* Finland in World War II. P. 200.

уступить гораздо большую территорию, чем та, о которой шла речь во время переговоров.

Финские потери в войне составили около 25 тыс. убитыми и 44 тыс. ранеными. Финляндия потеряла возможности добиться лучших условий, которые у нее были во время переговоров¹. Отчасти это было результатом недопонимания ею тех проблем, которые стояли перед Советским Союзом по обеспечению своей безопасности, искаженного восприятия советской политики сквозь призму прошлого опыта российско-финских отношений, в частности во времена царизма, когда Финляндия была частью Российской империи, да и после революции 1917 г. и обретения Финляндией независимости, когда советское правительство попыталось в 1918 г. экспортировать в Финляндию большевистскую революцию. Все советские попытки укрепить безопасность Ленинграда рассматривались просто как уловки для захвата всей Финляндии. Согласие на советскую защиту от Германии приравнивалось к подчинению советскому господству. Финское правительство также опасалось шумных протестов общественности против каких бы то ни было компромиссных решений, предполагающих территориальные потери. В то же время в финском руководстве наметилось некоторое различие подходов. Так, маршал Маннергейм, Верховный главнокомандующий Финляндии в период переговоров, подчас был более склонен к компромиссному решению, чем финское правительство. Он полагал, что Финляндия должна пойти на уступки Советскому Союзу, который чувствовал угрозу со стороны Германии и не мог надеяться на какую-либо поддержку со стороны Запада: «Я твердо придерживался мнения, что нам следовало согласиться на какие-то предложения России, если это могло привести к улучшению отношений с нашим могучим соседом <...> острова нам были совсем не нужны <...> и у нас не было никаких средств для их защиты <...> С другой стороны, острова были действительно важны для русских, поскольку с них можно было контролировать подход к морской базе в Лужском заливе, и отдавая их в аренду, мы получали выгоду от одного из немногих козырей, которые у нас были»². Но это особое мнение Маннергейма не имело практических последствий.

¹ Приведенную интерпретацию см. *Elman M.F.* Op. cit. P. 191—232.

² Цит. по: *Marshal Mannerheim. The Memoirs of Marshal Mannerheim.* L.: Cassel, 1953. P. 300.

Что бы мы ни думали о российской и советской политике в отношении Финляндии до 1930-х гг. или о самом советском режиме, мы можем сделать вывод, что претензии Советского Союза к Финляндии, обусловленные его озабоченностью проблемами обороны, были легитимны. Особенно важен в контексте данной главы еще один вывод, что СССР ради обеспечения своих национальных интересов, прежде чем вступить в войну, предложил Финляндии целый ряд дипломатических альтернатив. Таким образом, эта политика отвечала принципу *крайнего средства*.

4. ООН, ОРГАНИЗАЦИИ ПО МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И МНОГОСТОРОННЯЯ ДИПЛОМАТИЯ

После Второй мировой войны создание ООН и дальнейшее развитие международного права наложили строгие ограничения на право государств использовать силу. В этом институциональном контексте основная с точки зрения принципа крайнего средства роль принадлежит Совету Безопасности ООН. На него возложена основная ответственность за поддержание международного мира и безопасности в соответствии с принципами и целями Устава ООН¹. Одна из задач ООН заключается в том, чтобы рассматривать любые споры или ситуации, ведущие к международным конфликтам. Совет Безопасности ООН может определять наличие угрозы миру или акта агрессии и рекомендовать соответствующие действия. Прежде чем рекомендовать применение силы, он должен изучить, что принесут такие меры, как экономические эмбарго и санкции или принятие резолюций, которые предупреждают о возможности применения силы, если не выполняются какие-то конкретные условия. Глава VI Устава ООН касается разрешения споров путем переговоров, посредничества или другими мирными средствами.

ООН может также посылать в районы конфликтов военный или полицейский персонал. Существуют различные типы операций, в которых персонал ООН может быть использован для предотвращения или невозобновления конфликтов. Наиболее часто силы

¹ Об этом см.: Basic Facts about the United Nations. N.Y.: United Nations, 1998; Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict // Preventing Deadly Conflict: Final Report with Executive Summary. Carnegie Corporation of New York. 1997. December. P. 39; 60—67.

ООН используются в миротворческих операциях по стабилизации ситуации после конфликтов и невозобновления конфликтов. Операции «пожарных бригад» могут разворачиваться в превентивном порядке для предотвращения вспышек насилия. В 1992 г. Совет Безопасности ООН впервые послал в небольшую балканскую республику Македония превентивные миротворческие силы, которые должны были предотвратить распространение на нее вооруженных конфликтов, полыхавших на территории всей бывшей Югославии.

Расширение количества международных организаций, занимающихся вопросами безопасности, еще более увеличило возможности мирного разрешения конфликтов. Специальные посланники и представители этих организаций, а также ведущих государств также продемонстрировали ту роль, которую они могут играть в ослаблении конфликтов. В 1990-х гг. различные механизмы посредничества в конфликтах были опробованы, например, в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)¹.

Хотя эти организации и механизмы создают условия для мирного урегулирования конфликтов, они не обеспечивают их полного разрешения. В качестве примера можно рассмотреть конфликт вокруг Фолклендских островов. В 1982 г. аргентинское правительство приняло решение прибегнуть к силе для возвращения Фолклендских островов, тем самым игнорируя действия принципа крайнего средства. Эти острова управлялись Великобританией, и небольшое население островов (1800 жителей) действительно считало себя британцами². Аргентинское правительство рассматривало эти острова как территорию, оккупированную Британией с первой половины XIX в. вопреки международному праву. В 1965 г. Генеральная Ассамблея ООН призвала Британию и Аргентину мирным путем разрешить полуторавековой спор. К 1982 г.

¹ См. об этом: *Coppieters B.* Federalism and Conflict in the Caucasus. London; Washington: Royal Institute for International Affairs / Brookings Institution Press, 2001; *Jourek O.* Ethno-Political Conflicts in Post-Communist Societies: Prospects for Resolution and Prevention in the Context of International Law. Strengthening Democratic Institutions Project, Harvard University (September 1999).

² О Фолклендской войне см.: *Regan R.J.* Just War: Principles and Cases. P. 151—158; *Freedman L.* How Did the Democratic Process Affect Britain's Decision to Reoccupy the Falkland Islands? // *Paths to Peace*. P. 235—266.

обе страны около 15 лет вели переговоры, рассмотрев множество способов согласовать свои взаимные претензии. Фолкленды не представляли ни стратегического, ни экономического интереса для Британии, однако очередные британские правительства вынуждены были учитывать, что в случае отказа от островов в пользу Аргентины они столкнутся с внутренней оппозицией. По этой причине Британия не хотела брать на себя какие-то строгие обязательства, касающиеся островов. Вместе с тем британские власти предусматривали возможность тесных связей между Фолклендами и Аргентиной, что могло содействовать в будущем достижению договоренностей по вопросу о статусе островов. В то время как англичане исходили из долгосрочной перспективы разрешения конфликта, Аргентина, напротив, стремилась к получению немедленных результатов. В 1983 г. исполнялось столетие оккупации островов Британией. Этот «юбилей» имел огромное символическое значение для Аргентины, и в канун значимой для себя даты Аргентина сформировала силы вторжения и без предупреждения 2 апреля 1982 г. оккупировала Фолкленды.

Совет Безопасности ООН призвал Аргентину вывести войска и постараться разрешить конфликт дипломатическим путем. Однако аргентинское правительство отказалось выводить войска до тех пор, пока Британия не признает права Аргентины на суверенитет над островами. Британия, ссылаясь на факт агрессии, отказалась вступать в переговоры по поводу суверенитета над островами до тех пор, пока Аргентина не выведет с островов свои войска. Войны, которая за этим последовала и которая привела к поражению Аргентины, скорее всего можно было бы избежать, если бы Аргентина соблюдала принцип крайнего средства и постаралась бы использовать дипломатические каналы, имевшиеся в ее распоряжении, для разрешения спора. С этим нельзя не согласиться, даже если признать, что претензии Аргентины на суверенитет над Фолклендскими островами были полностью справедливы.

5. ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ЯДЕРНОГО КРИЗИСА: КАРИБСКИЙ РАКЕТНЫЙ КРИЗИС 1962 г.

Приведем несколько классических рекомендаций, которым надо следовать с целью предотвращения вооруженных конфликтов при

Москва: Гардарики, 2002

ухудшающихся обстоятельствах¹. Во-первых, государства не должны прерывать дипломатические отношения, как это они часто делают в условиях эскалации конфликта, но, наоборот, сохранять открытыми все каналы связи. Для сохранения управляемости конфликтной ситуацией достоверная информация из первых рук является исключительно важной. Во-вторых, государства — стороны конфликта должны четко заявить о своих национальных интересах. Эта информация необходима для того, чтобы всем было понятно, какие действия они рассматривают в качестве неприемлемых. Необходимо также объяснить и своим гражданам, с какими проблемами столкнулось государство и что оно собирается предпринять для того, чтобы избежать ухудшения ситуации. Ясное понимание того, что воспринимается государством в качестве угрозы, может упростить третьей стороне посредничество в конфликте. В-третьих, факт кризиса должен быть доведен до сведения международных организаций по безопасности — ООН или ОБСЕ — как можно раньше, с тем чтобы они могли дать разрешение на превентивные действия. В-четвертых, не следует отказываться от возможностей «тихой» дипломатии и диалога между руководителями государств.

Исключительная важность этих рекомендаций для разрешения конфликта была продемонстрирована во время Карибского (Кубинского) ракетного кризиса в 1962 г.² Благополучное преодоление этого кризиса доказывает особую важность контактов высшего руководства как на формально-дипломатическом, так и на неформальном уровнях. Сам кризис возник на фоне ухудшения в 1959—1961 гг. советско-американских отношений. США разместили ракеты средней дальности в Великобритании, Италии и Турции. Размещение ракет в Турции как соседнем с СССР государстве представляло особую угрозу советской безопасности: размещенные там ракеты могли достигать центральных районов СССР в самые короткие сроки. Более того, США располагали гораздо

¹ Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict // Preventing Deadly Conflict, Carnegie Corporation of New York, 1997. P. 49—50.

² Этот случай был реконструирован на основе следующих источников: Карибский кризис 1962 г. в архивных документах России, США и Кубы: анализ, итоги, уроки: Доклады и тезисы докладов международной научной конференции. М.: Наука, 1994; *Пихоя Р.* Почему Хрущев потерял власть // Международный исторический журнал. 2000. Март—Апрель. № 8 (<http://history.machaon.ru/number-08/analiti4/khrushchev-print/index.html>).

большим количеством межконтинентальных ракет и подводных лодок, чем СССР¹.

С советской точки зрения эти изменения перевели угрозу на качественно новый уровень. Баланс сил между двумя сверхдержавами оказался под вопросом. Советские лидеры понимали, что у них нет ни ресурсов, ни времени для изменения ситуации посредством разработки и развертывания новой ракетной технологии. Напряженность в отношениях между двумя странами усугублялась и другими факторами, в частности возведением в 1961 г. Берлинской стены. Вместе с тем у США вызывал все большее беспокойство революционный режим Фиделя Кастро на Кубе, свергнувший диктатуру генерала Фульгенсио Батисты в феврале 1959 г. Напряжение в отношениях между США и Кубой резко нарастало. Американская администрация применила к острову экономические и политические санкции и даже организовала в отношении нового режима подрывные акции. В этих условиях Фидель Кастро пошел на усиление экономических и военных связей Кубы с СССР². С целью противостояния Кубы американскому давлению и предотвращения вторжения на остров советские руководители предложили Кубе широкую военную помощь. Сначала СССР взял на себя обязательство предоставить Кубе обычных вооружений и амуниции на сумму до 150 млн долларов³. Но в мае 1962 г. Н.С. Хрущев решил разместить на Кубе ядерное оружие. По его мнению, этот шаг должен был не только предотвратить американское вторжение на Кубу, но и восстановить стратегический паритет между сверхдержавами в мире. Советский Генеральный штаб разработал операцию по транспортировке значительного воинского контингента через Атлантику. С июля по сентябрь около 43 тыс. солдат были тайно посланы на Кубу⁴. Первые ракеты Р-12 были доставлены на остров к концу сентября. 164 ядерные боеголовки были доставлены позже⁵.

¹ Путилин Б.Г., Щепова Н.А. На краю пропасти (Карибский кризис 1962 года). М.: Обелиск, 1994. С. 13—15.

² Карибский кризис и предшествующие события (<http://www.coldwar.narod.ru/kubacrisis.htm>).

³ По: Меляну П.Г. // Карибский кризис 1962 г. в архивных документах России, США и Кубы: анализ, итоги, уроки. С. 169—170.

⁴ Закиров Р. Мы покидали Кубу... // Независимая газета. 1999. 22 окт. С. 4 (<http://nvo.ng.ru/history/1999-10-22/cuba.html>).

⁵ Акоста Т.Д. // Карибский кризис 1962 г. в архивных документах России, США и Кубы: анализ, итоги, уроки. С. 118.

Получив информацию о размещении советских военных сил на Кубе, американская администрация решила действовать¹. 22 октября 1962 г. Президент США Дж. Кеннеди сделал заявление о серьезности ситуации и необходимости отражения угрозы. Он объявил о блокаде острова. Все корабли, направлявшиеся на Кубу, подлежали проверке. Американские военные силы на базе в Гуантанамо (Куба) были приведены в повышенную боевую готовность, а американские ракеты на базах в Турции были подготовлены к любым непредвиденным обстоятельствам. Одновременно американский президент направил советскому руководителю письмо, в котором указал: «...Соединенные Штаты предпримут все, что необходимо для обеспечения своей безопасности и безопасности своих союзников». Он также заявил, что «Соединенные Штаты полны решимости ликвидировать угрозу безопасности Западного полушария»². Со своей стороны, советское правительство охарактеризовало американские действия как «провокационные и агрессивные» и объявило о приведении своих вооруженных сил и вооруженных сил стран Варшавского договора в полную боевую готовность³. Советские войска на Кубе были подготовлены для отражения американской атаки, даже если для этого потребуются применение находящихся в их распоряжении ядерных вооружений⁴. Хрущев в своем ответе Кеннеди охарактеризовал американскую позицию как явное вмешательство во внутренние дела Кубы, Советского Союза и других стран. США, заявил он, не имеют права контролировать вооружения, доставляемые на Кубу в целях ее обороны; а советское оружие было доставлено на Кубу исключительно для отражения агрессии⁵. В последующие два дня Кеннеди и Хрущев обменялись посланиями, в которых преобладал язык ультиматумов, конфронтации и угроз.

¹ The Cuban Missile Crisis. Document 43. Memorandum for the File (October 24, 1962), online on (<http://elsinore.cis.yale.edu/lawweb/avalon/diplomacy/forrel/cuba/cuba043.htm>).

² The Cuban Missile Crisis. Document 44. Letter From President Kennedy to Chairman Khrushchev (October 22, 1962) (<http://elsinore.cis.yale.edu/lawweb/avalon/diplomacy/forrel/cuba/cuba044.htm>).

³ Хрущев С.Н. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. М.: Вагриус, 1994. Т. 2. С. 247.

⁴ Алексеев А.И. // Карибский кризис 1962 г. в архивных документах России, США и Кубы: анализ, итоги, уроки. С. 300.

⁵ The Cuban Missile Crisis. Document 48. Telegram from the Embassy in the Soviet Union to the Department of State (October 23, 1962) (<http://elsinore.cis.yale.edu/lawweb/avalon/diplomacy/forrel/cuba/cuba048.htm>).

В эскалации конфликта сыграли свою роль и Куба, и Турция. Кастро не видел причин не сбивать пролетающие над островом самолеты-разведчики У-2¹. А Турция выразила свое несогласие относительно предполагаемого вывода американских ядерных ракет из страны, апеллируя к тому, что ракеты являются «...символом решимости НАТО использовать ядерное оружие против русского вторжения в Турцию, будь то силами мощных обычных вооружений или ядерного оружия»².

Мир был на грани новой мировой войны. Однако, к счастью, руководители двух сверхдержав не оборвали связей друг с другом. 25 октября Кеннеди в своем письме Хрущеву еще раз разъяснил американскую позицию и выразил свое сожаление по поводу ухудшения советско-американских отношений. Как бы намекая на некоторые различия между своими взглядами и взглядами своих военных советников, Кеннеди готов был допустить, что у Хрущева могли быть аналогичные проблемы³. Советский руководитель понял эти слова так, что американцы готовы к компромиссу. В длинном письме, датированном 26 октября, он, со своей стороны, разъяснил позицию своего правительства. Не прибегая к языку конфронтации, он призвал к взаимопониманию и заключил свое послание следующим предложением к Кеннеди: «Давайте же продемонстрируем государственную мудрость. Я предлагаю: мы со своей стороны заявим, что наши корабли, направляющиеся к Кубе, не имеют на борту какого бы то ни было оружия. Вы заявите, что Соединенные Штаты не нападут на Кубу посредством своих вооруженных сил и не поддержат какие-либо силы, намеревающиеся предпринять вторжение на Кубу. Тогда необходимость в присутствии наших военных специалистов на Кубе будет снята»⁴.

¹ По: *Акоста Т.Д.* // *Карибский кризис 1962 г. в архивных документах России, США и Кубы: анализ, итоги, уроки.* С. 212—213.

² The Cuban Missile Crisis. Document 75. Telegram From the Embassy in France to the Department of State (Paris, October 25, 1962) (<http://elsinore.cis.yale.edu/lawweb/avalon/diplomacy/forrel/cuba/cuba075.htm>).

³ The Cuban Missile Crisis. Document 68. Letter From President Kennedy to Chairman Khrushchev (October 25, 1962) (<http://elsinore.cis.yale.edu/lawweb/avalon/diplomacy/forrel/cuba/cuba068.htm>).

⁴ The Cuban Missile Crisis. Document 84. Telegram From the Embassy in the Soviet Union to the Department of State (Moscow, October 26, 1962) (<http://elsinore.cis.yale.edu/lawweb/avalon/diplomacy/forrel/cuba/cuba084.htm>).

Но этот новый язык еще не гарантировал немедленного ослабления напряженности. 27 октября американский разведывательный самолет был сбит, пилот погиб. Фидель Кастро направил Хрущеву послание, в котором сообщал о неминуемости вторжения. Чтобы выиграть время в проходивших переговорах, советское правительство решило на этот раз использовать довольно необычное средство дипломатического сообщения. Послание Хрущева Кеннеди было передано по московскому радио, а его копия была послана Генеральному секретарю ООН. В этом послании вывод советских ракет с Кубы был связан с соглашением о выводе американских ракет из Турции. Кеннеди ответил тем же необычным способом — он передал письмо средствам массовой информации. Этот обмен письмами привел к положительным результатам.

В течение всего переговорного процесса были выявлены две возможности для компромисса. Первое предложение заключалось в том, что СССР, как было обговорено в цитированном выше письме Хрущева, выводил свои ядерные вооружения с Кубы в ответ на обещание США не осуществлять агрессии против Кубы. Это предложение вначале было передано Александром Фоминим (старшим офицером советской разведки) телевизионному репортеру, который в свою очередь передал сообщение американскому правительству. Второе предложение заключалось в выводе ядерных ракет как с Кубы, так и из Турции. Оно было сделано австрийским министром иностранных дел Бруно Крайским. В конечном счете оба предложения были приняты во внимание при выработке окончательных решений. Советский Союз добился соглашения, по которому Куба не станет объектом вторжения и обе сверхдержавы выведут ядерные силы из стран, непосредственно примыкающих к границам друг друга. Это дало возможность мирно разрешить один из наиболее серьезных кризисов после Второй мировой войны.

Успех переговоров между американским и советским руководителями свидетельствует о действенности названных выше рекомендаций. Во время кризиса обе стороны не прерывали дипломатических отношений, но, наоборот, интенсифицировали свои контакты. Одновременно они ясно обозначили предел возможных для себя компромиссов. Эту позицию они довели до сведения общественности своих стран. Хотя частично дипломатические переговоры

велись тайно, ООН была включена в поиски компромисса. Есть еще некоторые особенности, позволившие Москве и Вашингтону преодолеть кризис; на них указывает Дж. Глоувер¹. По его мнению, оба лидера сохраняли контроль над вооруженными силами. Сознывая огромную ответственность и боясь ошибиться, они тщательно продумывали свои послания; они не провоцировали друг друга, демонстрируя в своих посланиях сдержанность. Они хорошо понимали, что только при компромиссном решении можно соблюсти интересы обеих сторон и сохранить каждому свое лицо.

Моральные аргументы выступали важным фактором в достижении этого решения. Государственный секретарь Д. Раск, один из членов Исполнительного комитета Совета по национальной безопасности (ИКСНБ) того времени, убежден, что выбор был предопределен в конечном счете моральными принципами. По его словам, «моральные и этические аргументы играют значительную роль, хотя они открыто и не декларируются и никак не отражаются в официальных бумагах. Они играют значительную роль, а люди действуют в соответствии со своими фундаментальными моральными обязательствами, которые наверняка выйдут на передний план в случае, если дело примет совсем критический оборот»². Однако члены ИКСНБ не были единодушны относительно того, какую роль могут играть моральные принципы в разрешении конфликта³. Различие подходов к этому вопросу непосредственно проявилось в их видении путей разрешения конфликта. «Ястребы», составлявшие меньшинство в ИКСНБ, принимали во внимание только национальные интересы, т.е. придерживались *реалистского* подхода. Они приветствовали воздушные удары по острову и считали вторжение на Кубу вполне допустимым. Они не думали, что в интересах Советского Союза будет ответный удар, и оценивали риск атомной войны в целом как весьма низкий. По их мнению, очевидно не в интересах Советского Союза было отвечать на вторжение на Кубу с помощью атомного оружия. «Голуби», включая самого Президента США, придерживались

¹ *Glover J.* Humanity. A Moral History of the Twentieth Century. L.: Pimlico, 2001. P. 224.

² *Blight J.G., Welch D.A.* On the Brink: Americans and Soviets Re-examine the Cuban Missile Crisis. N.Y.: Farrar, Straus & Giroux, 1989. P. 78. Цит. по: *Glover J.* Humanity. A Moral History of the Twentieth Century. P. 221.

³ Об этом см.: *Ibid.* P. 200—233.

противоположного взгляда. Они считали, что риск был реальным и значительным, понимали, что советское руководство сочтет необходимым ответить на воздушные удары или на вторжение на Кубу с помощью ядерного оружия, и стремились к тому, чтобы минимизировать, насколько возможно, риск такого развития событий.

Исходя из информации о кризисе, оказавшейся доступной позднее, можно с уверенностью сказать, что «ястребы» переоценивали способность советской стороны вести себя рационально и не допустить ядерной войны, чего бы это ни стоило. Советские вооруженные силы были готовы к ответу. Мало того, предположения «ястребов» относительно возможного развития конфликта строились на неправильных сведениях относительно советского контингента на Кубе. Американцы думали, что он составляет всего 10 тыс., в то время как в действительности его численность составляла 43 тыс. человек. Благоразумие «голубей» основывалось не просто на иной интерпретации динамики кризиса и национальных интересов США. В своих оценках они исходили не только из национальных интересов Америки, но и из моральных принципов, и это оказывало сдерживающее влияние на их поведение. Как показывают слова Президента Кеннеди, сказанные им Пьеру Сэлинджеру после заседания ИКСНБ: «Как Вы думаете, понимают ли люди в той комнате, что наша ошибка может стоить 200 млн жизней?»¹, — он вполне понимал свою моральную ответственность. Роберт Кеннеди, брат Президента, принимавший активное участие в разрешении кризиса со стороны «голубей», писал, что ИКСНБ много внимания уделил тому, имеют ли США моральное право нанести неожиданный удар по Кубе, аналогичный тому, который Япония нанесла по Перл-Харбору. «В первые пять дней, — отмечал он, — мы потратили на обсуждение этого вопроса больше времени, чем на какой-либо другой... Мы отчаянно спорили как друг с другом, так и со своей совестью, потому что этот вопрос нас глубоко волновал»². Пол Нитце, помощник министра обороны и один из «ястребов» в ИКСНБ, считал обсуждения этих моральных вопросов пустой тратой времени: «В те первые дни большинство обсуждений шло вокруг моральных во-

¹ Цит по: *Glover J.* Op. cit. P. 220.

² Цит по: *Ibid.* P. 221.

просов, а не о том, кто и что делает, с помощью каких средств, по отношению к кому и когда... Меня сильно раздражало то, что мы так и не смогли перейти к этим практическим вопросам. Все это было похоже не на оперативное совещание, а на студенческий семинар»¹.

Вопреки мнению Нитце, дискуссии о моральных принципах тактики по разрешению кризиса имели далеко идущие политические последствия. Дж. Глоувер, анализирувавший урегулирование советско-американского ядерного кризиса, приходит к выводу, что моральный кодекс «голубей» удержал американскую администрацию от проведения политики, основанной на спекулятивных расчетах, принимавших во внимание лишь национальные интересы. Игнорирование интересов человечества могло бы легко привести к последствиям, разрушительным для всех сторон конфликта.

Как представляется, моральные соображения сыграли важную роль и в советской политике самоограничения, что стало ясно уже в переписке между двумя руководителями. После окончания кризиса, 28 октября, Хрущев заявил своим коллегам по Президиуму ЦК КПСС: «Мы оказались лицом к лицу с опасностью войны и ядерной катастрофы, которая в результате может уничтожить человечество. Ради спасения мира мы должны отступить»².

6. СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ ООН И УГРОЗА ПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ: БОСНИЯ 1992—1995 гг.

Государство может использовать силу для навязывания своей воли другому политическому образованию. Та же цель может быть достигнута и посредством угрозы применения силы. Однако международное право строго запрещает какие-либо угрозы. Как гласит Устав ООН, «все члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Организации Объединенных Наций» (статья 2). При этом сам Совет Безопасности ООН может угрожать применением силы ради под-

¹ Цит по: *Glover J.* Op. cit. P. 221.

² *Ibid.* P. 222.

держания мира и безопасности. Примеры такого рода можно найти, в частности, в резолюциях Совета Безопасности по поводу вторжения иракских войск в Кувейт в августе 1990 г. Такие угрозы призваны усилить дипломатическое давление и принудить правительство воюющей стороны к согласию с решениями Совета Безопасности; они на самом деле являются эффективным средством разрешения конфликта без реального применения вооруженной силы. Но эти угрозы будут действительно эффективными, лишь когда налицо способность и готовность угрожающей стороны на самом деле применить силу при условии невыполнения выдвигаемых требований.

Рассмотрим в качестве примера отношение международного сообщества к этническому конфликту в Боснии (1992—1995). Во время этого конфликта, возникшего между тремя общинами Боснии (сербами, хорватами и мусульманами), Совет Безопасности несколько раз стоял перед выбором, прибегать ли к использованию военной силы или пытаться погасить конфликт посредством дипломатических усилий. Совету Безопасности было чрезвычайно сложно соблюдать принцип крайнего средства в защите шести мусульманских анклавов (Сараево, Сребреница, Жепа, Горажде, Тузла и Бихач) на территории, где доминировали сербы. Эти анклавы были созданы для защиты мусульман от политики этнических чисток, проводимой сербским националистическим руководством. Для боснийских сербов (в особенности анклавов в восточной Боснии) они были как «бельмо на глазу», поэтому всегда сохранялась опасность, что их войска ворвутся туда. Другой проблемой для международного сообщества была тяжелая ситуация с гуманитарными проблемами в этих районах. Для того чтобы избежать гибели в резне, творимой войсками боснийских сербов, тысячи мусульман искали убежища на этих не захваченных еще «островках».

Международное сообщество не знало, как решать проблемы перенаселения, нехватки продовольствия и жилища для людей, проживающих в этих анклавах. Оно опасалось, что исключительно военный подход в отношении к боснийским сербам может поставить под угрозу все дипломатические усилия, предпринимавшиеся для окончательного разрешения конфликта. Как же международное сообщество повело себя и, что не менее важно, как можно оценить предпринятые им шаги с точки зрения принципа крайнего средства?

Первое важное решение международного сообщества, касающееся проблемы анклавов, было принято в апреле 1993 г. В ответ на массированные атаки боснийских сербов на Сребреницу в марте 1993 г. Совет Безопасности 16 апреля 1993 г. заявил, что Сребреница будет рассматриваться как зона безопасности. Это значило, что она не могла более быть объектом каких-либо вооруженных атак или враждебных актов. 6 мая Совет Безопасности распространил этот режим еще на пять мест — Сараево, Жепу, Горажде, Тузлу и Бихач. Но в его намерения не входило обеспечить их защиту в случае атаки. Миссия UNPROFOR ООН (United Nations Protection Force — Защитные силы ООН) в этих анклавах вначале сводилась лишь к наблюдению за тем, соблюдают ли противоборствующие стороны статус зон безопасности. Однако 4 июля Совет Безопасности предпринял дополнительные шаги для защиты этих анклавов. Мандат сил UNPROFOR был дополнен еще пятью задачами, а именно: сдерживание атак на зоны безопасности, мониторинг за соблюдением режима прекращения огня, содействие отводу с ключевых позиций военных и военизированных подразделений, не принадлежащих вооруженным силам Боснии и Герцеговины, и обеспечение доставки и распределения гуманитарной помощи. Резолюция 836 Совета Безопасности была выдержана в сильных выражениях (в соответствии с главой VII Устава ООН).

Однако внимательное чтение данной Резолюции показывает, что в вопросе о сдерживании возможных атак она выглядела гораздо более жесткой, чем была на самом деле. В соответствии с этой резолюцией Совет Безопасности уполномочивал UNPROFOR, «...соблюдая задачи самообороны, предпринимать необходимые меры, включая силовые, в ответ на обстрелы зон безопасности со стороны какой-либо из конфликтующих сторон или вторжения в эти зоны, или в случае намеренного препятствования свободному передвижению сил UNPROFOR внутри или вне этих зон, а также защищаемых ими гуманитарных конвоев». При поверхностном чтении возникает впечатление, что UNPROFOR и государствам — членам ООН была предоставлена возможность активно защищать эти зоны безопасности. Но на самом деле текст ограничивал применение силы для защиты UNPROFOR («соблюдая задачи самообороны») в случае атаки на зоны безопасности.

До тех пор меры ООН, направленные на защиту мусульманских анклавов от атак сербов, по существу были очень сдержанными,

поскольку не шли дальше апелляции к доброй воле конфликтующих сторон (их *попросили* уважать требования по поддержанию зон безопасности), а угроза применения военной силы, как она была выражена в формулировке ООН, касалась только ситуаций, когда перед UNPROFOR возникала необходимость самообороны. Это изменилось, когда в июле 1993 г. руководство боснийских сербов приняло решение об усилении изоляции Сараево (посредством захвата горы Игман). Усиление изоляции поставило под угрозу и без того критическое положение с гуманитарной помощью в этой зоне безопасности. Для обеспечения адекватного ответа НАТО приняла 2 августа решение в соответствии с резолюцией Совета Безопасности «...немедленно начать подготовку к осуществлению более строгих мер, включая воздушные атаки, против тех, кто несет ответственность за продолжение блокады Сараево и других зон безопасности, а также широкомасштабное вмешательство в процесс гуманитарной помощи, будь то боснийские сербы или кто-либо в Боснии-Герцеговине»¹. При таком решении использование воздушных сил уже не было ограничено лишь поддержкой миротворческих сил ООН. Оно также развязывало руки для нанесения воздушных ударов по военным целям стороны, виновной в ухудшении положения². Такая, более широкая интерпретация Резолюции 836, без сомнения, стала важным шагом по усилению политики ООН, касающейся зон безопасности.

Но угроза НАТО не произвела на боснийских сербов сильного впечатления. Поэтому НАТО обратилась к более решительным шагам, предъявив ультиматум, после которого оставался один шаг

¹ *Leurdijk D.* The United Nations and NATO in Former Yugoslavia, 1991—1996: Limits to Diplomacy and Force. The Hague: Netherlands Atlantic Commission, 1996. P. 38.

² В случае операций по осуществлению непосредственной воздушной поддержки (НВП) воздушные силы используются против вражеских объектов, находящихся в непосредственном контакте со своими наземными силами или в близости от них. Операции такого рода проводятся по требованию наземных сил и в тесной координации с ними. В контексте югославской войны операции НВП проводились главным образом для поддержки UNPROFOR. Когда мы говорим о воздушных ударах, мы имеем в виду воздушные операции, которые проводились против вражеских целей, расположенных на существенном расстоянии от наземных войск, но представлявших для них опасность. Во время боснийского конфликта воздушные удары наносились по боснийским сербам для предотвращения их возможных атак на зоны безопасности. В отличие от НВП решение о воздушных ударах должно было приниматься НАТО и ООН.

до применения силы. В феврале 1994 г. рыночная площадь в Сараево была обстреляна из минометов; в результате обстрела погибли 68 человек и были ранены 200. В глазах западного общественного мнения ответственность за эту ужасную акцию лежала на боснийских сербах. Теперь НАТО решила, что в случае, если боснийские сербы в течение 10 дней не отведут свои тяжелые вооружения (артиллерию, танки и т.п.) на 20 км от выделенной зоны вокруг Сараево, они будут подвергнуты авиаударам. Этот ультиматум был выдвинут в ответ на просьбу Генерального секретаря ООН Бутроса Бутроса-Гали. Угроза сработала. Спустя 10 дней ООН и НАТО, установив, что боснийские сербы выполнили требование ультиматума, пришли к выводу, что потребности в авиаударах больше нет. Когда в апреле 1994 г. удару подверглась другая зона безопасности (на этот раз Горажде), НАТО вновь попыталось заставить боснийских сербов подчиниться, предъявив ультиматум. И вновь от боснийских сербов потребовали прекратить удары и отвести свои войска от зоны безопасности на 20 км. Однако на этот раз угроза оказалась не столь эффективной. Хотя НАТО не была удовлетворена выполнением ультиматума, ООН не дала зеленый свет авиаударам. Представители ООН посчитали выполнение ультиматума достаточным для того, чтобы не наносить авиаудары, которые поставили бы под угрозу оказание в этом районе медицинской помощи нуждающимся.

Правда, терпение международного сообщества лопнуло, когда в сентябре 1995 г. стало ясно, что нарушение зоны безопасности в Сребренице привело там к убийству тысяч мужчин-мусульман. Международное сообщество пришло к выводу, что применение каких-либо иных мер, кроме военных, более неэффективно: сохранение зон безопасности требовало более значительных мер¹. В результате НАТО все же начала массированную воздушную войну, и причиной ее послужила еще одна минометная атака на рыночную

¹ Как писали Л. Сильбер и Э. Литль, «падение Сребреницы стало одним из знаков того, что игра закончена; оно обозначило границу западной, в частности американской, политики в югославских войнах. После этого события ситуация радикально изменилась. Никто уже больше не старался скрыть, что граница между миротворчеством и умиротворением, названная генералом Сэром Михаэлем Роузом «линией Могадишо», пройдена. ООН, руководство которой теперь недвусмысленно осуществляли США, вступило с боснийскими сербами в войну, отбросив тем самым какие-либо намеки на беспристрастность» (*Silber L., Little A. Yugoslavia: The Death of a Nation. L.: Penguin Books, 1997. P. 351*).

площадь Сараево в августе 1995 г., которая повлекла за собой человеческие жертвы¹. Операция «Обдуманная сила» («Deliberate Force») началась 30 августа; бомбардировки длились две недели. НАТО произвела 3500 самолето-вылетов, в ходе которых были уничтожены большинство намеченных целей. Эта операция была признана успешной в том смысле, что она внесла немалый вклад в дипломатический прорыв Дэйтонских соглашений, положивших начало разрешению конфликта в Боснии.

Итак, как следует оценивать действия, предпринятые Советом Безопасности для защиты мусульманских анклавов? Можно ли сказать, что международное сообщество исчерпало все возможные невоенные средства прежде, чем начать кампанию бомбардировок? Или, наоборот, оно слишком долго тянуло с применением силы? Совершенно определенно можно сказать, что международное сообщество действительно исчерпало все невоенные возможности разрешения конфликта. Уже на ранних стадиях конфликта были применены такие методы воздействия, как экономические санкции², эмбарго на поставки вооружений³ и закрытие воздушного пространства над Боснией⁴. На протяжении всего времени конфликта из-за анклавов выдвигались дипломатические инициативы,

¹ 29 августа 1995 г., на следующий день после минометной атаки, Генеральный секретарь ООН Бутрос-Гали заявил: «Организация Объединенных Наций после установления факта, что повлекший человеческие жертвы удар по центру Сараево в понедельник был произведен со стороны позиций боснийских сербов, уполномочил вчера НАТО произвести воздушные удары против военных объектов боснийских сербов. Цель этой акции — предотвратить во исполнение Резолюции 836 Совета Безопасности дальнейшие атаки против Сараево и других, установленных ООН, зон безопасности» (см.: *Leurdijk D. The United Nations and NATO in Former Yugoslavia, 1991—1996. P. 79*).

² Хотя в мае 1992 г. Совет Безопасности наложил экономические санкции на Федеративную Республику Югославии (ФРЮ, основанную Сербией и Монтенегро) (Резолюция 757 Совета Безопасности) с тем, чтобы предотвратить вмешательство ее правительства в дела Боснии, похоже, Совет Безопасности усилил свои экономические санкции с тем, чтобы ФРЮ надавила на боснийских сербов и способствовала их большему сотрудничеству во время переговоров.

³ С самого начала югославского конфликта Совет Безопасности принял решение (Резолюцию 713 от 25 сентября 1991 г.), обязывающее все страны в целях установления мира и стабильности в регионе незамедлительно ввести эмбарго на какие-либо поставки в Югославию оружия и военного снаряжения.

⁴ Запрет на полеты военных самолетов в воздушном пространстве над Боснией и Герцеговиной (Резолюции Совета Безопасности 781 от 9 октября и 786 от 10 ноября 1992 г.) был направлен на обеспечение безопасности наземной операции гуманитарной помощи.

направленные на достижение всеобъемлющего решения¹. Более специфические меры, касающиеся мусульманских анклавов, были направлены на сохранение status quo с помощью невоенных средств на время, пока не будут найдены всеобъемлющие дипломатические решения. Так что начавшиеся в конце концов бомбардировки НАТО, направленные против боснийских сербов, с точки зрения *принципа крайнего средства* нельзя назвать слишком спешными.

Но уже во время бомбардировок нередко ставился и другой вопрос: не было ли решение об их начале запоздалым? Не упустил ли Совет Безопасности тот крайний момент, когда воздержание от применения военных средств было более неразумным? Можно привести доводы в пользу того, что этот момент был пропущен. Когда НАТО приступила к операции «Обдуманная сила», политика, направленная на сохранение зон безопасности, потерпела, если принять во внимание захват Сребреницы, трагическое фиаско. Это не значит, однако, что начало такой операции на более ранних стадиях конфликта было бы адекватным ответом на проблему. Условия, в которых такая операция могла начаться ранее, были не настолько благоприятны по сравнению с моментом, когда операция «Обдуманная сила» была осуществлена. Дело не только в том, что операция «Обдуманная сила» совпала по времени с военными успехами хорватов и мусульман в их действиях против сербов; к этому времени сама Сербия наконец дистанцировалась от руководства боснийских сербов. Все стороны конфликта испытывали усталость от войны. Эти факторы в совокупности с натовскими авиаударами сделали боснийских сербов более покладистыми по отношению к предлагаемым дипломатическим решениям. Также следует отметить, что международные интервенции в ситуациях межгосударственных войн чрезвычайно сложны, и здесь не следует ожидать легких решений. Но напрашивается и другой вывод: со стороны Совета Безопасности было неправильным безосновательно обнадежить беженцев. Ему не следовало создавать так называемые зоны безопасности, поскольку у него не было

---

¹ В период с 1992 по 1995 г. ООН и ЕС выдвинули ряд инициатив в рамках постоянной Международной конференции по бывшей Югославии. В 1994 г. так называемая Контактная группа (основанная США, Россией, Великобританией и Францией) взяла на себя лидирующую роль в продвижении дипломатического процесса.

намерения обеспечить их защиту с самого начала. Их создание не поддерживалось решимостью прибегнуть к принципу крайнего средства, что включало бы и использование силы в случае необходимости. Так что международное сообщество несет свою часть ответственности за тысячи жертв среди мусульманского населения в Сребренице.

7. СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ

Санкции используются для принуждения какого-то государства изменить свою опасную или вредную внешнюю или внутреннюю политику; это своего рода сигнал, который дается государству, чтобы продемонстрировать ему озабоченность относительно той роли, которую оно играет в углублении конфликта¹. Экономические санкции могут принимать форму частичных ограничений, налагаемых на некоторые виды торговых или финансовых отношений с отдельными частями государства или на все государство, например посредством экономического эмбарго. Экономические санкции могут быть даже применены к непризнанному государству (например, СНГ применило санкции против сепаратистского режима Абхазии) или против воюющей стороны (например, ООН наложило санкции на партизанские силы УНИТА в Анголе).

Применение санкций представляет собой важную политическую акцию. Порой одно только объявление санкций проясняет позицию государства и стимулирует перемены в поведении другого государства. Совет Безопасности ООН прибегал к санкциям несколько раз, когда другие невоенные средства оказывались неэффективными. Они использовались против конфликтующей стороны с тем, чтобы обязать ее исполнять определенные решения Совета Безопасности. Так, санкции применялись против режима апартеида в Южной Африке в 1977 г. (и были сняты с окончанием апартеида в 1994 г.). В той степени, в которой экономические санкции могут играть важную роль в предотвращении открытой войны, их можно анализировать в качестве альтернативы военной силе, особенно когда они вводятся законной властью Совета

---

¹ См. об этом: Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict // *Preventing Deadly Conflict*. P. 52–56; *Basic Facts about the United Nations*. P. 60; *Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A. Economic Sanctions Reconsidered*. 2nd ed. 2 Vols. Washington: Institute for International Economics, 1990.

Безопасности ООН. Тем не менее использование экономических санкций приводит к ряду моральных проблем, заслуживающих особого внимания.

Применение экономических санкций связано с двумя главными проблемами, касающимися легитимности их использования. Первая касается их эффективности. Эта проблема в какой-то степени схожа с проблемой «разумных шансов на успех» при использовании военной силы. Здесь тоже речь идет об успехе, и здесь тоже имеется трудность точного определения того, что считать успехом. Санкции ООН могут быть использованы в двух направлениях¹. Во-первых, они выражают осуждение международным сообществом действий правительства. Во-вторых, они могут вести к изменению его политики, ослаблению конфликта и снятию необходимости использовать силу. Успех экономических санкций выражается в неустойчивом равновесии моральных потерь и моральных выгод как для стороны, по отношению к которой принимаются санкции, так и для стороны, которая накладывает санкции. Эти факторы можно предусмотреть, но это нелегкая задача². Обычно применение санкций тем успешнее, чем ограниченнее те политические задачи, которые с помощью их стремятся достигнуть. Их успех вероятен, если они направлены, например, против нарушения прав человека или определенных политических действий. При оценке шансов на успех не следует ожидать, что с их помощью можно будет добиться примирения конфликтующих сторон или изменения их отношения друг к другу. Во многих случаях они лишь приводят к укреплению позиций.

Так, экономические санкции в отношении Ирака, предпринятые для того, чтобы заставить Саддама Хусейна вывести войска из Кувейта, оказались в общем-то недостаточными для этой цели. Как считает А.Дж. Коутс, применение санкций не положило конец доставке продовольствия и материалов сухопутным путем. После почти 10 лет лишений, которые Ирак переживал из-за войны с Ираном (1980—1988), этот режим уже привык к невзгодам. Более

¹ *Hamburg D.A., Vance C.R.* 'Foreword' to *Sharpening International Sanctions: Toward a Stronger Role for the United Nations: A Report to the Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict*. Carnegie Corporation of New York (November 1996) (<http://www.ccpdc.org/pubs/summary/stremframe.htm>).

² *Baldwin D.A.* *The Sanctions Debate and the Logic of Choice* // *International Security*. Winter 1999/2000. Vol. 24, № 3. P. 87—92.

того, он просто не обращал внимания на те ужасные условия, в которых жили многие иракские граждане. Таким образом, экономические санкции не привели к политической дестабилизации в стране¹. Экономические санкции также не смогли заставить Ирак подчиниться резолюциям ООН после окончания войны в Персидском заливе.

В т о р а я важная проблема применения экономических санкций связана с тем, что они могут идти вразрез с принципами *различения* и *соразмерности*. В некоторых случаях применение санкций имело для населения отрицательные последствия, не меньшие, чем сама война. В таких случаях санкции должны рассматриваться именно как применение силы. Хотя этические и политические проблемы, связанные с проведением политики санкций, и отличаются от проблем, касающихся войны, цена, которую приходится платить наиболее уязвимым группам населения, указывает на то, что здесь должны строго учитываться принципы соразмерности и различения, в соответствии с которыми определяется справедливость применения силы в войне. Значение этих принципов становится тем более важным, когда их эффективное применение обеспечивается коллективно. Страны — члены ООН должны обратить серьезное внимание на гуманитарные последствия применения санкций. В частности, политика санкций в отношении Ирака у многих вызвала вопросы относительно этической обоснованности их применения в качестве крайнего средства. В широких дискуссиях экспертов и дипломатов относительно применения ООН санкций указывалось на то, что санкции должны носить «адресный» характер и не применяться в отношении страны в целом. Такие «адресные» санкции могут включать меры по замораживанию личных банковских счетов лидеров или предотвращению их доступа к валюте². Поэтому проблема применения санкций оказывается относящейся как к сфере морали, так и к принципу различия *ius in bello* (рассматриваемому в гл. VIII).

¹ Coates A.J. The Ethics of War. Manchester; N.Y.: Manchester University Press, 1997. P. 196.

² Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict // Preventing Deadly Conflict. P. 55.

Часть вторая ПРИНЦИП *JUS IN BELLO*

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОГРАНИЧЕНИЙ *JUS IN BELLO*

Ги ван Дамм

В истории западной культуры истоки ограничений *in bello* можно найти еще в античности. Греческие войны (особенно в период с 700 по 450 г. до н.э.), по крайней мере в большинстве случаев, велись в согласии со множеством неписаных законов¹. Например, запрещалось убивать военнопленных, но за них надлежало требовать выкуп. Продолжительность преследования побежденного и отступающего врага была ограничена. Следовало соблюдать священные перемирия, особенно объявляемые на время проведения Олимпийских игр. Общепринято было также вести военные действия в обычное для военных кампаний время года (лето).

Детальные рекомендации относительно того, что позволительно, а что нет в военных действиях, были высказаны Платоном. Так, Платон настаивал на том, что при ведении войн внутри самой Греции недопустимо разрушение домов и опустошение земель, ибо такие действия наносят ущерб населению, которое не имеет ничего общего с войной. Недостойно эллина опустошать Элладу и, воюя против какого-то государства (в Элладе), считать врагами всех его мужчин, женщин и детей, между тем как только «виновники распри» являются врагами, и воевать следует с ними². Все это с

---

¹ Ober J. Classical Greek Times // The Laws of War. Constraints on Warfare in the Western World / Ed. by M. Howard, G.J. Andreopoulos, M.R. Shulman. New Haven, CN: Yale University Press, 1994. P. 13.

² Платон. Государство, V, 471b // Платон. Соч.: В 3 т. Т. 3 (1). М.: Мысль, 1971. С. 272

очевидностью свидетельствует о том, что Платон был безразличен к положению некомбатантов во время военных действий.

Однако эти и другие ограничения не были универсальными. Они применялись только в войнах внутри самой Греции. В этом отношении Платон проводит различие между «распрей», которая является конфликтом между греками-собратьями у себя на родине, и «войной», которая ведется с иноземцами¹. Необходимость во время междоусобицы соблюдать ряд правил, например не обращать в рабство греков или не разрушать греческие города, очевидна для Платона. После того как конфликт закончится, противникам предстоит снова жить вместе. Поэтому они должны избегать таких действий, которые сделают примирение невозможным². Что касается варваров (т.е. негреков), то их следовало уничтожать или порабощать, и здесь нет необходимости быть разборчивым в вопросе о том, что в бою допустимо, а что — нет. Платон сожалел, что греки нарушают эти правила, воюя друг с другом³, уж лучше бы, воюя с варварами, они относились к ним так, «как теперь относятся друг к другу»⁴.

В своем трактате «Об обязанностях» Цицерон указывает на то, что даже во время войны по отношению к врагу существуют определенные обязанности. В особенности это касается тех, кто сам сложил оружие или попал в плен: «И если о тех, кого ты наголову разбил своей силой, — говорит Цицерон, — надо заботиться, то тех, кто сложив оружие, прибегнет к покровительству наших императоров, надо <...> принять под свою руку»⁵. Кроме того, необходимо проводить различие между виновными и невиновными, а также «...щадить тех врагов, которые во время военных действий не проявили жестокость или варварство»⁶. Формулируя

¹ Платон. Государство, V, 470с // Там же. С. 271.

² Paskins B., Dockrill M. The Ethics of War. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1979. P. 196.

³ *См. также у Платона: «...Но пусть не забывают они [эллины], что цель — заключение мира: не вечно же им воевать» (Платон. Государство, V, 470е // Указ. соч. С. 271).

⁴ Платон. Государство, V, 471b // Там же. С. 272.

⁵ Цицерон. Об обязанностях, I, 35 // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1993. С. 67.

⁶ Cicero. Quoted in Adeney B.T. Just War, Political Realism, and Faith. The Scarecrow Press, Inc., Methuen, 1988. P. 26.

свои соображения по части *in bello*, Цицерон руководствовался принципом «*humanitas*», который для этого стоического философа означал, что все люди (а не только люди собственного культурного сообщества) должны подчиняться принципам естественного права и справедливости. Несмотря на то что моральный универсализм Цицерона резко контрастировал с греческим моральным партикуляризмом (в греческих междоусобных войнах должны были применяться только ограничения *in bello*), на практике ведение военных действий римлянами славилось своей необузданностью¹.

В римском обществе война, в частности *обращение* к войне как средству, была очень формализована. Для того чтобы справедливо начать войну, нужно было соблюсти ряд религиозно-правовых предписаний. Примером таких предписаний было правило «*heretitia regum*». Согласно этому правилу, для того чтобы избежать войны, необходимо перед ее объявлением дать нарушившей договор стороне возможность возместить нанесенный ущерб. Если в течение 33 дней от нарушителя не последовало никакой реакции, то при одобрении сената и народа «*fetiales*», или жрецы-послы, принимали решение о формальном объявлении войны². Однако когда война получала религиозно-правовую санкцию, действительное поведение больше не подчинялось правовым или каким-либо иным ограничениям. Напротив, отмечает Фредерик Рассел, сама мысль о том, что кто-то ведет юридически правильную войну, часто приводила к убеждению, будто теперь уже нет необходимости уважать права врагов³. Имея в виду именно жестокость, с которой римляне вели военные действия, средневековые ученые говорили о «*bellum Romanum*» как войне без каких-либо ограничений и правил.

В средние века даже церкви не удалось ввести ограничения на методы ведения войны. В европейских войнах, войнах между христианами, различие между комбатантами и некомбатантами часто игнорировалось. К концу XI в. систематически стали предприниматься некоторые попытки распространить неприкосновенность

---

¹ Stacy R.C. The Age of Chivalry // The Laws of War. Constraints on Warfare in the Western World. 1994. P. 27—28.

² Russell F.H. The Just War in the Middle Ages. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 6.

³ Ibid. P. 7.

некомбатантов на духовенство, женщин, детей и бедняков¹. К сожалению, на поле боя эта неприкосновенность постоянно нарушалась. Приблизительно в то же время такое новшество, как тяжелая конница, привело к значительным социальным, экономическим и военным переменам. Возник новый социальный порядок, для которого были характерны резкое разделение между вооруженной знатью, представители которой были настоящими воинами того времени, и невооруженными простолюдинами. Как пишет Роберт Стейси², воинское ремесло считалось христианским делом, а не общественным долгом. Воин воевал как личность, а не как лицо, находящееся на государственной службе, получающее жалование за свою работу. Умение сражаться было благородным искусством рыцарей, оно не предназначалось для других слоев общества. Мэлхэм Уэйкин приводит на этот счет яркий пример, пересказывая «...историю тех крестьян Южной Германии, которые в 1078 г. боролись за своего императора против рыцарей феодальных армий. После поражения крестьян их кастрировали только за то, что они посмели взять в руки оружие»³. Лица, определявшие политику, были связаны между собой классовыми и семейными узами, которые накладывали на них определенные обязательства и ограничения. Даже во время войны высшие классы учитывали это в самих способах, которыми они воевали друг с другом.

В последующие века на формирование правил ведения войны оказали влияние социальные факторы. Социальные и семейные узы накладывали определенные обязательства и ограничения на высшие классы. Так, во время войны против Саксонии в 1756 г. пруссаки отрезали саксонцев от продовольственных запасов, но при этом король Саксонии, находившийся тогда в военном лагере в Пирне, не пострадал: его прусский родственник распорядился, чтобы все предназначенное для королевского стола могло свободно проходить через все кордоны. Иными словами, классовые и семейные связи удерживали стороны от развязывания всеобщей войны. Принцип соразмерности, являющийся одним из двух прин-

¹ Keen, Hugh M. *The Laws of War in the Late Middle Ages*. L.: Routledge & K. Paul, 1965. P. 291.

² Stacy R. *The Age of Chivalry*. P. 27—28.

³ Wakin M. M. *The Ethics of Leadership I // War, Morality, and the Military Profession*. 2nd ed. / Ed. by Malham Wakin. Boulder; L.: Westview Press, 1986. P. 184—185.

ципов *jus in bello*, служил той же цели и частично ею определялся. Он был направлен, в частности, на минимизацию негативных последствий для обеих сторон на поле битвы, включая последствия для комбатантов.

Вплоть до XIX в. «законы» войны в значительной степени оставались вопросом неписаной традиции. Чем-то новым в этом отношении стало обнародование в 1863 г. для армий США так называемого Кодекса Либера (Lieber Code)¹. Кодекс состоит из 159 статей, затрагивающих такие темы, как наказание за преступления, совершенные против мирных жителей враждебных стран и военнопленных. Вскоре после этого, в 1868 г. царское правительство России выступило с инициативой соглашения под названием «Отказ от использования во время войны разрывных снарядов весом до 400 граммов»². Следующими вехами в кодификации законов войны (международного гуманитарного права) стала Четвертая Гагская конвенция 1907 г.³ и Женевские конвенции 1929 и 1949 гг.⁴ Этот свод законов международного права основан на принципах соразмерности и различия в категории *jus in bello*. Подобным образом на соблюдение этих двух принципов всеми воюющими сторонами сориентирована деятельность Международного Красного Креста (со времени его создания в 1864 г.)⁵.

Понятие *jus in bello* гораздо старше современного гуманитарного права. Юридический подход действительно во многом отличается от содержащегося в данной книге этико-исторического подхода. Тем не менее при анализе некоторых принципов справедливой войны на первом плане была и будет оставаться необходимость применения международного гуманитарного права для ограничения войны. В нашей книге это понятие, так же как

¹ Lieber F. General Orders № 100 (Instructions for the Government of Armies in the Field). N.Y.: D. Van Nostrand, 1863. Перепечатано в: The Laws of War: A Documentary History / Ed. by L. Friedman. 2 Vols. N.Y.: Random House, 1972. Vol. I. P. 158—186.

² Axinn S. A Moral Military. Philadelphia: Temple University Press, 1989. P. 65.

³ Higgins A.P. The Hague Peace Conferences and Other Conferences Concerning the Laws and Usages of War: Texts of Conventions with Commentaries. Cambridge: Cambridge University Press, 1909. P. 256.

⁴ The Geneva conventions of 12 August 1949; translated from the original French / Ed. by J.Pictet. Geneva: International Committee of the Red Cross, 4 Vol., 1952—60. *См.: Права человека: Сборник международных документов. М.: Юридическая литература, 1998. С. 384—588.

⁵ Christopher P. The Ethics of War and Peace. P. 104.

понятие *jus ad bellum*, используется в несколько ином значении, чем то, которое принято в правоведении. Однако и для философов, и для правоведов эти понятия являются важным теоретическим инструментом обеспечения фундаментальных прав человека во время военных конфликтов, а точнее, для гуманитарной защиты граждан и гражданских объектов. Теория справедливой войны и международное гуманитарное право имеют общую этическую цель — защитить интересы человечества. Но стремясь к этой общей цели, философы и правоведы используют различные методологии и разные типы аргументации. В частности, это легко обнаружить в их рассуждениях о соразмерности и различии или даже когда они оперируют такими понятиями, как «военная необходимость» или «некомбатанты». Используя эти понятия в ситуационном анализе отдельных случаев, авторы следующих двух глав имеют в виду их специфически философское содержание, которое хотя и связано с тем, что развивается в правоведческом рассуждении, но все же отлично от него.

Глава VII СОРАЗМЕРНОСТЬ

Ги ван Дамм
Ник Фоушин

1. ОСНОВНЫЕ ДОПУЩЕНИЯ

В данной главе мы возвратимся к теме соразмерности. *Принцип соразмерности* ранее уже обсуждался как один из тех принципов, которые должны соблюдаться, если стране предстоит обоснованно прибегнуть к использованию военной силы. Как уже было отмечено, этот принцип, будучи нормой *jus ad bellum*, требует, чтобы моральные потери, ожидаемые вследствие ведения войны, оправдывались получаемыми моральными выгодами. Теперь он будет применяться к действиям, предпринимаемым в ходе ведения войны, как принцип *jus in bello*. Хотя философская концепция, как и сам принцип соразмерности, не изменилась, изменилась сфера ее применения.

В контексте *jus in bello* термин «соразмерность» имеет отношение к общему расчету баланса пользы и вреда, связанных с осуществлением в ходе войны какой-нибудь конкретной операции или акции. Во избежание путаницы дадим четкую формулировку принципа. Как сам принцип соразмерности, так и соответствующая теория включают три допущения.

1. При определении того, соответствует ли принципу какая-либо акция или нет, учитываются только ее последствия.

2. Среди всех этих последствий учитываются только те, которые касаются общего *блага*. Для наших целей это означает, что в моральном анализе учитываются действия, прямо или косвенно воздействующие на жизни людей. Неодушевленные объекты, например религиозные сооружения и исторические достопримечательности, принимаются во внимание, если они имеют для людей особое «значение».

3. Оценка последствий с точки зрения общего блага принципиально возможна.

Взяты вместе, эти допущения дают возможность участникам военных действий вести себя разумно. Грубо говоря, первые два

допущения указывают участникам военных действий (главным образом, конечно, командирам), на что надо ориентироваться в моральных суждениях и при принятии морально значимых военных решений. Третье допущение показывает, что возможно делать общие оценки таким образом, чтобы можно было вынести суждения относительно того, причинила ли одна акция больше вреда (или пользы), чем другая.

2. ДЕЙСТВИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Принцип соразмерности прибавляет к этим трем допущениям формулу, которая говорит тем, кто должен принимать решения, как они должны это делать. Согласно одной версии, эта формула такова: максимизируйте пользу и минимизируйте вред. Применительно к войне другая версия говорит о том, что разрушительные последствия военной акции должны соответствовать той цели, на которую эта акция направлена. Проблема заключается в сравнении отрицательных последствий военной акции с положительными результатами, которые должны быть достигнуты с помощью той же акции. Согласно данному критерию, всякая акция, всякая отдельная кампания, всякое конкретное событие войны должны отвечать принципу соразмерности. Дж. Ролз несколько иначе освещает этот момент: «Используемые средства не должны разрушать возможность мира или поощрять пренебрежение к человеческой жизни, которое ставит под угрозу нашу безопасность и безопасность человечества»¹. Применение насилия в масштабах, не нужных для победы, делает достижение прочного мира намного более трудным делом и поэтому морально недопустимо.

Но ни одна из этих формулировок не детализирована настолько, чтобы полностью объяснить принцип соразмерности. Напротив, ни одна из них не дает объяснения того, какова мера предполагаемого справедливого и несправедливого и каковы возможные отклонения от нее. Возьмем бомбардировку Дрездена². Если оценивать соразмерность, учитывая сами воздушные налеты и их непосредственные последствия для тех, кто находился в

¹ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. С. 332.

² The New Encyclopaedia Britannica / Ed. by Jacob E. Safra. Chicago, 1997. P. 221.

эпицентре бомбежки или возле него, то следует сделать вывод о том, что эти удары были несоизмеримы. Рассмотренные в узком смысле (т.е. тактически) бомбардировки Дрездена имели незначительный военный эффект или не имели вовсе никакого, но при этом они причинили большой ущерб множеству тех людей, у которых не было ничего или почти ничего общего с немецкой армией и военной промышленностью. В результате воздушных налетов погибли от 35 до 135 тыс. чел.¹ Многие из них были беженцами, спасавшимися от наступления Красной Армии. Можно сказать, что в тактическом отношении бомбардировки Дрездена были безнравственны. Такое заключение можно сделать совершенно независимо от того, был ли при этом нарушен принцип различия, согласно которому гражданские лица и определенные гражданские здания не могут быть специальным объектом нападения (см. начало этой главы и следующую главу).

Но некоторые авторы считают, что бомбардировки немецких городов во время Второй мировой войны следует рассматривать более широко, принимая во внимание все последствия бомбардировок (т.е. исходить из стратегической точки зрения). Другими словами, на основе одного узкого (тактического) суждения относительно военной акции, можно сделать вывод, что она не отвечает принципу соразмерности, однако в более широком плане эта же акция может отвечать тому же принципу. Отстаивающие такой подход считают, что, вероятно, можно морально обосновать те налеты. Такой вывод базируется на предположении, что принцип соразмерности является приоритетным по отношению к принципу различия. Впрочем воздушные налеты на Дрезден, как вскоре стало ясно, и со стратегической точки зрения не соответствовали критерию соразмерности: бомбардировки были произведены так поздно, в конце войны (в ночь с 13 на 14 февраля 1945 и днем 14-го), что уже не имели никакого стратегического смысла. Так что эти налеты были безнравственны во всех отношениях.

На вопрос, какой же способ оценки отвечает принципу соразмерности, ответ будет следующим: в соответствии с этим принципом все последствия должны быть приняты во внимание. Так, оценивая, была ли конкретная военная операция морально оправданной или нет, необходимо включить в расчет и ожидаемые

---

¹ The New Encyclopaedia Britannica. Op. cit. P. 221.

последствия от самой операции, и то, может ли данная операция приблизить окончание войны.

Рассмотрим еще один пример. Можно констатировать, что согласно критериям *jus ad bellum* Германия во Второй мировой войне вела несправедливую войну. Тем не менее завоевание Нидерландов, Бельгии, Люксембурга¹, рассмотренное на уровне проведения военных операций, в целом отвечало требованиям принципа соразмерности. Хотя немцы, возможно, соблюдали принцип экономии силы так же, как и ограничение соразмерности, по отношению к поставленным тактическим целям их действия были пропорциональными. В основном их военное вторжение основывалось на стремлении сломить военное сопротивление, если это сопротивление препятствовало проникновению немецких танковых дивизий на захватываемую территорию. Убийства без необходимости, страдания и материальный ущерб в этом случае не были чрезмерными для каждой стороны. В тактическом отношении отдельные военные подразделения вели себя в соответствии с данным принципом. То же можно сказать об этих нападениях при стратегическом рассмотрении. Более мелкие операции вписывались в общую стратегию «блицкрига», которая позволила немцам за несколько недель летом 1940 г. нанести поражение Франции. Таким образом, большая часть отдельных сражений в той военной кампании (на тактическом уровне) и всей военной кампании в целом (на стратегическом уровне) удовлетворяла требованиям принципа соразмерности.

Более современные примеры показывают, как тактическое использование принципа соразмерности может привести к одному выводу, в то время как стратегические соображения — к другому. Во время конфликта между Аргентиной и Великобританией за Фолклендские острова крейсер аргентинского флота «Генерал Бельграно» «был атакован британской подводной лодкой «Конкерор» и вследствие этого затонул»². Это стало причиной гибели 368 аргентинских моряков. Многим так же показались непропорциональными той угрозе, которую представлял собой крейсер, поскольку в то время он не использовался против бри-

¹ Holmes R. Army Battlefield Guide. Belgium and Northern France. L.: HMSO, 1995. P. 183—204.

² Coates A. J. The Ethics of War. Manchester: Manchester University Press, 1997. P. 209—214.

танского флота, пытавшегося отвоевать Фолклендские острова. «Взвешенное» суждение (с учетом интересов всех сторон), как представляется, указывает на то, что англичане нарушили ограничения *jus in bello*, осуществив нападение на аргентинский корабль, который находился довольно далеко от места конфликта.

В таком случае тактически это затопление можно считать морально неоправданным бедствием. Затопление корабля не дало никакого тактического преимущества. Но с точки зрения более широкой стратегической перспективы положение выглядит по-другому. Англичане утверждали, что если бы этот крейсер потопил хотя бы один из их авианосцев или один транспорт для перевозки войск, это стало бы фатальным для всей операции¹. Таким образом, когда британские командиры приказали потопить «Генерала Бельграно», они рассматривали перспективу развертывания аргентинских военных кораблей как существенную угрозу. Эта угроза оправдывала атаки британского флота на аргентинские корабли и самолеты до начала высадки на берег его десантных войск. Крейсер «Генерал Бельграно» представлял собой особо опасную, смертельную угрозу, поскольку он превосходил по огневой мощи корабельной артиллерии любой находившийся в этом регионе английский корабль, а его броня делала его неуязвимым перед любым нападением с воздуха. В ответ на ожидавшуюся высадку английского десанта всем аргентинским военным кораблям был отдан приказ начать наступательные операции. Англичане знали об этих инструкциях. Хотя «Генерал Бельграно» временно отошел далеко от островов, чтобы свести к минимуму риск стать жертвой подводного нападения, тем не менее он оставался законной военной целью. Это суждение подтвердил капитан «Генерал Бельграно», который позже заявил, что они направлялись к материке для того, чтобы достичь исходной позиции и ожидать дальнейших приказаний.

В этих обстоятельствах англичане не могли позволить себе ждать, пока на них нападут, потому что это могло создать перевес в пользу окончательной победы или поражения. При рассмотрении в более широкой перспективе уничтожение «Генерала Бельграно», какими бы ужасными ни были последствия, по-видимому,

---

¹ *Hastings M., Jenkins S. The Battle of the Falklands. L.: Michael Joseph Ltd., 1983. P. 148.*

не нарушало принцип соразмерности. Таким образом, первая проблема, с которой мы сталкиваемся в понимании принципа соразмерности, разрешается в пользу более целостного подхода к оценке последствий по сравнению с более частным. Этот принцип предпочитает скорее подход с позиций «широкой картины», чем подход, который рассматривает место сражения узко.

Вторая проблема более сложная. Она связана с определением того, *кто* является объектом морального расчета. Если, как полагает этот принцип, предстоит оценить последствия для благосостояния, то о чьем благосостоянии должен заботиться военачальник? Является ли измерение двусторонним или односторонним? С точки зрения одностороннего расчета в некоторых ситуациях командиры и солдаты должны заботиться только о благосостоянии своих людей; подходя к ситуации с позиции двустороннего расчета, они должны заботиться о благосостоянии всех.

Настойчивое утверждение о том, что потери врага должны включаться в моральную оценку военной акции, многим военным, принимающим решения, кажется сомнительным. В результате проблема оценки выгод и потерь с обеих сторон, очевидно, оказывается лишь теоретической проблемой (и то для моральных философов) и не представляется имеющей практическое значение для командиров на поле боя, чтобы правильно принимать решения. Например, когда чиновники НАТО выражали беспокойство относительно человеческих издержек войны во время Косовского кризиса, они были озабочены главным образом благополучием натовских пилотов. Эта забота выражалась в инструкциях пилотам летать на таких больших высотах, чтобы югославские ракеты типа «земля — воздух» не смогли легко их достать¹. В то же время эти инструкции подразумевали, что при такой высоте полетов неизбежно возрастут жертвы среди гражданского населения на земле, так как пилоты не всегда могут отличить военную цель от невоенной.

Война в Персидском заливе в данном отношении также показательна. Когда генерал Норман Шварцкопф выразил беспокойство относительно человеческих потерь на этой войне, каждому наблюдателю было ясно, что он имел в виду главным образом благополучие собственного военного персонала. Благополучие иракских войск он рассматривал как заботу и ответственность

¹ Ignatieff M. *Virtual War*. L.: Chatto and Windus, 2000. P. 63.

иракских командиров. Это отношение преобладало также и во время войны во Вьетнаме, войны в Корее и во Второй мировой войне. Во всех этих войнах в умах командиров действующей армии доминировало одностороннее представление о соразмерности человеческих потерь.

Что говорит об этом вопросе принцип соразмерности совершенно независимо от односторонних тенденций многих командиров (и солдат на поле боя)? Рекомендует ли он односторонние или двусторонние расчеты? Ответ ясен. Принцип не предусматривает оценку потерь только «нашей стороны» и, таким, образом, не исключает из рассмотрения «другую сторону». Разумеется, он не запрещает «нашей стороне» стрелять по «другой стороне», пока идут бои. Но он указывает на то, что поскольку человеческие страдания — это плохо, то каждый участвующий в войне должен принимать во внимание благополучие всех, кого затрагивает война.

3. ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Согласно мнению большинства моральных теоретиков, широко-масштабное использование ядерного оружия нарушает принцип соразмерности так же, как и принцип различия. Несомненно, широкомасштабное использование такого рода оружия моментально уничтожит огромное число целей, включая людей, здания и материальные ценности, которые не имеют военного значения. Далее, радиоактивные осадки поразят окружающую среду, так что на протяжении многих лет настоящее и будущие поколения будут переживать смертельно опасные последствия. Сравнительная оценка пользы и вреда, связанных с нанесением массированного ядерного удара, по-видимому, неизбежно приводит к выводу, что ядерная война всегда будет нарушать принцип соразмерности.

Некоторые считают, что ограниченное использование таких видов оружия теоретически могло бы отвечать требованиям принципа соразмерности, если бы не приводило к эскалации конфликта. В этой связи рассмотрим ядерные бомбардировки японских городов Хиросимы и Нагасаки, осуществленные во время Второй мировой войны¹. Хорошо известны аргументы в пользу нанесения

---

¹ *Churchill W.* The Second World War. L.: Cassell, 1949. P. 557.

этих ядерных ударов. В то время Япония готовилась к отчаянной обороне своих главных островов. В ответ на это американские военные специалисты произвели следующие расчеты. В сражении на Окинаве в июне 1945 г. американские войска потеряли почти 40 тыс. человек, в том числе более 12 тыс. убитыми. Потери японцев составили примерно 120 тыс. человек, из которых 110 тыс. убитыми¹. Возникло опасение, что в ходе высадки десанта и сражений за главные японские острова будут убиты миллионы мужчин и женщин. Было подсчитано, что ядерная бомбардировка двух городов приведет к гибели 80—150 тыс. японцев (главным образом, мирных граждан). Согласно этому расчету, от ядерной атаки погибнет меньше людей, чем в результате обычной войны, которая затянулась бы на несколько месяцев или даже на целый год. Таким образом, некоторые считают, что сбрасывание ядерных бомб на Хиросиму и Нагасаки отвечает принципу соразмерности. Конечно, это не означает, что теория справедливой войны одобряет эти бомбардировки. В конце концов, бомбы были направлены на гражданское население этих двух городов, следовательно, при этом был нарушен принцип различия.

Те, кто принял решение о бомбардировке Хиросимы и Нагасаки, стояли перед выбором между совершением чего-то такого, что можно считать однозначно несправедливым (т.е. преднамеренного убийства мирных граждан с помощью атомной бомбы), и совершением чего-то другого (т.е. вторжения в страну посредством пехотных войск), когда в количественном отношении несправедливость, вероятно, будет во много раз большей.

Американское правительство было убеждено в обоснованности первой альтернативы. Оно считало, что принцип соразмерности мог бы вполне обоснованно перевесить принцип различия. Уинстон Черчилль выразил это следующим образом: «Предотвратить грандиозную, ничем не ограниченную бойню... ценой нескольких взрывов, казалось после всех наших трудов и опасностей неким чудесным избавлением»².

Моральную законность такого решения оспаривали многие. Одни считали, что принцип различия не перевешивается принци-

¹ *Smurthwaite D.* The Pacific War Atlas: 1941—1945. N.Y.: Mirabel Books Ltd., 1955. P. 130; *The Oxford Companion to World War II* / Ed. by ICB Dear. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1995. P. 836.

² *Walzer M.* Just and Unjust Wars. P. 267.

пом соразмерности. Другие полагали, что союзники совершили ошибку, предъявив такой ультиматум Японии, который включал неприемлемые для японцев условия, например безоговорочную капитуляцию и низложение императора¹. При этом предполагалось, что военный кабинет Японии мог бы при определенных условиях принять требование капитуляции. Указывалось также на то, что следовало бы попробовать и другие пути завершения войны. Например, американское правительство могло бы довести до сведения японских руководителей информацию о бомбе, предоставить убедительные доказательства ее чрезвычайной разрушительной силы, а затем предложить провести переговоры относительно заключения мира. Эту возможность надо было использовать, даже если она и не гарантировала окончания войны.

Несомненно, после 1945 г. отношение к этическим проблемам войны коренным образом изменилось. Благодаря Женевским конвенциям 1949 г. многие начали уважать на поле боя принцип различия.

4. БИОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ

Биологическое оружие можно определить как оружие, заряженное микроорганизмами, например бактериями, вирусами, возбудителем риккетсиоза или грибками². Эти виды оружия применялись на протяжении многих столетий. Наиболее известный пример их применения — осада Кафы в 1346 г.³ Генуэзский морской порт Кафа⁴ в 1345 г. осаждался монголами. Но в 1346 г. пришло странное избавление: осаждавшую крепость монгольскую армию поразила «черная смерть» — чума (болезнь, вызываемая чумной бактерией и передаваемая людям через блошиный укус от зараженного грызуна⁵). Монголы умирали тысячами и в результате поте-

¹ См.: *Glover J.* *Humanity. A Moral History of the Twentieth Century.* L.: Pimlico, 2001. P. 93—112.

² *Geissler E., Van Courtland Moon J. E.* *Biological and Toxin Weapons: Research, Development and Use from the Middle Ages to 1945.* Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 1.

³ *McDermott J.* *The Killing Winds, the Menace of Biological Warfare.* N.Y.: Aberhouse, 1987. P. 21.

⁴ В настоящее время Феодосия (на Крымском побережье).

⁵ *Geissler E., Van Courtland Moon J. E.* *Biological and Toxin Weapons.* P. 13.

ряли интерес к осаде. Тем не менее с помощью катапульт они забросили в город тысячи зараженных чумой трупов. Жители Кафы не смогли избавиться от всех трупов (сбрасывая их в море), поэтому вскоре разлагающиеся трупы заразили воздух и отравили все запасы воды. Множество жителей Кафы умерли. Однако несколько оставшихся в живых людей спаслись и способствовали распространению чумы на запад. Весной 1347 г. чумой был поражен Константинополь, в октябре 1347 г. — Мессина, в январе 1348 г. — Генуя, Венеция и Марсель¹. Согласно оценкам, за 5 лет население Европы сократилось на 25%.

История человечества щедра на такие примеры применения биологических средств ведения войны, но пример с осадой Кафы дает ясное представление о главных особенностях этой формы ведения войны. Возбудители инфекции воспроизводятся в пораженном организме, но последствия заражения обнаруживаются только по прошествии инкубационного периода. Тем временем возбудители инфекции заражают других людей, которые также переживают инкубационный период и заболевают. Этот процесс все повторяется и повторяется и таким образом часто принимает неуправляемый характер.

Если посмотреть на то, что случилось в Кафе, с точки зрения принципа соразмерности, становится также ясно, что неконтролируемые и долговременные последствия использования биологического оружия можно считать полностью отрицательными. При этом виде оружия теряется необходимость практически в любом расчете, требуемом данным принципом. Также ясно, что в свете технического потенциала XXI в., который дает возможность производить еще более смертоносное биологическое оружие, оценка отрицательных и положительных последствий использования биологического оружия не оставляет сомнений в выборе. Нет никакого реального способа, позволяющего использовать это оружие согласно требованиям принципа соразмерности.

Этот вывод отражается в тех шагах, которые предпринимает все мировое сообщество для того, чтобы контролировать применение такого оружия. Например, Конвенция о биологическом оружии от 1972 г. запрещает разработку, производство, накопление и приобретение биологического оружия². Страны, ратифици-

¹ Ibid. P. 14.

ровавшие эту Конвенцию, сделали это не только потому, что применение биологического оружия рассматривается как нарушение принципа соразмерности, но также и потому, что оно нарушает принцип различия (см. следующую главу).

Независимо от того, были они запрещены или нет, на протяжении всего XX в. производились обширные исследования, связанные с биологическим оружием. Еще в начале XX в. исследования в области биологического оружия вела Япония. В 1935—1942 гг. японцы построили, в основном в китайской провинции Северная Маньчжурия, так называемые «фабрики смерти», где велись обширные исследования. В ходе экспериментов погибли тысячи китайцев¹. Еще большее число людей погибло в результате воздействия биологических веществ, брошенных отступавшими японскими войсками в конце войны². В начале холодной войны США осуществляли исследования в области биологического оружия, а потом провели испытания на некоторых своих гражданах без их согласия³. В 1979 г. выяснилось, что обширная программа исследования биологического оружия была и у Советского Союза. Именно тогда большой район вокруг Свердловска (ныне Екатеринбург) поразил вспышка сибирской язвы. Наиболее пугающим следствием вспышки было то, что 66 человек умерли в редко населенной области из-за выброса менее 1 г возбудителя сибирской язвы⁴. После Второй мировой войны было несколько попыток использовать это оружие в войне. Один из таких случаев произошел во время Вьетнамской войны. Вьетнамские войска использовали бактериологическое оружие не против американских вооруженных сил, а против жителей племени хмонг, которые, конечно, не могли ответить на это адекватно⁵.

---

⁸ *Christopher P.* The Ethics of War and Peace. New Jersey: Prentice-Hall, 1999. P. 122.

¹ *Harris Sh.H.* Factories of Death. L.; N.Y., Routledge, 1995. P. 51.

² *Ibid.* P. 67.

³ *McDermott J.* The Killing Winds. P.170—188.

⁴ *McDermott J.* Op. cit. P. 36—60.

⁵ The New Encyclopaedia Britannica. Op. cit. P. 90.

5. ПРИНЦИП ДВОЙНОГО ЭФФЕКТА

Завершая главу, необходимо особо упомянуть о принципе, известном как принцип двойного эффекта (ПДЭ). Строго говоря, ПДЭ не является частью теории справедливой войны: он обычно не вносится в список принципов данной теории в том качестве, в каком вносятся в этот список принципы соразмерности и различия. Однако все разновидности ПДЭ используют эти принципы. Кроме того, в определенных ситуациях некоторые ученые, занимающиеся исследованием этики войны, предпочитают обращаться к ПДЭ, а не к принципам соразмерности и различия. Поэтому вполне уместно уделить ПДЭ некоторое внимание.

Свое начало ПДЭ берет из понимания того, что у действий часто бывает более одного следствия. Конечно, война чем-то подобна этому. Совершаемые солдатами действия могут привести к смерти вражеских солдат, и в то же время к смерти случайных прохожих, к травмам вражеских солдат и прохожих, к разрушению зданий, ущербу окружающей среде и т.д.

Многочисленные последствия действий можно изобразить с помощью таблицы. В ней по *горизонтали* помещаются результаты того или иного действия, по *вертикали* даются оценки того, что было осуществлено: «хорошо» или «плохо». Таким образом, в ячейке, отмеченной П-1, действующее лицо в случае успеха предвидит уничтожение фабрики военного обмундирования и намерен это осуществить. Напротив, в ячейке О-1 преднамеренное и предвидимое разрушение всего города приводится в качестве примера, когда главной целью оказывается устрашение населения. Такое намерение и последствия такого действия расцениваются как отрицательные. В ячейке О-2 представлены результаты действия, при котором разрушение зданий рядом с фабрикой можно было предвидеть, но оно не было намеренным. Результат такой бомбардировки отрицательный, но он не был намеренным.

Действия, имеющие результат, обозначенный П-1, могут, таким образом, рассматриваться в качестве легитимных, а действия, результат которых обозначен О-1 — в качестве нелегитимных. Но у действий могут быть разные результаты. Возможно, что некое действие приводит почти одновременно к результатам П-1 и О-2 и получение одного результата невозможно без получения другого. Встает вопрос, при каких последствиях такое действие может считаться легитимным?

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЙСТВИЯ

Результаты бомбардировки	Положительное (П)	Отрицательное (О)
Намеренные (1)	Например, уничтожение фабрики военного обмундирования в городе П-1	Например, уничтожение всего города О-1
Ненамеренные (2)	Например, уничтожение склада военного обмундирования при фабрике военного обмундирования П-2	Например, уничтожение жилых домов рядом с фабрикой военного обмундирования О-2

ПДЭ включает в себя три следующих требования:

1. Разрешаются только положительные преднамеренные действия типа П-1. Запрещаются прогнозируемые и намеренные военные действия типа О-1, приводящие к отрицательным результатам. Здесь мы видим принцип различия в действии в условиях ПДЭ.

2. Действия, которые ведут к результатам двух типов П-1 и О-2, при которых, как предполагается, предвидимые и намеренные результаты типа П-1 перевешивают вред, вытекающий из предвидимых, но ненамеренных результатов типа О-2, являются легитимными. Здесь мы видим действие принципа соразмерности в условиях ПДЭ.

3. При неизбежности предвидимых, но ненамеренных отрицательных результатов (О-1) следует выбирать наименее отрицательный результат. Это значит, что последствия военных действий должны быть предвидимыми и О-2 должно быть минимизировано. Если возможно предвидеть, что x приведет к меньшим потерям, сопутствующим О-2, чем y , а y — к меньшим, чем z , то следует выбрать x . Именно это следует из принципа соразмерности.

Оценим, как ПДЭ отвечает на вопрос относительно ранее обсуждавшихся ядерных бомбардировок во время Второй мировой войны. Согласно самой очевидной интерпретации ПДЭ, уже требование 1 прямо осуждает такие бомбардировки. Бомбардировки указывают скорее на дурные намерения (О-1), чем на добрые (П-1), поскольку намерение бомбить включает в себя нацеливание на города, где живут тысячи людей, в войне не участвующих. Поэтому дальнейшие дискуссии по этому вопросу не имеют смыс-

ла. С учетом ПДЭ такие бомбардировки могли быть этически допустимыми при условии, что они отвечали бы всем трем требованиям ПДЭ. Но бомбардировки не могут отвечать даже требованию 1.

6. ВЫВОДЫ

Саму по себе концепцию принципа соразмерности как критерия *jus in bello* понять нетрудно, но ее очень трудно применить в конкретных ситуациях. По большей части это обусловлено присущей войне неопределенностью. Довольно часто рациональные расчеты провести очень трудно. Тем не менее бывают случаи, когда этот принцип применяется как средство для ограничения ужасных последствий войны. Применение его надлежащим образом помогает тем, кто принимает решения на полях сражений, беспристрастно и широко оценивать потери и выгоды. Когда этот принцип требует беспристрастности, он призывает не забывать о страданиях людей, находящихся «на другой стороне». Когда этот принцип требует широкой интерпретации, он заставляет нас не ограничивать внимание только на ближайших последствиях наших действий. Соразмерность в *jus in bello* — это принцип с широким диапазоном действия, указывающий на необходимость как можно лучше рассматривать *все* последствия наших действий, поскольку они затрагивают *каждого*, кто оказывается в их зоне.

Глава VIII РАЗЛИЧИЕ

Энтони Харта

1. ВВЕДЕНИЕ

После того как государство решит вопрос о том, *вести ли* ему войну, его руководители и представители вооруженных сил должны принять решение относительно того, *как* воевать. Один из самых трудных вопросов современной войны в рамках категории *jus in bello* касается целей, по которым наносятся военные удары, и использования определенных видов оружия, которые могут поражать эти цели неизбирательно. Традиционно при рассмотрении этого вопроса ключевым является *принцип различия*. В самом широком смысле этот принцип утверждает, что во время ведения военных действий воюющие стороны обязаны различать допустимые и недопустимые для уничтожения цели. Это различие должно основываться на природе этих целей как таковых. Исторически сложилось так, что воюющие стороны, как правило, согласны с тем, что уничтожение жизни и материального имущества тех, кто не подпадает под категорию комбатантов¹ есть зло, которое можно свести к минимуму. Следовательно, жизнь и имущество некомбатантов и некоторые категории гражданских объектов не должны становиться объектами вооруженного воздействия. В XX в. в сфере применения принципа различия главное внимание стало сосредотачиваться на подчиненном, но фундаментальном принципе неприкосновенности некомбатантов.

2. НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ НЕКОМБАТАНТОВ

Несмотря на публичное согласие относительно практического и морального значения защиты гражданских лиц во время войны, потери среди некомбатантов по-прежнему остаются болезненной характеристикой всех конфликтов XX в. — характеристикой, которая, несомненно, будет присуща военным конфликтам последу-

---

¹ *См. Предисловие (сноска на стр. 9).

ющих десятилетий. Сведение таких потерь (формы «сопутствующего ущерба», говоря эвфемистским языком высокотехнологических приемов ведения войны) к минимуму — таково назначение принципа неприкосновенности некомбатантов. Хотя теоретики справедливой войны признают, что основа для различия комбатантов и некомбатантов остается спорной проблемой¹, мало кто станет доказывать, что комбатанты ответственны за сведение к минимуму «потерь среди некомбатантов». В современную эпоху военная техника все более усложняется, что ведет к радикальным изменениям в концепции боя. Поэтому строгое исполнение долга не наносить ущерба некомбатантам становится все более проблематичным, так как усложнение военной техники, обеспечивая более высокую точность некоторых видов оружия, в то же время расширяет поле боя далеко за линию горизонта и значительно увеличивает его разрушительную силу.

Очевидно, соблюдение долга минимизации ущерба некомбатантам требует того, чтобы солдаты могли как-то узнавать некомбатантов. Практическое правило, согласно которому враги, одетые в униформу, являются комбатантами и в любой момент могут быть объектом нападения, есть тот исходный пункт, от которого можно отталкиваться, но вряд ли мы сможем далеко здесь продвинуться. Согласно существующим договорам и конвенциям, раненые солдаты, или солдаты *hors de combat*², не могут быть объектом нападения; в результате ранения они становятся некомбатантами. Солдаты, ставшие военнопленными, уже не являются комбатантами и не представляют собой какой-либо угрозы. Таким образом, военнопленные не являются объектом нападения независимо от нашего вывода о том, следует ли формально квалифицировать их как некомбатантов или нет. Этот вопрос возникает в связи с тем, что Женевскими конвенциями 1949 г. были тщательно разработаны правила обращения с больными и ранеными бойцами, а также теми людьми, которые квалифицируются как военнопленные.

Однако в практическом плане во многих войнах XX в. участвовали комбатанты, не носившие униформу или какие-либо знаки отличия. Например, партизаны днем могут быть фермерами, а ночью — нападать на войска. Применение в военных действиях

¹ Coates A. J. The Ethics of War. P. 234.

² * Букв. «вне сражения» (фр.).

принципа различия при одновременном ведении эффективной борьбы против партизан приводит как к практическим, так и к моральным трудностям. Как и армии многих стран, контингенты миротворческих войск ООН жестко ограничены практической и моральной необходимостью минимизировать потери среди некомбатантов. Практический аспект этой проблемы возникает из-за уязвимости ООН для критики по поводу выполнения ею миссии в соответствии с моральными критериями. Моральный аспект становится заметным из-за наиболее распространенного обоснования, к которому в настоящее время прибегают для того, чтобы инициировать применение силы, а именно: защита прав человека. Партизаны же склонны максимально использовать те тактические преимущества, которые дают им эти нормативные ограничения. Они не носят униформу и стараются смешиваться с гражданским населением, чтобы избежать прямой атаки и достичь таким образом военного преимущества.

В случае партизанских и антипартизанских военных операций сложности, связанные с принципом различия, обусловлены глубоким противоречием между военной эффективностью и морально-политическим успехом. Партизанские движения обычно всегда полагаются на определенную поддержку со стороны населения той страны, где ведется борьба. Партизаны должны сделать политический выбор между принуждением населения страны к сотрудничеству или стимулированием его желания сотрудничать. Принцип различия требует уважения статуса некомбатантов, запрещая как противозаконное какое-либо прямое принуждение и применение насилия в отношении тех, кто не носит форму. Одно из наиболее эффективных средств стимулирования добровольного сотрудничества со стороны населения состоит в демонстрации того, что его интересы совпадают с интересами партизан. Скрупулезное соблюдение требования ненанесения вреда гражданским лицам и их собственности будет только способствовать такой поддержке. Если партизаны намерены захватить и сохранить в своих руках политическую власть, они должны последовательно добиваться общественной поддержки.

Напротив, антипартизанские силы могут оказаться в сложной ситуации, если партизаны настолько привержены своим целям, что считают оправданным рисковать жизнью некомбатантов, используя их как щит. Готовность партизан рисковать благополу-

ем некомбатантов может ограничить антипартизанские акции. Если антипартизанские силы начнут действия именно тогда, когда партизаны заняли такое положение, атака на которое может привести к жертвам среди гражданского населения, то это может настроить гражданское население против антипартизанских сил. Имея собственное представление о правом деле, партизаны могут стремиться создать такие обстоятельства, которые будут вести к жертвам среди гражданского населения. Конечно, в такой ситуации, преимущество будет у партизан. Если антипартизанские силы откажутся от каких-либо действий, которые могут нанести урон некомбатантам, то партизаны получают явное тактическое преимущество. Если антипартизанские силы предпримут действия, которые приведут к жертвам среди гражданского населения, партизаны получают явное политическое преимущество.

В этих условиях антипартизанские силы должны принять тщательно разработанные правила действий (ПД) для своих военных. Так, в конфликте в Косово американские сухопутные силы в своих действиях руководствовались приводимыми ниже ПД (в 2000 г.). Каждый солдат получал небольшую, карманного формата карточку с инструкциями. Миссия КФОР, руководимых НАТО международных сил, которые вошли в Косово 12 июня 1999 г. по мандату ООН, состояла в том, чтобы поддерживать мир, обеспечивать безопасность всех сторон конфликта. Хотя они прямо не сталкивались с организованным партизанским сопротивлением, отдельным подразделениям КФОР приходилось иметь дело с вооруженным противодействием со стороны враждебных групп, обычно растворенных среди гражданского населения, как это обычно бывает у партизан. Правила давали общие принципы поведения.

Правила действия во время столкновений

Самооборона

1. Ничто в этих правилах не запрещает тебе использовать свое естественное право защищать себя, солдат КФОР и лиц со специально обозначенным статусом.

2. Если приходится прибегать к силе, используй ее в минимальной степени.

3. Ты можешь прибегать к силе на поражение для защиты себя, солдат КФОР и лиц с обозначенным специальным статусом лишь перед лицом непосредственной угрозы нанесения серьезного ущерба или перед угрозой смерти.

4. Тебе не требуется специального разрешения для действий, направленных на самооборону.

Защита собственности

1. Для защиты секретной документации и собственности, вооружения, снаряжения, взрывчатки и особо оговоренного имущества при необходимости применения силы используй ее в минимальной степени, в том числе на поражение.

2. Для защиты собственности КФОР используй минимальную силу и *не* используй силу на поражение.

Выполнение заданий

1. В соответствии с установленным порядком при выполнении задания руководство огнем, в том числе на поражение, осуществляется старшим из присутствующих командиров.

2. *Помни*, что даже при отсутствии распоряжений или приказа от командира при неотвратимости смертельной или серьезной угрозы ты всегда можешь применить силу для самозащиты, защиты солдат КФОР, лиц со специально обозначенным статусом.

Серьезные преступные действия

Если при тебе совершаются серьезные преступные действия против других лиц (убийство, изнасилование, опасное нападение) или налицо опасность совершения таких действий, можно прибегнуть к минимально необходимой силе для их предотвращения.

Минимальная сила

1. Оцени угрозу по SALUTE-показателям¹. Определи, что у человека в руках, а затем оценивай угрозу по SALUTE-показателям.

2. Когда это возможно, используй силу, начиная с минимальной степени:

а) громким голосом потребуй остановиться («*Стой!*» на сербско хорватском языке);

б) продемонстрируй оружие и готовность использовать его;

в) при необходимости используй физическую силу, не опасную для жизни нарушителей;

г) произведи предупредительный выстрел после голосового предупреждения: «*НАТО. Стой или буду стрелять!*» (на английском и сербскохорватском языке);

д) стреляй, чтобы предотвратить угрозу. Стреляй только прицельно. Прекрати стрельбу, когда больше нет угрозы.

Уважай гражданских лиц и их собственность.

Логично, что в антипартизанских операциях высший приоритет отдается безопасности некомбатантов. Правительства или интер-

¹ «SALUTE» — аббревиатура английских слов, указывающих, на что следует обращать внимание при встрече с лицом, чьи намерения неясны. В первую очередь следует определить, есть ли у него оружие в руках и представляет ли оно опасность. Затем, каков размер (size) силы, которой обладает лицо, какие действия (activity) оно предпринимает, какое место (location) занимает; если это группа лиц (подразделение — unit), то что она собой представляет, когда, в какое время (time) производится данное наблюдение, каким оснащением (equipment), военным и прочим, оно обладает.

венционистские силы стремятся защитить гражданских лиц и обеспечить себе поддержку со стороны всего населения. Безопасность некомбатантов, или гражданских лиц, требует минимального применения силы в большинстве ситуаций. Задача определения того, кто партизан, а кто нет, даже при том, что партизаны носят опознавательные знаки (например, нарукавные повязки или какие-то общие элементы в одежде), чрезвычайно сложна. Опыт последних десятилетий показывает, что в большинстве случаев проведение партизанских операций не сопровождается мерами, обеспечивающими идентифицируемость партизан. Этим обусловлено требование к антипартизанским силам проявлять особое внимание при определении целей и нанесении ударов. Задача идентификации членов вооруженных формирований противника с тем, чтобы можно было применить принцип различия, остается одной из важнейших для тех, кто проводит антипартизанские операции, и используемый контингентом ООН в Косово набор правил по применению силы может быть принят здесь в качестве образца.

Субъективное состояние моральной или политической невиновности также непригодно в качестве нормы, которую солдаты могут применять для различия между комбатантами и некомбатантами. При любом рациональном рассмотрении мобилизованный солдат, решивший не открывать огонь в состоянии гнева, должен бы считаться морально невиновным даже в том случае, если его страна ведет войну, несправедливую по критериям *jus ad bellum*. Какой бы обоснованной ни была такая дифференциация, у солдат противника нет никакого способа определить, что перед ними именно такой человек, и, исходя из этого, не нападать на него. Точно так же гражданское лицо, которое, предположим, является страстным сторонником явно несправедливой войны и поэтому большинством людей не может считаться морально или политически положительным, именно как гражданское лицо *prima facie*¹ считается некомбатантом и, стало быть, не может быть объектом непосредственного нападения, если он своими действиями не изменяет своего статуса. Ведь внутренние установки человека не поддаются наблюдению.

Иные объяснения категорий «комбатант» и «некомбатант» выдвигают новые вопросы. К примеру, Джефффри Мерфи доказывает, что различие между комбатантами и некомбатантами должно

¹ * *Prima facie* [прима фаци] — изначально (лат.).

определяться «цепочкой действий» («chain of agency»)¹. Если вы оказываетесь в такой «цепочке действий», которая приводит к применению силы военными, то вы являетесь комбатантом и подлежите нападению. Как узнать, находитесь ли вы в этой цепочке действий? Вы находитесь в таком ряду, если участвуете в любой деятельности, логически неотделимой от военных действий. Участие в любой деятельности, которая не происходила бы в том случае, если бы она не отвечала требованиям войны, помещает человека в «цепочку действий». Например, работа на военном заводе логически неотделима от ведения войны. Если бы не было войн, военные заводы были не нужны. С другой стороны, сельское хозяйство является такой сферой деятельности, которая логически отделима от ведения войны. В сельском хозяйстве люди работают и в мирное время. Таким образом, работники военных заводов находятся в «цепочке действий», а сельскохозяйственные работники — нет. Хотя на определенном уровне принятия решений это руководящее положение оказывается полезным, в то же время его применение боевыми подразделениями не может быть строгим. Летчики, сбрасывающие бомбы, часто считают трудным или даже невозможным применение этого положения и, кроме того, утверждают, что оно ставит перед ними дополнительные вопросы, включая вопрос о том, насколько велик риск для них самих в том случае, если им все же придется принять такое решение.

Майкл Уолцер, решая эту проблему риска в работе «Справедливые и несправедливые войны», говорит, что для сведения к минимуму потерь среди некомбатантов комбатанты должны принять на себя дополнительный риск. Чтобы проиллюстрировать свою точку зрения, он использует пример Второй мировой войны². Летчики Свободной Франции наносили бомбовые удары по важным для немцев объектам на территории оккупированной Франции, при этом гибли и французские граждане. Чтобы наносимый ущерб тем самым людям, ради которых эти летчики сражались, т.е. гражданам Франции, был минимален, они летали низко и бомбили с большой осторожностью, стремясь свести потери среди гражданских лиц к минимуму. Однако сберегая жизни своих сограждан, насколько возможно, французские летчики подверга-

---

¹ *Murphy J.* The Killing of the Innocent // War, Morality, and the Military Profession / Ed. by Malham M. Wakin. Boulder, CO: Westview, 1986. P. 346.

² *Walzer M.* Just and Unjust Wars. N.Y.: Basic Books, 1977. P. 157.

ли себя большой опасности. Мы рассматриваем действия этих пилотов как морально соответствующие принципу различия. Военная необходимость требовала бомбардировок. Традиция справедливой войны требовала минимизации потерь среди гражданских лиц с обеих сторон, хотя, конечно, французские летчики испытывали симпатию к своим. Чтобы согласовать между собой два эти требования, французские летчики шли на риск. Отсюда Уолцер делает вывод, что моральный долг требовал от летчиков поступать именно таким образом.

Военно-воздушная кампания в Сербии и Косово в 1999 г. наглядно показывает, как может измениться такое согласование. По словам Михаила Игнатьева, хотя военные летчики НАТО использовали дорогостоящее современное вооружение и, если не были уверены в характере цели, воздерживались от бомбардировки, военное командование НАТО, по-видимому, не склонно было рисковать жизнью летчиков в той степени, которая была принята летчиками Свободной Франции. НАТО не разрешала летчикам, сбрасывающим бомбы на объекты противника, летать на высоте менее примерно 4,5 км; несомненно, это минимизировало вероятность того, что их поразят югославские зенитные орудия, ведущие огонь по низколетящим самолетам НАТО. Но критики военных усилий НАТО утверждают, что при этом возросла и вероятность ошибочных бомбардировок некомбатантов (утверждение, которое военные руководители НАТО отвергали на пресс-конференциях и в своих отчетах после боя).

Привлекательность высокотехнологичных приемов ведения войны в том, что они спасают жизни людей. Они представляют собой такой метод ведения войны, который, по-видимому, определяется двумя моральными ограничениями: избегать потерь среди гражданских лиц и избегать риска для летчиков. Но оказалось, что эти два ограничения находятся в прямом противоречии друг с другом. Чтобы прекратить этнические чистки, необходимо летать низко. Если летать низко, гибнут летчики. Если летать высоко, бомбы поражают и мирных граждан. Ко второму месяцу бомбардировок прояснились приоритеты альянса НАТО: жизни его военных специалистов были для него важнее, чем жизни невинных иностранных граждан¹.

¹ *Ignatieff M.* Annals of Diplomacy: Balkan Physics // The New Yorker. 1999. 10 May. P. 79.

Принцип двойного эффекта, обсуждавшийся в предыдущей главе, представляет одно из часто применяемых средств анализа военных ситуаций, связанных с потерями среди гражданского населения. В применении к боевым ситуациям этот принцип утверждает, что непреднамеренное причинение страданий мирному населению оправдано в том случае, если положительный эффект морально приемлем, предвидимые отрицательные последствия непреднамеренны или необязательны для достижения положительного эффекта, а положительные эффекты перевешивают отрицательные. Применяя данный принцип к приемам ведения войны, Майкл Уолцер добавляет еще одно условие, нераздельно связанное с его точкой зрения на приемлемое равновесие риска для комбатантов в сравнении с риском для некомбатантов: «Осознавая предполагаемое зло, [действующий субъект (the agent)] стремится минимизировать его, принимая на себя издержки»¹.

Таким образом, в той ситуации, которая сложилась в Косово, строгое применение дополнения Уолцера к принципу двойного эффекта, вероятно, потребовало бы того, чтобы летчики летали ниже и шли на больший риск (и, возможно, больший риск для всей натовской операции, учитывая ее политическую хрупкость). Без принятия этой дополнительной меры предвидимые, но непреднамеренные потери среди гражданских лиц невозможно было бы оправдать при строгой интерпретации *jus in bello* в контексте принципа двойного эффекта.

Вдобавок к проблеме, связанной с риском, существует и другое затруднение. Подход, основанный на «цепочке действий», не объясняет, как нужно относиться, например, к политике, проводившейся НАТО в другой области. Военные самолеты НАТО подвергали нападению предприятия по очистке, производству и хранению нефтепродуктов по всей Югославии. Производство топлива логически отделимо от ведения войны, но также ясно, что оно необходимо для ее ведения. Когда страны — члены НАТО бомбили промышленные объекты Югославии, хранилища с запасами топлива и электростанции, они делали это главным образом для того, чтобы привести в негодность военную машину этой страны. Однако в ходе операции они атаковали объекты, где работали лишь мирные граждане, обслуживавшие не только военные силы,

---

¹ Ignatieff M. Annals of Diplomacy. Op. cit. P. 79.

но и все население в целом. Можно сказать, военные летчики НАТО подвергали нападению не только военные силы, но также и всю страну в целом.

Как следует классифицировать нападения на сеть гражданских коммуникаций? Самолеты НАТО атаковали также телевизионную станцию Югославии, которая обслуживалась одними только гражданскими лицами. При этом утверждалось, что телестанция была правительственным органом пропаганды и дезинформации, влиявшим на ведение дипломатической и военной деятельности. «Цепочка действий» Мерфи не заходит настолько далеко, чтобы оправдывать эти наступательные операции, но исполнители военных планов НАТО могли бы заявить, что осуществления этих бомбардировок потребовала военная необходимость.

С окончанием холодной войны и распадом Советского Союза маячившая на горизонте угроза применения ядерного оружия несколько ослабла и приняла другую форму. Тем не менее во второй половине XX в. огромное внимание привлек к себе вопрос о возможной оправданности какого-либо применения ядерного оружия при соблюдении принципа различия. Актуальность такого вопроса подтверждается фактом распространения ядерного оружия. Наряду с ядерным оружием широкое внимание теперь привлекают противопехотные мины. Исследование этих особых систем оружия приводит к выводам, которые применимы к любому исследованию воздействия оружия, учитывающему принцип различия. Мы можем также определить тесную связь этого исследования с другим аспектом различия — ограничениями выбора целей.

3. ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Традиция справедливой войны связана с ограничениями в использовании силы или, как говорил Джеймс Джонсон, «традиция справедливой войны... есть моральная традиция оправданной и ограниченной войны»¹. Накладываемые ею ограничения служат для того, чтобы уменьшить вероятность возникновения войны и

¹ *Johnson T.J.* Threats, Values, and Defense: Does the Defense of Values by Force Remain a Moral Possibility? // *Just War Theory* / Ed. by J.B. Elshtain. N.Y.: New York University Press, 1992. P. 56.

смягчить ее последствия, когда она уже началась¹. Как уже говорилось выше, критерии *jus ad bellum* ограничивают те условия, при которых война может быть обоснованно начата. Эти положения справедливой войны, применяемые при сознательном стремлении к морально оправданному поведению, устанавливают критерии решений, морально приемлемых в большинстве случаев. Однако, как только война началась, данные критерии уже определяются (в дополнение к конкретным конвенциям, касающимся войны) двумя нашими смягчающими принципами — принципом соразмерности и принципом различия. Принцип различия ясен и конкретен: комбатанты никогда не должны делать своей непосредственной целью некомбатантов. Принцип соразмерности, даже ясно выраженный, более проблематичен на практике: уровень применяемой силы должен быть соразмерным поставленным задачам. Определение того, что допускается в качестве «соразмерного» в конкретных ситуациях, требует таких выводов, которые часто становятся предметом споров. Рассматривая использование и угрозу использования ядерного оружия, мы обнаруживаем, что применение этих принципов становится особенно спорным.

По нашему мнению, в обсуждении, носящем практический характер, мы должны сделать вывод, что невозможно использовать ядерное оружие и в то же время полностью соблюсти принцип различия. Можно представить такой необычный гипотетический сценарий: нанесение ядерного удара малой мощности с военного корабля, находящегося в море вдалеке от любой обитаемой территории, при таких обстоятельствах, что ни атакуемая сторона, ни любой из ее союзников не смогут ответить на это ядерным ударом. При данных обстоятельствах мы могли бы сказать, что доказали, будто ядерное оружие можно использовать избирательно. В том же духе можно было бы утверждать, что при полном соблюдении принципа различия ядерное оружие можно использовать за пределами земной атмосферы — в Космосе. Однако такие предположения не снимают нашей моральной ответственности по поводу применения ядерного оружия хотя бы потому, что оно почти всегда связано с неминуемым уничтожением некомбатантов. Промышленные или важные в военном отношении хозяйственные

---

¹ Fisher D. Priorities in Just Deterrence // Just Deterrence: Morality and Deterrence into the 21st Century / Ed. by M. McCall and O. Ramsbotham. L.: Brassey's, 1990. P. 67.

объекты обычно находятся вблизи густонаселенных районов или в достаточной близости от них, поэтому последствия выпадения радиоактивных осадков окажутся для людей смертельными. Во многих случаях сугубо военные цели находятся достаточно близко к населенным районам, и даже тактика точечных ударов, направленных исключительно на военные цели, окажется губительной для жизни и имущества гражданского населения.

В 1945 г. США осуществили единственную в истории атомную бомбардировку противника. Бомба, сброшенная на Хиросиму, обладала взрывной силой, эквивалентной 12 тыс. т тротила. От этого взрыва многие тысячи людей сразу же превратились в пепел. В течение считанных секунд тысячи людей погибли от воздействия ударной волны и всепоглощающей огненной бури. В последующие дни тысячи людей были поражены радиацией. Вопреки принципам традиции справедливой войны жертвами этого взрыва в подавляющем большинстве были некомбатанты — школьные учителя, новорожденные дети, священники, рабочие, т.е. обычные мирные граждане. Для сравнения добавим, что по окончании холодной войны важное место в ядерном арсенале США отводилось ракетам «Минитмен» с боеголовками, обладающими взрывной силой 1,2 млн т тротила¹. Если сравнить такую ракету с бомбой, сброшенной на Хиросиму, то последняя уступает первой по мощности тысячекратно. Всякое утверждение о том, что оружие, подобное ракетам «Минитмен», можно использовать, действительно различая комбатантов и некомбатантов, выглядит неправдоподобным.

Отсюда заманчиво сделать вывод о том, что использование современного ядерного оружия, если всерьез принять ограничения традиции справедливой войны, просто неприемлемо с моральной точки зрения. Однако вопрос не так прост. В основу данной традиции заложена идея, согласно которой единственно оправданной причиной применения силы является сохранение и защита ценностей. Таким образом, фундаментальный вопрос, касающийся принципа различия, заключается в следующем: можно ли вообще защищать ценности путем применения неизбирательных (indiscriminate) средств. В этом более широком контексте вопрос о том,

¹ Дуглас Лэки приводит это сравнение в работе: *Lackey D. The Ethics of War and Peace*. Englewood Cliffs N.J.: Prentice Hall, 1989. P. 110.

как применять принцип различия в условиях наличия ядерного оружия, существенно осложняется и требует дальнейших исследований.

Во-первых, как указывал Пол Рэмси, обсуждая новое понятие «стратегия контрсилы» («counter-force strategy»), т.е. такой стратегии, в соответствии с которой целями ядерного удара могут быть только военные объекты, дифференциация объектов атаки не приведет к ограничению жертв лишь потерями среди комбатантов. Однако она в значительной степени отличалась бы по своим результатам от «контрценностной» стратегии («counter-value strategy»)¹, т.е. такой стратегии, которая предполагает в ответ на ядерную атаку нанесение ракетно-ядерного удара по высокоценным объектам — главным центрам проживания гражданского населения. При осуществлении контрсилового нацеливания на объект соблюдается запрет на *непосредственное* и *преднамеренное* нападение на мирное население. Контрценностная стратегия просто игнорирует принцип различия. Контрсиловая стратегия, как доказывают ее сторонники, в максимально возможной степени сохраняет разграничение комбатантов и некомбатантов и учитывает в силу этого необходимость сохранения основополагающих ресурсов. Тем не менее можно предвидеть, что удар по военным объектам станет причиной сопутствующего ущерба².

Уравновешивая намерение нападающей стороны и прискорбные результаты ее действий, принцип двойного эффекта признает, что предсказуемый, но непреднамеренный результат при тщательном изучении этого вопроса с моральной точки зрения сам по себе не должен быть средством достижения предполагаемого результата. Если сопутствующий ущерб, причиняемый контрсиловым прицельным ударом, сам по себе является решающим для сдерживающего эффекта контрсиловой стратегии, то даже обоснование посредством двойного эффекта становится сомнительным. Чисто контрсиловая стратегия (если воспользоваться терминологией Стивена Ли)³, вероятно, в современном мире невозмож-

¹ Ramsey P. The Just War: Force and Political Responsibility. N.Y.: University Press of America, 1983. P. 157—165.

² * Здесь под сопутствующим ущербом имеются в виду жертвы среди мирного населения.

³ Lee S.P. Morality, Prudence, and Nuclear Weapons. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 150—151. Чисто контрсиловая стратегия есть такая

на, не говоря уже о ее практической неосуществимости. Военные цели стратегического значения, как правило, не изолированы где-нибудь в центре пустыни или океана. Только в том случае, если отрицательный эффект какого-то действия (в данном случае сопутствующий ущерб) не является необходимым для достижения «положительного» эффекта, преднамеренный и морально приемлемый результат (в данном случае использование силовой угрозы с целью сохранения мира) будет законным и основанным на принципе соразмерности. Однако даже принимая во внимание эту соразмерность, мы признаем, что в теории справедливой войны по-прежнему применим принцип различия. Используя его для сравнения контрсилевой и контрценностной стратегий, можно сделать вывод, что в отношении общего количества потерь, которыми они угрожают, контрсилевая стратегия более отвечает ценности уважения людей, чем контрценностная стратегия. Именно такой вывод делает Пол Рэмзи.

Во-вторых, если традицию теории справедливой войны рассматривать не как юридический механизм определения справедливости войны, а, скорее, как теоретическое средство, помогающее сделать военные действия «по возможности справедливыми»¹, то нужно сравнить принцип различия с принципом соразмерности. Как отмечает Стивен Ли, «озабоченность тем, чтобы избежать катастрофических последствий», перевешивает озабоченность тем, чтобы твердо придерживаться законов и правил войны². Некоторые ученые доказывают, что, если государство может избежать непоправимого ущерба только путем нарушения принципа различия, оно имеет на это моральное право³. Иными словами, если некая политика может привести к катастрофическим последствиям, то необходимо найти такие альтернативы, которые вели бы к наименее разрушительным результатам. Стремление избежать ядерной войны посредством политики сдерживания является,

---

стратегия, которая приводит к относительно небольшим потерям среди гражданского населения; смешанная стратегия может стать причиной появления огромного числа раненых и убитых среди мирных граждан.

¹ *Hauerwas S.* On Surviving Justly: Ethics and Nuclear Disarmament // *Just War Theory* / Ed. by J.B. Elshtain. P. 303.

² *Lee S.P.* Morality, Prudence, and Nuclear Weapons. P. 61.

³ Эту точку зрения поддерживают Майкл Уолцер в: *Walzer M.* Just and Unjust Wars (p. 269—274) и Грегори Кавка в: *Kavka G.* Moral Paradoxes of Nuclear Deterrence [Chapter I]. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

по-видимому, наименее гибельным выбором в том, что касается средств сохранения мира. По своему значению принцип соразмерности, по-видимому, является приоритетным по отношению к принципу различия. Таким образом, в условиях практического выбора из всех доступных средств наиболее ответственным в моральном отношении будет такое применение силы или угроза ее применения, которая в максимальной степени отвечает критериям справедливости. Это, конечно, аргумент тех, кто поддерживает версию ядерного сдерживания путем устрашения, даже несмотря на признание ими того, что угроза применения ядерного оружия представляет собой намеренную угрозу гибели некомбатантов. Следовательно, утверждение о том, что при наличии ядерного оружия теория справедливой войны становится неуместной, по-видимому, не имеет оснований: практически неизбежное нарушение принципа различия делает проблему справедливой войны еще более острой. В такой перспективе, признавая первоочередную необходимость предотвращения ядерной войны, необходимо, тем не менее, как можно строже соблюдать требование различия между комбатантами и некомбатантами.

Итак, намерение осуществлять сдерживание, насколько возможно, в рамках справедливости оказывается еще более проблематичным, что усиливает актуальность этого вопроса. Если принцип соразмерности получает приоритет над принципом различия, то можно доказать, что решающее значение имеет вопрос, становится ли вероятность ядерной войны большей или меньшей при принятии контрсилловой стратегии в отличие от контрценностной стратегии. Этот спор можно продолжать, даже если признана возможность того, что любое будущее применение ядерного оружия в свете принципа различия само по себе будет совершенно безнравственным. Несмотря на данную уступку, можно представить такую ситуацию, когда отказ от принципа различия не был бы *безнравственным*, а именно, такую ситуацию, в которой было бы достаточно весомым значение последствий, рассмотренных с точки зрения принципа соразмерности. Как отмечает Артур Хокедей, главным является вопрос о «той степени, до которой сдерживание путем устрашения неизбежно связано с условной целью совершать в определенных обстоятельствах те действия, которые фактически наверняка или с высокой вероятностью будут вести к гибели некомбатантов в количестве, не пропорциональном

получаемой при этом пользе или уменьшаемому вреду»¹. С этой точки зрения уменьшаемый вред должен быть действительно огромным. Но можно доказать, что во времена холодной войны перспектива ядерной катастрофы вполне отвечала этой норме.

В наше время напряженность ядерного пата времен холодной войны в значительной степени ослабла. Может показаться, что с уходом холодной войны в прошлое сверхсекретные разработки ядерных стратегий отошли в область отвлеченных теоретических исследований. Однако из-за продолжающегося распространения ядерного оружия в таких странах, как Индия и Пакистан, и интенсивных усилий, например Китая, по увеличению своего ядерного потенциала вопросы сдерживания путем устрашения и избирательного применения ядерного оружия продолжают оставаться в центре внимания мирового сообщества. В том случае, если мировая гонка ядерных вооружений вновь наберет силу, риск ядерного конфликта вновь может стать доминирующей международной темой. На вопрос Стивена Тулмина, «может ли при каких-либо обстоятельствах применение ядерного оружия, учитывая его разрушительность, вообще стать соразмерным справедливой цели военных действий государства?»², мы можем ответить, что только при самых ужасных обстоятельствах обдумывание такого шага может оказаться допустимым, т.е. морально оправданным. Совершенно очевидно, что распространение ядерного оружия неизбежно делает его применение более вероятным. Эта перспектива должна укрепить моральный императив, требующий сокращения ядерного вооружения.

4. МИНЫ

Соглашение по запрещению использования, накопления, производства и перемещения противопехотных мин и по их уничтожению (далее — Договор о запрещении мин) 1 марта 1999 г. стало составной частью международного права. Этот Договор явился результатом повсеместного признания того факта, что противо-

¹ *Hockaday A.* The Aim of Just Deterrence: Peace with Justice? // *Just Deterrence: Morality and Deterrence into the 21st Century.* P. 54.

² *Toulmin S.* The Limits of Allegiance in a Nuclear Age // *Just War Theory.* P. 282.

пехотные мины причиняют неизбирательный и избыточный вред. Жертвами этих мин оказываются большей частью некомбатанты. По общим оценкам, ежегодно свыше 25 тыс. человек получают ранения или погибают от фугасов, большая часть которых осталась от прежних конфликтов¹. К середине 1999 г. Договор о запрещении мин, подписанный 135 государствами, был ратифицирован 81 страной². Среди стран, не подписавших этот договор, такие страны, как США, Россия, Китай, Ирак, Иран и Куба; мотивы каждой, по всей видимости, были разными.

Хотя США полностью поддерживают гуманитарные цели этого Договора, они указывают, что их согласие на прекращение использования фугасов зависит от появления таких военных средств, которые можно рассматривать как тактическую альтернативу фугасам. Преждевременное запрещение фугасов может потребовать высокой цены — уменьшение безопасности и увеличение потерь среди американских солдат. Один из противников Договора о запрещении мин, указывая на то, что США уже применяют мины с автоматическим самовзрывателем, доказывает, что этот Договор не предотвращает нарушения принципа различия, причиной которых является использование фугасов. «Если США одобряют всемирное запрещение всех видов фугасов, то американские солдаты будут подвергаться большей опасности, а в контроле за вооружением будет создан пагубный двойной стандарт: страна, не создающая такой проблемы, — Соединенные Штаты — будет разоружаться, в то время как страны-изгои, распространяющие убивающие мирных граждан мины, не присоединятся к этому договору и не разоружатся»³. Здесь доказывается, что необходимо сосредоточить основное внимание на устранении всех фугасов, которые не являются надежными, саморазрушающимися «умными минами».

Договор о запрещении мин был создан в ходе Оттавского процесса, и определяющим в кампании по запрещению фугасов

¹ U.S. Government. White House Press Release. U.S. Efforts to Address the Problem of Anti-Personnel Landmines. 16 мая 1996 // <http://www.defenselink.mil/news/May1996/m051796—m102-96.html>

² Physicians for Human Rights, «Campaign to Ban Landmines» // на сайте: <http://www.phrusa.org/campaigns/landcamp.html>.

³ Spring B., Hillen J. Why a Global Ban on Land Mines Won't Work // <http://www.nonline.com/procon/html/conMine.htm>

был фундаментальный принцип различия, ссылка на который позволила преодолеть аргументы, касающиеся возможного подрыва безопасности. В недавнем отчете ООН отмечается, что «в истории современных общепринятых приемов ведения войны фугасы являются исключительной дикостью не только из-за своего ужасного воздействия на отдельных людей, но также из-за связанного с ними длительного социально-экономического разорения»¹. Проблемы, связанные с фугасами и неизбирательностью их воздействия, в огромной степени усилились из-за того, что по всему миру остаются зарытыми в землю свыше 100 млн фугасов². От Сальвадора до Анголы, Афганистана и Камбоджи фугасы будут сеять смерть среди еще нескольких поколений ничего не подозревающих мирных жителей. В одном из источников сообщается, что, «по оценкам ООН, понадобится отряд в тысячу саперов, чтобы они за срок более 30 лет обнаружили и обезвредили те 6 млн мин, которые зарыты на территории Боснии и Хорватии»³.

Те, кто обеспокоен идеей запрещения фугасов, прибегает к слишком вольной трактовке военной необходимости для того, чтобы оправдать их непрекращающееся применение. Подобные аргументы сводятся к тому, что без применения фугасов оборонные возможности государства будут настолько ослабленными, что возникнет серьезная угроза его безопасности. На первый взгляд этот аргумент был бы более убедительным со стороны государств, располагающих относительно небольшими военными силами, чем со стороны сверхдержавы, которая обладает альтернативными средствами защиты своих военнослужащих. Например, те более развитые страны, которые могут устанавливать «умные мины», по-видимому, имеют меньшее, чем у других стран, оправдание для применения менее дорогостоящих «беззвучных мин», которые еще на протяжении многих десятилетий будут источником смертей и ранений. В более широком смысле заявление о праве применять фугасы как тактически более эффективное, хотя и негуманное по своему характеру средство, по-видимому, нарушает и принцип различия, и принцип соразмерности. Большинство применяемых в настоящее время мин имеет срок годности более 50 лет. К сожа-

¹ *Machel G.* Impact of Armed Conflict on Children. UNICEF // <http://www.unicef.org/graca/mines.htm>

² Ibid.

³ *Solomon D.* Taking the Initiative on Land Mines // <http://www.nonline.com/procon/html/proMine.htm>

лению, практика показывает, что вооруженные силы, полагающиеся на применение фугасов, менее всего склонны надлежащим образом маркировать минные поля и обезвреживать мины, когда минные поля уже больше не служат военной цели.

5. ВЫБОР ЦЕЛИ

На практике повсеместный запрет на прямые нападения на некомбатантов нелегко ввести. Хотя осады, бомбардировки и штурмы укрепленных городов являются неотъемлемой частью военных действий, ст. 25 Гаагских соглашений запрещает нападение на незащищенные города, деревни и другие объекты¹. На первый взгляд это руководящее положение кажется ясным, но приводимый ниже список исключений показывает, что это правило, возможно, не так просто применить на практике:

«...Заводы, производящие военное снаряжение и боеприпасы, военные лагеря, пакгаузы, где хранятся военное снаряжение и боеприпасы, порты и железные дороги, используемые для транспортировки боеприпасов, и другие места, предназначенные для поддержки военных операций или для размещения войск, также могут подвергаться бомбардировке и быть атакованы даже в том случае, если они не защищены»².

Само Гаагское соглашение, по-видимому, допускает значительную свободу интерпретации, если в нем указывается, что «во время осад и бомбардировок должны быть приняты все необходимые меры для того, чтобы, насколько это возможно, сохранить здания, предназначенные для религиозного культа, науки, искусств или для целей милосердия, исторические памятники, больницы и те места, где сосредоточены скопления больных и раненых при условии, что они не используются для военных целей»³. Оговорка «насколько это возможно» оставляет широкие возможности для интерпретации.

Даже из рассмотрения только Гаагских документов и Женевских конвенций становится ясно, что в связи с выбором граждан-

---

¹ Приложение № IV к Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г., включающее Соглашения по соблюдению законов и норм ведения войны на суше.

² US Army, FM27-10. The Laws of Land Warfare. Washington DC: US Government Printing Office, 1956. P. 19.

³ Статья 27. Приложение IV к Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г. Соблюдение законов и норм наземной войны.

ских объектов в качестве военных целей возникают дополнительные вопросы. Протоколы Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. устраняют множество двусмысленностей и более конкретно говорят о защите гражданского населения. В ст. 48 Протокола I утверждается, что воюющие стороны «должны всегда проводить различие между гражданским населением и комбатантами, а также между гражданскими объектами и военными целями и, соответственно, направлять свои операции только против военных целей». В свою очередь военные цели определяются как «те объекты, которые по своей природе, местоположению, цели или применению вносят действительный вклад в военные действия и полное или частичное уничтожение, захват или нейтрализация которых в сложившихся обстоятельствах дают определенное военное преимущество»¹.

В других статьях этих Протоколов запрещаются неизбирательные нападения и приводится следующая их дефиниция с конкретными примерами: «Неизбирательные нападения — это такие нападения, которые: а) не направлены на конкретную военную цель; б) используют метод или средство боевых действий, которые не предназначены для достижения конкретной военной цели; или в) используют метод или средство боевых действий, результаты действия которых невозможно ограничить так, как требуется данным Протоколом; следовательно, в каждом подобном случае, по сути, наносят удары по военным целям и гражданским лицам или гражданским объектам без разбора»².

В дополнительных параграфах запрещается наносить удары по сооружениям (таким, как дамбы или атомные электростанции), разрушение которых может иметь чрезвычайно опасные последствия для гражданского населения³. Содержащиеся в этих Протоколах руководящие положения относительно применения принципа различия придают последнему беспрецедентную ясность и конкретность. Тем не менее при применении этой части принципов *jus in bello* на практике всегда возникают мучительные вопросы.

¹ Протокол I Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. Статья 52.

² Протокол I. Статья 51.

³ Протокол I. Статья 56.

6. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В наше время принцип различия находит свое применение в отношении действий, не включаемых традиционно в сферу этого понятия. Последствия экономических санкций, терроризм, международные операции по поддержанию мира и гуманитарные интервенции — все это поднимает вопросы, связанные с принципом различия.

В 1990-е гг. для того чтобы изменить политику и линию поведения государств, нарушающих международные нормы, применялись экономические санкции. Они включают в себя самые разнообразные меры — от обширных эмбарго, наложенных на Ирак, Северную Корею, Кубу и Сербию, до весьма конкретных действий, например отказа в праве покупать у конкретного государства определенных товаров или услуги. Санкции могут также принимать форму отказа предоставлять государству займы или субсидии с целью воздействовать на выбор этим государством определенных действий или на изменение им определенной политики. Санкции наиболее действенны в тех случаях, когда стране отказывают в удовлетворении какой-либо крайне важной потребности, для чего обычно необходимы многосторонние санкции. Односторонние санкции, проводимые одним государством, едва ли будут иметь достаточный эффект и убедят наказываемое государство изменить свою политику. Многосторонние санкции были эффективны, когда помогли положить конец политике апартеида в ЮАР. Ливия, испытав на себе давление санкций, приняла решение выслать подозреваемых во взрыве авиалайнера над Локерби на судебное разбирательство в Шотландию. Санкции до некоторой степени ограничили способность Саддама Хусейна закупать оружие массового поражения после войны в Персидском заливе. Ни в одном из этих случаев односторонние санкции не были бы эффективны, поскольку ни одна страна не является монопольным поставщиком наказываемого санкциями государства и его потребности могут быть удовлетворены за счет поставок из страны, не участвующей в санкциях.

В большинстве случаев государство или государства налагают санкции для того, чтобы оказать влияние на линию поведения правительства другого государства, а не в качестве средства наказания народа подвергаемого санкциям государства. Проблема различия возникает в том случае, когда наложение санкций вынуж-

дает бедствовать простой народ. Часто в прошлом результатом давления на правительство становились страдания народа этого государства, которые порождаются санкциями. В случае санкций, наложенных на Кубу Соединенными Штатами и включавших в себя запрещение торговли продовольствием и медикаментами, непосредственное влияние этой политики санкций испытали прежде всего граждане Кубы.

Эмбарго США против Кубы началось в 1961 г. после революции, осуществленной под руководством Фиделя Кастро. В течение многих лет это эмбарго в значительной степени имело символическое значение, потому что насущные потребности Кубы могли удовлетворить страны социалистического лагеря, особенно Советский Союз. Однако после распада Советского Союза санкции стали серьезно влиять на все стороны кубинской жизни. Утверждение Конгрессом США в 1992 г. Закона о кубинской демократии наложило запрет на торговлю с Кубой всех американских дочерних предприятий, включая торговлю продовольствием и медикаментами. Соединенные Штаты оказывали серьезное давление и на другие страны с тем, чтобы они прекратили торговлю с Кубой. Несмотря на возражение со стороны Европейского Союза и России, это давление все же дало определенные результаты из-за большого влияния США на мировую экономику. Результатом было ухудшение здравоохранения, экономический спад и падение уровня жизни населения Кубы¹. Режим санкций непосредственно затронул жизнь кубинского народа. Очевидно, правительство США намеревалось создать оппозицию правлению Кастро, т.е. сделать так, чтобы жизнь кубинцев становилась все более тяжелой, в результате чего они должны склониться к свержению власти Кастро.

Принцип различия запрещает выдвигать в качестве цели нанесения удара непосредственно некомбатантов. Если экстраполировать этот принцип на такие не доходящие до войны меры, как санкции, то это даст моральный аргумент против той политики санкций, которую проводят США, когда эта политика как средст-

¹ Воздействие санкций задокументировано в разных источниках, в том числе в работах: *Kaufman H.* The United States-Cuba Policy: A Cuban Perspective // *Harvard World Affairs*, 1994. P. 105—116; *Kirkpatrick A.F.* Role of the USA in the Shortage of Food and Medicine in Cuba // *The Lancet*. Vol. 348. 1996. P. 1489—1491; *Kuntz D.* The Politics of Suffering: The Impact of the US Embargo on the Health of the Cuban People. N.Y.: International Health Services, 1994.

во прямого влияния на линию поведения правительства становится причиной страданий гражданского населения.

Принцип различия играет определенную роль и в осмыслении террористических операций. Он обеспечивает основу для морального осуждения таких мер, успех которых зависит от степени нагнетаемого на некомбатантов ужаса. Так, интенсивная бомбардировка союзниками европейских и японских городов во время Второй мировой войны рассматривается как акция террора. В некоторых случаях военные цели были незначительными или вовсе отсутствовали и главная цель бомбардировки городов состояла в том, чтобы вызвать ужас и «сломить волю» вражеской страны. Эвфемизм «сломить волю» означал убивать и уничтожать мирных жителей и их сообщества до тех пор, пока это не заставит их отказаться от поддержки войны и вынудит их правительство сдаться. Применение принципа различия осуждает то, что во время Второй мировой войны было общепринятой практикой.

Международное право наложило на подобные действия серьезные ограничения. Например, Дополнительный протокол I от 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. запрещает рассматривать целый город в качестве единой военной цели, если в нем кроме военных объектов находится гражданское население. Этот Протокол запрещает также «бомбовое нападение, при котором множество военных целей, расположенных в городе, поселке, деревне или другом районе с подобной плотностью гражданского населения или гражданских объектов, считается единой военной целью»¹. Оружие должно быть направлено только на отдельные военные цели в городе, хотя и это ограничение не устраняет возможности сопутствующего ущерба мирным гражданам.

«Террористические организации» получили это название потому, что для достижения своих целей они часто опираются на террор. Насильственные действия против невинных жертв аналогичны нападениям на некомбатантов во время войны. Кажущаяся случайность террористических нападений порождает ужас у населения, который становится источником давления на правительство, направленное на то, чтобы оно уступило требованиям террористической организации или группы. Но государства также могут

¹ *Gutman R., Kuttub D. Indiscriminate Attack // Crimes of War / Ed. by R. Gutman, D. Rieff. N.Y., L.: W.W. Norton & Company, 1999. P. 195—197.*

прямо или косвенно поддерживать террористические действия, например так называемые бригады смерти¹. Не используя каких-нибудь дополнительных моральных доводов, исследователи, оценивающие принцип различия с моральной точки зрения, чаще всего делают вывод, что применение террористических методов неоправдано. Статья 51 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г. утверждает: «Запрещаются акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население»².

В миротворческих операциях и в случаях гуманитарного вмешательства главной целью является забота о благосостоянии пострадавших людей. Чтобы достичь успеха в выполнении миссии по сохранению мира, о котором достигнуто соглашение, миротворческие силы в ходе миротворческих операций должны заслужить одобрение и доверие воюющих сторон. В такой ситуации неизбежное применение силы может стать одним из вернейших способов утратить это одобрение и доверие. Следовательно, во время своих операций миротворческие силы должны тщательно соблюдать принцип различия. Тот же аргумент имеет силу и для гуманитарного вмешательства. Цель его состоит в том, чтобы в определенной форме защитить права отдельных людей. Неизбирательное (*indiscriminate*) применение силы в ходе такого вмешательства непосредственно противоречит главной цели использования силы; оно неизбежно ведет к нарушению прав тех самых людей, ради оказания помощи которым и было предпринято данное гуманитарное вмешательство.

По каждому из этих направлений принцип различия и в наше время обеспечивает ориентацию на морально приемлемое поведение. Это свидетельствует о том, что теория справедливой войны способна помочь проложить путь через «моральные минные поля», с которыми сталкиваются люди, принимающие сегодня ответственные решения.

¹ *Mkbondo R. Terrorism // Crimes of War. P. 349—350.*

² *Права человека: Сборник международных документов. С. 538—539.*

Часть третья ПРИМЕРЫ

Глава IX ВОЙНА В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ 1990—1991 гг.

Энтони Хартл

1. НАЧАЛО ВОЙНЫ

2 августа 1990 г. войска Ирака вторглись на территорию государства Кувейт. Правительство Саддама Хусейна заявило, что применение Ираком военной силы было оправданным. Оно, по-видимому, считало, что в ответ на захват территории, которую Президент Хусейн назвал провинцией Ирака, другие государства никаких действий предпринимать не будут. Это убеждение оказалось полным просчетом.

В 2 часа ночи самая грозная в арабском мире армия вторглась в Кувейт и сломала кувейтское сопротивление. Большинство членов кувейтской королевской семьи бежало в Саудовскую Аравию, в том числе и эмир Кувейта шейх Салем ас-Сабах. Иракские войска заняли столицу город Кувейт и к рассвету по существу контролировали всю территорию страны. Мир был пред лицом *fait accompli*¹ — Ирак присоединил к себе Кувейт.

Статус Кувейта как отдельного геополитического образования определялся теми границами, которые были навязаны ему Великобританией после Первой мировой войны. Но начиная с 1961 г. страна существовала уже как независимое государство и была принята в Организацию Объединенных Наций². Мировое сообщество признало Кувейт как суверенное государство. С 1752 г. при

¹ *Fait accompli — свершившийся факт (фр.).

² Regan R.J. Just War: Principles and Cases. Washington DC: Catholic University of America Press, 1996. P. 172.

меняющихся обстоятельствах страной правили члены рода ас-Сабах¹. Будучи в течение нескольких столетий частью Оттоманской империи, это государство, согласно подписанному в 1913 г. соглашению с Англией, стало вполне автономным (разумеется, это была автономия, подчиненная британским интересам).

Ирак также существовал в значительной степени благодаря тому, что так постановила Великобритания, которая в 1921 г. вопреки возражениям Турции выкроила из территории Месопотамии государство Ирак. В составе Оттоманской империи Ирак не был единым образованием. Существовали три отдельные провинции: Мосул, Багдад и Басра, частью последней являлся современный Кувейт². Как заметил в 1990 г. бывший британский посол в ООН сэр Энтони Парсонс: «Мы, британцы, полностью скроили Ирак. Ирак всегда был искусственным государством; у него не было ничего общего с жившим в нем народом»³. Претензии Ирака на то, что Кувейт является по существу частью Ирака, не новы и восходят еще к 1932 г., когда Ирак формально стал независимым членом международного сообщества⁴. Иракские правители, начиная с короля Гази в 1938 г. и кончая Абдель-Керимом Касемом в 1961 г., заявляли, что Кувейт является частью провинции Басра, и угрожали захватить этот регион, используя военную силу⁵. Давнишний характер этой претензии и в равной степени давнишняя отстраненность международного сообщества от этого вопроса, вероятно, объясняют, почему в 1990 г. шумные угрозы Саддама Хусейна не были приняты всерьез. Вдобавок к существованию более широкой проблемы статуса Кувейта Ирак начиная уже с 1973 г. пытался заполучить кувейтские острова Варба и Бубиян, которые благодаря своему географическому положению преграждали Ираку доступ к Персидскому заливу. Кувейт отказался передать эти острова Ираку или сдать их в аренду⁶. Многие

¹ *Yetiv S.A.* The Persian Gulf Crisis. Westport CT: Greenwood Press, 1997. P. XVII.

² *Ibid.* P. 7.

³ *Frankel G.* Imperialist Legacy: Lines in the Sand // The Washington Post. 1990. 2 April. P. A20. Цит. по: *Geyer A., Green B.G.* Lines in the Sand: Justice and the Gulf War. Louisville KY: Westminster/John Knox Press, 1992. P. 34.

⁴ *Ibid.* P. 33.

⁵ *Freedman L., Karsh E.* The Gulf Conflict 1990—1991: Diplomacy and War in the New World Order. Princeton N.J.: Princeton University Press, 1993. P. 43.

⁶ US Department of Defense. Conduct of the Persian Gulf War. Washington DC: US Government Printing Office, 1992. P. 7.

иракцы, размышлявшие над этим вопросом, несомненно, считали, что Ирак стал жертвой несправедливости могущественных западных стран.

На следующий день после вторжения, 3 августа 1990 г. Организация Объединенных Наций осудила захват Ираком своего южного соседа и призвала к немедленному выводу войск Ирака из Кувейта. Через три дня Совет Безопасности наложил экономическое эмбарго на экспорт нефти из Ирака и весь иракский импорт, кроме некоторых гуманитарных товаров (Резолюция 661). Ирак остался непреклонен. 8 августа правительство Хусейна выслало из страны всех находившихся в городе Кувейт иностранных дипломатов и формально присоединило Кувейт в качестве 19-й провинции Ирака. После этого ООН неизменно высказывала свое осуждение политики Ирака. Кульминационный момент наступил 29 ноября 1990 г., когда Совет Безопасности ООН санкционировал использование военной силы для изгнания иракцев из Кувейта, если к 15 января 1991 г. те не выполнят требований ООН (Резолюция 678). Таким образом, несмотря на продолжавшиеся разномысленные дипломатические усилия, под этим вопросом была наконец подведена черта.

Ирак дал знать о своих намерениях еще в июле 1990 г. 16 июля министр иностранных дел Ирака Тарик Азиз направил в Лигу арабских стран воинственное письмо, в котором заявлялось, что «отказ Кувейта разрешить пограничные споры с Ираком, отклонение Кувейтом требований Ирака об отмене его многомиллиардного долга и упорство Кувейта в выкачивании нефти в количествах, превышающих квоты добычи стран — членов ОПЕК, равнозначны военной агрессии»¹. Финансирование длительной и дорогостоящей войны с Ираном за счет займов на сумму более 37 млрд долл., полученных от соседних арабских стран, займов, возместить которые правительство Ирака не могло, вызвало в Ираке экономический и политический кризис. Возможно, весь долг Ирака доходил до 80 млрд долл., государство было по существу банкротом, и в первые месяцы 1990 г. политическое выживание Президента Ирака становилось с каждым днем все более проблематичным². В мае Хусейн устроил в Багдаде встречу

¹ *Gordon M.R., Trainor B.E.* The General's War. N.Y.: Little/Brown and Company, 1995. P. 14.

² *Geyer A., Green B.G.* Lines in the Sand: Justice and the Gulf War. P. 38.

арабских стран на высшем уровне, где потребовал, чтобы все арабские страны соблюдали квоты добычи нефти, нарушение которых стоило Ираку многих миллиардов долларов. Он назвал нарушение этих квот фактическим началом войны против Ирака. Хусейн резко обвинил Кувейт в подрывной деятельности против его страны, поскольку тот отказался простить Ираку военные займы или сделать какие-нибудь территориальные уступки¹.

Когда 2 августа две дивизии республиканской гвардии Ирака при поддержке разнообразных спецподразделений и в спешном порядке приданных им других подразделений иракской армии перешли кувейтскую границу, крошечные военные силы Кувейта оказали иракцам энергичное, но короткое сопротивление. Саддам Хусейн полностью завладел Кувейтом, что, принимая во внимание ресурсы Ирака, давало ему контроль над 20% мировых запасов нефти². С захватом богатств Кувейта экономические трудности Хусейна уже не выглядели столь устрашающими. Важным приобретением для его страны стал также удобный доступ к Персидскому заливу через город Кувейт.

Потрясение, испытанное мировым сообществом от происшедшего вторжения, быстро сменилось действиями. 4 августа на своей пресс-конференции Президент США Джордж Буш прямо заявил, что агрессия Ирака «не останется без ответа». После этого заявления были значительно ускорены американские военные приготовления. Под руководством начальника Центрального командования США генерала Нормана Шварцкопфа началась переброска американских войск в Саудовскую Аравию; базирование американской армии и ВВС на ее территории было разрешено королем Фахдом из королевской семьи Саудидов. Подготовка к операции «Щит Пустыни», первоначально разработанной именно для того, чтобы удержать Ирак от вторжения в Саудовскую Аравию, шла полным ходом. Президент Буш выступил с инициативой создания международной коалиции, целью которой должно было стать противодействие агрессии Ирака. К концу августа Саддам Хусейн, возможно, понял, что любое вторжение в Саудовскую Аравию будет означать начало прямой военной конфронтации с Соединенными Штатами.

¹ Geyer A., Green B.G. Op. cit. P. 39.

² US Department of Defense. Conduct of the Persian Gulf War. P. 19.

В то время как дипломатические усилия носили спорадический характер, наращивание военных сил союзнической коалиции, противостоящей военной силе Ирака, шло в ускоренном темпе. К январю 1991 г. в ближневосточных странах были размещены войска 28 государств. Большую часть этого военного потенциала составляли американские части, но коалиция явно взяла на себя обязательства по подготовке к сухопутной войне против Ирака. Для проведения военно-воздушной кампании у союзников имелось 2430 боевых самолетов¹. 29 ноября 1990 г. Совет Безопасности ООН принял Резолюцию 678, которая потребовала от Ирака вывести из Кувейта все свои войска к 15 января 1991 г. С приближением установленного срока сухопутные и военно-воздушные силы были приведены в боевую готовность.

Главный вопрос, будораживший общественное мнение в Соединенных Штатах и других странах коалиции, состоял в том, будут ли военные действия против Ирака морально оправданными, если условия, поставленные Ираку, не будут соблюдены. Несмотря на то что множество дипломатических инициатив не смогли разрешить этот кризис, экономические санкции ограничивали ресурсы, поступающие в Ирак из-за рубежа, так что возможность дипломатических шагов все еще была, по крайней мере теоретически. Многие задавались вопросом: может ли война с Ираком быть истолкована как война, отвечающая национальным интересам? С точки зрения международного права правомерность использования силы для прекращения торговли не очевидна. Статья 51 Устава ООН признает законной индивидуальную и коллективную самооборону. Можно было бы, конечно, доказать, что военные меры, принятые в интересах Кувейта, подпадали под действие статьи 51, и американская администрация, предпринимая шаги по осуществлению экономического эмбарго, апеллировала к этой статье. Термин «принуждение» обладает одной важной отличительной особенностью — это мирный термин, тогда как «блокада» — уже акт войны; он требовал такого уровня поддержки в Конгрессе США, который осенью 1990 г., очевидно, был невозможен. Соединенные Штаты определяли военно-морские действия в терминах «воспреещение» («interdiction»), или «перехват» («inter-

¹ *Freedman L., Karsh E. The Gulf Conflict 1990—1991: Diplomacy and War in the New World Order. P. 302.*

sertion»). Такое применение силы формально одобрил Совет Безопасности в Резолюции 665 от 23 августа 1990 г. В следующем месяце были заблокированы почти все воздушные и морские пути.

Прямые американо-иракские переговоры, предложенные Президентом Бушем в конце ноября, прошли 9 января 1991 г. в Женеве после напряженного дипломатического маневрирования. Американцы хотели дать понять, что они приложили все усилия для того, чтобы найти дипломатическое решение конфликта. Союзническая коалиция настаивала на том, чтобы Ирак согласился с резолюциями ООН. Дискуссии между американским госсекретарем Бейкером и непреклонным министром иностранных дел Ирака Азизом не привели к компромиссу и не дали какой-либо основы для оптимизма относительно дипломатического решения. Поэтому когда 12 января Конгресс США проголосовал в поддержку инициативы Президента Буша по принятию военных мер, это уже никого не удивило. Последующие усилия, предпринятые Францией, Генеральным секретарем ООН Пересом де Куэльбаром, посетившим Багдад 11—14 января 1991 г., и Президентом СССР Михаилом Горбачевым, не привели к какому-нибудь успеху на дипломатическом фронте. 17 января 1991 г. в 3 часа ночи война началась с массированных авиаударов коалиции по иракским войскам.

Из-за того что Ирак обладал оружием массового поражения, решение начать эту войну было трудным. В США военные тайно строили планы по сдерживанию влияния на общественное мнение и на военнослужащих информации о том, что вооруженные силы коалиции могут понести большие потери. С минимально возможной оглаской были подготовлены 60 тыс. похоронных мешков и оборудование для химической очистки, продуманы планы по крупномасштабной обработке тел убитых и погребальным процедурам¹. Некоторые надеялись, что военно-воздушной кампании будет достаточно для того, чтобы убедить Саддама Хусейна вывести войска из Кувейта, но большинство признавало, что только сухопутная кампания может решить задачи, поставленные Президентом Бушем в речи, произнесенной 8 августа 1990 г.² Эти задачи включали:

¹ Geyer A., Green B.G. *Lines in the Sand: Justice and the Gulf War*. P. 130.

² Yeliv S.A. *The Persian Gulf Crisis*. P. 16.

- ✧ безоговорочный вывод из Кувейта всех иракских войск;
- ✧ восстановление законного правительства Кувейта вместо установленного Ираком марионеточного режима;
- ✧ защиту безопасности и стабильности в регионе;
- ✧ защиту жизни находящихся за границей американцев.

Сторонники и критики решения противопоставить действиям Ирака военную силу, приводя свои аргументы, часто обращались к *традиции справедливой войны*. Президент Буш, обсуждая достижение в этом конфликте целей США и ООН, специально прибегнул к категориям теории справедливой войны. В своем главном за время военно-воздушной кампании обращении в конце января 1991 г. он заявил, что Саддам Хусейн «сделал эту справедливую войну неизбежной войной», подразумевая при этом, что воспрепятствование захвату Кувейта Ираком было обязательным. В приводимом ниже отрывке из этой речи Президента США прямо используются аргументы, основанные на положениях теории справедливой войны:

Первый принцип справедливой войны заключается в том, что война должна предприниматься во имя правого дела. В нашем случае причина войны не могла бы быть более благородной. Мы стремимся к тому, чтобы Ирак вывел свои войска из Кувейта — полностью, немедленно и безоговорочно. Мы стремимся к восстановлению законного правительства Кувейта, а также безопасности и стабильности в зоне Персидского залива. Мы увидим, что Кувейт снова свободен, что кошмар иракской оккупации закончится и что неприкрытая агрессия потерпит крах.

Мы не добиваемся ничего для самих себя. Как я уже сказал, американские войска уйдут, как только закончится их миссия, как только они больше не будут нужны или желательны. И позвольте мне добавить, мы не стремимся к разрушению Ирака. Мы уважаем народ Ирака, мы признаем важную роль Ирака в регионе. Мы не хотим так дестабилизировать страну, чтобы сам Ирак мог стать мишенью для агрессии.

Но справедливая война должна также объявляться легитимной властью. Операции «Буря в пустыне» способствовали беспрецедентная солидарность ООН, принцип самообороны, 12 резолюций Совета Безопасности. Поэтому в зоне Персидского залива объединились 28 государств шести континентов, убежденные в том, что их не остановить и что агрессия Саддама не останется безнаказанной.<...>

Любая война — любая война — ведется по какой-то причине. Но справедливая война ведется по справедливым причинам — по моральным, а не эгоистичным причинам.<...>

Некоторые спрашивают, морально ли использовать силу для того, чтобы остановить происходящие в Кувейте изнасилования, мародерство и грабежи. И вот мой ответ: поскольку чрезвычайные дипломатические усилия по мирному разрешению вопроса исчерпаны, то использование силы морально оправдано.

Справедливая война должна быть крайним средством. Я часто говорил, что мы не хотели войны... Все 166 дней — со 2 августа 1990 г. до 15 января 1991 г. — мы

пытались разрешить этот конфликт. Для того чтобы достичь мира, чрезвычайные усилия приложил госсекретарь Джим Бейкер. Более 200 встреч с иностранными представителями, 10 дипломатических миссий, шесть выступлений в Конгрессе. Свыше 103 000 миль преодолели дипломаты для того, чтобы провести переговоры, в частности со странами — членами Организации Объединенных Наций, Лиги арабских стран и Европейского Сообщества¹.

2. JUS AD BELLUM

Хотя сам Саддам Хусейн настаивал на том, что вторжение в Кувейт было оправданным из-за экономической войны Кувейта против Ирака, никто в мире не считал эти заявления отвечающими духу теории справедливой войны. Если принцип *правого дела* и мог быть с натяжкой использован для оправдания войны, начатой Ираком, то принципу *добрых намерений* она никак не соответствовала. Хусейн явно домогался богатств Кувейта. Кроме того, это вторжение не выдерживает проверки на соответствие принципу *крайнего средства*. Важный критерий справедливости войны, обеспечиваемый принципом правого дела, как и другими принципами справедливой войны, с очевидностью применим к решению союзнических стран применить военную силу против Ирака. Невозможно оправдать действия Ирака в Кувейте. В то же время применение критериев традиции справедливой войны к действиям стран коалиции также подтверждают, что война против Ирака была морально оправданной. Далее мы более подробно рассмотрим это утверждение с точки зрения традиции справедливой войны.

Вторжение Ирака в Кувейт признается в качестве агрессии со стороны одного государства против другого, а эта точка зрения, несомненно, преобладает несмотря на заявления Хусейна от том, что это был ответ на несправедливость (Кувейт — законная часть Ирака, нападение Кувейта на иракское государство выразилось в том, что он якобы крал иракскую нефть из месторождения Румайла, отказывался снизить добычу нефти, простить займы на ирано-иракскую войну или обеспечить дальнейшее финансирование Ирака). Поэтому можно утверждать, что дело союзников было правое. Джеймс Т. Джонсон доказывает, что даже при наличии в международном праве тенденции сводить обоснование использо-

¹ Из речи Президента Джорджа Буша, произнесенной 28 января 1991 г. в Вашингтоне. Включена в: *Johnson J.T., Weigel G. Just War and the Gulf War.* Washington DC: Ethics and Public Policy Center, 1991. P. 142—144.

вания силы к защите от развивающегося или грозящего нападения традиционные представления относительно возвращения того, что не по праву захвачено, и наказания зла в настоящее время включаются в расширенную концепцию защиты. Таким образом, в ответ на начавшееся или завершившееся нападение страны члены международного сообщества могут нанести ответный удар и вмешаться в конфликт с целью остановить вооруженное нападение и прекратить неправомерную оккупацию территории¹. Согласно этой концепции, у союзников имелась достаточно веская причина для борьбы с Ираком.

Критерий *добрых намерений* стремительно усложняется. Утверждение Президента Буша «Мы не добиваемся ничего для самих себя» следует рассматривать как риторику. В 1990 г. 40% американского нефтяного импорта шло из стран Ближнего Востока². В этом регионе находятся более 2/3 известных мировых запасов нефти. Для экономического благосостояния США, Европы и большинства других промышленных стран мира было абсолютно необходимым поддержание надежного потока нефтяного импорта. Для того чтобы согласиться с заявлением о том, что ограничение контроля Саддама Хусейна над доступом к нефти и защита экономических интересов не выгодны Соединенным Штатам, нужно обладать большой долей легковерия. За те месяцы, что предшествовали началу войны, в публичных заявлениях и общественных дебатах назывались различные цели, важнейшими из которых были защита Саудовской Аравии, ликвидация оружия массового поражения Ирака, безопасность Израиля, устранение сохраняющейся по вине Ирака угрозы стабильности на Ближнем Востоке, закладывание фундамента для построения нового мирового порядка и укрепление политического положения Президента Буша в его стране.

Критики, обсуждавшие планы руководства США и других стран коалиции, заранее предполагали у них недобросовестность и отсутствие приемлемых намерений: восстановление национальных и гражданских прав, а также прав человека, установление нового порядка и стабильности и приверженность сохранению мира. Разбор действительно глубинных намерений до конфликта и во время него всегда по меньшей мере труден. Упомянутая недобросовестность обычно доказывается последствиями войны, в

¹ Johnson J.T., Weigel G. Op. cit. P. 21—22.

² Geyer A., Green B.G. Lines in the Sand: Justice and the Gulf War. P. 51.

результате которой обнаруживаются расширение территории и нарушение прав человека, а мир так и не наступает. Хотя установление мира, конечно, не было результатом войны в Персидском заливе, никаких явных признаков недобросовестности коалиции не отмечалось, когда усилиями союзнических войск был восстановлен *status quo ante*¹, а войска Ирака (уже довольно измотанные) были отброшены к своим границам. После того как Ирак подписал соглашение об окончании войны, собранная коалицией военная машина огромной разрушительной силы была «разобрана» и составляющие ее национальные подразделения были возвращены на свои военные базы. Теперь можно сказать, что, хотя конфликт отвечал многим национальным интересам, общие цели оказались оправданными с точки зрения намерения восстановить порядок, мир и справедливость, т.е. правильного намерения в его классической формулировке². Общей целью коалиции было восстановление мира на Ближнем Востоке, что является сутью правильного намерения.

Были также и вопросы относительно того, в какой мере применение военной силы соответствовало критерию принципа легитимной власти. На одном уровне, почти не раздумывая, мы могли бы, вероятно, согласиться с требованиями Президента Буша. Главы национальных государств как суверенных субъектов мирового порядка традиционно обладают полномочием ввести в бой вооруженные силы государства. Коалиция из тех государств, которые объединили свои вооруженные силы с тем, чтобы дать отпор агрессии Ирака, была создана из сотрудничавших между собой национальных государств. На международном уровне Совет Безопасности принял Резолюцию 678, которая давала полномочия на использование военной силы, если это необходимо для восстановления суверенитета Кувейта. Благодаря тому что операция в Персидском заливе была поддержана рядом резолюций ООН³, а

¹ В прежнем состоянии (лат.).

² *Johnson J.T., Weigel G. Just War and the Gulf War. P. 25.*

³ Как указывают Гейер и Грин, возможно, самыми важными из множества резолюций ООН были: Резолюция 660 (2 августа), в которой осуждалось вторжение Ирака и предусматривался немедленный вывод иракских войск из Кувейта; Резолюция 661 (6 августа), наложившая торговое и финансовое эмбарго на Ирак; Резолюция 678 (29 ноября), в которой в соответствии с требованиями ООН был установлен предельный срок 15 января и предоставлялись полномочия на использование «всех необходимых средств» для обеспечения выполнения резолюций ООН (*Geyer A., Green B.G. Lines in the Sand: Justice and the Gulf War. P. 113.*)

также группой государств, критерий легитимной власти, по-видимому, был соблюден в той мере, в какой это вообще было возможно.

Решения Президента Буша значительно расширить американские обязательства в рамках операции «Щит пустыни» в ноябре 1990 г. и начать в январе 1991 г. интенсивную бомбардировку Ирака и иракских вооруженных сил были совершенно достаточны для большинства внешних дипломатических институтов, поскольку речь шла о критерии легитимной власти. Однако проблема легитимности власти на внутривластном уровне в США была двусмысленной. Напряженные споры внутри страны породил вопрос о противостоянии власти Президента власти Конгресса США. После принятия Советом Безопасности ноябрьской Резолюции 678 Президент Буш указывал на то, что у него достаточно полномочий, чтобы ввести в бой американские войска. Однако главы Палаты представителей и Сената США настаивали на том, что, согласно положениям Конституции, только одобрение со стороны Конгресса может легитимировать наступательные военные действия. В январе 1991 г. Конгресс США провел дебаты относительно проблемы использования «всех необходимых средств», как это определено в Резолюции 678. 12 января в Сенате и Палате представителей США состоялось голосование. В поддержку Президента Буша, Резолюции 678 и предельного срока выполнения ультиматума 15 января в Сенате голоса распределились 52 к 47, а в Палате представителей — 250 к 183. И хотя Конгресс не объявлял войну, решение Президента Буша начать военно-воздушную кампанию 17 января прошло испытание легитимной власти на национальном уровне.

Все упомянутые критерии традиции справедливой войны — принцип вероятности успеха, принцип соразмерности и принцип крайнего средства — сосредоточиваются на предсказуемости последствий применяемых мер. Поэтому как этические принципы эти критерии вполне разумны. Национальные интересы уравновешиваются этической озабоченностью относительно военных потерь. Несомненно, принцип вероятности успеха отражает это равновесие. В пустыне войска коалиции как по численности, так и по технической оснащенности превосходили действующие войска Ирака, однако дивизии республиканской гвардии — отборные иракские войска — были закаленными в боях ветеранами жесто-

кой войны с Ираном. Несмотря на то что иракские войска задолго до января 1991 г. заняли хорошо подготовленные оборонительные позиции, с самого начала военно-воздушная кампания стала проходить при полном превосходстве, что сделало военный успех коалиции не только обоснованным, но и весьма вероятным.

С политической точки зрения успех войны был не столь несомненным. Могли ли союзники восстановить суверенитет Кувейта, не разрушив страну в ходе этого процесса? Не будут ли повреждены нефтяные скважины до такой степени, что это отрицательно скажется на перспективах поставок нефти на международном рынке? Устранит ли поражение армии Ирака угрозу миру на Ближнем Востоке в лице Саддама Хусейна? Не разыграет ли Хусейн израильскую карту, втягивая Израиль в войну и делая устойчивость коалиции проблематичной? Не причинит ли возможное применение Ираком химического и даже биологического оружия потери в такой степени, что это возбудит противодействие войне со стороны общественного мнения? Можно ли ожидать поддержки общественного мнения при любом исходе войны?

После войны Президент Буш объявил, что «вьетнамский синдром» прошел. До войны никто таких заявлений не делал, и американское правительство беспокоилось о поддержке со стороны общественного мнения. Согласно сообщениям, вначале серьезные оговорки относительно нападения на Ирак имелись у Египта, Сирии и Франции¹. Тем не менее, несмотря на все эти политические двусмысленности, Президент Буш добился той степени поддержки в международном сообществе, которая сделала успех вероятным.

Главная неопределенность в военной операции была связана с планируемыми потерями: этот вопрос регулируется принципом соразмерности. Любое подведение баланса потерь и выгод начинается со смерти и человеческих страданий. Применение критерия соразмерности требует планирования вероятных последствий на основе имеющейся информации. Коалиция готовилась к потерям в сухопутной войне более 10 тыс. человек, ожидая гораздо большие потери среди вооруженных сил Ирака. У нас нет данных о том, что потенциальные потери и страдания среди иракских военных и гражданских лиц сыграли какую-то существенную роль в

¹ Geyer A., Green B.G. *Lines in the Sand: Justice and the Gulf War*. P. 128.

принятии решения начать войну. При оценке соразмерности, как бы неразумно ни было это делать в данном конкретном случае, многие приписывают народу страны вину за решения ее правителей. Эта реакция, возможно, сыграла свою роль в решениях, связанных с войной в Персидском заливе. Кто-то может сказать, что за злодеяния, совершенные войсками Ирака против народа Кувейта, до некоторой степени ответствен иракский народ, так как он позволил Саддаму Хусейну остаться у власти. Возможно, по утверждению строгих поборников справедливости, тот факт, что у граждан тоталитарного государства в таких вопросах небольшой выбор, лишь до некоторой степени снижает эту ответственность. Требования международной справедливости и импульс наращивания политической и военной силы несомненно уменьшали значение потенциальных потерь Ирака. Можно предположить, что бедствия, выпавшие на долю иракских граждан, в незначительной степени повлияли на решение коалиции начать наступательные действия в пустыне. В данном историческом примере принцип соразмерности, по-видимому, не очень тщательно рассматривали при принятии решения о вступлении в войну.

Собирающиеся вступить в войну государства редко могут точно оценить неизбежные потери с обеих сторон. Обычно вопросы соразмерности, выходящие за пределы общих рассуждений, ожидают своего решения до тех пор, пока не закончится конфликт, и даже тогда расчеты, выходящие за пределы непосредственных причин и следствий, затруднены. По наиболее очевидной категории — военные потери — у нас все еще нет точных цифр потерь со стороны Ирака. Сейчас точно известно общее число убитых в боях союзников (243 человека), а о потерях Ирака до сих пор можно только догадываться. Оцениваемое число убитых военнослужащих колеблется от 10 тыс. до 100 тыс. человек¹. Еще труднее определить численность гражданских лиц, погибших в результате прямого или косвенного влияния войны. Данные о многочисленных потерях среди некомбатантов играли важную роль в военной пропаганде Ирака, поэтому можно предположить, что эти сведения были раздуты. Но и заявления коалиции относительно жертв среди мирного населения Ирака едва ли основаны на точной информации. В то же время утверждения коалиции об ограничен-

¹ *Yetiv S.A. The Persian Gulf Crisis. P. 118.*

ном числе жертв не поддаются проверке. Если даже данные, полученные после войны, остаются проблематичными, то заранее возможны только гипотетические прогнозы. Признавая это ограничение, те, кто принимают решения, вполне понятно, могут придавать принципу соразмерности меньшее значение, чем принципу правого дела.

Такая неопределенность делает еще более значимым критерий крайнего средства. Опасности войны известны, и главным становится требование перед началом вооруженного конфликта рассмотреть все разумные альтернативы. Это относилось и к конфронтации в Персидском заливе. Почти накануне начала крупномасштабной военно-воздушной кампании против Ирака и его развернутых военных частей сенаторы Джордж Митчел и Сэм Нанн предложили проект резолюции о применении экономических санкций и дипломатического давления вместо военных операций. Сенат с трудом отверг это предложение до того, как была поддержана формулировка «все необходимые средства» в Резолюции ООН 678¹. В США и других странах раздавалось множество голосов с требованием наложения санкций в качестве дополнительной возможности оказать давление на Саддама Хусейна с тем, чтобы он вывел войска из Кувейта. Хотя мы никогда не узнаем, убедило бы Хусейна продолжение санкций согласиться с требованиями международного сообщества или нет, открытое неповиновение Хусейна санкциям в течение всего послевоенного периода, несмотря на страдания гражданского населения, позволяет предположить, что продолжение одной лишь политики эмбарго не заставило бы его вывести войска из Кувейта.

Однако, как мы уже доказывали ранее в этой книге, человек всегда может утверждать, что в запасе у него есть еще один шаг, и всегда приводит довод в пользу еще одного усилия перед использованием военной силы. Те, кто принимают решения, стараясь твердо придерживаться критерия крайнего средства, должны рассмотреть, были ли исчерпаны все *разумные* альтернативы. Являются ли имеющиеся в распоряжении альтернативы *вероятными*, чтобы достичь тех целей, на которые будут направлены военные операции? Санкции достигают успеха тогда, когда их результаты оказывают на правительство столь сильное давление, что оно

¹ Geyer A., Green B.G. Lines in the Sand: Justice and the Gulf War. P. 124.

подчиняется выдвинутому требованию. В случае Ирака в 1990—1991 гг. санкции создали трудности для иракского народа, но стало очевидно, что Саддам Хусейн остался при этом таким же непреклонным. Разнообразие дипломатических усилий с августа 1990 г. по январь 1991 г., включая выдвинутые в последний момент инициативы Президента России М.С. Горбачева и Генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра, не привели к какому-нибудь прогрессу. Коалиция могла представить это как веское доказательство в пользу того утверждения, что, поскольку критерий апробирования всех разумных альтернатив удовлетворен, необходимо перейти к наступательным действиям против Ирака.

Война в Персидском заливе (1990—1991) фактически дает один из наименее спорных примеров оправданного использования военной силы в XX в. Идет ли речь о крупном и сложноструктурированном государстве или о широком содружестве государств, в каждом конкретном случае критерий добрых намерений всегда становится предметом дебатов. Разные и противоречивые интересы делают это неизбежным. В войне в Персидском заливе намерения коалиции менее всего подвергались сомнению: главным было вернуть то, что было захвачено Ираком в результате агрессии. Восстановление правительства суверенного государства, которое было членом ООН, создавало необходимую для военных операций коалиции моральную легитимность.

Хотя принцип соразмерности часто дает военным операциям только поверхностную поддержку, чрезмерная жестокость Ирака и применение им силы во время неприкрытой агрессии сделало соразмерность более легко соблюдаемой нормой, чем в большинстве войн между могущественными государствами. Учитывая соразмерность и доброе намерение, коалиция получила веский довод для оправдания начала военных действий против Ирака.

3. JUS IN BELLO

Атаковавшие Ирак войска коалиции приложили огромные усилия для того, чтобы контролировать сообщения средств массовой информации. Сначала это делалось в целях безопасности (например, необходимо было скрывать факт перемещения многочисленных войск к дальнему левому флангу района сухопутных операций для осуществления известного «левого крюка»), а потом из-за

заинтересованности в поддержке операции «Буря в пустыне» со стороны общественного мнения, но, несомненно, война в пустыне была войной средств массовой информации. Признавая этот факт, военные силы коалиции, особенно ее военно-воздушные подразделения, тщательно выбирали цели. Как заметил Рик Аткинсон, «вне всякого сомнения американцы и их союзники приложили большие усилия для того, чтобы минимизировать «побочный ущерб» по причинам как гуманным, так и политическим. Большинство высоких должностных лиц признавало, что большие жертвы среди гражданского населения могли воспламенить арабский мир и подорвать моральную репутацию коалиции»¹.

Война в Персидском заливе впервые предоставила возможность для широкого использования «умного оружия» — бомб и ракет, которые можно точно наводить на определенные цели часто даже на конкретную точку на выбранной цели. Но с самолетов сбрасывались «железные бомбы» (не управляемые после сбрасывания), а против войсковых подразделений и боевых позиций в пустыне использовалась преимущественно обычная боевая техника и применение принципа различия здесь было меньшей проблемой, чем в окрестностях Багдада и других иракских городов. Для поражения целей в городских районах часто использовались высокотехнологичные бомбы и ракеты, на пресс-брифингах коалиции демонстрировались примеры того, как бомбы или ракеты прокладывали себе путь в окно или через дымовую трубу. Такие виды оружия составляли менее 7% общего количества сбрасываемых бомб², и лишь тем, кто следил за военными новостями по сообщениям СМИ, находясь вдалеке от театра военных действий, могло показаться, что в воздушной войне использовалось только избирательное высокотехнологичное оружие и что гражданские лица ограждены от возможного ущерба. На самом деле даже цифры, приводимые представителями коалиции, показывают, что, по достоверным данным, во время бомбардировок были убиты более 2300 иракских гражданских лиц и приблизительно 6 тыс. ранены³.

Даже самая тщательно наведенная бомба будет подвергаться опасности некомбатантов, если она неправильно направляется на

¹ *Atkinson R.* Crusade: The Untold Story of the Gulf War. N.Y.: Houghton Mifflin, 1993. P. 225.

² *Geyer A., Green B.G.* Lines in the Sand: Justice and the Gulf War. P. 138.

³ *Atkinson R.* Op. cit. P. 225.

цель, и, конечно, некоторые бомбы всегда падают неудачно, а некоторые цели просто неверно определены. Самый трагический пример такого рода: 13 февраля 1991 г. «глубинная бомба» была сброшена на узел связи в багдадском районе Амарийя, который служил также в качестве подземного укрытия для гражданского населения. Бомба точно попала в намеченную цель, но цель оказалась не тем, что предполагали лица, планирующие военно-воздушные операции. Были убиты свыше 300 человек, почти все они — гражданские лица, которые просто искали безопасное укрытие на ночь. Последовавшая за этим волна открытой критики привела к прекращению бомбардировок любых целей в Багдаде. Пример с Амарийей обнаруживает как недостатки слишком сильного доверия технике и ее возможности точно поражать намеченные цели, так и то внимание, которое руководители военно-воздушных операций коалиции уделяли принципу различия. Минимизация потерь среди некомбатантов на протяжении всего конфликта оставалась главной заботой стран, выступивших единым фронтом против Ирака.

Проблема различия остро встала и при бомбардировках гражданской инфраструктуры. В круг целей для военно-воздушных сил коалиции входили также дороги, железнодорожные пути, мосты, нефтеперерабатывающие заводы, телефонные станции и электростанции. Урон жизни гражданского населения Ирака был масштабным. Потеря электроэнергии негативно отразилась не только на военном потенциале Ирака, но и на возможностях очистки и подачи воды, на медицинском обслуживании, работе холодильных установок, обработке и удалении сточной воды и на множестве других зависящих от электроэнергии сторон жизни современного общества. Оправданность ударов по таким целям остается спорной. Нанесенный ущерб затруднил послевоенное восстановление Ирака, особенно когда ООН наложила на него суровые экономические санкции. Страдания, выпавшие на долю гражданского населения Ирака после войны, были тяжелыми, и они полностью задокументированы. Другое дело, что на иракском правительстве лежит прямая ответственность за то, что оно не смогло обеспечить действенных мер для ослабления этих тягот. Строгое применение принципа различия делает проблематичным выбор гражданской инфраструктуры Ирака в качестве цели для нападения.

У Ирака не было высокотехнологического оружия, и кажется вполне понятным, что иракские удары ракетами «Скад» по Израилю и Саудовской Аравии предназначались специально для того, чтобы внушить гражданскому населению ужас и таким образом облегчить достижение политических целей. Ракеты «Скад» действительно усиливали напряженность. Нужно было убедить Израиль не принимать ответные военные меры. Вмешательство израильтян затруднило бы участие арабских стран — членов коалиции в продолжении их военного сотрудничества в противостоянии Саддаму Хусейну — факт, который в свою очередь оказывал большое давление на дипломатические усилия США по удержанию израильтян в стороне от конфликта. Поведение иракских войск в Кувейте также свидетельствовало о том, что принцип различия не был ограничением, признаваемым всеми, в любой форме. Например, с кувейтскими гражданскими лицами иракцы обращались плохо: имели место убийства и физические расправы, не говоря уже о широко распространенном мародерстве.

За время войны в Персидском заливе погибло много иракцев. Приведенные выше оценки не затеяют того факта, что потери союзников были очень низки, а иракские потери исчислялись многими тысячами. Таким образом, если принять во внимание эту несоразмерность, возникает вопрос: применили ли союзники больше силы, чем это было необходимо, и, следовательно, больше, чем требовалось для нанесения поражения Ираку? В категории *jus in bello* принцип соразмерности требует того, чтобы степень насилия, примененного в преследовании военных целей, была соразмерна значению военной цели. Этот принцип не следует понимать просто как переформулировку в моральных терминах принципа экономии силы. Минимально необходимая сила может вполне стать чрезмерно жестокой или негуманной и, следовательно, недопустимой, точно так же, как средство более сильное, чем это необходимо для достижения конкретной военной цели, может быть в моральном смысле более предпочтительным в некоторых необычных ситуациях. В большинстве случаев принцип соразмерности, конечно, ограничивает применение силы.

Разработчики планов союзников знали, что во время атак на иракские военные цели «железные бомбы» будут поражать цели противника, возможно, в 25% случаев. Оценка количества бомб, «достаточного» для поражения цели, зависела от специальных

расчетов. Разработчики планов не имели желания использовать больше бомб, чем это было необходимо. Но, несомненно, это верно в отношении высокотехнологичных бомб, запас которых был ограничен. При проведении военных операций одна из задач всегда заключается в том, чтобы потери среди собственных войск были как можно ниже. Этот принцип является решающим, если предстоит вести войну до успешного завершения. Никто заранее не знает, сколько потребуется солдат и боевой техники. В результате степень насилия, необходимого для достижения военных целей, в каждом случае будет зависеть от обстоятельств и всегда будет непредвиденной. Таким образом, возможности оружия становятся центральным предметом дискуссий о соразмерности.

Одним из новых видов оружия, использовавшихся союзниками в войне в Персидском заливе, было топливовоздушное взрывчатое вещество. Это — наполненные легкоиспаряющимся топливом крупные бомбы, используемые для разрушения укреплений. Они взрывались в виде огромной шаровой молнии, которая порождала разрушительную волну давления. Некоторые критики утверждали, что ущерб, причиняемый таким взрывчатым веществом, был несоизмеримым. Однако задача состояла в том, чтобы вывести из строя как можно большее число врагов. Достигается ли это с помощью массированных артиллерийских обстрелов или с помощью применения особых видов вооружения, является вопросом тактики, и к этической стороне дела, связанной с приложением принципа соразмерности, непосредственного отношения не имеет.

Во время войны в Персидском заливе произошел один инцидент, который, несомненно, заставил говорить о критерии соразмерности. 28 февраля 1991 г., через два дня после объявления о прекращении огня, 24-я пехотная дивизия армии США уничтожила иракские войска в сражении при Румайле (северный Кувейт). Части подразделения иранской республиканской гвардии «Хаммурапи», отступая к Ираку, открыли огонь по американским войскам. Ожесточенный ответ со стороны 24-й пехотной дивизии, применившей все имевшиеся в ее распоряжении огневые средства, уничтожил в сражении, которое продолжалось меньше часа, более 700 боевых транспортных средств и заставил иракские войска спасаться бегством. Ни один американец не погиб. Иракские потери остались неизвестны, но очевидно, что они были значительными. Если оставить в стороне тот факт, что коалицией было

объявлено о прекращении огня (это не имело значения в момент, когда противник открыл огонь), была ли военная сила, примененная в этом сражении, чрезмерной?

Использование в боевых операциях имеющихся сил для того, чтобы наиболее эффективно нанести урон врагу, едва ли будет оспариваться комбатантами. Действия 24-й дивизии в сражении при Румайле были отражены в комментариях, сделанных позже ее командиром, генералом Барри Маккаффри: «...Самое ценное, о чем мы должны заботиться, — это жизни американских солдат, и самый лучший способ защитить их состоит в том, чтобы решительно использовать военную мощь». Военный принцип экономии силы требует, чтобы командующие расходовали минимум военной мощи, необходимой для достижения целей, таким образом сохраняя боевые ресурсы для выполнения других задач. Командующий, который попусту тратит свои ресурсы, проявляет недостаток компетентности. Обратное также верно. По логике, полководец, стремясь достичь успеха в настоящий момент и в будущем, должен как можно сильнее ослаблять врага. Милосердие во время войны является либо *non sequitur*¹, либо приглашением к собственному поражению. Если мы признаем, что профессионально компетентные военные командиры будут всегда стремиться минимизировать потери в своих войсках и максимизировать потери в войсках противника, мы не должны удивляться огромному дисбалансу потерь среди противоборствующих войск с весьма несоизмеримыми потенциалами.

Ни один из принципов *jus in bello* не может применяться с хирургической точностью или математической несомненностью. Оба они служат руководством в том взгляде на вещи, который должны усвоить комбатанты, и требуют компетентной оценки для того, чтобы служить цели минимизации человеческих страданий и нахождения пути к миру.

---

¹ *Non sequitur [нон сэквитур] — здесь: неуместно (лат.).

Глава X ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА 1994—1996 гг.

*Борис Кашиников
Бруно Коппитерс*

Утром 11 декабря 1994 г. подразделения Министерства обороны и Министерства внутренних дел России в составе 23 700 человек, 80 танков и 208 бронемашин пересекли границу Чеченской Республики¹. Так началась кампания по подавлению установившегося в Республике режима президента Джохара Дудаева. За месяц до этого российский министр обороны Павел Грачев заявил, что один десантный полк завершит всю операцию не более чем за два часа². Реалии войны опровергли это заявление. Война продолжалась более полутора лет. Она унесла десятки тысяч жизней, разрушила экономическую и социальную инфраструктуру Чеченской Республики, появились сотни тысяч беженцев. Кроме того, она стала одним из главных факторов дестабилизации российского государственного бюджета и ослабления российской экономики. Мирное соглашение, подписанное в августе 1996 г., оказалось временным и не предотвратило возобновления боевых действий. Новая война разгорелась в сентябре 1999 г.

1. ЧЕЧНЯ: НАРОД И ИСТОРИЯ

Чечня (площадь около 16 тыс. кв. км) расположена на Северном Кавказе, к северу от Кавказского хребта. Этот хребет отделяет Российскую Федерацию от южнокавказских республик Азербайджана, Грузии и Армении. В состав Российской Федерации входят несколько республик Северного Кавказа. Каждая из них является родиной одной или нескольких национальных общин. Чеченская Республика граничит с республиками Ингушетия и Дагестан, а

¹ *Dunlop J.B.* Russia Confronts Chechnya: Roots of a Separatist Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 209.

² *Lieven A.* Chechnya: Tombstone of Russian Power. New Haven and L.: Yale University Press, 1998. P. 88.

покинули около 600 тыс. человек, из которых значительная часть погибла на пути в Турцию¹. Но даже и после этого российские власти не смогли подчинить чеченскую общину. Периодически вспыхивали восстания против русского владычества, которые неизменно и очень сурово подавлялись. Помимо того, в регионе сохранялась высокая степень беззакония. Литература XIX в. сообщает о часто случавшихся в этих местах похищениях путешественников. Традиция абречества не может быть объяснена одним только сопротивлением российской оккупации. Идея государственной власти как таковая оставалась чуждой чеченской политической культуре².

Чечня сохранила свой мятежный нрав также и в составе СССР. Сталинские репрессии 1930-х гг. сотрясали все советское общество, но репрессии в отношении чеченцев были особенно суровы³. К началу Второй мировой войны Чечня лишилась своей образованной элиты. В 1944 г. чеченцы были обвинены в коллективной поддержке германского вторжения и наказаны депортацией в Казахстан и Киргизию. По оценкам, около четверти чеченского населения погибло во время депортации и последовавшей эпидемии сыпного тифа.

В 1957 г. чеченцы были реабилитированы новым советским лидером Никитой Хрущевым. Было заявлено, что сотрудничество с германским оккупационным режимом было действием отдельных индивидов и их вина не может быть возложена на весь народ. Чеченцам разрешили вернуться в свои дома. С целью развития чеченского земледелия к Чечне были присоединены обширные населенные русскими земли к северу от реки Терек. Относительная стабильность в СССР после 1956 г. проявилась и в сравнительной стабильности на Северном Кавказе. Но интеграция чеченской общины в советское общество шла очень трудно⁴. Некоторые чеченцы сделали блестящую карьеру в советском военном, партийном и правительственном истеблишменте. Советское руководство предпринимало серьезные усилия по модернизации экономики

¹ Dunlop J.B. Op. cit. P. 29—30.

² См.: Sakwa R. Chechnya: The Pre-Politics of Closure // Contextualizing Secession: Normative Studies in a Comparative Perspective / Eds. B. Coppieters and R. Sakwa. Oxford: Oxford University Press, 2003 (в производстве).

³ Dunlop J. B. Op. cit. P. 53—56.

⁴ Об этом см.: Ibid. P. 85—87.

стане, а также в большинстве республик Советского Союза. Декларации о суверенитете выражали желание местного руководства и населения ослабить зависимость от Москвы путем обретения равного с федеральным центром статуса. В то время требование суверенитета означало, что Чечня стремится к признанию своих высших государственных полномочий, не отказываясь от своего статуса как части Российской Федерации и Советского Союза. Суверенитет не означал полной независимости. Чечня продолжала участвовать в федеральных государственных структурах. Принимая это во внимание, население Чечни сделало выбор в пользу участия в советских и российских выборах и референдумах.

Однако политическая ситуация в Республике изменилась под влиянием сильного внутреннего националистического движения и избрания в декабре 1990 г. председателем Чеченского Национального Конгресса Джохара Дудаева — этнического чеченца, генерал-майора авиации, командовавшего подразделением советских ядерных бомбардировщиков в Эстонии¹). Чеченский Национальный Конгресс выступал против русского владычества в регионе и оспаривал легитимность Верховного Совета Чеченской республики, в котором доминировали коммунисты. В сентябре 1991 г., вскоре после поражения ГКЧП, Верховный Совет Чеченской Республики был разогнан в результате восстания. К власти в Грозном пришел Джохар Дудаев. Его «национальная гвардия» взяла штурмом парламент и заставила правительство уйти в отставку. Парламентариев вынудили принять резолюцию о роспуске парламента и назначении новых выборов. В октябре прошли парламентские и президентские выборы. Российские власти выразили протест против этого переворота и отказались признать действительными результаты сфабрикованных выборов октября 1991 г. Но новые чеченские власти не собирались сдаваться. В ноябре была провозглашена независимость республики и в следующем году была принята новая чеченская конституция.

В последующие два года провалились все попытки российских и чеченских представителей прийти к взаимному соглашению. Чечня осталась в дипломатической изоляции, так как ни одна страна не признала ее независимость. Мятежная республика воспринималась Москвой как серьезная угроза безопасности для

¹ *Lieven A.* Op. cit. P. 58.

висимых государств были признаны союзные республики, но отнюдь не этнические республики и регионы, входившие в их состав. Нормы международного права в отношении легитимности борьбы антиколониальных движений считались неприменимыми в этом контексте. Понятие незаконной оккупации также не подходило для Чечни, поскольку российская власть в этом регионе продолжалась более трех столетий. Совсем иначе обстояло дело, например, в Прибалтике, где независимые государства Эстония, Латвия и Литва были незаконно оккупированы Советским Союзом в 1940 г.

Отсутствие признания независимости Чечни со стороны международного сообщества отнюдь не означает, что чеченские устремления не были основаны на весомых этических доводах. Легитимность одностороннего провозглашения независимости может опираться на серьезные этические доводы, которые международным правом могут и не признаваться. Ниже мы рассмотрим, в какой степени это касалось Чечни. В нормативной теории о сецессии (отделении) различают два вида аргументов, которые могут быть использованы в этом контексте¹. Как будет показано, ни один из них не подходит для Чечни.

Согласно одной точке зрения, право на самоопределение является неоспоримым для любой нации. Эта универсалистская аргументация была использована сецессионистским движением Чечни. Но даже те политические философы, которые поддерживают эту точку зрения, отнюдь не считают независимость единственно приемлемым выражением этого права. В большинстве случаев существуют легитимные и эффективные альтернативы отделению. Одна из них — федеративный статус в многонациональной федерации, который российские власти действительно предлагали Чечне. Но президент Дудаев отверг эту альтернативу и отказался даже обсуждать ее с российскими властями. Он никогда так и не дал серьезного обоснования, почему федеративные отношения, подобные тем, которые были установлены между Россией и Татарстаном, были неприемлемы для Чечни. Единственное приводимое соображение имело чрезвычайно догматический характер. Дудаев заявил, что провозглашенный новой чеченской конституцией су-

¹ См.: National Self-Determination and Secession / Ed. M. Moore. Oxford: Oxford University Press, 1998.

приведший к независимости России в конце 1991 г. Новое руководство во главе с Борисом Ельциным гарантировало права и привилегии различных этнических групп, составляющих этнические республики в составе Российской Федерации, и углубило федеративные реформы. Последние были предметом серьезных переговоров между центром и различными субъектами Федерации. Разумеется, демократизация и федерализация в стране, история которой характеризовалась авторитарной властью и отсутствием прочных традиций правового государства, проходили не так гладко. Но чеченское руководство, однако, никогда не выдвигало серьезных аргументов в доказательство неприемлемости подобных демократических и федеративных альтернатив. По этой причине односторонняя декларация независимости, принятая чеченским парламентом в ноябре 1991 г., не может рассматриваться как этически правильная согласно второму нормативному подходу к вопросу об отделении.

Оба нормативных подхода к вопросу об односторонних формах отделения имеют следующие характеристики. Во-первых, они оба привержены той точке зрения, что независимость должна быть поддержана очевидным большинством или даже подавляющим большинством населения. Во-вторых, они требуют чтобы тип политического режима, устанавливаемого новым государством, был более демократическим, миролюбивым, плюралистичным и более следовал власти закона по сравнению с тем государством, от которого оно отделяется. Ни одно из этих требований не было удовлетворено с принятием чеченской декларации независимости в 1991 г. Чеченское население и политическая элита были сильно разобщены в вопросе, должна ли республика остаться частью России, и было неясно, какая позиция может получить большинство голосов. Референдум о независимости так и не был проведен, а выборы, приведшие Дудаева к власти в 1991 г., не могут быть названы демократическими по своей природе¹. Парламентская система, установленная новой конституцией, оказалась нежизнеспособной. Дудаев силой подавлял оппозицию, и политические конфликты между соперничающими группами нередко разрешались с помощью силы. Политические убийства стали обычной

¹ См.: Gall C., De Waal T. *Chechnya. A Small Victorious War*. L.; Basingstoke: Pan Books, 1997. P. 99; Хасбулатов Р. Чечня: мне не дали остановить войну. М.: Палей, 1995.

ными и демократическими средствами. А потому, что чеченские власти исключили мирный и демократический путь. Они не использовали демократические процедуры при провозглашении независимости Чечни, приостановили работу чеченских демократических институтов и подавили всякую оппозицию своей власти. Кроме того, они отказались вести какие-либо серьезные переговоры с российским правительством, утверждая, что суверенитет неделим и не является предметом переговоров. Отказ принять во внимание демократические процедуры и интересы большинства многонационального населения Чечни и самой России следует считать несправедливым.

Вторым оправданием начала войны, используемым российским правительством, была борьба с преступностью и восстановление закона и порядка в Российской Федерации. С распадом государственных структур на просторах Советского Союза повсеместно восторжествовало беззаконие. Чечня не являла собой исключения, она стала пристанищем преступников со всего советского пространства¹. Это обвинение подтверждают описания многих наблюдателей². Некоторые описывали дудаевскую Чечню как мечту мафиози. Дудаев окружил себя людьми с криминальным прошлым. Он организовал перевод в Чечню преступников-чеченцев, содержащихся под стражей в других частях Северного Кавказа, и затем освободил их³. Его национальная гвардия состояла в основном из уголовников. Преступники и находящиеся под следствием в российских судах занимали высокие официальные посты в чеченском государстве⁴. Незаконный бизнес, поддерживавшийся чеченским режимом, стал главным источником доходов для чеченского руководства. Именно это объясняет, почему режим Дудаева, лишенный поддержки значительной части населения, смог просуществовать так долго. Чеченские власти были терпимы к грабегам и хищениям, совершаемым чеченцами за границами республики⁵. Проходящие через Чечню поезда подвергались напа-

¹ Об этом обвинении см.: Чечня. Криминальный режим. 1991—1995. М.: Кодекс, 1995; *Искандарян А.* Чеченский кризис: Провал российской политики на Кавказе. С. 15; Чеченский кризис: Испытание на государственность. М.: Кодекс, 1995.

² Об этом см. также: *Dunlop J.B.* Op. cit. P. 124—163.

³ *Lieven A.* Op. cit. P. 61—62.

⁴ Чеченская трагедия: кто виноват. М.: Новости, 1995. С. 30.

⁵ Об этом см.: *Dunlop J.B.* Op. cit. P. 123—134.

российского вмешательства во внутречеченский конфликт. Российские власти фактически оказали значительную военную помощь чеченской оппозиции. Это последовало после провала попытки восстановить закон и порядок в Чечне посредством прямой интервенции. Российские войска были брошены в Чечню 8 ноября 1991 г., но они были малочисленны (300 человек) и легко вооружены. Им пришлось сдаться чеченским войскам без боя. В дальнейшем интервенция стала невозможной в силу конфликта российского Президента Ельцина и советского Президента Горбачева. Российская Федерация в это время боролась за большую автономию от советского центра, что вело к противоречивой политике в отношении Чечни. Горбачев приказал армии оставаться нейтральной в этом конфликте и отказался ввести военное положение. Дудаев начал активно вооружать своих сторонников, и российские власти сделали выбор в пользу активной поддержки и даже вооружения оппозиции Дудаеву. В то время популярность чеченской власти быстро падала. Национальная интеллигенция и предприниматели выражали все большее недовольство плохим управлением в республике. Оппозиция чеченскому правительству была особенно сильна в северных равнинных районах. Она нашла свое выражение и в местном парламенте. В июне 1993 г. Дудаев решил подавить сопротивление своей власти путем роспуска парламента, городского собрания Грозного и конституционного суда. Здание городского собрания подверглось штурму сторонниками Дудаева, а конституционный суд Чечни был заменен коллегией судей, которые назначались Дудаевым.

Но установление личной диктатуры не сломало оппозицию. Недовольство главных чеченских кланов росло. Такие районы, как Надтеречный и Урус-Мартановский, не признавали власть Дудаева. В июне 1994 г. более 2 тыс. делегатов всех районов Чеченской Республики организовали конгресс по инициативе оппозиционного Временного Совета. Конгресс потребовал отставки Дудаева и проведения новых выборов. В июле и августе 1994 г. Временный Совет создал новые вооруженные формирования, которые получили вооружение и амуницию от российских властей. Тогда Москва решила использовать *полусиловой* вариант. Это предполагало вооружение чеченской оппозиции без прямого вмешательства Российской армии. Но войска Дудаева нанесли оппозиции серию тяжелых военных поражений. Прямое участие российского воен-

3. КРАЙНЕЕ СРЕДСТВО

Как уже отмечалось, бескомпромиссная позиция чеченского руководства во главе с Дудаевым, выразившаяся в одностороннем провозглашении независимости, была несправедливой, поскольку она не принимала во внимание ни интересы многонационального населения самой Чечни, ни интересы России. Также выше говорилось, что усилия федерального правительства, направленные на борьбу с преступностью, соответствовали принципу правого дела. Однако это не означает, что две правые цели могли служить оправданием полномасштабной войны против мятежной республики. Дело в том, что оправдание войны необходимостью защиты территориальной целостности России и восстановления законности и порядка не выглядит особенно убедительным в свете принципа крайнего средства. К моменту российского вторжения Чечня фактически уже была независимой более трех лет. Трудно найти какое-либо оправдание для внезапного применения силы в конце 1994 г. К моменту российского вторжения было уже совершенно ясно, что другие республики не намерены последовать примеру сепаратистского руководства Чечни. Расползание чеченского сепаратизма на другие республики Северного Кавказа было маловероятно в ближайшей перспективе. Более того, имелись многочисленные свидетельства быстрой утраты популярности Дудаева в самой Чечне. Время работало на российское правительство, и имелись более предпочтительные альтернативы войне.

Следует отметить, что московское руководство оказалось неспособно ни создать условия для поиска этих альтернатив, ни начать плодотворные переговоры с чеченским руководством. Российская реакция была замедленной в силу внутренних раздоров. В 1991 г., когда Дудаев пришел к власти и провозгласил независимость, в Москве шла острая борьба между советским и российским правительствами. Тот факт, что центральное правительство оказалось слабым и неспособным адекватно реагировать на события в Чечне, объясняется конфликтом между Президентом СССР Михаилом Горбачевым и Президентом РСФСР Борисом Ельциным, который закончился с распадом Советского Союза в 1991 г.

С появлением независимой России ее чеченская политика была вновь парализована — на этот раз конфликтом между президентской властью и парламентом. После насильственного роспуска парламента Ельциным в октябре 1993 г. российский президент не

под руководством Эмиля Паина и Аркадия Попова предложил вторую альтернативу, которая могла использоваться в сочетании с предыдущей. Они полагали, что использование экономической блокады могло бы заставить чеченское руководство пойти на компромисс. Установив таможенный, налоговый и полицейский кордон вокруг границ Чечни, Россия могла бы продемонстрировать неприемлемость одностороннего провозглашения независимости¹. Но такая стратегия предполагала способность российских властей ввести эффективную блокаду. Российские власти уже провозглашали блокаду, как только Дудаев захватил власть, но она была безрезультатна². Тот факт, что в предшествующие войне годы российская нефть продолжала циркулировать через Чечню и что самолеты взлетали и садились в грозненском аэропорту без всякого таможенного досмотра со стороны России, свидетельствует о неспособности российского правительства обеспечить стратегию блокады.

Второе оправдание российских властей для использования военных средств, связанное с необходимостью борьбы с преступностью, выглядит убедительно с точки зрения принципа правого дела, но отнюдь не принципа крайнего средства. Дудаев действительно превратил Чечню в мечту мафиози. Однако следует учитывать, что именно всепроникающая коррумпированность и криминальность в российском руководстве, государстве и обществе способствовали криминализации Чечни. Превращение Чечни в крупнейший черный рынок бывшего Советского Союза было плодом совместных усилий коррумпированных чиновников и бизнесменов России и Чечни. Переводимые Москвой в Чечню пенсии и субсидии исчезали, и было невозможно сказать, в какой степени в этой краже повинны российские чиновники, а в какой — чеченские. Происходившие в Чечне ограбления поездов могли быть осуществлены только при поддержке преступных групп и коррумпированных чиновников из России, в частности из Москвы. Грабители, как правило, заранее знали, что будет перевозить тот или иной поезд. Даже незаконная торговля оружием осуществлялась чеченскими группировками при содействии чиновников оборонного ведомства.

¹ Чечня. Криминальный режим. 1991—1995. С. 220.

² Gall C., De Waal T. Chechnya. A Small Victorious War. P. 127.

Кремле, когда российские власти решили прибегнуть к военной интервенции. Стиль руководства правительства Ельцина можно без преувеличения охарактеризовать как ядовитую смесь импровизации, интриг и коррупции. Более того, следует также принять во внимание, что «добрые намерения» могли быть смешаны с иными намерениями. Поэтому следует определить относительный вес всех этих намерений в процессе принятия решения начать войну.

В декабре 1994 г. российское правительство заявило, что оно использует вооруженную силу в Чечне с намерением сохранить территориальную целостность страны, восстановить закон и порядок в регионе и разоружить вооруженные формирования. Литература о чеченской войне не дает оснований усомниться в истинности первых двух утверждений. В этом смысле принцип добрых намерений представляется соблюденным. Что касается третьей цели (разоружение всех вооруженных групп), российские власти предприняли значительные усилия по включению вооруженных формирований оппозиции в свои собственные полицейские силы. Это означает, что принцип добрых намерений также был удовлетворен и здесь. Но исчерпывающий анализ применения принципа добрых намерений требует ответа на следующий вопрос. В какой мере решение начать вторжение в Чечню могло быть спровоцировано иными намерениями?

Некоторые политические наблюдатели утверждают, что военные действия были развязаны с совсем иными намерениями, нежели те три, которые провозгласило российское правительство. Они отнюдь не отрицают, что российское правительство имело намерение сохранить территориальную целостность Российской Федерации, восстановить закон и порядок или разоружить вооруженные группы. Но были и иные, более сильные и решающие намерения. Первое из них имеет отношение к преступности. Некоторые обозреватели полагают, что роковое решение развязать войну было результатом утраты российскими криминальными группировками возможностей нелегальной торговли через территорию Чечни¹. Другие авторы дают похожее объяснение, подчер-

---

¹ Государства Балтии и Кавказ составляют два главных маршрута нелегальной торговли стратегическими материалами из России. Решение чеченских властей установить свой контроль над этой выгодной торговлей могло стать главным мотивом российского решения об использовании силы. См.: *Усманов А.* Непокоренная Чечня. М.: Парус, 1997. С. 155.

зультатам опросов, проведенных между 16 и 20 декабря, через несколько дней после начала интервенции 36% респондентов заявили о своей приверженности мирному решению конфликта, 23% — о необходимости немедленного вывода российских войск из Чечни и только 30% поддержали «решительные меры по наведению порядка в Чечне». Месяц спустя 77% респондентов были против продолжающихся бомбардировок Грозного¹. Война оставалась крайне непопулярной до самого ее конца. Если Ельцин и его советники намеревались использовать войну с Чечней для подъема популярности правительства, они допустили ошибку.

Некоторые обозреватели подчеркивали геополитические намерения в этой войне. В 1994 г. западные и российское правительства вступили в ожесточенное соперничество по поводу эксплуатации новых каспийских месторождений нефти и маршрутов нефтепроводов. Западные правительства предпочитали западный маршрут — из Азербайджана через Южный Кавказ к Черному морю в обход территории Российской Федерации, в то время как российское правительство предпочитало северный маршрут — через Северный Кавказ к черноморскому порту Новороссийск. Северный нефтепровод должен был пролегать через Чечню. В соответствии с этим геополитическим объяснением Кремль вторгся в Чечню с главным намерением укрепления российских позиций в «великой игре» за каспийскую нефть. Для осуществления этого намерения было необходимо восстановить свою власть в регионе путем подчинения мятежной республики.

Как следует оценить это объяснение? Геополитические соображения, несомненно, играли роль в защите Россией своей территориальной целостности. Но весьма трудно доказать, что именно это намерение определило решение российского правительства начать войну. Экономически и политически было бы гораздо дешевле построить нефтепровод в обход непокорной Чечни, нежели пытаться восстановить закон и порядок посредством силы.

Можно сделать вывод, что применение принципа добрых намерений к российскому решению о вторжении в Чечню не дает достаточного права усомниться в существовании добрых намерений бороться против преступности и разоружить все чеченские

¹ *Lieven A.* Op. cit. P. 196—197.

Российская Конституция не дает субъектам Федерации права на отделение¹. Отделение признается неконституционным согласно ст. 65, перечисляющей различные субъекты Федерации, включая Чечню, и ст. 4, гласящей, что Российская Федерация защищает свою территориальную целостность и распространяет свой суверенитет на всю территорию. Таким образом, сепаратизм запрещен, но ни Конституция, ни другие российские законы ничего не говорят о методах борьбы с ним. Тем не менее Закон о чрезвычайном положении 1991 г. (в соответствии с этим чрезвычайное положение вводится Президентом, который должен поставить об этом в известность обе палаты парламента) допускает использование силы в таких случаях. Совет Федерации может выразить несогласие Президенту, аннулировать и отменить его постановление. Президент Ельцин уже издавал постановление «О введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской республике» 7 ноября 1991 г. (после принятия чеченской декларации независимости)². Но, предвидя массовое сопротивление населения Чечни и оппозиции в лице влиятельных демократически ориентированных членов российского парламента, тогдашний Верховный Совет Российской Федерации аннулировал декрет в тот же день. Помня об этих трудностях, Ельцин более не предпринимал попытки ввести чрезвычайное положение во время первой чеченской войны³. Это означает, что война велась в правовом вакууме. Сторонники войны ссылались на конституционный запрет сепаратизма, а противники указывали, что ввод военных сил в Чечню не санкционирован российской законодательной властью.

Не удивительно, что в этих обстоятельствах произошла следующая дискуссия. Депутат Совета Федерации Виктор Курочкин заявил генералу Бабичеву, который возглавлял одну из колонн направляемых в Чечню войск: «Не забывайте, генерал, что, выполняя незаконный приказ, вы лишаетесь защиты закона. На вас одного будет возложена ответственность. Мне поручено просить

¹ См.: Михайловская И. Существует ли правовое поле для оценки чеченской ситуации // Правовые аспекты чеченского кризиса. М.: Мемориал, 1995. С. 28—35; Петрухин И. Правовая оценка военного конфликта в Чечне // Там же. С. 10.

² Dunlop J.V. Op cit. P. 115.

³ Кроме того, сомнительно, что Закон о чрезвычайном положении позволил бы вести военные действия такого масштаба, включая массированное использование армии и авиации вместо внутренних войск, как это было в Чечне.

ошибочной как по концепции, так и по исполнению. В январе 1995 г. он публично осудил министра обороны П. Грачева за «моральную трусость». По его мнению, Грачеву следовало сказать Президенту, что армия не готова к войне с Чечней. Наряду с Воробьевым предположительно более 500 офицеров подверглись взысканиям, были уволены или добровольно ушли в отставку по причине своего несогласия с Чеченской войной.

Без сомнения, решение федеральной власти применить силу в Чечне встретило в России сильное сопротивление. По мнению оппозиции, при принятии решения не был соблюден принцип легитимной власти. И это действительно было так, учитывая, что не были соблюдены конституционные процедуры, требующие согласия Совета Федерации. Принцип легитимной власти не был соблюден также ни с моральной, ни с политической точки зрения, поскольку руководство страны не дало ясно понять, что оно принимает на себя всю ответственность за принятые решения и их последствия. Это привело к тяжелому кризису в российской армии — наиболее тяжелому кризису со времен создания советской страны, который не смог быть преодолен правительством. Неспособность правильно применить принцип легитимной власти можно считать одной из главных причин военного поражения.

6. ВЕРОЯТНОСТЬ УСПЕХА

Решение о вторжении в Чечню было принято в большой спешке, необдуманно, в запутанной обстановке и при недостаточной информации. Не ясно, почему российское руководство решило нанести удар именно в это время. К тому же этот удар был совершенно ошибочен с чисто военной точки зрения. Российское руководство было убеждено в своем военном превосходстве в живой силе и вооружении. Действительно, чеченские вооруженные силы были невелики. Дудаев мог рассчитывать на поддержку не более 20 тыс. вооруженных чеченцев¹. Однако во время войны он не мог бы мобилизовать одновременно свыше 3 тыс. бойцов, за исключением заключительной контратаки на Грозный в августе 1996 г., когда их численность могла достигать 6 тыс.²

¹ *Lieven A.* Op. cit. P. 89.

² *Ibid.* P. 4.

российский солдат продавал реактивные гранаты чеченским посредникам примерно за тысячу долларов. В другом случае высокопоставленный офицер предлагал чеченцам купить боевой танк Т-80, списав его как военную потерю¹. Подобного рода сделки превращали в насмешку провозглашенную Россией цель разоружения бандитских формирований.

Высокая степень централизации командования также дорого обошлась российской армии в Чечне. Если в тяжелой технике не было недостатка, то, средства связи, в том числе на поле боя, были из рук вон плохи. Изолированные подразделения бесцельно перемещались, нередко сталкиваясь друг с другом. Отсутствие координации между различными службами дополнялось чрезвычайно неуклюжей командной структурой. Министерства обороны и внутренних дел то и дело вступали в конфликт друг с другом. Система снабжения была столь ужасна, что солдаты не имели даже питьевой воды. В условиях холодной зимы лишь у немногих были хорошие ботинки и перчатки. Некоторые были вынуждены есть бродячих собак. По мнению Карлотты Галл и Томаса Де Ваала, на каждого русского солдата, убитого чеченцами, приходилось пять погибших по причине халатности и в силу иных причин².

7. СОРАЗМЕРНОСТЬ (*AD BELLUM*)

Разумеется, российскому правительству было трудно найти альтернативу использованию силы, поскольку чеченское правительство отказалось вести переговоры. К тому же российское государство было слишком слабым и коррумпированным для осуществления невоенных мер, например карантина, в отношении отколовшейся республики. К сожалению, применение силы федеральным правительством имело несоразмерный характер. Использование вооруженной силы было обречено еще более усугубить ситуацию. Во-первых, война не могла улучшить положение тех граждан, которые уже покинули республику в массовом порядке. Она не

¹ *Siren P.* The Battle for Grozny: The Russian Invasion in Chechnya, December 1994 — December 1996 // *Russia and Chechnya: The Permanent Crisis* / Ed. B. Fowkes. N.Y.: St. Martin's press, 1998. P. 123.

² *Gall C., De Waal T.* Op. cit. P. 208.

вания, проведенные российским правозащитным центром «Мемориал» и такими гуманитарными организациями, как «Врачи без границ»¹. Наряду с этим немалую роль сыграла Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и такие личности, как российский правозащитник и политик Сергей Ковалев. Главным образом благодаря их работе и публикациям многочисленные нарушения прав человека как российской, так и чеченской стороной хорошо задокументированы. Это были следующие нарушения:

- 1) неизбирательное ведение огня по населенным районам и сознательные нападения на гражданские объекты;
- 2) использование вооружений, которые являются неизбирательными по самой своей природе (например, зажигательные авиабомбы и реактивные системы залпового огня) в густонаселенных районах;
- 3) создание затруднений для выхода гражданских лиц из осажденных городов и деревень;
- 4) разграбление собственности гражданских лиц;
- 5) незаконные аресты и казни гражданских лиц;
- 6) жестокое и унижающее достоинство обращение с задержанными, включая использование пыток;
- 7) негуманное обращение и казни военнопленных.

Что касается военной тактики чеченцев, то они провоцировали российские войска, обстреливая их из населенных районов, используя больницы, школы и даже детские сады для укрытия своих штабов и создания оборонительных систем. Федеральные силы нередко отвечали беспорядочным огнем, не думая о жизни гражданских лиц, которую они подвергали риску. Чеченские борцы за независимость нарушали международное гуманитарное право, захватывая заложников и используя пленных в качестве живого щита. Гражданские лица также использовались с этой целью, когда чеченские войска запрещали им покидать города или села, блокированные федеральными силами.

Провокации чеченцев, ужасные военные условия и огромные потери, которые несли российские солдаты, оказали катастрофическое влияние на их и без того низкий боевой дух. Вследствие

¹ О докладах организаций «Врачи без границ» и ОБСЕ см.: *Lieven A. Chechnya: Tombstone of Russian Power*. P. 132—135.

касается чеченских мужчин, им нередко запрещалось покидать села.

Российские и международные группы по соблюдению прав человека собрали значительное количество достоверных сведений о широком распространении пыток и других жестоких и негуманных наказаний чеченцев военнослужащими Российской армии и внутренних войск. Эти нарушения, идущие вразрез с нормами гуманитарного права, включали избиения военнопленных и невооруженных гражданских лиц, подозреваемых в связях или поддержке боевиков. Заключенные обычно содержались в фильтрационных лагерях и неофициальных местах заключения. Правовой статус фильтрационных лагерей не был определен. Когда они создавались, руководство не позаботилось о предоставлении задержанным хотя бы подобия сносных жизненных условий. Задержанные содержались, например, в подвалах в полной темноте. Им не предоставлялась медицинская помощь, даже если они были ранены. Многие из освободившихся узников фильтрационных лагерей жаловались на применение пыток.

В российской прессе имеются отчеты о случаях, когда недисциплинированные, часто нетрезвые, представители федеральных сил занимались кражами, грабежом, вандализмом, насилиями и убийствами. Задокументировано немало случаев, когда младшие офицеры и простые солдаты совершали немотивированные зверства, направленные не только против чеченского населения, но и против русских гражданских лиц, проживавших в Грозном и других частях Чечни.

Армейское командование предпринимало некоторые попытки заставить военных следовать гуманитарному праву. Официальный документ, изданный федеральным военным штабом в феврале 1995 г., определяет права и обязанности военных, дислоцированных в Чечне, и их отношения с местным населением. Он приказывал солдатам следовать международному гуманитарному праву. Поступать иначе означало бы, согласно документу, дискредитировать страну, помогать врагу и провоцировать непредсказуемые последствия. Законными целями ударов признавались только военные объекты, которые определялись следующим образом:

- 1) незаконные военные формирования, но не их медицинский и религиозный персонал;
- 2) военные базы, здания и районы размещения незаконных военных формирований;

Чечней не сулили успеха прочному соглашению. Но, как кажется, принцип правого дела был на стороне России. Что касается принципов различия и соразмерности в ходе войне (*jus in bello*), то они попирались — и притом вопиющим образом. Чечня в эти годы стала ареной жесточайших актов войны, включая печально известное использование пыток со стороны представителей Российской армии.

В августе 1996 г. российско-чеченская война закончилась Хасавюртовским соглашением, подписанным секретарем Совета Безопасности российским генералом Александром Лебедем и чеченским полевым командиром Асланом Масхадовым, который сменил Дудаева на посту предводителя сторонников независимости Чечни после его гибели в апреле 1996 г. По этому соглашению, вопрос о политическом статусе замораживался до 2001 г. Обе стороны надеялись, что этого времени будет достаточно для создания более прочной базы для политических переговоров¹. Но эти ожидания не оправдались. Чечня не только не смогла преодолеть дипломатическую изоляцию — она была признана только правительством талибов в Афганистане в 1999 г., она также не сумела создать свою государственность. Центральная власть осталась разделенной между враждующими вооруженными группировками. Чеченское правительство не контролировало свою территорию. Чечня стала представлять угрозу для безопасности соседних стран и регионов. Распространялась преступность, в стране начали пускать корни радикальные формы исламского фундаментализма. Распространение получили частные формы военных действий. Некоторые чеченские военные формирования попытались захватить часть территории соседней российской Республики Дагестан. Все эти факторы привели ко второму вторжению российских войск в Чечню, которое началось в сентябре 1999 г.

---

¹ См.: Walker E. W. Constitutional Obstacles to Peace in Chechnya // East European Constitutional Review. Winter 1997. Vol. 6, №. 1. Воспроизводится в Интернете (<http://socrates.berkeley.edu/~bsp/caucasus/articles/const.html>).

Глава XI

ВМЕШАТЕЛЬСТВО НАТО В КОСОВСКИЙ КРИЗИС. МАРТ — ИЮНЬ 1999 г.

Карл Келеманс

1. КАК ЭТО БЫЛО

24 марта 1999 г. Генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана объявил о начале воздушной кампании против Федеративной Республики Югославии с целью прекращения боев и продолжающихся нарушений прав человека в Косово. Начав эту воздушную операцию продолжительностью в 78 дней, НАТО вторглась в чрезвычайно взрывоопасный регион. Косово — южная провинция Сербии (которая вместе с Черногорией образует Федеративную Республику Югославию) — считается одной из наиболее горячих точек на Балканах, что в немалой степени связано с этнической структурой края. Хотя Косово является частью Сербии, 90% проживающего там населения — албанцы.

История Косово — это гремучая смесь взаимного недоверия, обвинений и обид¹. Поскольку как сербы, так и албанцы выдвигают свои национальные мифы для обоснования территориальных притязаний, подлинная историческая подоплека событий остается туманной. Бурные протесты албанцев конца 1960-х гг. завершились провозглашением в Конституции 1974 г. широкой автономии этой провинции в рамках Сербии. Косовские албанцы не получили только одного права — права на отделение, которым обладали сербы и хорваты. В результате решение, предложенное новой

---

¹ Более детальное описание истории Косово содержится, например, в следующих книгах: *Daalder J.H., O'Hanlon M.F.* Winning Ugly. NATO's War to Save Kosovo. Washington DC: Brookings Institution Press, 2000. P. 224; *Detrez R.* The Rights to Self-Determination and Secession in Yugoslavia: a Hornets' Nest of Inconsistencies // Contextualizing Secession. Normative Judgements in a Comparative Perspective (provisional title) / Ed. B. Coppeters, R. Sakwa. Oxford: Oxford University Press, 2003 (в производстве); *Judab T.* Kosovo: War and Revenge. New Haven; L.: Yale University Press, 2000. P. 348; *Malcolm N.* Kosovo. A Short History. L.: Macmillan, 1998. P. 492; *Vickers M.* Between Serb and Albanian. A History of Kosovo. L.: Hurst and Company, 1998. P. 348.

Конституцией, не смогло удовлетворить никого. Албанцы продолжали считать себя ущемленным меньшинством в Сербии и возлагали на Белград ответственность за плохое экономическое положение в Косово. Сербь в свою очередь полагали, что косовская автономия чрезмерно велика и опасались албанского сепаратизма.

В условиях обострившихся экономических проблем в Социалистической Федеративной Республике Югославия, последовавших после смерти Тито в 1981 г., косовские албанцы поднялись на борьбу за предоставление этой провинции республиканского статуса, которая позднее сменилась борьбой за независимость. Для косовских сербов настали тяжелые времена, тысячи из них были вынуждены покинуть родные места под давлением постоянных угроз и запугиваний со стороны албанского большинства.

В марте 1989 г. сербский парламент ввел конституционные поправки, значительно урезавшие права автономных образований в Сербии. Автономный статус Косово и Воевоины сохранялся лишь на бумаге, действительная власть перемещалась в Белград. Косовские албанцы ответили кампанией гражданского неповиновения и ненасильственного сопротивления. 13 сентября 1990 г. представители косовских албанцев в косовском парламенте провозгласили конституционный закон «Республики Косово» в составе Югославской Федерации. Годом позже албанцы Косово организовали референдум о полной независимости. Как утверждалось, в референдуме приняли участие 87% избирателей, из которых 99% проголосовали в поддержку независимости Косово¹. Результаты этого референдума не были признаны ни Югославией, ни какой-либо другой страной мира.

Центральной фигурой в борьбе косоваров за независимость стал Ибрагим Ругова, лидер ДЛК (Демократическая лига Косово), избранный в мае 1992 г. президентом Косово. Конституционность выборов не была признана Белградом. Ругова был проводником идеи ненасильственного сопротивления. Он полагал, что давление международного сообщества, симпатизирующего подобному способу борьбы, заставит сербов найти решение. Но поскольку решение затягивалось, все большее число албанцев стали возлагать надежду на более энергичные действия. В 1992—1995 гг. в Косово имели место спорадические нападения на сербских полицейских.

---

¹ *Malcolm N. Kosovo. A Short History.* P. 347.

Начиная с весны 1997 г. Освободительная армия Косово (ОАК) развернула партизанские действия против Сербии и насилие приобрело систематический характер. К весне 1998 г. конфронтация между ОАК и сербской полицией вылилась в полномасштабную войну. ОАК стала систематически выдавливать сербов из Косово, а сербская полиция, стремясь разгромить ОАК, развернула военные операции против албанских деревень.

Именно тогда внешние наблюдатели стали испытывать большое беспокойство. Многие опасались распространения конфликта на другие нестабильные регионы, в частности в Македонию и Албанию. Между западными странами и Россией было единодушие относительно необходимости восстановления (в соответствии с конституцией 1974 г.) и даже расширения автономии Косово, но также в необходимости сохранения Косово в составе Югославской Федерации. 31 марта 1998 г. Совет Безопасности ООН принял Резолюцию 1160, где осуждалось «чрезмерное применение силы сербской полицией, а также и акты терроризма Освободительной армии Косово». Совет Безопасности вновь восстановил эмбарго на поставки вооружений в Югославию, которое было снято после Дейтонского соглашения по Боснии в 1995 г. За этим в сентябре 1998 г. последовала вторая Резолюция (1199) Совета Безопасности, где Совет Безопасности потребовал от всех участников конфликта немедленного заключения перемирия и прекращения военных действий с целью обеспечения гуманитарным организациям свободного доступа в зону конфликта. Федеративной Республике Югославия было также предъявлено требование вывести специальные подразделения и начать политический диалог. Наконец, 13 октября югославский Президент Слободан Милошевич подписал соглашение с представителем США Ричардом Холбруком, в котором он обязывался выполнить требования Резолюции 1199 Совета Безопасности. Милошевич также согласился сотрудничать с Проверочной миссией ОБСЕ (Резолюция 1203 Совета Безопасности от 24 октября), которая должна была подтвердить выполнение Югославией своих обещаний. В Косово предполагалось разместить 2000 невооруженных наблюдателей. С целью заставить сербов выполнить свои обещания о выводе войск НАТО прибегла к угрозе нанесения воздушных ударов. Удары несколько раз откладывались (причем ОАК старалась затруднить вывод войск и тем самым спровоцировать авиаудары) и в конце концов так и не состоялись.

Новая вспышка насилия последовала в январе 1999 г., когда сербы силы убили в деревне Рачак 50 предполагаемых террористов¹. Международное сообщество пригласило представителей сербов и албанцев на переговоры в замке Рамбуйе под Парижем. Стратегия Запада заключалась в предложении косовским албанцам временного самоуправления сроком на три года без предоставления гарантии независимости, в то время как НАТО брало на себя обязательства по их защите от сербов путем введения миротворческих сил и обеспечивало с помощью угроз авиаударов сотрудничество сербов. Сербы отказались подписать соглашение (Милошевич не хотел допустить присутствия войск НАТО на территории Югославии), а косовские албанцы приняли предложение условно (их делегация нуждалась в дополнительных консультациях со своим народом). В ходе второго раунда переговоров в марте (они проводились в Париже) косовары согласились поставить свою подпись под соглашением. Милошевич продолжал упорствовать в своем отказе, в результате чего и последовали авиаудары НАТО. 24 марта Генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана объявил о начале воздушной операции против Федеративной Республики Югославии.

Воздушная кампания, названная «Союзная сила», включала в себя два уровня. На тактическом уровне удары наносились по сербским силам в Косово. На стратегическом уровне воздушная кампания осуществлялась против всего тылового обеспечения за пределами Косово, объединенной системы ПВО, инфраструктуры военного управления, складов горючего и других целей, имевших жизненно важное значение для югославской военной машины и системы безопасности. За время бомбардировок пилоты НАТО совершили 37 465 боевых вылетов, 14 006 из них сопровождалось нанесением воздушных ударов². В первые три недели операции НАТО ограничивалось 84 ударами в день, после чего их ежеднев-

---

¹ Было и до сих пор существует много вопросов о том, что же в точности произошло в Рачаке. Некоторые утверждают, что по крайней мере часть обнаруженных мужских тел принадлежала не гражданским лицам, а бойцам ОАК, ранее убитым сербами в ходе боевых действий. По утверждению других, нет никаких оснований полагать, что те, кто были там найдены убитыми, не были невооруженными гражданскими лицами. См. *Judab T. Kosovo: War and Revenge*. P. 194.

² *Clark W.K. When Force is Necessary: NATO's Military Response to the Kosovo Crisis // NATO Review, 1999 (Summer). Vol. 47, № 2. P. 16.*

ное количество систематически увеличивалось¹. После 78 дней бомбежек 10 июня сербские лидеры пошли на подписание детального соглашения о полном и незамедлительном выводе своих войск из Косово и размещении там сильной, преимущественно западной, военной группировки. Совет Безопасности принял резолюцию (Резолюция 1244 Совета Безопасности от 10 июля), в которой он устанавливал временную администрацию ООН (UNMIK) и приглашал войска НАТО (KFOR) в качестве гаранта мира.

Окончательная судьба Косово до сих пор остается неопределенной. Косовские албанцы были убеждены в том, что их независимость в конечном итоге неизбежна. В отличие от этого НАТО и ООН по-прежнему признавали суверенитет Югославии в Косово и направляли усилия UNMIK на создание демократических институтов в Косово «вплоть до окончательного урегулирования». Отсутствие политического согласия означает, что международное присутствие может затянуться. Устранение от власти Милошевича (последовавшее за поражением в первом раунде президентских выборов в сентябре 2000 г.), а также успех Ибрагима Руговы на выборах в местные органы власти в Косово в октябре 2000 г. улучшили отношения Югославии с мировым сообществом. Официальные представители ООН отмечали, что будущее Косово — это процесс, который только начинается².

2. ПРАВОВОЕ ДЕЛО

В заявлении для печати, последовавшем после начала воздушной операции 24 марта 1999 г., Генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана отметил, что «на НАТО лежала моральная обязанность остановить насилие и положить конец происходящей ныне гуманитарной катастрофе в Косово»². В заявлении, сделанном в середине апреля, Хавьер Солана уточнил цели НАТО. Он сказал, что намерения НАТО состояли в следующем:

- 1) поддающееся проверке прекращение всех военных действий и немедленное прекращение насилия и репрессий;
- 2) вывод из Косово югославской армии, полиции и полувоенных формирований;

¹ *Aubin S.P.* Operation Allied Force: War or «Coercive Diplomacy»? // *Strategic Review*, 1999 (Summer). P. 7.

² *State in Embryo* // *The Economist*. 2000. 27 Nov. P. 37.

- 3) размещение в Косово международных военных сил;
- 4) безусловное и безопасное возвращение всех беженцев и перемещенных лиц;
- 5) убедительное подтверждение готовности Милошевича работать в рамках соглашения в Рамбуйе (т.е. готовности достичь согласия о политическом решении по Косово в соответствии с международным правом и Уставом ООН).

Заявления Соланы проясняют мотивы утверждений НАТО о *правоте своего дела (just cause)* в Косовском кризисе. Решение НАТО о военной интервенции следует воспринимать как реакцию на вопиющие массовые несправедливости, совершаемые, по ее убеждению, в ходе конфликта между косовскими сербами и албанцами. Хотя масштаб нарушений прав человека в Косово до начала натовских авиаударов был и остается предметом дискуссий¹, никто не отрицает, что зверства действительно имели место. С весны 1998 г. сербские полицейские силы развернули полномасштабную операцию против ОАК, поставив под угрозу жизнь многих тысяч мирных жителей, вынужденных покинуть свои дома. В сентябре 1998 г. последовало заявление Международного комитета Красного Креста, где говорилось: «С гуманитарной точки зрения стало очевидно, что потери среди гражданского населения не могут рассматриваться как то, что принято называть «сопутствующим ущербом»². Напротив, согласно заявлению Красного Креста, гражданские лица стали главными, если не преднамеренными жертвами военных действий³. С этой точки зрения цели НАТО в изложении Соланы не без основания могли рассматриваться как *правое дело*. НАТО не просто заявила, что ее военные действия направлены на предотвращение гуманитарной катастрофы, она стремилась добиться безопасного возвращения беженцев.

Перед тем как перейти к рассмотрению следующего критерия, необходимо сделать два взаимосвязанных замечания. Прежде всего, НАТО желала ясно подчеркнуть гуманитарный, а значит,

---

¹ Такие авторы, как Ноам Чомский, утверждают, что гуманитарная катастрофа, которая послужила обоснованием воздушной кампании, в действительности началась вследствие бомбежек НАТО. См.: *Chomsky N. The New Military Humanism. Lessons From Kosovo*. L.: Pluto Press, 1999. P. 16—17.

² *Weller M. The Crisis in Kosovo 1989—1999. From the Dissolution of Yugoslavia to Rambouillet and the Outbreak of Hostilities*. Cambridge: Documents & Analysis Publishing Ltd, 1999. P. 258.

³ *Ibid.* P. 258.

бескорыстный характер своего вмешательства. Ее главной целью было «положить конец гуманитарной катастрофе, ныне происходящей в Косово». Для этого НАТО желала «поддающегося проверке прекращения *всех* (сербских и албанских) военных действий» и «безусловного и безопасного возвращения *всех* (сербских и албанских) беженцев и перемещенных лиц». Эта позиция, тем не менее, не мешала НАТО заявлять (см. вторую и пятую цели НАТО), что именно сербы, в частности Милошевич, являются главным препятствием на пути к достижению мира.

Кроме того, следует иметь в виду и масштабы интервенции. НАТО не собиралась ограничиваться доставкой гуманитарной помощи с последующим выводом войск, но хотела создать безопасную среду для соблюдения прав человека. *Права* целей НАТО не означала, что они были в моральном плане ясными и недвусмысленными в данном конкретном случае. НАТО обвиняли в тайном пособничестве террористам ОАК и подрыве территориальной целостности Сербии. Выдвигались также и обвинения в нарушении принципа *легитимной власти* и других принципов справедливой войны. В последующих разделах мы рассмотрим и эти обвинения.

3. ДОБРЫЕ НАМЕРЕНИЯ

Искренность заявлений НАТО не раз оспаривалась как до интервенции, так и после нее. НАТО приписывались самые разные мотивы. Некоторые полагали, что военное вмешательство следует рассматривать в более широких рамках экспансии НАТО на Восток. Другие считали, что за военной интервенцией стояли США, поскольку, как утверждали сторонники этого взгляда, видели в интервенции возможность модернизации систем вооружений и сохранения своей доминирующей позиции как единственной сверхдержавы эпохи, наступившей после окончания холодной войны. По мнению третьих, интервенция была не более чем попыткой Президента Клинтона отвлечь внимание общественного мнения от внутрисполитических проблем. Против него, как известно, незадолго до того была инициирована процедура импичмента. Еще одна точка зрения связывала интервенцию с намерением Запада прибрать к рукам богатые минеральные ресурсы края, в числе которых крупные залежи свинца, цинка, кадмия, серебра и золота. По

оценкам, содержится в недрах Косово около 17 млрд т угля. Не следует сбрасывать со счетов и стратегическое значение Косово для Запада. Одна из наиболее смелых теорий относительно тайных намерений НАТО заключается в том, что западные страны так и не смогли решить проблему «жучка миллениума» в компьютерных программах своих крылатых ракет и других высокоточных вооружений. Не использовать их в 1999 г. означало просто потерять эти дорогостоящие вооружения¹.

Есть ли хотя бы доля истины в этих и других подобных теориях «тайных намерений»? Главная проблема анализа *добрых намерений* состоит в том, что точное знание намерений субъекта вообще вряд ли возможно (не говоря уже о намерениях организаций или государств). Мы можем судить о намерениях лишь постольку, поскольку они оказались реализованы в публичных делах, но не по тому, как они осознавались. Какое заявление было сделано государством? Какое действие последовало? Каковы результаты? При более тщательном рассмотрении этих публичных индикаторов вывод о смешанном характере намерений НАТО представляется наиболее правомерным. Отвечая на вопрос о роли морального фактора в принятии решения о начале войны в Югославии, Президент США Клинтон сказал: «Если кто-то начнет массовые убийства невинных гражданских лиц по признаку происхождения или религии и в нашей власти будет их остановить, то мы сделаем это»². Несколькими днями позже неназванное официальное лицо внесло поправку в это заявление, уточнив, что помимо чисто моральных соображений США имели и стратегические интересы в регионе³. Безусловно, именно так обстояло дело в Косовском кризисе. Продолжение военных действий привело к серьезной нестабильности в регионе и создало угрозу миру и безопасности. Опасность заключалась не только в возможности распространения зоны конфликта на Албанию и Македонию, но и в появлении большого числа беженцев. По мнению Марка Уэллера, число перемещенных лиц в Косово за несколько дней до начала авиаударов уже достигло 200 тыс.

---

¹ Roberts A. NATO's «Humanitarian War» Over Kosovo // Survival. 1999 (Autumn). Vol. 41, № 3. P. 107.

² Kitfield J. A War of Limits // National Journal. 1999. 7 July. P. 2155.

³ Ibid.

Кроме того, как признал британский министр иностранных дел Робин Кук в ходе дебатов в Палате общин 25 марта 1999 г., то, что НАТО знала о фактах убийств и была способна положить этому конец, — не единственное оправдание интервенции. Не менее важна и способность НАТО поддерживать доверие к себе в мире. НАТО не могла поступить иначе, доказывал Кук, поскольку наша уверенность в мире и безопасность зависят от способности НАТО внушать к себе доверие. Приведем его точные слова: «В октябре прошлого года НАТО гарантировала соглашение о прекращении огня, подписанное Милошевичем. Он полностью нарушил это соглашение. Кто же поверит НАТО в следующий раз, если кто-то бросит вызов нашей собственной безопасности, если мы не сможем обеспечить соблюдение этой гарантии?»¹.

Тем не менее есть сильный аргумент, способный бросить тень на добрые намерения НАТО. Многие указывали на непоследовательность НАТО, которая вмешалась в Косовский конфликт, но отказалась это сделать в других районах мира, где имели место подобные гуманитарные катастрофы. Например, в 1995 г. 200 тыс. сербов были изгнаны из Хорватии. Отчего же НАТО не вмешалась так же, как в случае с Косово? Другой пример касается курдского населения Турции. За последние 15 лет Турцию не раз обвиняли в нарушении прав человека. Западные правительства оказывали безуспешное давление на Турцию с целью найти мирное решение курдского вопроса. Однако Турция остается членом НАТО и даже участвовала в бомбардировке Югославии. Некоторые утверждают, что расправы сербов с албанским населением далеко уступают по степени жестокости зверствам Франции в Алжире и США во Вьетнаме. Противники этого аргумента парируют подобные доводы. По их утверждению, если какое-то правительство не применяет одинаковые принципы во всех частях мира, то это не обязательно означает, что оно не имеет добрых намерений в каждом отдельном случае. С этой точки зрения действия НАТО в Косово следует рассматривать как прецедент для гуманитарных интервенций совершенно независимо от того, что делалось или не делалось в прошлом.

Последующие события подтвердили истинность намерений НАТО положить конец нарушениям прав человека в Косово. Дей-

¹ Roberts A. Op. cit. P. 107.

ствительно, как только Милошевич согласился вывести свои войска и разместить международные силы, НАТО прекратила воздушную кампанию против СФРЮ. В последующем KFOR использовал силу для предотвращения или прекращения вооруженных столкновений между сербами и албанцами.

4. ЛЕГИТИМНАЯ ВЛАСТЬ

Одним из главных камней преткновения для обоснования справедливости бомбардировок был и остается вопрос о законности использования силы против Югославии. С точки зрения международного права операция «Союзная сила» была по меньшей мере проблематичной. Устав ООН считает применение силы законным только в двух случаях. В о - п е р в ы х, государства имеют право на индивидуальную и коллективную самооборону от агрессии (статья 51). В о - в т о р ы х, Совет Безопасности может выносить решение о применении силы в случае, если имеется угроза миру, покушение на мир или акт агрессии (статьи 39 и 42). В последнем случае Совет Безопасности может обратиться к региональным организациям с целью воплощения своего решения в жизнь (§ 1 статьи 53). Поскольку Югославия не нападала и не угрожала членам НАТО, альянс не мог обосновать военную операцию против Югославии ссылкой на статью 51. Хотя Совет Безопасности и принял Резолюцию 1199 (сентябрь 1998), гласившую, что ситуация в Косово представляет угрозу миру и безопасности в регионе, речь не шла о санкционировании использования «всех доступных средств» для борьбы с этой угрозой. Последующие действия зависели бы от конкретной ситуации. В своей Резолюции 1199 Совет Безопасности «решил, что если не будут предприняты конкретные шаги в духе требований этой Резолюции и Резолюции 1160, он рассмотрит возможность дополнительных мер, необходимых для сохранения или восстановления мира и стабильности в регионе».

Даже при наличии общего морального согласия о необходимости действий реакция различных членов НАТО на эту правовую проблему была различной¹. Такие страны, как Бельгия, Франция, Германия, Греция, Италия, Испания, были согласны с моральным

---

¹ *Guicherd C.* International Law and the War in Kosovo// *Survival*. 1999. Summer. Vol. 41, № 2. P. 26.

императивом решительных действий. В значительно меньшей степени они были согласны с тем, какое правовое обоснование более подходит для этой военной операции. Государственный секретарь США Мадлен Олбрайт заявила, что для военной операции достаточно уже существующих резолюций Совета Безопасности ООН (1160 и 1190). Поскольку сербы не выполнили предписаний этих резолюций и поскольку резолюции эти были приняты в соответствии с частью VII Устава ООН (которая регулирует применение силы Советом Безопасности), НАТО, как полагали США, не нуждается более ни в каких дополнительных разрешениях со стороны Совета Безопасности.

Эта позиция легко уязвима с правовой точки зрения. Факт принятия резолюции в соответствии с частью VII Устава ООН не означает автоматического разрешения применения силы. Генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана придумал более убедительный аргумент. Стремясь оправдать угрозу применения силы, в октябре 1998 г. Солана ссылаясь на цепь причин¹. Они были следующими:

- 1) отказ Югославии выполнить требования резолюций Совета Безопасности 1160 и 1190, основанных на части VII Устава ООН;
- 2) наличие непосредственной угрозы гуманитарной катастрофы, что было зафиксировано в докладе Генерального секретаря ООН Кофи Аннана от 4 сентября 1998 г.;
- 3) невозможность быстрого принятия резолюции Совета Безопасности, санкционирующей применение силы;
- 4) констатация Резолюцией 1199 Совета Безопасности ООН того факта, что ухудшение ситуации в Косово представляет собой угрозу миру и безопасности в регионе.

Первая и четвертая причины совпадают с названными выше аргументами Мадлен Олбрайт. Ссылка на вторую и третью причины — это попытка несколько подкрепить чисто правовые аргументы, предложив моральное обоснование для исключительных действий по применению силы без санкции Совета Безопасности. Тяжесть ситуации и бездействие Совета Безопасности, парализованного угрозой применения права вето Россией и Китаем, якобы позволяли (если даже не обязывали) НАТО (как и любой другой

¹ Guicherd C. Op. cit. P. 27.

стране или коалиции стран) предпринять односторонние военные действия.

Эта цепь аргументов показывает, что натовская оценка *легитимной власти* оказывается в данном случае под влиянием принципа *правого дела*, а в более широком смысле — моральных соображений вообще. Важность поставленной цели (положить конец нарушениям прав человека) заставила НАТО пренебречь апелляцией к «очевидно» легитимным властным инстанциям (Совет Безопасности). Этот аргумент представляется противникам интервенции НАТО по меньшей мере сомнительным. Теория справедливой войны, как они полагают, запрещает вносить поправки в принцип законной власти, прикрываясь правотой дела. Подобные поправки не только ставят под сомнение принцип законной власти как независимого критерия, но и ведут к тому, что теория справедливой войны может обернуться «теорией» *священной войны*. Критики НАТО утверждают, что нет никакой необходимости наполнять принцип легитимной власти моральным содержанием, если правовая точка зрения достаточно очевидна. По их мнению, интервенция в Косово просто не имеет никакого правового обоснования.

Действительно, попытка поставить принцип законной власти на моральный фундамент содержит в себе большую опасность. Системе международной безопасности, которая поддерживается ООН и международным правом, может быть нанесен серьезный урон, если четкие правовые ограничения по использованию силы начнут размываться неопределенными и абстрактными моральными принципами. В силу именно этой причины некоторые члены НАТО, например Бельгия, весьма скептически отнеслись к идее придания интервенции в Косово статуса прецедента.

5. КРАЙНЕЕ СРЕДСТВО

К весне 1998 г., ситуация в Косово ухудшилась. Столкновения между Освободительной армией Косово и полицейскими силами сербов переросли в полномасштабную войну. За год, который предшествовал воздушной кампании НАТО против ФРЮ, международное сообщество предприняло ряд мер по поиску мирного решения кризиса. В число этих мер входили дипломатические инициативы, невоенные санкции (эмбарго на поставку вооруже-

ний, запрещение иностранных инвестиций), размещение наблюдателей миссии ОБСЕ и угроза силой. Кульминацией этих усилий стали переговоры в Рамбуйе и Париже в феврале — марте 1999 г. Принципиальная важность этих переговоров с точки зрения принципа *крайнего средства* заключается в том, что именно их провал вызвал решение НАТО начать войну против ФРЮ. Вопрос заключается в том, действительно ли западные страны исчерпали все альтернативные средства, прежде чем прибегли к военным ударам. Разумно ли предположить, что с провалом конференций в Рамбуйе и Париже НАТО имела право начать свою военную интервенцию? Может быть, следовало предпринять еще по крайней мере одну попытку мирного решения?

По мнению Марка Литмана, в Рамбуйе переговоры, дипломатия и международное давление еще далеко не исчерпали себя¹. Его позиция основывается на двух главных аргументах. Прежде всего, полагает Литман, Югославия приняла суть политических предложений, выдвинутых в Рамбуйе задолго до предъявления окончательного ультиматума. Оставались еще кое-какие мелочи, которые могли быть разрешены позже. Второе, и самое главное, это природа военных предложений НАТО. Они были не просто неприемлемыми, но прямо-таки драконовскими и подобными условиям оккупации страны, проигравшей войну². Если бы НАТО согласилась исключить очевидно неприемлемые пункты своих предложений, продолжает Литман, соглашение могло быть достигнуто. Действительно, 23 февраля 1999 г. появились ясные признаки того, что делегация ФРЮ/Сербии была готова рассмотреть «условия и характер международного присутствия в Косово в целях осуществления соглашения, которое будет достигнуто в Рамбуйе»³. Означало ли это конец переговоров? Не совсем.

Самое меньшее, что можно сказать об аргументах Литмана, — это то, что по ряду причин они страдают серьезными недостатками. Во-первых, Литман создает впечатление, что конференция в Рамбуйе представляла собой последнее дипломатическое усилие перед началом бомбежек. Это не так. Был еще второй раунд переговоров в Париже с 15 марта 1999 г., смысл которых заклю-

¹ *Littman M. Kosovo: Law & Diplomacy. L.: Centre of Policy Studies, 1999. P. 8—13.*

² *Ibid. P. 10.*

³ *Ibid. P. 12.*

чался именно в том, чтобы продолжить работу над результатами, достигнутыми в Рамбуйе. Во-вторых, Литман, кажется, серьезно убежден в том, что Югославия приняла суть политических предложений в Рамбуйе. Это впечатление могло бы быть верным, если смотреть только на результаты конференции в Рамбуйе. Однако на Парижских переговорах делегация ФРЮ/Сербии резко изменила свою позицию. Когда ее участникам стало ясно, что албанская делегация готова подписать предложения Рамбуйе, она сразу же выдвинула контрпроект, направленный на возобновление переговоров по политическому урегулированию. Собственно говоря, она хотела вернуть переговоры к самому началу¹. Эта новая инициатива ФРЮ/сербов означала лишь одно — принятие ими ранее основной сути предложений в Рамбуйе являлось не более чем уловкой, призванной снискать расположение международного сообщества.

В-третьих, Литман утверждает о неприемлемом и драконовском характере военного приложения требований НАТО. Это верно лишь отчасти. Действительно, военные приложения не обсуждались на конференции в Рамбуйе, и делегация ФРЮ/Сербии твердо выступила против них². Но в этом именно и заключался смысл Парижской конференции: подробно обговорить условия реализации, включая меры военного характера. Как уже было сказано, эти вопросы не обсуждались по той простой причине, что возражения югославской стороны касались не столько условия реализации предложений в Рамбуйе, сколько пересмотра самой сути этих предложений.

Что можно сказать про драконовский характер мер военного порядка? Действительно, присутствие иностранных войск на территории Сербии противоречило принципу суверенитета. Иво Далдер и Майкл О'Хэнлон утверждают, что для западной дипломатии эти меры были сутью переговоров. Косовские албанцы никогда не согласились бы подписать промежуточное соглашение, если бы их безопасность не была подкреплена значительным военным контингентом, а сербы не могли принять соглашение, если оно требовало присутствия иностранных войск на своей территории.

---

¹ *Weller M.* The Crisis in Kosovo 1989—1999 // From the Dissolution of Yugoslavia to Rambouillet and the Outbreak of Hostilities. P. 475.

² *Ibid.*

Как заметил в то время один из высокопоставленных чиновников Белого Дома, «вопрос состоит в том, как много войск согласны терпеть у себя сербы и как мало войск будет достаточно для обеспечения безопасности косоваров»¹.

Итак, как следует оценить интервенцию НАТО с точки зрения принципа *крайнего средства*? Во-первых, тупик, к который зашли дипломатические переговоры на Парижской конференции, давали все основания полагать, что новые дипломатические действия (и дальнейшая задержка военной интервенции) были бы уже неоправданны. Как только делегация ФРЮ/Сербии отказалась продолжать переговоры относительно воплощения предварительных соглашений в Рамбуйе, стало ясно, что *только угрозы* применения силы было уже недостаточно, чтобы убедить Президента Югославии пойти на сотрудничество. В октябре 1998 г., например, под угрозой применения силы НАТО Милошевич уже согласился с требованиями Резолюции 1199 Совета Безопасности (так называемое соглашение Холбрука). Но уже в декабре 1998 г. стало очевидно, что это соглашение нежизнеспособно. Во-вторых, поскольку Милошевич не придерживался требований этой резолюции Совета Безопасности, страдания населения Косово продолжались и даже возрастали.

Накануне Рождества 1998 г. югославские части начали новое наступление в Косово. Вопреки утверждениям Белграда об исключительной направленности этих действий против террористов ОАК они вызвали новый поток беженцев. Третий, тесно связанный с двумя предыдущими, аргумент заключается в том, что под ударом оказалась сама кредитоспособность НАТО. Когда все мирные средства были исчерпаны и не принесли успеха, казалось, что пора было переходить к военным средствам. Не сделать этого означало для НАТО, что никто не будет всерьез воспринимать ее как военную организацию, не только в Косовском кризисе, но и в случае будущих конфликтов.

---

¹ Daalder I.H., O'Hanlon M.F. Winning Ugly: NATO's War to Save Kosovo. P. 80. См. также: Weller M. Op. cit. P. 411.

6. ВЕРОЯТНОСТЬ УСПЕХА

Как теперь известно, после 78-дневной воздушной кампании Милошевич в конце концов согласился с планом полного и незамедлительного вывода из Косово югославских войск и размещения там сильного, преимущественно западного воинского контингента. Однако природа принципа *вероятности успеха* не позволяет при оценке использовать преимущества положения «post factum»¹. Нужно оценить эффективность военной операции независимо от знания конечного результата. Наилучший способ это сделать — начать со сравнения военной силы участников конфликта. Если мы в состоянии точно установить военное превосходство одной из враждующих сторон, то вопрос о вероятности успеха решается сам собой.

В случае Косово такой подход, без сомнения, ставит НАТО в выгодное положение. Югославская армия, ослабленная международным эмбарго на поставки вооружений, не шла ни в какое сравнение с наиболее сильным военным альянсом послевоенного периода. Таким образом, НАТО имело средства навязать свою волю противнику и, соответственно, успех был вполне вероятным.

Но сравнение военной мощи — это еще не все. При ближайшем рассмотрении вероятность успеха представляется гораздо менее убедительной. Прежде всего нужно иметь в виду характер некоторых целей НАТО. При их рассмотрении (см. выше) выясняется, что кое-какие из них весьма сложно реализовать чисто военным путем. Вы можете заставить своего оппонента вернуться к столу переговоров, нанося удары по его военной машине, но вряд ли это будет означать конец репрессиям и насилию. Это в особенности касается четвертой цели в нашем списке. Нельзя создать условия для безопасного возвращения всех беженцев лишь путем нанесения бомбовых ударов. По мнению Марка Литмана, гуманитарная катастрофа в Косово не могла быть остановлена — она могла только усилиться в результате бомбардировок по причине неизбежности ответной жестокой расправы сербов над косовскими албанцами². Поскольку сербы были не в состоянии что-либо сделать с летающими на больших высотах бомбардировщиками, НАТО должна была понять, что сербы усилят свою кампанию

---

¹ Post factum [пост фактум] — букв. после факта; по совершении факта (лат.).

² Littman M. Op. cit. P. 16—17.

этнической чистки¹. Аргументы, приводимые НАТО в свою защиту, сводились к тому, что убийства и изгнания имели бы место в любом случае, так как Белград привел в действие «Операцию «Подкова» — план систематической этнической чистки Косово, задуманную еще до бомбежек². Трудно сказать, насколько это верно, во всяком случае, как считает Адам Робертс, есть основания сомневаться, произошли ли бы этнические чистки с такой быстротой и были ли бы они столь жестокими, не будь наговских бомбардировок³.

Попробуем теперь представить, что НАТО не знала или не могла знать, каким ужасающим образом ответят сербы. Даже в этом случае вероятность успеха отнюдь не представляется очевидной. Несмотря на значительное военное превосходство, НАТО сама в значительной степени лишила себя преимуществ. Было принято два решения: а) с самого начала операции исключить использование наземных сил и б) полагаться исключительно на бомбометание с больших высот.

Эти ограничения военного потенциала явились следствием неуклюжего компромисса между необходимостью показать решимость (проблема доверия) и отсутствием политической воли предпринимать все необходимое для достижения поставленных гуманитарных целей. С самого начала было ясно, что НАТО всячески старалась избежать ошибок, допущенных международным сообществом в Боснии (1992—1995). После более чем трех лет безуспешных дипломатических инициатив и полумер в августе — сентябре 1995 г. НАТО продемонстрировала, что твердая позиция силы по отношению к вызывающе неуступчивым сербам (операция «Решительная сила») может изменить многое. Затем Дейтонские соглашения расчистили путь к реконструкции Боснии по окончании конфликта. В Косово НАТО не желала терять драгоценного времени и намеревалась действовать решительно с самого начала. К сожалению, действия НАТО свидетельствовали о другом. При всей своей решительности НАТО не сумела избежать тех же ошибок в ходе этой новой интервенции.

¹ В течение одного месяца после начала бомбардировок Косово покинуло более полумиллиона человек; они устремились в соседние страны, и многие тысячи других беженцев были изгнаны из родных мест, оставаясь в самом Косово. К концу кампании число перемещенных лиц достигло 1400 тыс. чел.

² Roberts A. Op. cit. P. 110.

³ Ibid.

Как и в Боснии, здесь имелась глубокая пропасть между пафосом моральных амбиций НАТО и действительной готовностью сделать все необходимое для их воплощения. Заявление Президента США Клинтона в самом начале войны о неиспользовании наземных сил наложило серьезные ограничения на доступный НАТО военный инвентарий. Это особенно верно, если учесть общепризнанный в то время факт, что *одной лишь мощи* ВВС было недостаточно для победы. Другое, пожалуй, еще более яркое свидетельство военной нерешительности НАТО — это стратегия нулевых потерь. Готовность бомбами добиваться подчинения Милошевича не сопровождалась готовностью идти на жертвы. Такой чудесный результат, как полное отсутствие потерь в течение 78 дней бомбежек, явился, как утверждает Эдвард Лютвак, следствием многоуровневой системы предосторожностей¹. Во-первых, в начальные недели бомбежек имело место лишь незначительное количество боевых вылетов, что свидетельствовало об относительно невысоком риске для пилотов. Во-вторых, с целью избежать потерь среди союзников, удары в ходе воздушной операции направлялись в первую очередь против системы противовоздушной обороны. В-третьих, НАТО удавалось избегать ударов югославских сил ПВО благодаря тому, что бомбардировки производились с безопасной высоты 5 тыс. м. Наконец, в-четвертых, все операции НАТО проводились исключительно при благоприятных погодных условиях (хотя эти условия не были преградой для атак с низкой высоты).

Природа этих стратегических ограничений явно негативно сказывалась на эффективности операции. Во-первых, ограничив себя использованием воздушной силы, НАТО могла лишь уповать на то, что Милошевич под действием авиаударов прекратит военную операцию в Косово. В случае, если Милошевич решился бы держаться до конца, преодолевая воздушные удары (что он и сделал), вероятность успеха НАТО стала бы весьма малой. Нарушения прав человека нельзя остановить одним лишь бомбометанием. Только войска могут защитить гражданское население (путем создания зон безопасности, гуманитарных коридоров и т.д.). Во-вторых, избрав стратегию бомбежек с большой высоты, НАТО

---

¹ Эдвард Лютвак говорил в этой связи о первой «послегероической» войне. *Luttwak E. Give War a Chance // Foreign Affairs. 1999 (July—August). Vol 78. № 4. P. 40.*

подвергла повышенному риску то самое население, которое она решила защищать. Это означало рост вероятности ошибок, которые, в конце концов, могли нанести серьезный ущерб имиджу НАТО. Невозможно одновременно заявлять о своих намерениях защитить гражданское население и в то же время использовать стратегию, которая подвергает это самое население повышенному риску. Еще важнее действие этой стратегии на само сербское население. В Сербии существовала значительная политическая оппозиция Милошевичу. Нанося удары не только по сугубо военным целям, но и по смешанной военно-гражданской инфраструктуре (нефтеочистительным заводам, радиостанциям, мостам и т.д.), НАТО должна была предвидеть, что югославы сомкнут свои ряды во главе с Милошевичем в единый антинаатовский фронт.

Адам Робертс дает два объяснения приверженности НАТО воздушной стратегии¹. Во-первых, члены НАТО не желали рисковать жизнью своих людей в ходе операции. По мнению Робертса, этот «рефлекс нулевых потерь» Запада является главной характеристикой международных интервенций 1990-х гг. Причина этого стремления очевидна. Чтобы сохранить поддержку общественности своих стран, необходимо избегать потерь своих солдат в далеком краю («цинковый синдром»). С точки зрения здравого смысла эти ограничения были полезны, а вероятно, и необходимы для достижения политических результатов. Подобного рода добровольно принятые ограничения были политической платой за единство альянса. Но как это ни странно, исключительный успех НАТО в стремлении не допустить потери (ни одной боевой потери за 11 недель операции) возбудил прямо противоположные чувства общественности. Избежать потерь — это одно, избежать их за счет гражданского населения, которое ты призван защищать, — совсем другое.

Другая причина привязанности НАТО к стратегии воздушной войны заключалась в том, что Робертс называет «сомнительным прочтением истории Боснийской войны»². Во время этой войны НАТО провела похожую воздушную кампанию под названием «Решительная сила» (август — сентябрь 1995 г.) в ответ на минометный обстрел сербами рынка в Сараево, в результате которого

¹ Roberts A. Op. cit. P. 108.

² Ibid.

погибли 37 и получили ранения 84 человека¹. Эта кампания завершилась согласием сербов участвовать в инициированных США переговорах, которые завершились подписанием Дейтонских мирных соглашений (ноябрь 1995 г.). По мнению Робертса, НАТО ошибочно полагала, что успех операции «Решительная сила» может быть повторен в Косово. Расчеты НАТО были ошибочными по следующим причинам. Прежде всего, успех операции «Решительная сила» стал возможен благодаря крупному и столь же успешному наземному наступлению хорватской армии против крайних сербов в Хорватии и против боснийских сербов в Боснии (последнее в союзе с боснийскими правительственными войсками). В Косово все было иначе. С началом операции «Союзная сила» АОК не была способна на успешное наземное наступление, подобное наступлению хорватской армии (положение дел изменилось к концу воздушной кампании). Кроме того, бомбардировки 1995 г. не были направлены против самой Сербии и потому не могли вызвать такой волны национализма, как бомбардировки в 1999 г.²

Как же оценить вероятность успеха операции «Союзная сила»? Самое меньшее, что можно сказать: перспективы успешного исхода были не столь очевидны. Напротив, даже если изменить формулировку первоначальных целей НАТО на менее достижимое в военном смысле «предотвращение гуманитарной катастрофы», проблематичность воздушной кампании НАТО все равно сохраняется. Были все основания полагать, что массированные воздушные атаки приведут к нарастанию и расширению кампании этнических чисток со стороны сербов, что прямо противоречило целям НАТО. Более того, самоограничение НАТО в использовании собственной военной мощи (отказ от использования наземных сил и бомбометание исключительно с большой высоты) не могли не убедить Милошевича в эфемерности провозглашенной НАТО гуманитарной цели. НАТО, напротив, была убеждена, что Милошевич выбросит белый флаг через несколько дней бомбежек. Оба предположения оказались ложными. Милошевич не пошел на уступки, и НАТО по истечении первых недель

---

¹ *Leurdijk D.A.* The United Nations and NATO in Former Yugoslavia, 1991—1996. Limits to Diplomacy and Force. The Hague: Netherlands Atlantic Commission/Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael', 1996. P. 78.

² *Roberts A.* Op. cit. P. 108.

бомбежек решила на усиление кампании, заключавшееся не только в умножении количества боевых вылетов, но и в расширении перечня целей. Перспективы успеха НАТО стали возрастать лишь по мере того, как Милошевич осознавал, что НАТО не отступит и что русские не придут на помощь. Во второй половине мая НАТО начала постепенно дистанцироваться от первоначального заявления Клинтона о неиспользовании наземных сил. Эта позиция была подкреплена заявлением НАТО о предстоящем размещении 50-тысячного корпуса на границе Косово «с целью обеспечения быстрого воплощения любого соглашения, которое может быть достигнуто»¹. Другим важным фактором будущего успеха стало массированное наступление ОАК (при поддержке американских В-52) 26 мая — попытка прорыва из района Косарского анклава на границе с Албанией².

7. СОРАЗМЕРНОСТЬ (*AD BELLUM*)

Соответствует ли решение НАТО начать войну с Югославией из-за Косово *принципу соразмерности*? Для ответа на этот вопрос нужно соотнести предполагаемые блага и возможные негативные последствия операции «Союзная сила». Как и в случае с *оценкой вероятности успеха*, при оценке соразмерности не может использоваться информация, которая не была известна на момент совершения действия. Анализ соразмерности состоит не в сравнении *действительного* количества блага с *действительным* количеством зла, после того как действие состоялось, но в сравнении *возможного* блага и *возможного* вреда, связанного с осуществлением массированной воздушной кампании. Начнем с оценки возможного блага операции «Союзная сила».

Главная цель операции «Союзная сила» состояла в том, чтобы вынудить Милошевича положить конец продолжающимся нарушениям прав человека в Косово, а затем вывести югославские войска, заменив их международным военным присутствием (см. раздел «Правое дело» данной главы). Блага, связанные с достижением этих целей, следует оценить как значительные. Во-первых,

¹ Daalder I., O'Hanlon M. Unlearning Lessons of Kosovo // Foreign Policy. 1999. Fall. P. 131.

² Judah T. Kosovo: War and Revenge. P. 284.

прекращение военных действий предотвращает развитие гуманитарной катастрофы. Во-вторых, что, пожалуй, важнее, — окончание военных действий дает возможность возрождения общественной жизни в Косово. В-третьих, важным благом, связанным с осуществлением военных действий против Югославии, явился рост доверия к НАТО. Действительно, приводя в действие угрозу применения военной силы против Милошевича, НАТО тем самым повышала действенность своих будущих угроз, а это в свою очередь снижало необходимость применения силы в будущем. Однако эту способность внушать доверие нельзя переоценивать. НАТО стремилась сделать нечто, но была, мягко говоря, достаточно благоразумна в своих действиях в этом плане.

Какой вред мог быть связан с операцией «Союзная сила»? Непосредственные издержки были связаны с фактическим проведением самой операции. Стратегическим выбором большой высоты полетов самолетов была обеспечена незначительность потерь НАТО. Выполняя полеты на высоте 5 тыс. м, пилоты НАТО были относительно недосыгаемы для югославской системы ПВО. Но безопасность натовских пилотов оплачивалась повышенным риском для гражданского населения, особенно когда НАТО решила начать бомбежки в густонаселенных районах, в первую очередь в Белграде. Материальная составляющая вреда требует более дифференцированной оценки. Применяемая НАТО ступенчатая стратегия наращивания ударов позволяла надеяться, что противник сдастся еще на ранней стадии операции. В этом случае ущерб мог быть сведен лишь к военным объектам, что и составляло первоначальную цель НАТО. Но подобная стратегия могла иметь и противоположные последствия. Вялое бомбометание создавало у противника впечатление, что все эти акции не так уж страшны и их можно перетерпеть. Чтобы этого избежать, НАТО пришлось усиливать воздушную операцию вплоть до поражения «пограничных» целей и значительно увеличить интенсивность ударов. В случае сценария «затяжной войны» материальный ущерб должен был возрасти по сравнению со сценарием изначально более решительной и короткой войны. Тот факт, что Милошевич был, очевидно, не из тех, кто быстро сдается, делал сценарий «затяжной войны» более вероятным.

Операция «Союзная сила» была связана также и с вероятностью косвенного вреда. Решение о военном вмешательстве в

Косовский кризис создавало серьезный риск географической эскалации конфликта. Существовала реальная возможность его расползания на Албанию или Македонию (проблема косовских беженцев, хлынувших в Македонию и Албанию, транспортировка оружия из Албании в Македонию и т.д.). Но это был не единственный риск эскалации. Успех НАТО мог подхлестнуть другие этнические группы как в границах Югославии (Черногория и Воеводина), так и в других странах (Россия) предпринять те же самые действия, что и косовские албанцы. Другое прогнозируемое последствие операции «Союзная сила» — опасность вступления в новую холодную войну. Расширение НАТО на Восток было, как известно, болезненно воспринято Россией. За несколько дней до начала военной кампании Польша, Венгрия и Чехия стали полноправными членами альянса. Решение НАТО бомбить славянских братьев привело к еще большей напряженности отношений между НАТО и Россией. Недвусмысленным подтверждением усиления напряженности стало заявление Б.Н. Ельцина о том, что использование наземных сил НАТО в Косово может «вовлечь Россию в боевые действия на стороне Сербии и тем самым спровоцировать более широкий конфликт в Европе, возможно, даже «третью мировую войну»¹. Несмотря на эти задиристые слова, риск подобного развития событий был невелик. Дело не только в финансовой зависимости от Запада². Москва вряд ли была готова поставить под удар свои отношения с Западом из-за неуступчивости режима Милошевича³.

Итак, была ли соразмерной избранная стратегия? Сопоставив все ее плюсы и минусы, операцию «Союзная сила» следует признать приемлемым компромиссом между эффективностью и риском, контролируемым прямо или косвенно. У НАТО не было иного выбора, нежели начать военные действия (Милошевич уже не реагировал на угрозы НАТО), надо было остановить убийства и поддержать доверие к себе. Возможно, выбранная стратегия поэтапного наращивания бомбардировок с большой высоты не была наилучшей. Учитывая нежелание Милошевича примириться

¹ The Economist. 1999. April 17. P. 17.

² Визит директора МВФ Мишеля Камdessus в Москву для переговоров о новом займе почти точно совпал по времени с началом операции «Союзная сила».

³ Smith M.A. Russian Thinking on European Security After Kosovo // Conflict Studies Research Centre. 1999. July. P. 6.

с потерей суверенитета над Косово, лучшей стратегией могло быть более решительное применение силы в сочетании с угрозой использования наземных войск. Такая более решительная стратегия по сравнению со стратегией поэтапной эскалации, по всей вероятности, не привела бы к новой холодной (или «горячей») войне, даже если бы НАТО с самого начала решила предпринять массивную воздушную операцию, поскольку Россия все равно нуждалась в финансовой помощи Запада. Главным фактором, предопределившим выбор постепенного, а не более решительного подхода было то, что не все члены НАТО согласились бы с последним. Например, уже в ходе кампании, когда НАТО решила наращивать интенсивность бомбардировок, ряд союзников (Италия и Греция) стали испытывать сомнения или столкнулись с сильной внутренней оппозицией (Германия и Франция). Поэтому потеря эффективности из-за выбора не самой решительной стратегии, как представляется, была сбалансирована тем, что НАТО успешно начала и продолжила военную операцию и тем самым сохранила доверие к себе со стороны значительной части мировой общественности.

8. РАЗЛИЧИЕ

До какой степени в ходе воздушной кампании НАТО соблюдался *принцип различия*? Реализация целей НАТО требовала парализовать и разрушить югославский военный потенциал. Природа военной цели (выведение из строя югославской военной машины, части которой были размещены по всей стране) нередко толкала НАТО на применение крайних мер, подводивших вплотную к двум важным проблемам принципа различия.

Во-первых, НАТО не всегда была способна достоверно определить военную цель. Например, на уровне принятия решения и сбора информации ошибка в выборе цели всегда возможна (бомбардировка китайского посольства в Белграде 7 мая 1999 г.). Имелись факторы, способные значительно затруднить летчикам поиск и определение надлежащих целей. К их числу относились плохие погодные условия, ограничивавшие должный визуальный контакт с целью. Пилотам нередко приходилось возвращаться с полным боекомплектом¹. Другой важный фактор состоял в тре-

---

¹ В первые три недели операций НАТО хорошая погода была только 7 дней.

буемой высоте бомбометания. С высоты 5 тыс. м весьма трудно определить характер цели. 14 апреля в районе Дьяковицы американский летчик, пилотировавший F-16, нанес удар по цели, показавшейся ему военным конвоем. К несчастью, оказалось, что под удар попал трактор и прицепы, на которых находились косовские албанцы, и в результате погибли 65 человек¹. Другой фактор, усложнивший выполнение воздушной операции, заключался в том, что югославская армия и полиция делали все, что могли, чтобы сделать задачу НАТО трудной, если не невозможной. Так, они размещали военные объекты среди явно гражданских (прятали танки и другую военную технику в деревнях, военные были одеты в гражданскую одежду, передвижение военных осуществлялось вперемешку с гражданскими потоками и т.д.)².

Во-вторых, нанесение НАТО ударов по некоторым целям было морально сомнительным. В ответ на продолжающееся сопротивление НАТО пришлось включить в свой список объектов для бомбардировки «пограничные» цели. Особенно после середины апреля 1999 г. НАТО вышла за рамки чисто военных объектов (оборонная инфраструктура, выставленные войска, танки и т.д.). Бомбардировки распространились на нефтеочистительные заводы, склады горючего, мосты, дороги и т.д. Эти элементы инфраструктуры были жизненно необходимы для югославской армии и полиции, совершавших нарушения прав человека. Последние, напри-

---

¹ Этот порядок действий следует считать морально сомнительным, если следовать той интерпретации принципа «побочного эффекта», которой придерживается Майкл Уолцер в своей книге «Справедливые и несправедливые войны». В рамках своей доктрины Уолцер вводит понятие «права гражданских лиц на должное обращение». Уолцер поясняет свою концепцию, приводя пример бомбардировок, совершавшихся против военных объектов в оккупированной Франции военно-воздушными силами Свободной Франции во время Второй мировой войны. С целью избежать, насколько возможно, жертв среди французов, вынужденных работать на немцев, французские пилоты выполняли бомбежки на очень низкой высоте, принимая тем самым больший риск для себя. (См.: *Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*. N.Y.: Basic Books, 1992. P. 156—159.) Учитывая это, можно утверждать, что косовские албанцы имеют подобное право на должное обращение и, следовательно, пилоты НАТО должны были пойти на больший риск для себя, совершая боевые полеты на меньшей высоте. Положительным шагом в этом направлении могло бы быть использование вертолетов «Апачи». Эти военные вертолеты летают на низкой высоте, сводя к минимуму вероятность побочного эффекта, но в то же время, подвергая себя риску быть сбитым.

² *Judab T.* Op. cit. P. 259.

мер, не могли как следует функционировать без регулярного подвоза топлива. Расширяя круг целей, НАТО стремилась обезкровить югославскую армию путем разрушения ее тылового обеспечения. Но можно ли назвать эти смешанные или двойственные (военно-гражданские) объекты законными мишенями для военных ударов?

Принцип *двойного эффекта* допускает это лишь при условии, что повреждение объектов смешанного характера имеет целью нанесение ущерба исключительно вооруженным силам. Если бы намерения НАТО были направлены на деморализацию населения Югославии с целью побудить его усилить давление на режим Милошевича, то принцип двойного эффекта уже не мог бы оправдать действий в промежуточной зоне комбатант — некомбатант. Принцип запрещает использование некомбатантов в качестве средства для достижения целей, пусть и легитимных. В этой связи многие сомневаются в правомерности использования НАТО так называемых мягких бомб против югославских электростанций. Эти бомбы взрываются в воздухе, засыпая электрические трансформаторы графитовыми осколками. В результате создаются короткие замыкания и электростанции выходят из строя. Несмотря на заверения НАТО о том, что эти действия были направлены на дезорганизацию югославского военного управления («если система управления войсками лишена электричества, — как утверждал представитель НАТО Джейми Ши, — то это просто провод, металл и пластик, а не функционирующая военная система»), они причиняли также слишком очевидные неудобства югославскому населению. И все же можно рассматривать использование НАТО этих «мягких бомб», не причиняющих значительного материального ущерба, как важное свидетельство нежелания НАТО разрушать экономический потенциал Югославии. Более того, соблюдение принципа *двойного эффекта* представляется очевидным при нанесении ударов по смешанным объектам, таким, как электростанции (стремясь к благу, нельзя избежать зла). Смешанный характер цели уже *по определению* предполагает пусть и минимальный, но ущерб невоенным объектам.

9. СОРАЗМЕРНОСТЬ (*IN BELLO*)

Оценка уровня соразмерности операции «Союзная сила» требует дифференцированного подхода. Большинство атак на чисто военные цели были соразмерны. С одной стороны, ожидаемая польза от бомбардировки военных объектов достаточно реальна и непосредственна, а с другой — сопутствующий ущерб довольно ограничен благодаря использованию высокоточного и высокотехнологичного оружия. Тем не менее благоразумие не позволяет преувеличивать приписываемое этому оружию отсутствие риска. Во-первых, возможность человеческой ошибки или механического дефекта самого оружия сохраняется всегда. Во-вторых, высокая избирательная способность современного оружия сама по себе еще не дает гарантии его использования в благих целях. Применение подобного оружия нередко порождает необоснованную уверенность в адекватности его применения, а в случае ошибки последствия оказываются неприемлемыми с точки зрения сопутствующего ущерба. В-третьих, в случае, если противник стремится замаскировать военные объекты под невоенные (прячет, например, танки на гражданских заводах), принимаемые меры, с использованием высокотехнологичного оружия или нет, рискуют стать несоразмерными. Естественно, те, кто прибегает к подобным мерам, не только несут значительную долю ответственности за сопутствующий ущерб, но в конечном счете подрывают саму идею различия.

Гораздо менее очевидна соразмерность атак на смешанные или двойственные цели. Полезный результат, достигаемый посредством этих атак, носит стратегический характер. Разрушая дороги, мосты, склады горючего и т.д., НАТО, естественно, стремилась дезорганизовать, а со временем и вывести из строя югославскую военную машину. Вероятность того, что эта политика окажется успешной, следует оценить как высокую; в конечном итоге ни армия, ни полиция не могут успешно действовать без надежного тылового обеспечения. Главный недостаток этой политики связан с тем, что эффект ощущается не сразу. Напротив, бомбардировка двойных целей, например электростанций и центров телекоммуникации, имела более прямое влияние на достижение цели по той простой причине, что без коммуникаций и контроля невозможно функционирование армии.

Сопутствующий ущерб, связанный с бомбардировкой двойных объектов, следует оценить одновременно как значительный и неизбежный. Неизбежность сопутствующего ущерба следует, как уже было отмечено, из самой природы двойных целей. Значительные размеры ущерба объясняются тем, что разрушение большей части двойных целей имеет последствия как на макро-, так и на микроуровне. Например, бомбардировка электростанций, мостов и дорог отрицательно влияла на функционирование югославской военной машины и, конечно, подрывала экономический потенциал Югославии в целом и, следовательно, благосостояние мирных жителей. На микроуровне следует оценивать не только действительные разрушения непосредственно двойных объектов, но также (как и в случае бомбардировок чисто военных целей) нежелательные потери и материальный ущерб вблизи объекта. Другого рода сопутствующий ущерб, также относящийся к микроуровню, о котором следует упомянуть особо, связан с бомбардировкой электростанций. Хотя НАТО и стремилась свести к минимуму повреждения этих объектов путем использования «мягких бомб» (см. выше раздел 8 «Различие»), некоторые из непрямых последствий были по меньшей мере неоднозначны с моральной точки зрения. Удар по электростанциям означает отключение электроэнергии для больниц, инкубаторов в родильных домах и в насосных станциях¹. Действительно, в одном из случаев военные юристы, которые оценивали приемлемость потенциальных целей, полностью отвергли одну из электростанций как допустимую цель². С точки зрения принципа соразмерности военный характер двойной цели должен быть *очевиден*. Мост, который не может быть использован в военных целях (по причине его отдаленного расположения), имеет небольшую военную значимость и потому не может считаться оправданной (*legitimate*) целью.

10. ВЫВОДЫ

Хотя масштаб нарушений прав человека в Косово перед началом воздушной кампании все еще не определен, нет сомнения в том, что операция НАТО, направленная на прекращение гуманитарно-

---

¹ Michael Ignatieff quoted in *Judab T. Kosovo: War and Revenge*. P. 258.

² *Judab T. Op. cit.* P. 258.

го кризиса, была оправданной с точки зрения принципа *правого дела*. Но намерения НАТО были в лучшем случае смешанными. НАТО хотела продемонстрировать свою решимость, предприняв соответствующие военные действия в удобный момент. И все же с самого начала операции альянс ограничил себя высокотехнологичной, нарастающей воздушной кампанией с минимальным для себя риском. С точки зрения принципа *вероятности успеха* этот выбор является сомнительным. Нельзя остановить этнические чистки при помощи бомбометания с высоты 5 тыс. м. Тем не менее проблема заключается в том, что выбранная стратегия была единственно возможной, принимая во внимание внутривнутриполитические ограничения, существующие в странах—членах НАТО. Это был политический выбор: или ограниченная операция, или отсутствие операции вовсе. С точки зрения *соразмерности* это было полуоптимальное решение, основанное на компромиссе между эффективностью и попыткой удержать контроль над возможным прямым и косвенным ущербом. Наибольшие проблемы *ad bellum* связаны с принципом *легитимной власти*. С точки зрения права позиция НАТО была необоснованной. С точки зрения морали НАТО могла рассматриваться как *легитимная власть* ввиду исключительной тяжести ситуации и возможного вето в Совете Безопасности в случае голосования по косовскому вопросу. Хотя НАТО использовала вооружения и применяла правила ведения войны с высокой избирательностью и определенной степенью *соразмерности* (случайностей, конечно, полностью невозможно было избежать), моральная оправданность операции стала довольно сомнительной, когда НАТО начала включать в список целей так называемые двойные объекты. Сопутствующий ущерб, вызванный подобного рода бомбардировками, был одновременно неизбежным и значительным. Вступая в войну, НАТО полагала, что достаточно несколько дней бомбардировок, и Милошевич сдастся. Но вскоре пришлось убедиться в том, что Косово — это не Босния. В результате пришлось пережить 78 дней войны, в течение которых Милошевич заставил сильнейший в мире альянс принимать самые трудные решения.

Глава XII

ВМЕШАТЕЛЬСТВО НАТО В КОСОВСКИЙ КРИЗИС: ЧЬЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ?

Борис Кашиников

Легитимность войны НАТО против Сербии в марте 1999 г. стала предметом широкого обсуждения. Автор предыдущей главы, Карл Келеманс, утверждает, что в этой военной кампании справедливость была на стороне НАТО. Но это не единственно возможный вывод в рамках теории справедливых войн. В настоящей главе представлен иной анализ, который показывает, что, используя ту же теорию справедливых войн, можно прийти к совершенно иным заключениям.

1. ПРАВОО ДЕЛО?

Моральные аргументы сторонников натовской интервенции в Косово строились в основном вокруг утверждений о «широких и массовых нарушениях прав человека», совершенных сербскими военными и полувоенными формированиями в регионе. Впоследствии мы могли убедиться, что слухи об этих нарушениях были весьма преувеличены. Западные газеты пестрели сообщениями о громадном числе жертв среди гражданского населения, а некоторые даже говорили об опасности геноцида в отношении албанского населения Косово. НАТО обосновывала применение силы утверждением о необходимости гуманитарной интервенции. Это было сделано без знания реальных размеров предполагаемых нарушений. Нарушения прав человека действительно имели место, но число их жертв было значительно меньше, чем утверждалось. Количество массовых захоронений также оказалось значительно меньшим того, что утверждалось до войны и в ее ходе.

Для того чтобы оценить масштаб нарушений прав человека, имевший место до начала войны, необходимо понять природу конфликта, в который были вовлечены сербы и косовские албанцы. Этот масштаб, а также число военных преступлений обычно

Москва: Гардарики, 2002

зависят от природы войны и моральной позиции участников конфликта. Гражданские войны вообще и сепаратистские в частности являются наиболее жестокими. Как для косовских албанцев, так и для всех сербов (и в Косово, и за его пределами) этот регион является частью их священной отчизны. То обстоятельство, что сербы в Косово в настоящий момент составляют национальное меньшинство, не означает, что эта земля имеет для них меньшую ценность. В истории сербов Косово — это священная земля, колыбель национальной государственности, сравнимая по значению с Иерусалимом для евреев. По этой причине сербы не могут с легкостью отказаться от этих земель в пользу косовских албанцев. Это особенно верно в отношении косовских сербов, которые кроме всего прочего не хотели (и не хотят) покинуть свой край и жилища. По этой причине сербский народ имел весомое право, а сербское правительство весомый долг противостоять сепаратизму Освободительной армии Косово.

Нельзя отрицать, что последствия военных операций, проводимых как косовскими албанцами, так и сербами, были ужасающими для гражданского населения региона. Однако эти последствия не были из ряда вон выходящими по сравнению с последствиями других войн подобного рода и, разумеется, они не могли служить оправданием для новой войны с новыми человеческими жертвами. Потери среди гражданского населения в Косово надо рассматривать в контексте гражданской войны албанцев против сербских властей. Применяемая в таких случаях тактика (например, сербам приходилось отвечать на стрельбу, которая велась из деревень в густонаселенных районах) также должна быть принята во внимание. Но при этом число жертв не было так велико, как утверждали официальные лица НАТО. Иво Даалдер и Майкл О'Хэнлон, признающие легитимность операции НАТО, полагают, что число людей, убитых в Косово в 1998 г., было равно двум тысячам. Эта цифра включает в себя бойцов ОАК, а также гражданских лиц как сербской, так и албанской национальности¹. Сравнивая эти цифры с числом жертв среди гражданского населения в ходе военных

---

¹ «Несомненно, что уровень насилия в Косово до 24 марта 1999 г. был умеренным по меркам гражданских конфликтов и по сравнению с тем, что последовало во время бомбардировок НАТО» (*Daalder I., O'Hanlon M. Winning Ugly. NATO's War to Save Kosovo. Washington: Brookings Institution Press, 2000. P. 12*).

операций турок против курдов (которые также стремятся к получению автономии) или русских против чеченского правительства Джохара Дудаева в 1994—1996 гг.¹, нельзя не прийти в выводу о серьезных пробелах в аргументации НАТО. Можно предположить, что методы ведения войны как сербами, так и ОАК были несправедливыми; это вызывало правомерную озабоченность международного сообщества. Но степень этой несправедливости была далека от уровня, достаточного для оправдания военной интервенции.

Таким образом, война НАТО против Югославии не была правым делом. Ниже, рассматривая принцип соразмерности, мы сможем убедиться в том, что НАТО, возможно, принесла значительно больше жертв по причине «побочного эффекта» ее бомбардировок Югославии, чем те, что имели место в ходе самой гражданской войны 1998 г. Согласно Иво Даалдеру и Майклу О'Хэнлону, бомбардировки НАТО унесли жизнь 500 гражданских лиц в течение 78 дней войны, а сербских военнослужащих было убито примерно 1000. Однако, согласно некоторым сербским источникам, число убитых гражданских лиц может достигать 5700². Необходимо также принять во внимание гуманитарные последствия разрушения социальной и медицинской инфраструктуры.

Отрицание правого дела НАТО в этой войне не означает, что сербские власти и военные не совершали гнусных военных преступлений. Предстоит еще разобраться, до какой степени правительство было причастно к запланированному изгнанию албанского населения и кто именно должен нести ответственность за эти преступления. Сотни тысяч гражданских лиц, изгнанных из своих домов, воспринимались западными СМИ как жертвы «этнических чисток». Подобная деятельность подлежит суровому осуждению и наказанию. Но она не оправдывает ни чрезмерные преувеличения уровня нарушения прав человека в этой войне, ни дополнительные жертвы как следствие военной интервенции НАТО.

---

¹ До сих пор еще точно не установлено, сколько людей было убито в ходе первой российско-чеченской войны, но это число гораздо выше, чем в Косово. Анатолий Ливен полагает, что их может быть более 20 тыс. См.: *Lieven A. Chechnya. Tombstone of Russian Power*. New Haven and L.: Yale University Press, 1998. P. 108.

² *Daalder I., Hanlon M.* Op. cit. P. 240.

2. ЛЕГИТИМНАЯ ВЛАСТЬ?

Оценивая моральную ответственность, нельзя забывать о роли западных правительств и в особенности Правительства США. В дополнение к соображениям правоты дела натовская угроза силой и само применение силы выходят за рамки современного международного права. Устав ООН запрещает прибегать к угрозе силой или самой силе, кроме случаев самообороны (включая коллективную самооборону), за исключением случаев, когда имеется специальное разрешение Совета Безопасности.

Тем не менее американская администрация начала угрожать Сербии еще в 1992 г. без всякого на то разрешения. В своем письме Слободану Милошевичу в декабре 1992 г. Президент Буш предупреждал, что «... в случае конфликта в Косово по вине Сербии Соединенные Штаты будут готовы применить военную силу против сербов как в Косово, так и в самой Сербии». Это так называемое рождественское предупреждение повторила администрация Клинтона в 1993 г.¹ Угрозы были восприняты албанскими радикалами как очевидный сигнал к эскалации конфликта с последующим обвинением сербов в применении военной силы. Американская политика усилила позиции албанских сторонников насильственного решения проблемы. В то же время она оказалась разрушительной для той части албанского населения Косово, которая выбрала для себя путь ненасильственного сопротивления и стратегию компромисса.

Косовский кризис следует рассматривать как в значительной мере результат интервенционистской доктрины Билла Клинтона². Эта доктрина дала возможность ОАК прибегнуть к помощи НАТО путем демонстрации «зверств сербов». Так, ОАК сделала все возможное, для предотвращения вывода сербских войск из региона — вывода, обусловленного соглашением Милошевича/Холбрука в 1998 г. Это обстоятельство давало возможность ОАК и западным странам обвинить сербские власти в неспособности разрядить конфликт.

¹ *Daalder I., Hanlon M.* Op. cit. P. 9.

² *Roberts J.* Roots of Allied Farce // *The American Spectator*. 1999. Vol. 16, № 12. P. 35—38.

Государства — члены НАТО и сама НАТО утверждали, что они обладали правом несанкционированного применения силы с целью предотвращения массовых нарушений прав человека. Подобные утверждения имеют серьезные негативные последствия для развития международного порядка в сфере прав человека. Прежде всего, трудно найти универсальные и объективные критерии нарушения прав человека, которые могли быть единодушно приняты всеми государствами и применимы ко всем ситуациям во всех частях света. К тому же весьма сомнительно, что Соединенные Штаты и НАТО согласятся на то, что другие страны, например Россия и Китай, также получают право решающего слова в деликатных вопросах нарушений прав человека. В частности, дискриминация, отказ в правах гражданства и другие нарушения прав русскоязычного населения Латвии, например, все еще остаются предметом серьезной озабоченности российского правительства. Весьма сомнительно, чтобы западные страны согласились с правом российского военного вмешательства для разрешения этой проблемы. А что надлежит делать китайскому правительству в случае, когда оно сталкивается с фактами серьезных нарушений прав человека в отношении китайского населения в некоторых странах Юго-Восточной Азии? К счастью, как российское, так и китайское правительства демонстрируют сдержанность в подходе к подобным проблемам и действуют в рамках международного права. Напротив, союз НАТО провозгласил для себя право вмешательства в Косово, которое он не может признать за другими.

После завершения холодной войны и роспуска Варшавского блока НАТО претерпела серьезные изменения. В 1999 г. его экспансия на Восток привела к включению в альянс Венгрии, Польши и Чешской Республики, а также к созданию значительной программы военного сотрудничества, названного Партнерством ради мира (ПРМ). Это военное сотрудничество налаживалось со всеми странами — членами Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), за исключением Таджикистана, и представлялось как дополнение к усилиям ОБСЕ по стабилизации всего Евроатлантического региона. Большое число участников и высокая интенсивность сотрудничества позволили Генеральному секретарю НАТО Хавьеру Солане сделать в сентябре 1996 г. заявление о том, что ПРМ является наиболее успешной программой военного со-

трудничества в европейской истории¹. В декабре 1996 г. эта программа была дополнена политическим органом — Советом евроатлантического партнерства (СЕАП), в рамках которого страны — участницы ПРМ могли бы обсуждать вопросы создания новой системы безопасности в Европе. Благодаря подобной деятельности НАТО берет на себя некоторые обязанности, традиционно закрепленные за ОБСЕ. Это преобразование НАТО и его соперничество с ОБСЕ создают существенные проблемы для России. В то время как политическое сотрудничество в рамках ОБСЕ основывается на принципе равенства стран-участниц, дело обстоит по-другому в рамках такой организации по сотрудничеству, как СЕАП. К началу косовской интервенции НАТО и Россия уже с большим трудом находили общую почву для сотрудничества. Интервенция еще более ухудшила положение.

Во время Косовского кризиса НАТО предприняла новый важный шаг по изменению системы европейской безопасности. Оправдывая военные действия НАТО, его Генеральный секретарь Хавьер Солана заявил, что НАТО была обязана использовать силу без санкции Совета Безопасности ООН, поскольку этот международный орган доказал свою неспособность к действиям в сложившейся ситуации. Уже в 1998 г. он оправдывал угрозу силой со стороны НАТО ссылаясь на невозможность быстрого принятия резолюции Совета Безопасности, разрешающей применение силы². Это означает, что НАТО начала рассматривать себя не как дополнение к ОБСЕ, но скорее как организацию, призванную заменить ООН. Другие страны, в особенности Россия и Китай, весьма озабочены этой эволюцией. Похоже, что НАТО создает новую доктрину международных отношений, в которой она намерена играть ведущую роль, что скорее всего сделает мир гораздо менее безопасным. В случае, если подобные односторонние решения в вопросах войны и мира станут нормальной практикой, вопросы прав человека могут служить оправданием для любого рода интервенции со стороны стран, имеющих на то военные возможности.

¹ *Coppieters B.* Between Europe and Asia: Security and Identity in Central Asia // *Security and Identity in Europe Exploring the New Agenda* / Eds L. Aggestam, A. Hyde-Price. L.; N.Y.: Macmillan; St. Martin, 2000. P. 196.

² *Guicherd C.* International Law and the War in Kosovo // *Survival*. 1999. Vol. 41, № 2. P. 27, а также анализ Карла Келеманса в настоящем сборнике.

3. ДОБРЫЕ НАМЕРЕНИЯ?

Союз НАТО не является монолитным блоком. Не все члены НАТО присоединились к военной операции против Сербии с одинаковым энтузиазмом. Хотя в конце концов всех их убедили присоединиться к операции, каждый сделал это в силу своих собственных соображений. Но в числе стран — членов НАТО особо следует выделить США. Именно их позиция стала решающей для начала войны. Приведенный список намерений основан на публичных и научных дебатах о войне, в ходе которых отдельные лица или группы лиц высказывали свои соображения по поводу того, какие именно намерения той или иной страны НАТО могли быть решающими для развязывания войны. Утверждалось, что война была начата с целью:

- 1) навязать сербскому правительству волю блока НАТО;
- 2) ослабить военные силы Сербии;
- 3) завладеть стратегическим положением на Балканах;
- 4) подкрепить убедительность натовских угроз силой;
- 5) объединить НАТО и усилить возможности стратегического взаимодействия;
- 6) завладеть стратегическими минеральными ресурсами региона;
- 7) испытать новые вооружения и военное ноу-хау в реальном деле;
- 8) утилизировать устаревшие ракеты и системы вооружения до того, как выйдет срок их безопасного хранения;
- 9) оказать гуманитарную помощь всем жителям Косово и положить конец вооруженным этническим конфликтам в этом регионе.

Среди этих разнообразных намерений только 9-е является добрым. Это означает, что только оно имеет непосредственное отношение к официально провозглашенному НАТО правому делу. Некоторые из этих намерений вопиюще аморальны (6, 7 и 8). Если удастся доказать, что любое из них сыграло главную роль в решении начать войну, всю военную операцию придется считать однозначно несправедливой. Остальные намерения (1—5) сами по себе ни моральны, ни аморальны. Их моральный характер зависит от их отношения к провозглашенному правому делу. Они легитимны лишь в той мере, в какой они имеют отношение к его реализации. Если это отношение не подтверждается, например, при

помощи доказательства, что НАТО не имела реального намерения оказать гуманитарную помощь или что это доброе намерение не было главным в решении применить силу, тогда и эти намерения должны быть рассмотрены как аморальные или недобрые¹.

Разумеется, НАТО не устает повторять, что ее главным намерением было оказать гуманитарную помощь Косово. Действительно, именно это намерение снискало общественную поддержку в странах НАТО. Но нелегко доказать, что именно это было главным намерением НАТО. Можно, однако, проследить, имела ли НАТО такое намерение в подобных конфликтах, и легко доказать, что не имела. НАТО ничего не сделала для спасения сербского населения Краины в Хорватии. В 1995 г. хорватские войска беспрепятственно изгнали оттуда все сербское население — более полумиллиона человек, и дома многих из них сравняли с землей. Эта этническая чистка была предпринята в нарушение резолюций Совета Безопасности. Страны НАТО оказали сильное дипломатическое давление на Хорватию с целью остановить эту политику, но они не ввели санкций и не приняли мер воздействия, подобных тем, что были применены против Сербии. Трудно предположить, что за четыре года НАТО полностью изменила свои моральные стандарты и что в 1999 г. она уже следовала гуманитарной политике, которая полностью отсутствовала ранее. Куда более вероятно, что намерение обеспечить гуманитарную помощь не было главным и являло собой просто прикрытие для более сильных намерений.

Отсутствие сильных гуманитарных устремлений подтверждают также и сам способ ведения войны, и осуществление НАТО послевоенного восстановления. Использование военной силы НАТО вело к широкому и массовому нарушению прав человека. После достижения окончательного соглашения с сербским правительством НАТО так и не смогла разоружить ОАК. Не обеспечила НАТО и безопасность оставшегося сербского населения. Убийства и изгнания сербов и других меньшинств продолжились и после того, как НАТО взяла Косово под свой контроль. Продолжилось также разрушение сербских исторических и культурных памятников радикальными албанскими косоварами. НАТО не проявляла

---

¹ Эта трактовка вопроса о том, соблюдался ли принцип добрых намерений или нет, соответствует второму подходу в нашем анализе возможных взглядов по данному вопросу, изложенных в предыдущей главе о принципе добрых намерений.

более той твердости, которую она всего несколькими месяцами ранее демонстрировала в отношении Сербии¹. Отсюда следует сделать вывод, что намерение обеспечить гуманитарную помощь, если и существовало, было очень слабым и не самым главным в решении начать войну. Определяющими оказались другие, более сильные из перечисленных выше намерений, и это позволяет заключить, что принцип добрых намерений не был соблюден.

4. ВЕРОЯТНОСТЬ УСПЕХА?

Что касается принципа вероятности успеха, то здесь некоторые сторонники НАТО чувствуют себя уверенно. Сербия вряд ли могла быть серьезным противником объединенным силам. Подобный акцент на военном превосходстве НАТО являет собой, однако, образчик слишком узкого подхода. Принцип вероятности успеха требует более широкого понимания успеха, нежели военное превосходство на поле брани. Кроме того, НАТО представила весьма значительный список политических целей, которые она желала достичь военными средствами. В соответствии с рамочным документом, принятым в Рамбуйе и его военными статьями, главными целями операции НАТО были:

- 1) гарантированное приостановление всех военных действий и немедленное прекращение насилия и репрессий;
- 2) вывод из Косово сербских военных, полицейских и полувоенных формирований;
- 3) размещение в Косово войск НАТО и их свободное перемещение по всей югославской территории;
- 4) безоговорочное и безопасное возвращение всех беженцев и перемещенных лиц в Косово;
- 5) убедительное подтверждение намерения Милошевича работать в рамках документов Рамбуйе с целью достижения политического решения;
- 6) начало политического процесса, направленного на установление временного политического соглашения, которое обеспечи-

---

¹ Иво Даалдер и Майкл О'Хэнлон находят удивительное оправдание убийствам и изгнаниям сербов после победы объединенных сил НАТО и ОАК: косовским албанцам «следует простить некоторую паранойю, даже если их мстительные нападения на сербов нельзя оправдать» (*Daalder I., O'Hanlon M. Op. cit. P. 16*).

вало бы существенное самоуправление для Косово с уважением территориальной целостности Югославии и прав национальных меньшинств всех косоваров;

7) всесторонний подход к экономическому развитию и стабильности в Косово.

НАТО не имела никаких шансов победить Сербию в наземной войне, в основном по причинам не военного, а политического характера. Наземная война с ее многочисленными жертвами с обеих сторон вызвала бы сильную оппозицию во многих странах НАТО, включая США. Это в свою очередь привело бы к обострению противоречий между членами альянса, к отсутствию необходимого консенсуса, окончанию военных операций и поражению НАТО. Учитывая это, НАТО решила полагаться исключительно на воздушные силы. Эта стратегия противоречила провозглашенным гуманитарным целям и способствовала этническим чисткам в отношении косовских албанцев сербами во время войны и косовских сербов албанцами после войны. Действуя таким образом, НАТО не могла успешно выполнить провозглашенные гуманитарные цели.

Если подвести итог достижений НАТО по окончании войны с учетом поставленных ей целей, баланс будет отрицательным. Были достигнуты лишь некоторые дипломатические и гуманитарные цели; например возвращение косовских албанцев в свои дома (хотя есть все основания полагать, что это было бы легче сделать без применения силы). Другие цели, такие, как создание действенной гражданской администрации или эффективная защита прав меньшинств, все еще не реализованы.

Присутствие НАТО, даже под эгидой ООН, не решает проблем региона. Оно рождает у албанского населения иллюзорные надежды на то, что их регион скоро добьется независимости. Радикальные сербские националисты строят планы мести, которые, возможно, они попытаются реализовать, когда будут выведены войска НАТО. Насилие и преступность, между тем, не прекращаются. С возвращением косовских албанцев косовские сербы оказались в положении жертвы. О безопасном возвращении 100 тыс. беженцев (сербы, цыгане и другие меньшинства) не может быть и речи. Продолжающиеся этнические чистки этих меньшинств превращают в насмешку и свободные выборы, и принцип самоуправления в Косово. Как отмечал в своем письме протеста относительно роли

КФОР (военных сил НАТО в Косово) православный епископ Раски и Призрена, «теперь албанцы угнетают сербов и другие неалбанские общины и совершают те же самые преступления против них, которые совершались против албанцев во времена режима Милошевича. Но эти преступления совершаются уже в мирное время и в присутствии КФОР, нередко прямо перед его глазами»¹.

НАТО оказалась неспособной предотвратить эскалацию этнических конфликтов и в других странах. В апреле 2001 г. Президент Македонии Борис Трайковский заявил в своем обращении к Комиссии ООН по правам человека в Женеве, что его стране также угрожает нестабильность, представляющая собой «прямой экспорт из Косово». Он призвал к «срочному и систематическому» разоружению населения Косово и немедленному наказанию террористов и «вооруженных экстремистов». Согласно имеющимся оценкам, столкновения в данном районе уже привели к появлению 30 тыс. беженцев². Не лучше и ситуация в южной Сербии, подвергающейся атакам албанских повстанцев. С начала 2000 г. албанские партизаны используют некоторые части буферной зоны между Косово и Сербией, которая была демилитаризована в конце войны, как плацдарм для нападения на силы безопасности в южносербском районе долины Прешево.

Существуют различные типы миротворческих операций. Для оценки шансов на успех операции НАТО в Косово необходимо определить, к какому типу миротворческих операций она относится. Шансы на успех любой подобной операции без полной поддержки самих враждующих сторон минимальны. К сожалению, в Косово мы имеем именно этот тип миротворческой операции. Чарльз Краутхаммер пишет об этом так: «Логическим завершением любой гуманитарной интервенции является миротворчество. Урок последнего пятидесятилетия гласит, что миротворчество возможно лишь тогда, когда враждующие стороны уже получили сполна и нуждаются только в беспристрастном арбитраже для поддержания доверия — Синай являет собой классический пример, — но миротворчество при отсутствии этого необходимого условия есть дело бессмысленное»³. Бессмысленность этой затеи частично

---

¹ *Littman M.* Kosovo: Law and Diplomacy. L.: Center for Policy Studies, 1999. P. 45.

² См.: <http://www.un.org/peace/kosovo/news/kosovo2.htm#Anchor27>.

³ *Krauthammer C.* The Short, Unhappy life of Humanitarian War // *The National Interest*. Fall 1999. P. 8.

проистекает и из того обстоятельства, что, проводя миротворческую операцию без четкого мандата на это враждующих сторон, мы тем самым рискуем навлечь на себя обвинение в пристрастности и стать объектом нападений со стороны местных сил. Это случилось в Сомали, Нагорном Карабахе и других местах, где пытались навязать мир силовым путем. Теперь это происходит в Косово. Не только российские, но уже и американские военнослужащие стали жертвами насилия со стороны албанских радикалов в Косово. Очевидно, что решение об этой военной интервенции НАТО было принято поспешно, без учета реалистичных целей и в отсутствие ясного представления о способах умиротворения региона и стратегии выхода.

5. КРАЙНЕЕ СРЕДСТВО?

Принцип крайнего средства требует прибегать к войне лишь в случае, когда все мирные средства решения кризиса исчерпаны. Этот принцип был нарушен НАТО. Еще оставались возможности для переговоров на основе взаимных компромиссов. Тем не менее НАТО заявила, что все переговоры, включая те, что проводились в Рамбуйе, потерпели неудачу до того, как было принято решение о начале воздушной кампании. В действительности переговоры в строгом смысле этого слова, собственно, и не было. В феврале 1999 г. начался первый раунд переговоров в Рамбуйе в рамках Контактной группы (США, Великобритания, Франция, Германия, Италия и Россия)¹. 6 февраля конференция должна была обсудить общие принципы решения проблемы, включая автономный статус Косово, которые были предложены Контактной группой. Но делегациям раздали только так называемое Временное соглашение о мире и автономии в Косово и Метохии (рамочный документ) и три дополнения: о конституции Косово, выборах в местные органы власти и правовой системе. Сербская делегация приняла все условия соглашения, настаивая только на гарантиях территориальной целостности. 23 февраля Контактная группа объявила о наличии прогресса на переговорах и возможности скорого достижения политического решения.

¹ Гуськова Е. Динамика Косовского кризиса и политика России // Косово: международные аспекты кризиса / Под ред. Д. Тренина и Е. Степановой // Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 1999. С. 57—66.

Но окончательный текст соглашения был представлен сторонам лишь в самый последний день переговоров. Как оказалось, две трети его содержания стали полной неожиданностью для сербской делегации. Кроме того, два приложения к тексту составила вовсе не Контактная группа, а представители НАТО. Российский представитель отказался подписать эти приложения. Согласно этим драконовским приложениям, войска НАТО должны были размещаться в Косово безоговорочно и без каких-либо условий. В соответствии с текстом документа НАТО получала «свободный и беспрепятственный доступ ко всей территории Федеративной Республики Югославии», включая Сербию. Сербская делегация заявила о невозможности даже простого обсуждения этих условий. Сербии был предъявлен ультиматум: либо согласие на то, что она с полным основанием могла считать оккупацией своей территории иностранной военной силой, либо воздушные удары. Сербия под таким давлением согласилась подписать политическую часть Временного соглашения. Она согласилась также и на международное присутствие, характер которого должен был быть оговорен позже. По достижении этого соглашения Сербия была готова к обсуждению условий и рамок международного военного присутствия в Косово. 15 марта 1999 г. начался второй раунд переговоров в Париже. Но предложения сербской делегации были отвергнуты. Албанцам разрешили подписать соглашение в одиночку. Российская делегация отказалась визировать это соглашение.

Все эти события показывают, что ответственность за срыв переговоров лежит на США и НАТО. Марк Литман делает справедливое заключение, что НАТО не предприняла всех необходимых усилий для поиска компромисса. Далее он продолжает: «...В критический момент переговоров в Рамбуйе НАТО свернула дипломатию, заменив ее пакетом заведомо неприемлемых требований, содержащихся в документе, который Генри Киссинджер назвал «ужасным дипломатическим документом», «провокацией» и «оправданием для начала бомбардировок». Вполне вероятно, что будь условия, на которые согласились в конце кампании, выдвинуты в Рамбуйе, можно было бы избежать как этнических чисток, так и войны»¹.

---

¹ *Littman M.* Op. cit. P. V.

Литман делает вывод, что условия, о которых договорились НАТО и сербское правительство в конце войны, содержали серьезные уступки по сравнению с первоначальными требованиями НАТО. Эти условия следующие:

- 1) размещенные в Косово международные силы должны находиться под юрисдикцией Совета Безопасности ООН;
- 2) эти международные силы помимо НАТО должны включать и российские войска;
- 3) создаваемая гражданская администрация должна быть подконтрольна Совету Безопасности ООН;
- 4) войска не будут иметь доступа в другие части Югославии, за исключением Косово¹.

Размер уступок НАТО свидетельствует о нереальном характере первоначальных требований. Действительно, условия, на которых было достигнуто согласие о прекращении бомбардировок, включали серьезные отступления от буквы Рамбуйе, что нельзя назвать иначе как уступкой сербам. Верховную власть в Косово получил Совет Безопасности ООН вместо НАТО, что предоставляло России — стране, дружественной сербам, право вето. В то время как документ, выработанный в Рамбуйе, давал силам НАТО беспрепятственный доступ ко всей территории Югославии, включая Сербию, июньское соглашение предоставляло союзу свободу действий лишь в Косово. Имея все это в виду, Майкл Мандельбаум замечает: «Мы никогда не узнаем, можно ли было избежать войны, если бы все эти изменения были предложены до начала бомбардировок и сопровождалось более весомым присутствием ОБСЕ в Косово. Очевидно, что руководители НАТО не собирались идти на уступки, будучи убеждены, что несколько показательных залпов быстро поставят сербов на колени»². Так злонамеренное предубеждение проложило дорогу войне. Это означает, что НАТО сознательно отказалась от серьезных усилий найти дипломатическое решение и предпочла пойти на применение военной силы.

¹ *Littman M.* Op. cit. P. 13. Это соглашение еще раз подтвердило принцип территориальной целостности Югославии и намерение сторон разоружить ОАК, которое уже было выражено членами НАТО перед войной.

² О Косовской войне как непреднамеренном последствии политических ошибок см.: *Mandelbaum M.* A Perfect Failure // *Foreign Affairs.* September/October 1999. Vol. 78, № 5. P. 2—8.

6. СОРАЗМЕРНОСТЬ (*AD BELLUM*)?

Была ли военная операция соразмерна масштабу проблем, которые предстояло решать в Косово? Отвечая на этот вопрос, следует попытаться установить, перевешивают ли ожидаемые от операции блага ее возможные негативные последствия. В расчет должно приниматься только моральное благо, но не геополитические интересы НАТО или повышение ее кредитоспособности. Мы рассмотрим этот вопрос в послевоенном ракурсе и в свете имеющейся у нас новой информации.

Позитивным можно назвать то, что вследствие интервенции НАТО уровень насилия, имевший место до марта 1999 г., был значительно снижен и албанские беженцы смогли вернуться в свои дома. Негативным следствием остается то, что, как мы уже говорили, вооруженный этнический конфликт так и не был остановлен. Более того, окончание войны ознаменовало начало новой волны этнических чисток, теперь уже по отношению к косовским сербам. Кроме того, цена войны оказалась ужасной для гражданского населения Сербии и Косово. Множество людей были убиты и ранены, экономике и окружающей среде был нанесен большой ущерб. Интервенция НАТО ослабила глобальную систему международной безопасности, основанную на исключительном авторитете Совета безопасности ООН в вопросах военного вмешательства и угрозы вмешательства во внутренние этнические конфликты. Этот краткий перечень плюсов и минусов нуждается в дальнейшем уточнении.

Принцип соразмерности принимает во внимание как то, что сделала НАТО, так и то, что сделали сербы, хотя война и была начата НАТО. Что касается сербов, то они в наибольшей степени несут ответственность за действия своих военных и полувоенных формирований по изгнанию косовских албанцев из их домов. Это нарушения законов войны в рамках принципов *jus in bello*. Но противники решения НАТО начать войну заранее указывали, что если начнется война, то таких преступных действий следовало ожидать от сербских властей и полувоенных формирований. Эта точка зрения была высказана даже генералом Уэсли Кларком, главнокомандующим силами НАТО в Косово. Он заявил, что с началом воздушной кампании НАТО сербский террор и насилие усилятся. Рассматриваемые вместе действия и сербов, и НАТО привели к следующим печальным последствиям:

- 1) гибель по меньшей мере 500 гражданских лиц в качестве прямого результата натовских бомбардировок¹;
- 2) гибель 10 тыс. албанцев, убитых сербскими военными и полувоенными формированиями и изгнание сотен тысяч косовских албанцев;
- 3) гибель тысячи сербских военнослужащих, убитых НАТО в ходе военных действий²;
- 4) разрушение значительной части сербской и косовской экономики;
- 5) гибель 300 сербов, убитых в Косово албанцами в первые девять месяцев после войны³;
- 6) изгнание почти 200 тыс. косовских сербов и представителей других меньшинств⁴;
- 7) экологические последствия, масштаб которых еще предстоит определить;
- 8) делегитимация Совета Безопасности ООН и создание исторического прецедента для подобных интервенций;
- 9) продолжающаяся нестабильность в регионе;
- 10) превращение Косово в оплот организованной преступности.

Говоря о «косвенных» результатах этой военной операции, следует учесть, во-первых, гибель трех граждан КНР и серьезные разрушения китайского посольства в результате авиаудара, нанесенного по ошибке американской авиацией. Эта трагедия шокировала Китай, а равно и мировое общественное мнение и привела к острым противоречиям между членами НАТО. Во-вторых, интервенция стала возможной благодаря военному превосходству НАТО над сербскими силами. Главным косвенным последствием подобной политики стало увеличение военных расходов в различных частях мира. Государства почувствовали острую необходимость пополнения своих военных arsenалов. Для бедных стран это может означать только сокращение невоенных

---

¹ Согласно отчету «Хьюман райтс уотч», по меньшей мере 500 югославских граждан погибли в ходе 90 отдельных инцидентов в течение 78 дней бомбежек. Как указывается в этом отчете, НАТО нарушила международное гуманитарное право как в определении целей, так и в самом бомбометании. Этот отчет был распространен 7 февраля 2000 г.: <http://www.hr.w.org/press/2000/02/nato207.htm> (по состоянию на 5 мая 2001 г.).

² Daalder I., O'Hanlon M. Op. cit. P. 154.

³ Ibid. P. 196.

⁴ Ibid. P. 177.

статей их национальных бюджетов. В-третьих, косвенным последствием стало (и все еще остается) укрепление сепаратистских движений во всем мире. Свои позиции укрепили радикальные албанские силы в соседней Македонии, стремящиеся к объединению с Албанией. Надежды на международное признание независимости Косово еще более придали уверенности сепаратистским силам в Чечне. Сепаратистское руководство Абхазии провозгласило независимость в 1999 г. и отказалось вести переговоры о федеративном устройстве с Грузией. Руководство Абхазии надеялось, что международное признание Косово проложит дорогу международному признанию ее собственной независимости¹. В-четвертых, получили поддержку и те силы в правительствах, которые в своем противостоянии сепаратизму привыкли отвергать трудный путь переговоров и компромисса в пользу силового решения. Примером может служить российская политика в Чечне (новая военная кампания в Чечне была начата в сентябре 1999 г., через несколько месяцев после косовской кампании НАТО). Аналогичные тенденции оживились и в грузинской политике в отношении Абхазии. Президент Грузии Эдуард Шеварднадзе неоднократно обращался к НАТО с призывом оказать ему поддержку с тем, чтобы по примеру Косово разрешить абхазский конфликт силовым путем.

Совершенно очевидно, что косвенное воздействие войны в Косово на происходящие в мире конфликты противоречит интересам атлантического альянса. В результате правительства стран НАТО вынуждены были предпринимать последовательные дипломатические усилия с целью объяснить, что их собственный пример не следует воспринимать как универсальную модель для решения сепаратистских конфликтов и что они все еще считают путь переговоров наиболее приемлемым.

7. ПОЗОР ПОБЕДЫ (*JUS IN BELLO*)

Большинство наблюдателей независимо от того, являются ли они противниками или сторонниками интервенции НАТО, сходятся во мнении, что операция НАТО была далеко не идеальной в свете

---

¹ Об этом заявил президент Абхазии Владислав Ардзинба в интервью Бруно Коппитерсу в Сухуми от 13 ноября 2000 г.

принципов соразмерности и различия *jus in bello*. Один из главных результатов операции состоял в том, что она вряд ли соответствовала провозглашенной гуманитарной природе этой войны.

Нельзя отрицать, что НАТО старалась придерживаться этих принципов. Список целей тщательно выверялся, и ход военных действий находился под контролем, что делалось частично и из прагматических соображений. Альянсу приходилось принимать во внимание общественное мнение в странах, входящих в альянс, особенно те его течения, которые противились войне. Следовало учитывать и критику стран — принципиальных противников войны — России и Китая. Все это представляло собой сильный сдерживающий фактор для действий НАТО.

Два основных фактора повлияли на недостаточное соблюдение принципов соразмерности и различия (*jus in bello*). Во-первых, отказ сербского руководства подчиниться привел к эскалации бомбовых ударов и появлению в списке мишеней «пограничных целей». Бомбы посыпались на нефтеперегонные заводы, топливные склады, мосты и дороги. Все эти объекты могут использоваться военными, но они имеют жизненно важное значение и для гражданских лиц. Их военное значение не настолько велико, чтобы они могли стать оправданной целью военного нападения.

Во-вторых, натовская стратегия нулевых потерь вряд ли способствовала торжеству принципа различия. Пилотам приходилось наносить удары с высоты 15 тыс. футов. Не удивительно, что это вело к множеству ошибок с фатальными последствиями для гражданского населения. Это упоминавшийся уже ошибочный удар по косовским албанцам в окрестностях Дьяковицы, в результате которого погибли несколько десятков человек. В другой раз пилот НАТО непреднамеренно выпустил две ракеты в поезд, проходивший по мосту в Грделичке Клишуре в Южной Сербии, в результате чего погибли 20 человек.

Некоторые еще более вопиющие факты связаны с применением кассетных бомб (которые США, по сообщению организации «Хьюман райтс вотч», перестали применять лишь в мае¹) и оружия с расщепленным ураном. Масштаб негативных последствий от применения этого оружия для здоровья людей еще точно не известен,

¹ Отчет «Хьюман райтс вотч» от июня 1999 г. <http://www.hrw.org/reports/1999/nato2/index.htm> и отчет от 7 февраля 1999 г., <http://www.hrw.org/press/2000/02/nato207.htm>.

но он может оказаться значительным. Проанализировав экологические последствия применения оружия с расщепленным ураном в Косово в 1999 г., Программа по охране окружающей среды ООН рекомендовала 13 марта 2001 г. принять меры предосторожности в районах, подвергшихся ударам этим оружием¹.

Организация «Хьюман райтс вотч» в своем докладе 7 февраля 2000 г. сделала вывод, что причиной трети всех инцидентов и более половины всех смертных случаев были преднамеренные атаки на незаконные или сомнительные цели. Девять инцидентов были результатом атак на невоенные цели. Они включают в себя котельную и семь мостов, которые не были крупными транспортными магистралями и не использовались в военных целях².

Большое количество гражданских целей было поражено из-за расширения списка мишеней за счет включения в него пограничных объектов, отказа НАТО подвергать риску своих пилотов и сознательного решения увеличить экономическую и социальную цену войны для Сербии. Многие пограничные цели включали в себя шоссе, железные дороги, мосты, электростанции, разнообразные фабрики, предприятия пищевой промышленности и заводы по переработке сахара, табачные фабрики, гражданские отопительные установки, радио- и телевизионную вышку, почтовые отделения, невоенные административные здания, правительственные резиденции, нефтеперегонные заводы, гражданские аэропорты, заправочные станции и химические заводы. Бомбы падали на национальные парки и заповедники. Серьезный ущерб был нанесен многим религиозным и культурным объектам, среди них церкви и монастыри³. Были повреждены насосные станции и водохранилища. Насосы оказались обесточены. В результате 70% двухмиллионного населения Белграда осталось без воды, а город получал лишь 10% необходимой воды⁴.

Некоторые из этих подвергались преднамеренным ударам (например, радио- и телевизионная башня в Белграде), другие были разрушены случайно. Примечательно то, что серьезного расследования для установления, почему и до какой степени преднаме-

---

¹ См.: <http://www.un.org/peace/kosovo/news/kosovo2.htm#Anchor27>.

² Отчет «Хьюман райтс вотч» <http://www.hrw.org/hrw/press/2000/02/nato207.htm>.

³ Гуськова Е. Указ. соч. С. 65—66.

⁴ Hayden R. Humanitarian Hypocrisy: <http://jurist.law.pitt.edu/hayden.htm>.

ренно подверглись нападению эти гражданские объекты, так и не было предпринято. Но очевидно, что лишить гражданское население воды путем разрушения водоснабжения — это хрестоматийный пример нарушения международного гуманитарного права. В соответствии с традицией справедливых войн одна из главных причин, почему следует всячески избегать войны, заключается в том, что ошибки политических лидеров и военачальников почти всегда имеют драматические последствия для гражданского населения. В некоторых случаях такие ошибки могут рассматриваться как военные преступления. Значительный ущерб собственности, не обусловленный военной необходимостью, также должен рассматриваться как преступление. По мнению Роберта Хейдена, тот факт, что прокурор Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии выдвинул подобные обвинения против лидеров боснийских сербов Радко Младича и Радована Караджича, но отказался сделать это по отношению к НАТО, отнюдь не свидетельствует о беспристрастной справедливости¹.

Аргументы Иво Даалдера и Майкла О'Хэнлона² в пользу того, что нарушения принципов различия и соразмерности были мало-значительны по отношению к целям НАТО, выглядят неубедительно. Как было показано выше, при рассмотрении различных принципов справедливой войны *jus ad bellum* эта война не имеет гуманитарного оправдания. Данный тезис подтверждается и способом ведения войны. Принципы *jus in bello* также не соблюдались. Если война провозглашается в качестве гуманитарной, должны использоваться средства, соответствующие этой цели. Противоречие между ними ярко проявилось в Косово.

---

¹ Лидеры боснийских сербов были обвинены прокурором Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (ICTY) в «крупных разрушениях собственности»: «что они индивидуально и вместе с другими планировали, подстрекали, приказывали и иным образом способствовали и участвовали в планировании, подготовке или осуществлении крупного, необоснованного и незаконного разрушения собственности, не оправданного военной необходимостью, или знали, или должны были знать, что их подчиненные собираются разрушить или разрешают другим разрушать (...) собственность, или уже сделали это и не предприняли никаких действий для предотвращения разрушения или наказания виновных» (Hayden R. Humanitarian Hypocrisy // <http://jurist.law.pitt.edu/hayden.htm>).

² Daalder I., O'Hanlon M. Op. cit. P. 182—227.

8. ВЫВОДЫ

Война значительно ухудшила положение балканских народов. Но еще более важно, что мир вновь оказался на грани нестабильности, поскольку альянс НАТО отверг нормы международного права и встал на путь произвольного использования своей военной мощи. Мир с этого момента стал более опасным местом для жизни, в особенности для более слабых стран. Система безопасности, основанная на легитимном авторитете Совета Безопасности ООН, дает хотя бы некоторые гарантии защиты более слабых в военном отношении государств от государств-хищников. Однако в случае, если тенденции нарушения международного права со стороны НАТО получат развитие, и эти слабые гарантии будут уничтожены.

Наиболее вопиющий характер имеет, по всей вероятности, нарушение НАТО принципа законной власти в марте 1999 г. Но и другие принципы традиции справедливой войны также не были соблюдены. Гуманитарная интервенция в Косово превратила то, что можно считать жестоким подавлением жестокого вооруженного восстания, в гуманитарную катастрофу и привела к первым массированным бомбардировкам европейской страны после Второй мировой войны. В то же время НАТО превратила себя из оборонительного союза в первого со времен советского вторжения с Венгрию в 1956 г. и в Чехословакию в 1968 г. надменного агрессора в Европе. С этой точки зрения термин «гуманитарная интервенция», употребляемый теми, кто стремится оправдать действия НАТО, представляется неуместным.

Глава XIII
ПОСЛЕ КОСОВО:
МОРАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ
ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

*Ши Иньхун
Шень Чжисюн*

Начиная с 1990-х гг. проблема гуманитарной интервенции стала одной из наиболее важных в дискуссиях, касающихся международных отношений. В Китайской Народной Республике исследования гуманитарной интервенции фокусируются в основном на политических аспектах проблемы. Китайские ученые критикуют американский гегемонизм, который имеет прямое отношение к такого рода интервенциям. Такой критический подход, без сомнения, имеет смысл. Но для понимания того, почему в 1990-х гг. гуманитарные интервенции столь часто становились инструментом международных отношений, недостаточно внимания только к политическим аспектам их проведения. Для этого необходимо проанализировать гуманитарную интервенцию с точки зрения этики международных отношений и международного права. Необходимо установить ее рациональные основания в современной политике и проанализировать свойственные ей этические и правовые противоречия. На основе такого понимания мы предложим некоторые обоснованные ограничения, которые необходимо ввести по отношению к гуманитарной интервенции. Эти ограничения могут постепенно быть признаны международным сообществом и возобладать в общественном мнении.

1. ПОНЯТИЕ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Первым проблемы гуманитарной интервенции рассматривал Гуго Гроций — «отец-основатель» современного международного права. Обсуждая в своем главном труде «О праве войны и мира» отношения между государством и его гражданами, он указывал: если правитель подвергает гонениям своих подданных и при этом

Москва: Гардарики, 2002

само их существование как людей не может более быть гарантировано, то человеческое сообщество имеет право силой оружия остановить эти гонения¹. Как считал один из наиболее известных правоведов XX в. Г. Лаутерпрахт, это можно считать первым авторитетным утверждением принципа гуманитарной интервенции². С начала XIX в. и до 1980-х гг. было предпринято несколько интервенций во имя гуманитарных целей³. Изменения произошли в период после холодной войны. В это время существенно увеличилась частота интервенций, совершаемых по гуманитарным мотивам, и усилилось внимание людей и правительств к этой проблеме. Однако, хотя гуманитарные интервенции стали существенным фактором международных отношений, они воспринимаются неоднозначно международным сообществом. Отсутствие единодушия в этом вопросе может быть объяснено рядом причин. В различные исторические периоды гуманитарная интервенция понимается по-разному, и ее проведение определяется разными регулятивными принципами⁴. Более того, в международной политике государства вообще придерживаются противоречивых идеологических концепций и ценностей. Наконец, отдельные деятели, ответственные за принятие решения относительно интервенции, нередко произвольно интерпретируют ее значение в соответствии со своими особыми политическими интересами. Поэтому необходимо кратко определить понятие гуманитарной интервенции, прежде чем исследовать ее с этической или правовой точек зрения.

---

¹ Гроций Г. О праве войны и мира Кн. II, гл. XXIV, § VIII, 2. Указ. соч. С. 562–563.

² См.: Lauterpacht H. The Grotian Tradition in International Law // International Law: A Contemporary Perspective / Eds. Richard Falk et al. Boulder/Colorado: Westview Press, 1985. P. 28. Подробнее см.: Ши Иньхун, Хуо Иакун. Гуодзя жукунь, пуянъ даодэ хэ гуоджифа — Гроциус де гуоджигуанъси сисянь (Государственный суверенитет, универсальная этика и международное право: взгляды Гроция на международные отношения) // Оузо (Европа). 2000. Т. 6. С. 16.

³ В новой европейской истории мы знаем об интервенции Франции и России в Грецию (1821–1827) и французской интервенции в Ливан (1860–1861). В конце XIX в. США вступили в войну с Испанией из-за гуманитарных проблем (1898). В эпоху холодной войны в качестве гуманитарных можно рассматривать интервенцию Индии в Восточный Пакистан (Бангладеш) (1971), интервенцию Вьетнама в Камбоджу (1979) и Танзании в Уганду (1979).

⁴ Об этом см.: Finnemore M. Constructing Norms of Humanitarian Intervention // The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics / Ed. P. Katzenstein. N.Y.: Columbia University Press, 1996. P. 153–185.

Строго говоря, гуманитарная интервенция представляет собой особую форму принудительных действий, предпринимаемых международным сообществом в определенном государстве без согласия со стороны последнего¹. Она используется в двух типах ситуаций: во-первых, при крупномасштабных и намеренных нарушениях прав человека в какой-то стране, правительство которой не в состоянии контролировать ситуацию или же, наоборот, само нарушает права человека, провоцирует эти нарушения или терпимо к ним относится; во-вторых, когда правительство некой страны неспособно или не желает принять на себя ответственность за обеспечение элементарных нужд населения. В таких ситуациях интервенция может при определенных, разбираемых ниже, условиях быть предпринята против правительства данной страны или против существующих там политических организаций, по вине которых происходят упомянутые выше крупномасштабные нарушения прав человека. Цель гуманитарной интервенции — пресечь эти нарушения и обеспечить удовлетворение элементарных потребностей населения. В соответствии с этим определением гуманитарная интервенция может осуществляться в виде обычного военного вторжения с применением силы либо с помощью ввода войск, которые не применяют силу и лишь своим присутствием обеспечивают выполнение гуманитарных целей, либо с помощью иных невоенных сил.

2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ И МОРАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

С начала 1990-х гг. ООН инициировала, организовала или уполномочила проведение нескольких гуманитарных интервенций (например, на севере и юге Ирака, в Сомали, на Гаити и в Боснии и Герцеговине). Интервенция НАТО во время кризиса в Косово в 1999 г., включавшая воздушное вторжение и крупномасштабные бомбардировки Федеративной Республики Югославии, представляет собой операцию другого типа. Проведение этой операции не

---

¹ Предлагаемая далее концепция гуманитарной интервенции отличается от общего определения интервенции, предлагаемого в: Oppenheim's International Law. 9th ed. Vol. 1: Introduction and Part I / Eds. R. Jennings and A. Watts. L.: Harlow Essex, 1992. P. 430—432.

было одобрено Советом Безопасности ООН и вызвало во всем мире дискуссии о легитимности гуманитарной интервенции.

Беспрецедентное количество гуманитарных интервенций в конце XX в. обусловлено определенными историческими факторами. Во-первых, биполярная конфронтация СССР и США в период холодной войны делала весьма проблематичной согласование позиций между постоянными членами Совета Безопасности ООН по дебатированным вопросам. В особенности это проявлялось при обсуждении вопросов, связанных с необходимостью коллективной интервенции в ситуации, касающейся международного мира и безопасности. С окончанием холодной войны в Совете Безопасности ООН стало гораздо легче приходиться к согласию по вопросам, касающимся крупных международных кризисов.

Во-вторых, окончание холодной войны ознаменовалось возрастанием господства США. Как ниже будет показано, США в союзе с западными странами прибегают к искажению международных норм прав человека и прикрываются ими ради оправдания интервенции в развивающиеся страны, а то и нарушения их суверенитета во имя американских стратегических и идеологических интересов¹. Это объясняет возможность односторонних форм интервенции, таких, например, как в Косово в 1999 г.

В-третьих, с окончанием холодной войны, совпавшим с усилившимися тенденциями глобализации, на Западе распространилась своеобразная либеральная форма интернационализма, характеризующаяся недооценкой идеи государственного суверенитета. Западное общественное мнение демонстрирует все увеличивающуюся озабоченность гуманитарными кризисами в других странах. Оно также более склонно, чем в прошлом, к одобрению акций гуманитарных интервенций. Современные средства массовой информации и коммуникации с их прямым доступом к местам отдаленных конфликтов играют определяющую роль в создании благоприятной внутренней и международной атмосферы для проведения такой политики. Гуманитарные интервенции находят поддержку и в слаборазвитых странах, особенно в среде определенных кругов интеллектуальной элиты, находящейся под сильным влиянием западной либеральной политической культуры.

---

¹ *Ши Иньхун*. Синькуши, синьгеджу, синьгуйфан (Новые тенденции, новые стратегии и новые нормы). Пекин: Фалу чубанше, 2000. С. 408—409.

В-четвертых, в некоторых развивающихся странах все еще сохраняются этнически, политически или религиозно ориентированные тиранические или деспотические режимы, которые иногда становятся причиной крупномасштабных нарушений прав человека. Более того, государственная организация в развивающихся странах чаще всего также не развита. Им недостает внутреннего единства. Некоторые из этих стран (характеризующиеся серьезными внутренними разногласиями и конфликтами) под двойным воздействием глобализации и происшедшей после холодной войны дезинтеграции биполярной модели мира потерпели крах и даже находятся в процессе распада. В период после холодной войны интенсивные национальные, этнические, клановые или общесоциальные конфликты ведут к наиболее значительным гуманитарным кризисам. События такого рода вызывают резкую реакцию общественного мнения. Они также провоцируют региональную нестабильность. Вообще подлинно гуманитарные интервенции обусловлены стремлением к ослаблению или разрешению такого рода конфликтов. Однако озабоченность гуманитарными проблемами может быть использована и как прикрытие для интервенции, истинные намерения которой, по крайней мере частично, имеют сугубо политический характер. Острые реакции общественного мнения также могут провоцироваться средствами массовой информации, которые чрезмерно преувеличивают драматический характер происходящих событий.

В-пятых, более глубокие исторические корни увеличения случаев гуманитарной интервенции лежат в эволюции международной этики и международного права в XX в. На протяжении последних 100 лет и особенно после Второй мировой войны наблюдается все возрастающее внимание к проблемам справедливости в международной этике и международном праве. Это стремление к справедливости соединилось с возрождением традиций этического мышления, опирающегося на универсальные и абсолютные ценности. Взгляды на источники норм международного поведения, свойственные позитивистски ориентированной правовой и исторической мысли XVIII и XIX вв., были отвергнуты во многом в пользу более старого типа мышления, в частности того, который был свойствен ранней новоевропейской мысли. В этом плане особый интерес представляет Г. Гроций. Вместо обращения к концепции «государственной практики», основывающейся на позити-

вистской идее абсолютной свободы государственных действий как основе международных норм, «ревизионистская» доктрина включает универсалистскую концепцию этики международных отношений¹. Она обращается к общим ценностям, основанным «на возвращении к принципам естественного права или к какому-то их современному эквиваленту»². Отдавая приоритет такому пониманию этики, которое имеет корни в различных мировых цивилизациях, эта доктрина ставит универсальные нормы выше государственной власти.

В целом, новая доктрина универсальной этики предъявляет к межгосударственным отношениям требования, ограничивающие применение силы. Новая доктрина также делает акцент на равенстве, доверии, умеренности и должном внимании к интересам слабых стран. Следует учесть, что современное международное сообщество основывается на таких нормах, принципах и ценностях, в которых выражается уважение к государственной независимости, равенству в межгосударственных отношениях, национальному самоопределению и равенству между различными нациями. После Второй мировой войны еще одним результатом усилий достичь максимума справедливости в международных отношениях был поворот международного права к правам человека и его дальнейшее развитие именно в этом направлении. Это развитие права сориентировано на основные права человека и сообществ (различных по расовым, гендерным, возрастным, религиозным и т.п. признакам).

На таком фундаменте новые международные нормы представляют историческую тенденцию к большей справедливости, а также к частичному возвращению к принципам естественного права или их возможному современному эквиваленту. Современное международное право, суть которого выражена в Уставе ООН, восприняло некоторые понятия из естественного права, сохранив в большей или меньшей степени традиционные понятия позитивистски понятого права. Так, напряжение и даже конфликт между тради-

---

¹ О стремлении к справедливости в этике международных отношений и международном праве и исторически-ревизионистской тенденции см.: Там же. Глава 9 «Синь лилян шужао дэ синь гуоджи гуйфан (Новые международные нормы, обусловленные новыми силами)». С. 378—409.

² *Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics.* N.Y.: Columbia University Press, 1977. P. 39.

цией естественного права и позитивистской традицией был принесен в международное право, в частности в один из основных его документов — Устав ООН¹. В свете проблемы гуманитарной интервенции две составляющие этого развития международного права приобретают особый смысл: международные правовые нормы прав человека и право международного сообщества на интервенцию. В некоторых отношениях они противоречат принципу государственного суверенитета, который традиционно был основным руководящим принципом международного порядка.

Эта тенденция отчетливо проявляется в развитии международных норм, касающихся прав человека. Концепция прав человека была принята практически всеми государствами мира. Она также была включена в большинство конституций. Более того, легко заметить, что признание индивидуальных прав человека в качестве предмета международного внимания и законной темы для международных переговоров и дипломатии получило широкое распространение. ООН приняла такие документы, как Всеобщая декларация прав человека, Международная конвенция об экономических, социальных и культурных правах и Международная конвенция о гражданских и политических правах. Международные правовые нормы, касающиеся прав человека, получили развитие и на региональном уровне — в Европе, Африке и Америке. Причем правовая практика, связанная с международными нормами прав человека, уже не ограничивается декларациями, конвенциями или публикацией докладов. Получили развитие принудительные механизмы международного права — расследование, надзор и даже суд. Вследствие общей эволюции международных законов о правах человека наибольший интерес представляет то, что к настоящему времени основные международные нормы прав человека получили статус всеобщего *jus cogens*². В качестве *jus cogens* эти нормы не

¹ См.: Duke S. The State and Human Rights: Sovereignty Versus Humanitarian Intervention // International Relations: the Journal of the David Davies Memorial Institute of International Studies. 1994. Vol. 7, №. 2. P. 30.

² В соответствии со статьей 53 Венской конвенции по Закону о договорах 1969 г. правила *jus cogens* являются безусловными нормами международного права, которые «приняты и признаны международным сообществом государств в целом как норма, никакое изменение которой недопустимо и которая может быть изменена только следующей нормой всеобщего международного права, обладающей таким же статусом» (см.: Oppenheim's International Law. Vol. I, Introduction, Pt. 1. P. 7).

могут ни искажаться, ни ставиться под сомнение. Никакое действие государства или международное соглашение, противоречащее им, не может быть признано юридически допустимым (или имеющим юридическую силу). Таким образом, можно сделать вывод, что признание и соблюдение основных международных норм прав человека, если и не в полной мере, то по крайней мере в принципе стало основным критерием суждения относительно легитимности государства¹.

В современном международном праве Устав ООН предоставляет основополагающую правовую базу для права международного сообщества на интервенцию. Совет Безопасности ООН играет в этом отношении выдающуюся роль, «обладая несомненной компетенцией определять, что представляет угрозу международному миру и безопасности, и, стало быть, возможностью придавать некоторым вопросам статус международных»². В XX в., особенно после Второй мировой войны, произошло, говоря словами Лунчу Чена, профессора международного права в Принстоне, «иерархическое распределение власти» между международным сообществом и составляющими его государствами-участниками. Наиболее впечатляющим аспектом этих изменений стало распространение понятия «международная озабоченность» и размывание понятия «внутренняя юрисдикция»³. На протяжении всего времени после своего основания ООН переводит все больше важных проблем, касающихся коллективных и индивидуальных прав, из сферы внутренней юрисдикции государств, где они традиционно находились, в сферу международной озабоченности и оснований для интервенции. Изменение границ между внутренней и международной сферами юрисдикции ведет к некоторой двусмысленности и внутренней противоречивости в международном праве. Во всяком случае использование аргументов, апеллирующих исключительно к абсолютности принципа государственного суверенитета с целью сопротивления каким-либо формам интервенции международного сообщества, признается более неубедительным. Так же все более

¹ Сюда относится принцип самоопределения (*Ши Иньхун*. Синькуши, синьгеджу, синьгуйфан. С. 395—396).

² *Falk R.* The Grotian Quest // *International Law: A Contemporary Perspective*. P. 130.

³ *Chen Lung-chu.* An Introduction to Contemporary International Law. New Haven: Yale University Press, 1989. P. 224.

затруднительным оказывается для государств апеллировать к принципу суверенитета с тем, чтобы сопротивление интервенции получило широкое международное одобрение, симпатию или поддержку. Короче говоря, с появлением и эволюцией международного права прав человека и права вмешательства, или интервенции, международного сообщества тенденция к упрочению справедливости в международной этике и международном праве обеспечила в определенной мере оправданность гуманитарной интервенции как нормы. И это вполне объясняет, почему конкретные случаи гуманитарной интервенции в 1990-е гг. были поддержаны большинством стран.

3. НЕОБХОДИМОСТЬ СТРОГИХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Как указывалось выше, у понятия гуманитарной интервенции как нормативного понятия, относящегося к международным отношениям, есть соответствующий моральный и правовой базис. Хотя некоторые политические факторы, обусловившие появление гуманитарной интервенции, могут считаться положительными, возможности ее использования должны быть строго ограничены в моральном, правовом и политическом плане. Во-первых, всегда есть опасность того, что гуманитарная интервенция будет использоваться могущественной державой в качестве политического инструмента осуществления своих гегемонистских устремлений. Ради своих интересов или идеологических предпочтений она может произвольно вторгаться во внутренние дела более слабого государства. В таких случаях гуманитарное бедствие в некоей стране не является действительной и определяющей причиной для интервенции. Интервенция может сама по себе усилить уже существующее напряжение и, таким образом, стать причиной настоящего «гуманитарного бедствия» там, где объективных причин для него не было. Так, США, опираясь на свое возросшее с окончанием холодной войны могущество и демонстрируя гегемонистские устремления, предприняли ряд гуманитарных интервенций, которые не были оправданы гуманитарными мотивами и отвечали исключительно собственным интересам этой страны. Наиболее серьезным в этом плане случаем следует считать направляемую США интервенцию НАТО в Федеративную Республику Югославия в 1999 г.

Во-вторых, гуманитарная интервенция должна быть строго ограничена, чтобы она воспринималась не как обычная практика в межгосударственных отношениях, а, наоборот, как исключение из принципа невмешательства. Принцип гуманитарной интервенции должен использоваться лишь в крайних случаях. Современное международное право довольно полно отражает международные политические реалии. Несмотря на определенную двусмысленность и внутренние содержательные противоречия, принцип государственного суверенитета, из которого вытекает принцип гуманитарной интервенции, остается краеугольным камнем международного права. Он составляет сердцевину международной этики и играет важную роль в сохранении порядка и достижении справедливости в международном сообществе. Невмешательство признается Уставом ООН в качестве основного принципа международных отношений, который дополнительно подкрепляется Декларацией принципов международного права об отношениях дружбы и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1970 г. Как утверждает Декларация, «никакое государство или группа государств не имеет права ни под каким видом вторгаться, прямо или косвенно, во внутренние и внешние дела любого другого государства»¹. Несомненно, что сегодня международное право, касающееся прав человека, приобрело определенный статус универсального обязательного закона. Этот закон применяется тогда, когда речь идет о геноциде, массовых жестокостях, расовой сегрегации, апартеиде и расовых гонениях. Однако международное сообщество пока еще не достигло согласия относительно иных международных норм в сфере прав человека. Современная практика применения системы прав человека в определенной стране основывается на докладах, подготовленных международными или региональными межправительственными организациями на основе расследований и наблюдений конкретных ситуаций с правами человека. Как отмечает специалист по международному законодательству в области прав человека Джек Доннели, «современные нормы государственного суверенитета однозначно запрещают государствам прибегать к принуждению за рубежом, применять пытки и как-

¹ Basic Documents of International Law / Ed. I. Brownlie. 3rd ed. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 40.

либо иначе нарушать права человека»¹. По словам специалиста в области международной юриспруденции Луиса Хенкина, «новое международное право в области прав человека поколебало монолит государственного права, но его содержание, по сути дела, обусловлено государственным правом и уважением к его аксиомам и традициям»². Без строгих ограничений на гуманитарные интервенции универсальность и авторитет принципа невмешательства будут подорваны и международный правовой порядок будет нарушен.

В-третьих, необходимость строгих ограничений на гуманитарную интервенцию связана с пониманием справедливости. Подлинная гуманитарная интервенция направлена на обеспечение прав человека. Она ориентирована главным образом на соблюдение индивидуальной справедливости, но и справедливости групп, различных по расовым, гендерным, возрастным, религиозным и каким-либо иным социальным характеристикам. Однако «многое в международных отношениях лежит за пределами прав человека»³. Говоря о современной мировой политике, имеет смысл проводить различие между индивидуальной справедливостью, справедливостью в отношениях между государствами, справедливостью в отношениях между народами и мировой, или космополитической, справедливостью⁴. Хотя эти четыре вида справедливости могут приходиться в противоречие друг с другом (и такие противоречия в самом деле присущи реальной мировой политике), они в целом поддерживают друг друга. Вообще говоря, индивидуальная справедливость не может существовать независимо от других трех типов справедливости и ее осуществление во многом зависит от них. Ключевым здесь оказывается вопрос, касающийся отношений между индивидуальной справедливостью и межгосударственной справедливостью, между принципом прав человека и

¹ *Donnelly J.* The Social Construction of International Human Rights // *Human Rights in Global Politics* / Eds. T. Dunne, N.J. Wheeler. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 86.

² *Henkin L.* *International Law: Politics and Values*. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1995. P. 184.

³ *Ibid.* P. 100.

⁴ Подробнее см.: *Ши Иньхун.* Лунь шиджи жэнши жог дэ жэньи вэнти (*On Justice in World Politics*) // *Гуоджи жэнши лилюнь таньшую дзай жонгуо* (Исследование теорий международной политики в КНР) / Под ред. Дзи Жонюня. Шанхай: Шанхай реньминь чубанше, 1998.

принципом государственного суверенитета. Почти повсюду в мире индивид и различные группы «не существуют в каком-то вакууме, но неразрывно связаны с государством, обеспечивающим их относительную безопасность»¹. Более того, всегда было так, что государство в глобальном масштабе является основным субъектом активности и носителем наиболее мощных материальных и организационных ресурсов, и вряд ли это изменится в обозримом будущем. Широкомасштабное и эффективное применение международных норм прав человека зависит только от государства, хотя встречаются и такие случаи, когда подавление и нарушение прав человека происходит именно по вине государства. В то время как в современном мире по-прежнему сильные и богатые государства позволяют себе вмешательство в дела слабых и бедных государств, их притеснение, дискриминацию и эксплуатацию, «наибольшее внимание в вопросе о справедливости в международных отношениях по-прежнему обращено к тому, что является обязательным с точки зрения государства»².

Если сводить справедливость в мировой политике только к индивидуальной справедливости (и индивидуальным правам человека), можно просмотреть позитивные стороны в других формах справедливости. Говоря другими словами, неоправданное, обусловленное пониманием справедливости в узком смысле, использование метода интервенции, в том числе гуманитарной интервенции, может привести к еще большей несправедливости в мировой политике.

В современном мире место и функции государства имеют свое особое и немалое значение: государство обеспечивает своим гражданам четыре базовые ценности, а именно, безопасность, благополучие, идентичность и справедливость. Сегодня, как и еще долгое время в будущем, только государство может обеспечить необходимые условия для нормального существования и развития гражданского общества; и в этом с ним не может сравниться никакая другая организация. Отсюда следует, что моральное значение государственной власти особенно важно для многих разви-

¹ *Vincent R.J.* The Idea of Rights in International Ethics // Traditions of International Ethics / Eds. T. Nardin, D.R. Mapel. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 261.

² *Bull H.* Justice in International Relations. Waterloo/Ontario: University of Waterloo Press, 1984. P. 13.

вающихся стран. Как указывает в связи с этим английский специалист по международным отношениям Хедли Бул, «благодаря получению контроля над государством и подтверждению своего права на суверенитет они смогли отстоять свою независимость в эффективной борьбе с другими государствами и мировым сообществом и не попасть в зависимость от внешних сил, на что они были бы обречены, не будь у них этих прав...»¹. «Государство явилось важнейшим инструментом, которым сумели воспользоваться народы «третьего мира» для достижения своих целей. Они стали захватывать контроль над государством, а затем использовать его во имя как внутренних целей — для развития своей нации, для обеспечения контроля над экономикой, для борьбы с местными агентами враждебных внешних сил, так внешних — для установления отношений с другими государствами, для организации союзов с дружественными государствами и раскалывания союзов враждебных государств, а также для выражения своей точки зрения на широкой международной арене. «Этатизм» народов «третьего мира», столь часто привлекающий внимание и вызывающий сожаление у западных «интернационалистов»-либералов, укоренен в горьком опыте бессилия, обусловленного отсутствием государственности, столь хорошо знакомой этим народам»².

В-четвертых, приведем последний по порядку, но не по значению довод в пользу установления жестких ограничений гуманитарной интервенции, который касается связи между справедливостью и порядком. Это традиционно одна из наиболее фундаментальных проблем политической философии, включая международную этику. Существует «вечное напряжение» между двумя базовыми ценностями — справедливостью и порядком³. Известны случаи широкомасштабных нарушений прав человека в определенных странах. Известны также случаи «несостоявшихся государств», когда полное отсутствие законности, деморализация и повсеместное насилие отбрасывают общество к естественному со-

¹ Ibid. P. 6—7.

² Bull H. Op. cit. P. 27. Бул довольно глубоко понимает, насколько позитивно воспринимается государство в развивающихся странах. См.: Bull H. The State's Positive Role in World Politics // Daedalus. 1979. Vol. 108. P. 111—123.

³ Weiss Th.G., Chopra J. Sovereignty under Siege: From Intervention to Humanitarian Space // Beyond Westphalia? State Sovereignty and International Intervention / Eds G.M. Lyons, M. Mastanduno. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1995. P. 102.

стоянию, в котором, по характеристике Т. Гоббса, «жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна»¹. В таких случаях было бы морально неправильно и политически опасно, если бы международное сообщество сохраняло спокойствие и не вмешивалось. Но интервенция также может иметь и такие опасные последствия, которые нельзя игнорировать. Как уже отмечалось, гуманитарная интервенция противоречит принципам государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела, и велика вероятность того, что неправильное проведение гуманитарной интервенции приведет к нарушению этих принципов. Без строгих ограничений повторяющиеся ошибки в осуществлении гуманитарных интервенций приведут к распаду порядка, лежащего в основе международного сообщества. Если сопоставить возможный вред от нарушения моральной обязанности международного сообщества вмешиваться и возможность того вреда, к которому может привести гуманитарная интервенция, последнее должно вызывать большие опасения. С философской точки зрения внимание необходимо уделять как справедливости, так и порядку, однако порядку все же принадлежит отдавать приоритет перед справедливостью, поскольку «справедливость во всех своих формах осуществима лишь в контексте порядка», и «международное сообщество, обеспечивая тот или иной контекст порядка, пусть и рудиментарного, создает пространство для равенства в различных правах»². Другими словами, там, где есть порядок, там будет и справедливость и возможность для ее расширения, в то время как никакая справедливость невозможна в отсутствие порядка. Так что при гуманитарной интервенции приоритет в принципе принадлежит порядку, из чего отнюдь не следует, что в каждом конкретном случае порядок должен ставиться впереди справедливости³.

¹ Гоббс Т. Левиафан [XIII] // Гоббс Т. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 96.

² Bull H. The Anarchical Society. P. 86.

³ Совершенно справедливый порядок — это действительно устойчивый порядок. И существующий порядок оказывается под угрозой, как только несправедливость в рамках определенного порядка достигает таких масштабов, которые расцениваются большинством как невыносимые. Поэтому не следует во всех случаях международной политики отдавать приоритет порядку. В каждом случае решение зависит от ситуации, конкретный анализ которой должен подсказать, следует ли отдавать приоритет порядку перед справедливостью и соответственно проводить гуманитарную интервенцию.

4. НЕПРЕМЕННЫЕ УСЛОВИЯ

Не представляет особого труда определить необходимые условия, которым должны отвечать гуманитарные интервенции. Эти условия основываются на критериях, содержащихся в международной этике и международном праве. Нужно также принять во внимание уроки гуманитарных интервенций, проводившихся ООН после окончания холодной войны, а также суровую критику натовской интервенции в Югославию в 1999 г. Назовем шесть условий, которые должны выполняться одновременно для того, чтобы проведение гуманитарной интервенции было справедливым и легитимным.

Первое. Следует уважать *принцип правого дела*. Гуманитарная интервенция в некую страну легитимна лишь в ситуации, когда там происходят массовые нарушения прав человека, а правительство страны либо прямо творит эти нарушения, либо провоцирует их, потворствует им, либо обнаруживает свою неспособность им воспрепятствовать (одновременно отвергая предложения помощи со стороны других стран или международного сообщества). Она также легитимна в ситуации, когда правительство страны обнаруживает свою недееспособность или недостаточную решимость взять на себя необходимую ответственность (и при его отказах от предложений помощи со стороны других стран или международного сообщества). Однако обращение к критерию правого дела сопряжено с проблемой, касающейся того, кто уполномочен принимать решение, что критическая ситуация в данной стране действительно оправдывает интервенцию. Следует признать, что соотвествующий опыт, которым мы располагаем, довольно разноречив. Гуманитарные интервенции ООН на севере и на юге Ирака, в Сомали и Боснии и Герцеговине были предприняты только после того, как Совет Безопасности ООН признал, что в этих регионах сложились кризисные с гуманитарной точки зрения ситуации. Вслед за этим данные интервенции были признаны и одобрены мировым сообществом. Односторонняя интервенция НАТО в Федеративную Республику Югославии в 1999 г. представляет собой противоположный пример. В этом случае НАТО произвольно сделала вывод, согласно которому гуманитарный кризис в Югославии достиг такого масштаба, что военная интервенция может быть оправданной и что ответственность за этот кризис несет исключительно правительство Югославии. Этот не имеющий никакой ле-

гитимности вывод был впоследствии использован для оправдания бомбардировок Югославии.

Второе. Только ООН (а также некоторые региональные межгосударственные организации, которые в полной мере действуют согласно духу и букве Устава ООН) является законной властью, правомочной проводить интервенции¹. Так что ООН обладает властью не только определять, в какой мере и при каких условиях предотвращение гуманитарной трагедии становится обоснованной целью интервенции (в соответствии с проанализированным выше первым условием), но и принимать решение относительно такой интервенции. Главный смысл этого ограничения состоит в том, чтобы не допустить злоупотребления политикой гуманитарной интервенции со стороны могущественных стран. Как указывают Томас Вейс и Джарат Чорпа, «реального уменьшения опасности злоупотребления в этой сфере можно достигнуть путем ограничения гуманитарной интервенции, в том числе с использованием военного давления, исключительно рамками коллективного действия, как оно трактуется в главе VII Устава ООН»². Если применить эту главу о поддержании международного порядка, безопасности и мира к проблеме гуманитарной интервенции, возможность могущественных стран предпринимать неоправданные гуманитарные интервенции действительно будет существенно уменьшена. Однако независимо от этого существующие и возможные противоречия между принципом государственного суверенитета и невмешательства, как они зафиксированы в Уставе ООН, с одной стороны, и необходимостью содействовать правам человека, с другой, сохраняются. И дело здесь не в Уставе ООН.

Следует подчеркнуть, что «действия международных организаций или многосторонние действия отличаются от многонациональных действий»³. Только представительные глобальные или

---

¹ Этот тезис основывается на правовой точке зрения. С моральной точки зрения, в ситуации, когда, как, например, в случае с ужасной гуманитарной трагедией в Руанде, ООН (или какая-либо региональная межгосударственная организация, полностью признающая авторитет ООН) несмотря на творящийся геноцид не предпринимает по каким-либо причинам предупредительных шагов, можно оправдать гуманитарную интервенцию, которую начинает некий субъект международного права, руководствующийся исключительно гуманитарными мотивами, подотчетный ООН и признающий право ООН осуществлять наблюдение за проводимой операцией.

² *Weiss Th.G., Chopra J.* Op. cit. P. 106.

³ *Ibid.* P. 108.

региональные межгосударственные политические организации обладают правом проводить гуманитарные интервенции. У международных военных союзов нет права проводить интервенции иначе, как по принимаемому в исключительных случаях и формально закрепляемому решению ООН. Таким образом, натовскую интервенцию в Югославию в 1999 г. следует считать незаконной. В случае, когда региональная межгосударственная политическая организация проводит гуманитарную интервенцию, она должна быть подотчетна ООН, допускать наблюдателей ООН и не выходить за рамки своего региона.

Третье. Гуманитарная интервенция должна преследовать четко определенные цели, которые должны быть обнародованы. Вообще говоря, цели интервенции должны быть ограничены необходимостью предотвращения гуманитарной катастрофы и оказания гуманитарной помощи. Следует считать недопустимым произвольное расширение целей интервенции до реорганизации институтов внутренней политической власти или перестройки экономики¹. Это условие представляет собой прямое применение принципа правого дела. Предотвращение гуманитарной трагедии при определенных обстоятельствах может рассматриваться как правое дело для военной интервенции, однако моральное улучшение мира — нет. Недопустимо использование силы для изменения политических отношений в соответствии с определенной идеологической концепцией справедливости. Очень важно ограничить цели обоснованной интервенции, так как могущественные страны, участвующие в интервенции, могут поддаться искушению попытаться воспользоваться ею и навязать стране собственные политические и социальные модели или расширить влияние на местное население. Кроме того, за каждой гуманитарной катастрофой стоит целый комплекс исторических, социальных, экономических и политических причин. Если сторона, осуществляющая интервенцию, произвольно расширяет ее цели, то она может оказаться

---

¹ Правда, у международного сообщества может возникнуть необходимость вмешаться во внутреннюю политику или социальные проблемы с тем, чтобы предотвратить в данной стране возобновление гуманитарного кризиса. В такой ситуации международное сообщество не должно оставаться глухим к потребностям данной страны; оно должно обсуждать их, чтобы принять необходимые меры. Для решения этой дополнительной задачи в ходе интервенции требуется специальный мандат. Когда поставленная цель будет выполнена, сторона, осуществляющая интервенцию, должна завершить ее и покинуть страну.

вовлеченной в сложные внутренние конфликты и, таким образом, поставить под удар гуманитарную миссию в целом. Примером такого провала гуманитарной миссии является интервенция ООН в Сомали (1992—1995). Предпосылкой этого провала стало расширение целей интервенции, случившееся из-за проводившейся США политики, направленной на перестройку конституционных и экономических институтов в стране. Изменение государственных институтов в Сомали на основах демократии и восстановление там экономики оказались не под силу ни ООН, ни США.

Четвертое. Сила должна использоваться в качестве крайнего средства. Иными словами, сила должна использоваться лишь тогда, когда нет никаких иных средств для реализации правого дела. Принцип, согласно которому использование силы является крайним средством в разрешении конфликта, занимает важное место в этике международных отношений, подтвержденной Уставом ООН. Как отмечалось выше, гуманитарная интервенция может проводиться по-разному: либо в виде обычного военного вторжения, либо в невоенных формах, либо посредством ввода войск, но без использования силы. Несмотря на обычные упущения, международная интервенция в Боснию вплоть до лета 1995 г. была по своей природе в основном ненасильственной. Вскоре после начала Боснийской войны весной 1992 г. ООН совместно с Европейским Союзом попыталась достичь мирного разрешения конфликта¹. Параллельно этим дипломатическим инициативам Совет Безопасности ООН принял ряд резолюций, позволявших использовать силу для обеспечения безопасности персонала ООН, защиты гуманитарных конвоев, а также для соблюдения запрета на полеты военной авиации, эмбарго на поставки вооружений и экономических санкций. НАТО и Европейский Союз стали теми международными организациями, которые приняли активное участие в обеспечении этих резолюций Совета Безопасности ООН. Однако хотя НАТО угрожала прибегнуть к воздушным ударам с целью предотвратить атаки боснийских сербов на зоны безопасности Сараево (в январе 1994 г.) и Горажде (в апреле 1994 г.), только в конце августа НАТО перешла к полномасштабной военно-воздушной кампании («Обдуманная сила»), направленной против объектов

¹ Такими были план Вэнса — Оуэна в январе 1993 г. и план Оуэна — Столтенберга в июле 1993 г. в рамках Международной конференции по бывшей Югославии (ICFY).

боснийских сербов. С этим резко контрастируют опрометчивые бомбардировки военными силами НАТО Югославии в 1999 г. вопреки сохранявшимся еще разумным надеждам на достижение мирного разрешения конфликта. Решение о начале военной операции НАТО противоречили основополагающим гуманитарным требованиям, принципам международного права и просто политическому благоразумию.

Пятое. Общие размеры ожидаемого ущерба от гуманитарной интервенции не должны превышать общего размера ожидаемого блага. Это соответствует принципу соразмерности *jus ad bellum*. Неуважение этого принципа чревато опасностью, которую Майкл Эйкхорст описал следующим образом: «Использование силы в качестве санкции за нарушение международного обязательства может нанести больше вреда, чем само нарушение международного обязательства»¹. Заблаговременно предусмотреть в деталях все позитивные и негативные последствия интервенции, естественно, трудно, однако их реалистичная оценка до начала интервенции все же возможна. В целом какая бы польза ни ожидалась от интервенции, последняя должна быть прервана при угрозе возникновения какой-либо из следующих ситуаций: большие человеческие и материальные потери (в особенности в стране, где осуществляется интервенция), серьезное нарушение международной стабильности и отношений между крупными державами или обострение причин, обусловивших гуманитарную катастрофу, ради предотвращения которой интервенция была предпринята. Принимая все это во внимание, интервенция НАТО в Югославию в 1999 г., как будто предпринятая во имя гуманитарных целей, должна быть осуждена. Она нанесла огромный ущерб народу Югославии с точки зрения как унесенных жизней, так и разрушений в сфере экономики. Интервенция усугубила дестабилизацию на Балканах и привела к усилению напряженности между крупными державами мира. Были подорваны авторитет ООН и поставлена под сомнение ее миссия. При этом конфронтация между албанцами и сербами углубилась. Все эти негативные последствия от масштабных бомбардировок легко было предусмотреть до начала операции.

¹ Akehurst M. Humanitarian Intervention // Intervention in World Politics / Ed. H. Bull. Oxford: Oxford University Press, 1984. P. 111.

Шестое. Использование силы должно быть соразмерным: количество, тип и мощь используемого вооружения, а также тип целей, география операции и ее продолжительность должны быть строго ограничены. Они должны соответствовать другим составляющим интервенции — конкретным задачам, особенностям целей, степени и типу сопротивления. Использование силы в гуманитарной интервенции непременно должно отвечать второму принципу соразмерности (*jus in bello*) и выражать уважение законов и моральных норм войны. Этот принцип имеет глубокий моральный смысл и политическое значение. Гуманитарная интервенция, проводимая в противоречии с этим принципом, оказывается сама по себе негуманной в большей или меньшей степени.

Таким образом, мы обозначили все условия, обеспечивающие легитимность гуманитарной интервенции. Следует указать еще одно дополнительное условие, гарантирующее от особого типа гуманитарной катастрофы, а именно, той, что обусловлена этническими, расовыми, клановыми или религиозными конфликтами. В таких случаях особенно необходимо стремление к беспристрастности, нейтральности и благожелательности. В отличие от других конфликтов здесь различие между жертвой и притеснителем не всегда очевидна, поскольку нередко притеснитель является одновременно и жертвой, а жертва — притеснителем. Следовательно, международное сообщество должно быть особенно беспристрастным, справедливым и толерантным по отношению ко всем подобным участникам конфликта. Международному сообществу не следует уделять повышенное внимание тому, чтобы найти виновных в разжигании конфликта, поскольку поиск виновных может помешать процессу примирения в стране, в которую предпринимается интервенция.

5. ВЫВОДЫ

Помимо политических причин есть серьезные международные эτικο-правовые причины, объясняющие, почему в 1990-х гг. гуманитарные интервенции применялись столь часто и почему это стало важной проблемой международной политики. Значительные изменения в международной этике и международном праве на протяжении XX в., особенно после Второй мировой войны, предопределили повышение роли гуманитарной интервенции как гео-

ретической проблемы и практической задачи. Однако есть опасность, что гуманитарная интервенция может стать для могущественных государств инструментом реализации их собственных интересов с помощью политики силы. Подспудно применение этого метода может иметь тенденцию, противоречащую принципу международной справедливости, размывающую основы международного правового порядка. Понимая, что гуманитарная интервенция основывается на этике международных отношений и международном праве, мы должны исключить злоупотребление этим инструментом под прикрытием этики и международного права. Чтобы сохранить статус легитимности и законности, гуманитарная интервенция должна одновременно отвечать по крайней мере шести определяющим условиям. Она должна предприниматься во имя очевидной правой цели, которую может поставить только ООН (первое условие). ООН является единственным международным органом, обладающим правом инициировать и проводить интервенцию или наблюдать за ее проведением (второе условие). Интервенция должна предприниматься ради ясно поставленных целей (третье условие). Сила должна применяться лишь в крайнем случае (четвертое условие). Неизбежным моральным затратам должны быть соразмерны как ожидаемые результаты ее применения (пятое условие), так и сам ее характер (шестое условие).

Глава XIV

ВОЕННЫЙ ОТВЕТ ВОЗГЛАВЛЯЕМОЙ США КОАЛИЦИИ НА ТЕРАКТЫ 11 СЕНТЯБРЯ

Карл Келеманс

1. ИЗЛОЖЕНИЕ СИТУАЦИИ

7 октября 2001 г. Президент США Джордж Буш в обращении к нации объявил, что США вместе со своим «верным другом» Великобританией начали воздушные удары против лагерей для подготовки террористов Аль-Каиды и военных объектов режима «Талибан» в Афганистане.

Этот военный ответ начался почти через месяц после террористических нападений на американскую территорию.

Утром 11 сентября четыре коммерческих воздушных лайнера на своем пути с восточного побережья США (два самолета вылетели из Бостона, один из Вашингтона и один из Ньюарка) в Лос-Анджелес и Сан-Франциско были захвачены на ранней стадии полета. После того как налетчики взяли управление самолетами в свои руки (возможно, убив пилотов ножами, в том числе для резки картона), они изменили первоначальный курс полета. Два самолета из Бостона повернули на юг к Нью-Йорку, где пилоты-захватчики умышленно направили их на башни-близнецы Центра международной торговли. Самолет, вылетевший из вашингтонского аэропорта им. Даллеса, повернул обратно на Вашингтон, где врезался в западное крыло Пентагона. Четвертый самолет, стартовавший тем утром из Ньюарка, также развернулся в противоположную сторону. Вероятно, он должен был обрушиться на другой символ американской мощи — Белый дом, но так и не долетел туда¹. Он разбился в Шэнксвилле (штат Пенсильвания), скорее всего, после того как некоторые пассажиры сумели взять верх над угонщиками. Последствия были трагичны. Все пассажиры этих четырех самолетов вместе с угонщиками погибли в авиакатастрофах. Башни-близнецы обрушились вскоре после того, как они

---

¹ *Croft J.* Terrorists May Have Planned Double Hit in Washington // *Aviation Week And Space Technology*. 17 September 2001. P. 44—48.

были поражены, погребя под собой не только несколько тысяч человек, оказавшихся в зданиях, но также пожарных и полицейских, прибывших для спасения людей. В Пентагоне погибли несколько сот человек.

Хотя США уже переживали террористические нападения на своей территории (например, в Центре международной торговли в Нью-Йорке в феврале 1993 г. и в Оклахома-сити в апреле 1995 г.), события 11 сентября были беспрецедентны в истории Америки. Без всякого предупреждения и всего за несколько часов США были поражены в самом сердце своей экономической и военной мощи. Очевидно, нападения были очень хорошо спланированы. Информация разведки скоро привела к Аль-Каиде — исламской террористической сети, связанной с Осамой Бен Ладеном. Этот саудовский миллионер не был фигурой, не известной американским следственным органам. Он играл важную роль в поддержанных американцами усилиях помочь афганцам в их борьбе против Советов в 1980-х гг. Его хорошему отношению к США пришел конец, когда оказалось, что США поддержали афганского лидера Мохаммеда Наджибуллу, который рассматривался Бен Ладеном как русский ставленник¹. Ненависть Бен Ладена к США и их союзникам еще более усилилась в период войны в Персидском заливе (1991), во время которой американские войска были размещены в Саудовской Аравии — родине таких святых мест ислама, как Мекка и Медина. Бен Ладен подозревался в участии в ряде предыдущих террористических нападений на американские объекты за границей. Это были, например, одновременные нападения на американские посольства в Кении и Танзании (август 1998 г.)², и нападение на корабль ВМС США «Коул» в Йемене (октябрь 2000 г.). Вообще предполагалось, что Бен Ладен скрывался в Афганистане, где Аль-Каида при поддержке режима талибов организовала ряд тренировочных лагерей для исламских боевиков.

После первоначального шока и неверия Правительство США подготовилось к долгой и трудной борьбе против тех, кто несет

¹ The Economist. 2001. 22 Sept. P. 20.

² 18 сентября 2001 г. четырем лицам был вынесен приговор за устройство взрывов в посольствах. Все четверо были последователями Осамы Бен Ладена. Так, Мохаммед Саддик Оде был принявшим присягу членом Аль-Каиды, а Вахид эль-Хадж был близким помощником и бывшим личным секретарем Бен Ладена. См.: The New York Times. 2001. 19 Oct.

ответственность за теракты в частности и против терроризма вообще. В своем выступлении 20 сентября перед объединенной сессией Конгресса и американским народом Джордж Буш поклялся мобилизовать все имеющиеся у правительства ресурсы, чтобы обезвредить и уничтожить глобальную сеть террора. Ввиду глобального характера террористической угрозы первым и, возможно, наиболее важным шагом в этой борьбе являлось формирование международной коалиции. Сразу после событий 11 сентября американские официальные лица начали контактировать не только со своими традиционными союзниками, например Великобританией, но и со странами мусульманского мира. Стремясь привлечь мусульманские страны к своему делу, США всячески старались подчеркнуть, что предстоящая борьба будет направлена против терроризма, а не против ислама. Важнейшую роль в процессе создания коалиции играли также региональные державы — Россия и Китай и соседние с Афганистаном страны: Пакистан, Узбекистан, Туркмения и Таджикистан. Их поддержка была необходима не только для усиления изоляции сети Бен Ладена и талибского режима, но и для наращивания военного потенциала в регионе.

Усилия США по созданию коалиции оказались весьма успешными. Международное сообщество немедленно и единодушно осудило теракты и различными способами и в различной степени обещало США поддержку. 12 сентября Совет Безопасности ООН не только осудил теракты, но и расценил такие действия как угрозу миру и безопасности во всем мире. Кроме того, НАТО обратилась к ст. 5 Вашингтонского договора, которая предусматривает, что нападение на одного члена НАТО есть нападение на всех. Хотя никакого немедленного военного планирования не было предпринято, все натовские союзники были готовы обеспечить некоторую помощь¹. И Россия, и Китай — страны, традиционно очень скептически настроенные относительно американских военных инициатив за границей, — выразили готовность сотрудничать с США. Напротив, такие умеренные арабские страны, как Египет, Иордания и Саудовская Аравия, с неохотой присоединялись к антитеррористическому альянсу из опасения спровоцировать вос-

¹ Hill L. NATO Rallies Behind USA, But Denies Planning Military Action // Jane's Defence Weekly. 2001, 19 Sept. P. 5.

стания своих собственных исламских радикалов¹. Ключевой игрок — Пакистан — отвечал по-другому. Будучи поначалу главным сторонником режима талибов, Пакистан решительно встал на сторону коалиции во главе с США. В обмен на его поддержку были сняты санкции, введенные США против Пакистана после проведения им испытаний ядерного оружия в 1998 г. В рамках создаваемой коалиции США активизировали сбор разведанных обо всей организационной и финансовой структуре Аль-Каиды. На базе этой информации США вместе со своими союзниками предприняли шаги по ослаблению данной структуры, замораживанию и секвестру ее финансовых ресурсов и аресту лиц, подозреваемых в причастности к терроризму.

То, что военные действия должны были стать частью комплексного плана борьбы с терроризмом, разъяснил Президент Буш в своем послании Конгрессу 20 сентября, когда он призвал военных быть готовыми к бою. Президент подчеркивал, что нельзя ожидать единственного сражения. Некоторые аспекты военных действий можно будет увидеть по телевидению, другие будут тайными, секретными даже в случае успеха. По мере того как планирование и подготовка продвигались вперед, прояснились общие контуры военной стратегии. Военные действия прежде всего должны были сфокусироваться на Афганистане, хотя не исключалась возможность того, что в долгосрочной перспективе рамки операций могли быть расширены. Операция в Афганистане должна была разворачиваться в три этапа. Вначале планировалось провести воздушную кампанию с целью достижения превосходства в воздухе. Далее силы спецназа должны были выступить против тренировочных лагерей террористов. И, наконец, в случае необходимости, в бой были бы введены сухопутные силы, чтобы склонить чашу весов на сторону Северного альянса — антиталибской коалиции, действовавшей на севере Афганистана и состоявшей главным образом из узбеков и таджиков.

В то же время и в ожидании неизбежных военных действий Джордж Буш предъявил режиму «Талибан» ультиматум. Талибы должны выдать всех главарей Аль-Каиды американским властям, а также немедленно и навсегда закрыть все тренировочные лагеря террористов в Афганистане. Было также заявлено, что, если эти

¹ *Ratnesar R. All For One For Now // Time. 2001. 1 Oct. P. 42.*

безоговорочные требования не будут выполнены, режим «Талибан» разделит судьбу террористов. Мулла Омар, глава талибов, отклонил этот ультиматум. Ранее совет мусульманских улемов, которому также был предъявлен аналогичный американский ультиматум, отверг его, заявив, что ему нужны доказательства причастности Бен Ладена к терактам. Позднее совет предложил своего рода компромисс, попросив Бен Ладена добровольно покинуть Афганистан. Для США этот компромисс был недостаточен.

Военная часть комплекса ответных мер была введена в действие 7 октября. Как и планировалось, операция «Несокрушимая свобода» началась с воздушных ударов по террористическим лагерям Аль-Каиды и военным объектам талибов. В этих первоначальных военных действиях использовались бомбардировщики наземного базирования (B-52 и B-1, выполнявшие полеты с острова Диэго Гарсия, и B-2, выполнявшие полеты из штата Миссури), штурмовые самолеты, взлетающие с авианосцев (F-14 и F-18 с кораблей ВМС США «Карл Винсон» и «Энтерпрайз») и крылатые ракеты, выпускаемые с американских и британских подводных лодок, а также американские самолеты и надводные корабли. В то же время США сбросили в северо-восточном Афганистане тысячи наборов продуктов. После трех дней авиаударов по военным объектам талибов министр обороны США Дональд Рамсфельд объявил, что было достигнуто превосходство в воздухе¹. Когда воздушная кампания перешла в следующую фазу, появилось сообщение о первых жертвах среди гражданского населения, и новые колонны афганских беженцев хлынули в Пакистан. Внутри самих США глубоко укоренился страх перед атаками с применением биотеррора, в связи с тем что зараженная сибирской язвой почта была доставлена в газеты, на радио и телевидение, в Сенат США и в корпорацию «Майкрософт». Стояла ли сеть Аль-Каиды за этой формой биотеррора, было неясно. 19 октября Пентагон подтвердил, что американский спецназ начал операции на юге Афганистана. Кампания потерпела серьезную неудачу, когда 26 октября талибы захватили и казнили Абдул Хака, ведущего деятеля оппозиции, принадлежавшего той же этнической группе, что и талибы (он был пуштуном) и пытавшегося создать южный альянс против талибов. К концу октября возглавляемая США коалиция усилила бомбардировку фронтовых позиций талибов,

¹ The Economist. 2001. 13 Oct. P. 23.

прокладывая тем самым путь для наступления Северного альянса. 9 ноября Северным альянсом был взят стратегически важный город Мазари-Шериф. За этим первым успехом быстро последовало падение афганской столицы Кабула. Бойцы талибов и Аль-Каиды были вынуждены отступить к своей цитадели на юге — Кандагару. В то же время ООН прилагала усилия, чтобы заложить основы для нового правительства Афганистана на широкой основе, в котором были бы представлены все этнические группы. К началу декабря пал Кандагар, и было сформировано временное правительство, пришедшее на смену талибам.

2. ПРАВОВОЕ ДЕЛО

Когда 7 октября началась операция «Несокрушимая свобода», Джордж Буш заверил вооруженные силы США, что их цели не просто четко определены, но *правые*. Но так ли было на самом деле? Каковы были в точности их цели и что можно сказать относительно характера их правового дела? И в обращении Джорджа Буша, и на брифинге министра обороны Рамсфелда 7 октября цели операции «Несокрушимая свобода» были заявлены весьма недвусмысленно: прекратить использование Афганистана как базы для террористических операций и нанести удар по военным объектам режима «Талибан». Также неоднократно подчеркивалось, что эти конкретные цели следует понимать как часть более широкой задачи — нанести поражение тем, кто применяет терроризм, и тем, кто укрывает террористов или оказывает им поддержку.

Само собой разумеется, что борьба против мирового терроризма внутри страны и в глобальном масштабе представляет собой правовое дело. Преднамеренное убийство невинных людей по любой причине (политической или религиозной) не может рассматриваться иначе, как серьезная несправедливость не только по отношению к тем, кого это непосредственно касается (жертвы, их родственники и друзья), но и по отношению к организованному обществу в целом. Страх перед случайностью и непредсказуемостью будущих терактов накладывает тяжелое бремя на бесперебойную работу общественных механизмов (в экономическом, политическом и социальном аспектах). На международном уровне следует учитывать возможность того, что терроризм и государственная поддержка терроризма могут вызвать политическую дестабилизацию ряда государств. В этом отношении вполне понятно, что Совет

Безопасности именуется акты, подобные совершенным 11 сентября, как угрозу миру и безопасности во всем мире (Резолюция 1368 от 12 сентября).

Искупить несправедливость, которая связана с человеческими жертвами, конечно, невозможно. Ничто не может восстановить жизнь людей, погибших от таких терактов. Однако в контексте борьбы с терроризмом дело может разумно и реалистически квалифицироваться как правое, если речь идет о наказании за прошлые несправедливости и/или о предотвращении подобных несправедливостей в будущем. Хотя данный аргумент в пользу правого дела может показаться очень прямолинейным, это не совсем так.

Для наказания за несправедливость нужно знать, кто несет за нее ответственность. Это требование кажется достаточно легко удовлетворимым при рассмотрении обычных межгосударственных войн. Когда Ирак, например, решил напасть на Кувейт в 1990 г., любой мог легко увидеть, кто совершил несправедливость. Вопрос об идентификации совершенной несправедливости не столь ясен в случае терактов вроде тех, что имели место 11 сентября. Здесь мы имеем дело с безликим врагом, который не берет на себя ответственность за свои действия. Логический вывод из этой конкретной проблемы для аргументации в пользу правого дела очевиден. Хотя характер правого дела — борьбы с терроризмом — как таковой не вызывает споров, он может потерять очевидность, когда начнутся нападения на людей, организации или страны, которые могут подозреваться в причастности к терроризму, убедительных доказательств которой (еще) нет.

В каком же состоянии находился вопрос об ответственности в то время, когда возглавляемая США коалиция начала военные действия против террористических лагерей Аль-Каиды и военных объектов движения «Талибан»? С самого начала следственные органы в США и за рубежом сосредоточили внимание на Осаме Бен Ладене, который лично отрицал любую причастность к терактам. Характер терактов 11 сентября походил на предыдущие покушения, в которых Бен Ладен был главным подозреваемым. Далее, было известно, что Бен Ладен обладал организацией и ресурсами для выполнения подобной операции¹. Однако эти и

¹ The Economist. 2001. 15 Sept. P. 15.

другие указания в лучшем случае представляли собой косвенные улики. Из-за смутного и неуловимого характера Аль-Каиды скоро стало ясно, что будет очень трудно собрать доказательную базу против Бен Ладена и его организации, которая могла бы иметь судебную перспективу. И все же ввиду тяжести преступления и сохраняющейся угрозы дальнейших терактов было решено начать параллельно с судебным расследованием «по всей форме» (которое могло продлиться годы) ускоренное расследование, цель которого состояла в том, чтобы представить миру убедительные данные о причастности Бен Ладена к терактам¹.

В рамках этих усилий и перед самым началом военной кампании ряду ключевых игроков в антитеррористической коалиции были представлены доказательства, которые оказались достаточно убедительными. Для всех 19 послов стран НАТО объем доказательств был достаточным, чтобы у них не оставалось никаких сомнений². Пакистанское правительство также нашло «достаточными основания для обвинительного акта». Хотя большая часть собранной информации была скрыта от публики, та информация, которая была обнародована (например, в британской «Белой книге», представленной премьер-министром Т. Блэром), ясно показала, что Аль-Каида действительно была причастна к событиям 11 сентября³. Например, имелись данные, что один из ближайших сторонников Бен Ладена помогал спланировать теракты. Кроме того, было установлено, что в недели, предшествовавшие терактам, близких соратников Бен Ладена предупредили о необходимости возвращения в Афганистан к 10 сентября. Незадолго до терактов 11 сентября последователи Бен Ладена говорили о планировании «очень больших нападений» на Америку⁴.

Могут ли эти данные, полученные путем ускоренного расследования, считаться достаточными для установления того, что дело правое? Имеются серьезные основания полагать, что могут.казалось, имелись вполне достаточные указания на то, что личности, связанные с бенладеновской сетью Аль-Каиды, участвовали в планировании и осуществлении терактов. Кроме того, не следует забывать, что террористическая организация Аль-Каида объявила

¹ *Cloud J.* The Manhunt Goes Global // *Time*. 2001. 15 Oct. P. 50.

² *Cloud J.* Op. cit. P. 52.

³ *Ibid.* P. 51.

⁴ *The Economist*. 2001. 15 Sept. P. 15.

в 1998 г., что убивать американских граждан и их союзников повсюду — долг всех мусульман¹. Как показали предшествующие атаки на американские объекты, это не были пустые угрозы. Исходя из этого, можно было бы обоснованно оправдать использование военной силы в борьбе с террористической организацией типа Аль-Каиды не только с точки зрения наказания или возмездия, но и с точки зрения защиты от ясных и реально существующих угроз.

Что можно сказать относительно ударов по военным объектам «Талибана»? Существует ли достаточно доказательств, чтобы связать режим талибов с сетью Аль-Каиды? Вроде бы существует. После того как Бен Ладен был выслан из Судана в 1996 г., он нашел убежище в Афганистане в то время, когда движение «Талибан» устанавливало контроль над страной. По-видимому, Бен Ладен также материально поддерживал талибов для того, чтобы они в сентябре 1996 г. могли захватить Кабул². В последующие годы Бен Ладен расширил свое влияние на талибов и получил разрешение на постройку многочисленных лагерей по подготовке воинов ислама. Когда к талибскому режиму обратились с просьбой выдать Бена Ладена правосудию, министр иностранных дел Муттавакиль сказал, что Бен Ладен «был другом в нужде и было бы очень трусливо бросить его на этом этапе его жизни»³. Ясно, что талибы были не только очень хорошо осведомлены о деятельности Аль-Каиды, но и поддерживали и защищали эту организацию. Поэтому удары по режиму «Талибан» являются законной частью военных усилий в борьбе против терроризма.

3. ДОБРЫЕ НАМЕРЕНИЯ

По сравнению с интервенцией НАТО в Косово (1999) намерения, связанные с военными планами возглавляемой США коалиции в Афганистане, подвергались сомнению гораздо реже. Такие страны, как Россия и Китай, которые обычно критически настроены к применению силы Западом, были теперь благосклонны или по крайней мере уступчивы по отношению к военным действиям в

¹ *Beyer L.* Roots of Rage // *Time*. 2001. 1 Oct. P. 52—54.

² *Mcgeary J.* The Taliban Troubles // *Time*. 2001. 1 Oct. P. 50.

³ *Bloch H.* A Land of Endless Tears // *Time*. 2001. 24 Sept. P. 61.

Афганистане. Например, Россия предложила США воспользоваться ее разведанными, а также использовать ее воздушное пространство¹. Она поддержала просьбу США к Узбекистану и Таджикистану об использовании их аэродромов. Конечно, это не доказывает, что намерения США и других заинтересованных стран были добрыми или хорошими. Это просто указывает на то, что в данном конкретном случае Россия и Китай имели свои причины не выступать против военных действий. Для российского Президента Владимира Путина это был прекрасный повод настаивать на том, что Запад должен рассматривать чеченских сепаратистов как часть международного террористического заговора². Подозрительно относясь к сепаратистскому движению в Синцзяне, Китай, со своей стороны, также примирился с американской военной кампанией.

Но что можно сказать непосредственно о намерениях возглавляемой США коалиции? В официальных декларациях США и их союзников, а также в средствах массовой информации было выдвинуто несколько намерений:

1. Законная защита от терроризма, наказание виновных и предметный урок для других государств, которые поддерживают терроризм.

2. Гуманитарная цель — окончание гражданской войны в Афганистане, что позволило бы возвратиться беженцам, стабилизировать правление и экономическое развитие (в пропагандистской войне против талибов важнейшее место занимало притеснение женщин).

3. Уничтожение плантаций наркотиков в Афганистане.

4. Обеспечение американского доминирования во всемирном масштабе благодаря ведущей роли США в антитеррористическом альянсе.

5. Геополитическая цель обеспечения большего американского присутствия в регионе, особенно в плане соперничества с региональными державами — Китаем и Россией, и в плане нефтяной и газовой политики.

6. Военная цель — испытание новых методов ведения боевых действий и видов вооружения.

¹ The Economist. 2001. 27 Oct. P. 24.

² Golts A., Novichkov N. Putin Outlines Co-operation // Jane's Defence Weekly. 2001. 10 Oct. P. 3.

Официальные лица США и их союзников заявили, что их намерения состояли в достижении первых трех целей. Однако наблюдатели утверждали, что другие намерения были также налицо. Действительно, имеются серьезные основания полагать, что все эти намерения играли определенную роль в стратегии США в борьбе против терроризма. Но признания существования таких целей недостаточно для того, чтобы оценить, в какой степени соблюдался принцип добрых намерений. Для проверки этого принципа следует оценить моральную ценность различных намерений, перечисленных выше, и проанализировать, в какой мере они могут рассматриваться как решающие для начала военных действий.

Среди намерений, перечисленных выше, только первое может рассматриваться как обоснованная причина для начала войны. Попытка защитить своих граждан от прямых и убийственных атак, предприняв все необходимые меры (включая военную силу), — дело естественное. Ни гуманитарная ситуация в Афганистане (намерение 2), ни наличие плантаций наркотиков (намерение 3) не оправдывали бы применения силы. И все-таки можно считать, что реализация этих целей повышает общую моральную легитимность военной операции. Гуманитарные цели войны включали, среди прочего, возможность возвращения в свои дома миллионов беженцев: это рассматривалось, например, иранским правительством как достаточная причина для того, чтобы не выступать против войны. Намерение США повысить свою роль гегемона во всемирном (намерение 4) и региональном (намерение 5) масштабе не может, однако, рассматриваться как морально правильное. Но даже предполагая, что военные США имели такие цели, российское и китайское правительства не считали их достаточно важными, чтобы выступить против военной политики США. Можно также сказать, что испытание новых форм боевых методов и систем оружия в регионе вряд ли были основными мотивами военного ответа на события 11 сентября.

Таким образом, представляется, что есть серьезные основания полагать, что намерения тех, кто использовал силу против Афганистана, находились в соответствии с официально объявленными целями. Однако иметь, по крайней мере частично, хорошие намерения было, вероятно, необходимо. С самого начала военных действий коалиции стало ясно, что недостаточно *иметь* добрые намерения — необходимо, чтобы другие *видели*, что у вас добрые

намерения. Для того чтобы удержать антитеррористическую коалицию от распада, США не должны были допустить, чтобы их подозревали в том, что они действуют в соответствии с какими-то скрытыми намерениями.

Гуманитарные цели, описанные выше, однако, не лишены проблем. Как в обращении 20 сентября, так и 7 октября Джордж Буш подчеркивал, что борьба велась против Аль-Каиды и режима талибов, а не против ислама или афганского народа. Напротив, афганский народ, сказал Буш, сам был жертвой репрессивного режима. Чтобы принимали всерьез их обязательство бороться с терроризмом, а не с афганским народом, США начали гуманитарную кампанию, сбрасывая с воздуха тысячи наборов готовых к употреблению продуктов, чтобы помочь прокормить голодающее афганское население¹. Эту политику сурово критиковали гуманитарные организации. Они заявляли, что было неправильно смешивать военные операции с гуманитарной помощью. На их взгляд, гуманитарную помощь должны оказывать организации, которые воспринимались как нейтральные всеми сторонами. Кроме того, такие операции имели главным образом пропагандистскую цель и, как считают, были в значительной степени неэффективными в деле помощи гражданскому населению.

Убеждая исламский мир в искренности своих намерений, США стояли перед трудной проблемой, связанной с их позицией по отношению к политическому будущему Афганистана. Хотя цели операции «Несокрушимая свобода», как подчеркивалось в послании Буша 7 октября, ограничивались атаками на военные объекты талибов, вскоре выяснилось, что намерения США были шире. Для того чтобы создать условия, необходимые для антитеррористических операций и для поставки гуманитарной помощи, было признано необходимым заменить талибский режим правительством, имеющем широкую основу². Было ясно, что Бен Ладен связал судьбу своих боевиков (и свою судьбу) с талибским режимом теснее, чем когда-либо³. Министерство обороны США было убеждено, что «один не мог бы выжить без другого». И все же министр обороны Рамсфельд напомнил всем о добрых намерениях Америки, сказав, что США «не имеют стремлений

¹ The Economist. 2001. 20 Oct. P. 18.

² Ibid. P. 17.

³ The Economist. 2001. 27 Oct. P. 17.

оккупировать или сохранять за собой какую-либо территорию в этом регионе — мы просто пытаемся искоренить терроризм»¹. И как часть процесса выкорчевывания террористов в Афганистане должны были произойти политические перемены. Иначе Аль-Каида или другие группы террористов со временем возвратились бы в эту страну.

4. КРАЙНЕЕ СРЕДСТВО

7 октября, почти через месяц после событий 11 сентября, возглавляемая США коалиция начала военную кампанию против организации Аль-Каида и режима талибов. Несмотря на то что общественное мнение оказывало сильное давление с тем, чтобы нанести ответные удары без всякой задержки, администрация Буша вместе со своими ближайшими союзниками проявили удивительную сдержанность. В эти первые дни США дали противнику возможность избежать военного ответа, направив ультиматум талибскому режиму (но не бенладеновской организации Аль-Каида). Джордж Буш 20 сентября потребовал от талибов: 1) выдать властям США всех лидеров Аль-Каиды; 2) отпустить всех иностранных подданных, несправедливо заключенных в тюрьмы; 3) защитить иностранных журналистов, дипломатов и сотрудников гуманитарных организаций в Афганистане; 4) немедленно и навсегда закрыть все тренировочные лагеря террористов в Афганистане; 5) выдать всех террористов и лиц, оказывающих им поддержку; 6) предоставить США беспрепятственный доступ к тренировочным лагерям террористов. Эти требования не подлежали обсуждению. Далее указывалось, что режим талибов должен действовать немедленно или он разделит судьбу террористов. Хотя сначала совет мусульманских улемов был уклончив в своем ответе (настаивая на дополнительных доказательствах причастности Бен Ладена, а позднее предлагая компромисс, попросив Бен Ладена покинуть страну), в конце концов мулла Омар, глава талибов, отклонил ультиматум. 7 октября с началом военной кампании Джордж Буш прямо сослался на тот факт, что ни одно из требований, предъявленных талибам, не было принято, вследствие этого «талибы заплатят высокую цену».

¹ The Economist. 2001. 13 Oct. P. 24.

Как все это оценить с точки зрения крайнего средства? Можно констатировать, что сдержанность, проявленная в первые дни, не была мотивирована преимущественно стремлением отложить военные операции до тех пор, пока не будут испробованы различные невоенные меры. Скорее сдержанность объясняется тем, что для успешного реагирования на теракты необходимо было какое-то время на военную и дипломатическую подготовку. В самом деле, строгие, безоговорочные требования, предъявленные талибам, с одной стороны, и тесные связи режима талибов с сетью Аль-Каиды — с другой, говорили о том, что шансы на выполнение ультиматума были незначительны. Самое большее, что можно сказать с точки зрения крайнего средства: такой способ действия выглядел не очень многообещающим. Складывается впечатление, что вследствие невозможности немедленно дать успешный военный ответ США формально предъявили невыполнимый ультиматум. Следующий вопрос, конечно, состоит в том, должны ли были США отнестись к принципу крайнего средства более серьезно? Например, должны ли были они предоставить талибам больше простора для маневра, чтобы те могли предложить приемлемый компромисс (подобный тому, который они предложили)? Далее мы убедимся, что такой вариант не столь разумен, как кажется.

Не следует забывать, что требование соблюдения принципа крайнего средства имеет определенное значение в тех ситуациях, когда нация противостоит *совершающемуся* нападению. Здесь первым и последним возможным ответом является ответ военный. Положение несколько меняется в том случае, когда, как и произошло с военными действиями возглавляемой США коалиции, немедленный ответ на теракты невозможен, но будет дан через некоторое время. В такой ситуации уже нет необходимости в немедленном военном сопротивлении *совершающейся* агрессии и вследствие этого причина для неиспользования ряда невоенных средств отпадает или по крайней мере *кажется*, что отпадает.

Но были ли в самом деле другие варианты, которые стоило рассматривать в данных обстоятельствах? Есть серьезные основания полагать, что их не было. Помимо того, что США находились в состоянии самообороны, не следует забывать, что возглавляемая США коалиция имела (и имеет) дело с непонятной и неуловимой организацией, которая стремится к достижению своих антизападных целей любой ценой. При таком сценарии обычные невоенные меры — экономические санкции или политическое давление —

вряд ли окажут действие. Организация типа Аль-Каиды не имеет экономики, которой можно повредить или которую можно изолировать. Хотя такая организация может иметь политические цели, маловероятно, что ее можно убедить прекратить преследовать эти цели путем насилия, если, конечно, не капитулировать перед ней и не дать ей то, что она хочет. Попытка отключения и замораживания финансовых ресурсов такой организации, как это сделала антитеррористическая коалиция, не может рассматриваться как альтернатива военным действиям. Эти попытки были просто малой частью общей стратегии борьбы с терроризмом.

А как следовало поступать с режимом талибов? Разумно ли здесь было рассматривать другие меры, кроме ультиматума? Хотя такие альтернативные варианты, как экономические санкции, имеют больше смысла, когда они применяются против государства (Афганистан в отличие от организации Аль-Каиды имеет экономику, какой бы она ни была бедной), они не очень практичны в определенных обстоятельствах борьбы с терроризмом. Из-за множества взаимосвязей «Талибана» и Аль-Каиды маловероятно, что талибы могли уступить давлению, скажем, экономических санкций. И даже если бы был шанс, что такая альтернатива могла сработать, это в лучшем случае произошло бы в отдаленной перспективе.

Независимо от конечного результата почти наверняка это случилось бы слишком не сразу, а то и слишком поздно. К тому времени, когда талибы начали бы идти на уступки под давлением альтернативных санкций, Аль-Каида могла бы уже перебазироваться и укрыться в другие убежища. Последствия экономических санкций для гражданского населения могли быть не менее разрушительными, чем открытая война. Что касается строгого, безоговорочного характера ультиматума, то ясно, что требования, предъявленные в ультиматуме, означают ни больше, ни меньше чем абсолютное сотрудничество талибов в борьбе с Аль-Каидой. Выполнение таких требований не представляло бы проблемы, если режим талибов честно вознамерился помочь уничтожить Аль-Каиду. Исходя из ответов руководства «Талибан» на ультиматум США, такие честные намерения у него явно отсутствовали.

5. ВЕРОЯТНОСТЬ УСПЕХА

С самого начала США и их союзники ясно дали понять, что военные действия будут важной частью комплекса ответных мер против международного терроризма. Было также четко заявлено, что военный ответ на теракты 11 сентября не будет похож на другие недавние военные операции, такие, как война в Персидском заливе (1991) или конфликт в Косово (1999). Не будет крупномасштабных танковых сражений (подобно войне в Персидском заливе), или «одноколейной» (single-track) стратегии воздушных бомбардировок (как во время Косовской войны). Скорее, будет проводиться разносторонняя кампания с использованием точечного бомбометания и спецназа. То и другое будет поддерживаться значительными усилиями по сбору разведанных¹. Подчеркивалось, что не будет единственного сражения, но будет длительная кампания, успехи в которой будут терпеливо накапливаться. Но насколько реалистично было ожидать этого терпеливого накопления успехов? Или, выражаясь по-другому, какова вероятность того, что возглавляемая США коалиция в конечном счете достигнет двух целей, которые поставил Джордж Буш в начале операции «Несокрушимая свобода»? Можно ли одновременно прекратить использование Афганистана как базы для террористических операций и нанести удар по военным объектам талибского режима?

Явное военное превосходство США и их союзников давало веские основания полагать, что рано или поздно режим талибов будет свергнут и сеть Аль-Каиды будет в значительной степени обезврежена. Но, как и в каждой военной операции, следует соблюдать осторожность. Если Вьетнамская война и советское вторжение в Афганистан чему-либо нас научили, так это тому, что военное превосходство не является гарантией успеха. Хотя военное превосходство внушает как военным, так и политическим лидерам обоснованную уверенность, нужно избегать чрезмерной самонадеянности. Действительно, существует слишком много фак-

---

¹ После событий 11 сентября задавались вопросы о качестве разведывательного потенциала США и, в частности, о так называемой человеческой разведке (HUMINT). Этот вид разведывательной деятельности связан с анализом и распространением необработанного разведывательного материала. Как следствие, комитет Сената США по разведке призвал увеличить инвестиции в области HUMINT. См.: *Beal C., Koch A. Chronic HUMINT Underfunding Blamed For Security Failures // Jane's Defence Weekly. 2001. 19 Sept. P. 4.*

торов неясности, и планирование такой операции — уравнение со многими неизвестными, чтобы ее исход можно было считать решенным делом. Такая операция как «Несокрушимая свобода» — конечно, тоже не исключение из правила.

Первый из усложняющих факторов — характер врага. Бороться с организацией вроде Аль-Каиды — нелегкая задача. Она не является иерархически структурированной наподобие армии, но имеет структуру в виде сети маленьких самостоятельных ячеек, которые работают в международном масштабе¹. Такая децентрализованная сеть может быть необычайно эластична, поскольку изъятие одного узла в структуре, даже важного, например Бен Ладена, не обязательно скажется на ее общей эффективности. Другие узлы в сети просто будут выполнять его задачи². Талибы, хотя и менее неуловимые, чем Аль-Каида, также создают свои проблемы. Члены «Талибана» знают афганский ландшафт (вспомните о множестве пещер с многочисленными входами, которые рассеяны по всему Афганистану), а их опыт в борьбе с Советской Армией в 1970—1980-х гг. делает их противниками, которых не следует недооценивать. Кроме того, они, как кажется, довольно неплохо восполняют отсутствие у них сложного вооружения³, используя в своей тактике увертки и хитрости. Они знают, например, как рассредоточить свои отряды и технику в городских районах и среди гражданского населения⁴. Без сомнения, такого рода асимметричная тактика создает серьезную угрозу для успеха военной операции⁵.

Это подводит нас ко второму фактору. Речь идет о замораживании финансовых активов Аль-Каиды и проведении скоординированного международного расследования относительно

¹ Elliott M. We're At War // Time. 2001. 24 Sept. P. 48.

² Rothstein E. Lacking a Center, Terrorist Networks Are Hard to Find, Let Alone Fight // The New York Times. 2001. 20 Oct.

³ Хотя талибы не шли ни в какое сравнение с возглавляемой США коалицией с технической точки зрения, известно, что в распоряжении талибов имеется ряд запускаемых с плеча ракет «Стингер», которые были поставлены ЦРУ во время войны с Советским Союзом. Эти ракеты представляют большую угрозу вертолетам. По данным исследования, проведенного американской армией в 1989 г., афганцам удалось 340 раз произвести пуски этих ракет, при этом было сбито 269 советских самолетов. Elliott M. Down and Dirty // Time. 2000. 22 Oct. P. 54.

⁴ Burger K. Taliban 'Asymmetric' Tactics Hamper US Strikes // Jane's Defence Weekly. 2001. 31 Oct. P. 3.

⁵ Ratnesar R. Bombs Away // Time. 2001. 12 Nov. P. 25.

структуры и местонахождения Аль-Каиды. Эти усилия столь же важны, как и военная операция. Они ослабляют и изолируют террористов в Афганистане. Но, пожалуй, наиболее существенны дипломатические усилия, которые необходимо приложить параллельно с военными. Создать и сохранить широкую международную коалицию по борьбе с терроризмом нелегко, тем более что наращиваются масштабы операций. Критически важной в этом отношении является поддержка со стороны мусульманских лидеров прифронтовых государств, например Пакистана. Хотя нет необходимости в прямой военной помощи этих стран, они очень важны для военной кампании с точки зрения линий снабжения и локальных баз, с которых может оперировать коалиция во главе с США¹.

Третий усложняющий фактор имеет отношение к роли, которую играет в военных операциях антиталибский Северный альянс. С одной стороны, возглавляемая США коалиция рассчитывала, что этот альянс поможет свергнуть режим талибов. С другой стороны, США и их союзники не хотели, чтобы узбеки и таджики доминировали в Северном альянсе и в случае победы могли взять Афганистан под свой контроль². Этому также сильно противился Пакистан, который испытывает традиционные пропуштунские симпатии (пуштуны — крупнейшая этническая общность, к которой принадлежат талибы). Это означает, что, если США и их союзники хотят достичь стабильности в Афганистане и сохранить Пакистан в антитеррористической коалиции, они должны будут заняться решением чрезвычайно сложной задачи — создания постталибского правительства, представляющего все этнические группы в Афганистане.

Как при этих условиях оценить вероятность успеха? Учитывая военное превосходство и решимость возглавляемой США коалиции, пользующейся огромной общественной поддержкой, можно сделать обоснованное предположение, что существует определенный шанс на успех в деле победы над талибским режимом. В этом отношении весьма показателен опрос населения, проведенный «Нью-Йорк Таймс» и «Си-би-эс ньюс» в начале войны; результаты его показали, что большинство американцев готовы примириться с гибелью нескольких тысяч американских солдат в ходе опе-

¹ The Economist. 2001. 3 Nov. P. 11.

² Gordon M. Alliance of Convenience // The New York Times. 2001. 23 Oct.

рации¹. Кроме того, Афганистан находится практически в полной международной изоляции. Даже Россия и Китай — две страны, которые не стоит подозревать в западных симпатиях, согласились с военными инициативами США, хотя в немалой степени и по причинам собственной выгоды.

Это не значит, однако, что возглавляемая США коалиция может считать международной (и даже внутренней) поддержку в долгосрочной перспективе само собой разумеющейся. Долгосрочные перспективы достижения успеха в антитеррористической борьбе вообще не столь хороши, как возможности успеха военной операции против режима талибов. Во-первых, американская администрация взвешивает дальнейшие шаги, направленные против иракского режима. Эти шаги не получили такой же поддержки среди союзников США, как война в Афганистане. Некоторые страны открыто выступили против военных операций применительно к Ираку. Это особенно касается правительств различных мусульманских стран, где не требуется много усилий, чтобы превратить войну против терроризма в такую, которая считается войной против ислама.

Во-вторых, США и их западные союзники испытывают трудности, пытаясь убедительно объяснить свою политику мусульманскому общественному мнению. На дипломатическом уровне смена курса могла бы означать выдвижение инициатив в израильско-палестинском конфликте, чтобы найти компромиссное решение, приемлемое для арабского мира. Американская дипломатия в регионе в прошлом воспринималась как открыто произраильская. После 11 сентября американская администрация предприняла некоторые шаги по смягчению своей политики относительно целей палестинцев. Джордж Буш впервые заговорил о палестинском государстве, а госсекретарь Колин Пауэл призвал к окончанию израильской оккупации палестинской территории. Строительство там новых еврейских поселений также подверглось осуждению². Но это не было знаком существенной перемены в подходе США к израильско-палестинскому конфликту. Администрация Буша усилила свою позицию в отношении палестинского лидера Ясира Арафата после акций террористов-самоубийц в Иерусалиме

¹ *Apple R.W. Jr.* Afghanistan as Vietnam // The New York Times. 2001. 31 Oct.

² Financial Times. 2001. 5 Dec.

и Хайфе в декабре 2001 г.¹ Множество трудностей в достижении значительного прогресса в израильско-палестинском конфликте не предвещает ничего хорошего для союза против терроризма.

В-третьих, вероятность успеха в деле уничтожения всех террористических организаций типа Аль-Каиды сомнительна. Хотя разумно предположить, что со свержением режима талибов сеть Аль-Каиды будет сильно дезорганизована, эта и другие подобные организации, вероятно, в той или иной форме уцелеют.

6. СОРАЗМЕРНОСТЬ (*AD BELLUM*)

Цели войны не просто должны соответствовать критериям правого дела — они должны быть достаточно существенны, чтобы перевесить потенциальные опасности войны. Так ли это применительно к операции «Несокрушимая свобода»? Действительно ли можно сказать, что блага, которые возглавляемая США коалиция надеялась получить от этих операций, перевесили возможные дурные последствия?

То, что США и их союзники надеялись достичь посредством операции «Несокрушимая свобода», было достаточно ясно. Лишив террористов возможности использовать территорию Афганистана в качестве базы для террористических операций и нанеся удар по военным объектам режима талибов, они хотели способствовать решению общей задачи — наказанию тех, кто несет ответственность за теракты, и, таким образом, предупреждению и предотвращению дальнейших терактов. Если бы только часть этой задачи была реализована, даже тогда число спасенных невинных жизней было бы весьма значительно. Но это еще не все. Если бы можно было доказать, что в результате операции международное сообщество сможет противостоять глобальной угрозе терроризма, это вселило бы в демократические общества новую уверенность, которая позволила бы им действовать вновь в некой новообретенной нормальности.

Было бы, конечно, чрезмерным оптимизмом предполагать, что эту проблему можно решить одной военной силой. Операция «Несокрушимая свобода» была, как мы уже показали, лишь одним из многих компонентов ответных мер против терроризма в

¹ The Economist. 2001. 8 Dec. P. 11.

целом. Но несмотря на то что военным усилиям нельзя всецело приписывать заслугу предупреждения и предотвращения будущих терактов, их вклад следует оценить как весьма существенный. После военной операции против режима, явно связанного с террористической сетью, какой является «Талибан», стало возможно лишить эту сеть поддержки. Однако применение военной силы даже в качестве составной части комплекса ответных мер связано с определенным риском.

Существует риск для тех, кто непосредственно участвует в военных действиях в качестве комбатантов. Учитывая довольно примитивный характер ПВО талибов, можно с достаточным основанием предположить, что боевой риск для пилотов будет, в общем, ограниченным. Это стало еще более очевидным после завершения первой фазы воздушной кампании, во время которой подавлялись средства ПВО. Боевой риск для сухопутных сил (спецназ и др.) следует оценивать как намного более значительный. Поскольку талибы и бойцы Аль-Каиды, вероятно, стали бы избегать открытого боя с технологически превосходящим противником, сухопутные силы возглавляемой США коалиции столкнулись бы с врагом, который прибегнет к партизанской тактике. При таком сценарии число жертв с обеих сторон могло бы значительно возрасти.

Риск для некомбатантов следовало, без сомнения, считать значительным. Мало того, что всегда существовал риск попасть под обстрел на линии огня (т.е. так называемый побочный ущерб), не замедлили сказаться, и это более важно, предсказуемые разрушительные последствия войны для афганского общества. Гуманитарные лишения афганского народа, даже при отсутствии войны, были огромны. По оценкам, до начала войны около 6 млн человек во всем Афганистане зависели от снабжения извне, со стороны агентств по оказанию помощи¹. Когда началась операция «Несокрушимая свобода», гуманитарная ситуация ухудшилась. Талибы приостановили работу агентств гуманитарной помощи, и в результате тысячи беженцев начали двигаться к пакистанской границе. Сбрасываемые авиацией США с воздуха продовольственные наборы, будучи прекрасным жестом, не облегчали гуманитарных лишений населения.

---

¹ The Economist. 2001. 20 Oct. P. 18.

Кроме риска жертв среди военных и гражданского населения существовал ряд стратегических рисков. Было, например, легко представить себе, что прямая военная конфронтация с международной, организованной террористической сетью, подобной Аль-Каиде, спровоцирует дальнейшие теракты. Нельзя было исключать возможность использования в данной связи химического и даже ядерного оружия¹. Еще один риск был связан с произведенным коалицией во главе с США выбором союзника в войне с движением «Талибан». Сделав Северный альянс частью своей стратегии по борьбе с талибами, США и их союзники рисковали вновь погрузить Афганистан в хаос и анархию. Не исключалась возможность, что после победы над режимом талибов Северный альянс просто отвергнет предложение США о создании в Афганистане правительства на широкой основе. Или, что еще хуже, различные группировки внутри Альянса станут враждовать друг с другом — ситуация, напоминающая о распрях, начавшихся после распада Советского Союза в начале 1990-х гг.

Другой тревожной опасностью была возрастающая поддержка исламского фундаментализма в мусульманских государствах. В такой стране, как Пакистан, режим талибов традиционно пользовался большой общественной поддержкой. Опасение, что США и их союзники превратят борьбу против терроризма в войну против ислама, казалось реальным и оправданным. При таком сценарии в духе «столкновения цивилизаций» задача борьбы против Аль-Каиды стала бы даже более сложной, чем раньше. Существовал риск, что вместо изоляции Аль-Каиды операция «Несокрушимая свобода» приведет к укреплению ее мощи, позволив перенести ее в какую-нибудь одну или несколько стран.

Из всего этого можно было сделать вывод, что операция «Несокрушимая свобода» не отвечала принципу соразмерности, поэтому проводить ее не стоило. Данный вывод убедителен. Конечно, если добавить к аргументу о необходимой соразмерности не очень приятную мысль, что фундаменталистскую организацию вроде Аль-Каиды вообще не просто утратить такой военной операцией, как «Несокрушимая свобода», он становится даже еще более убедительным. И все же по ряду причин анализ, проводимый

¹ См. также: *Allison G. Could Worse Be Yet to Come? // The Economist. 2001. 3 Nov. P. 19–21.*

в категориях принципа соразмерности, не обязательно должен давать столь отрицательный результат. Хотя военные операции всегда влекут за собой серьезные риски, в случае операции «Несокрушимая свобода» большинство рисков поддается управлению. Избирательное проведение военных действий возможно и усилия по завоеванию сердец и душ жителей умеренных арабских стран дают возможность значительно уменьшить существующий риск. Кроме того, хотя будущие теракты не могут быть предотвращены военными операциями, было бы оптимистической наивностью предполагать, что будущих терактов можно избежать, *не* проводя военных операций. Напротив, отсутствие военного ответа, весьма вероятно, было бы истолковано как признак слабости. Это даже подтолкнуло бы других к подражанию деяниям Аль-Каиды.

А что можно сказать о гуманитарных последствиях операции «Несокрушимая свобода»? Были ли они, подобно другим опасностям, управляемыми? До некоторой степени были. Значительная гуманитарная помощь, оказанная в сотрудничестве с агентствами по оказанию помощи, могла бы облегчить немало человеческих страданий. Здесь следует отметить, что благодаря операции «Несокрушимая свобода» поступило больше гуманитарной помощи, чем это было возможно до тех пор, пока режим талибов был у власти. Но даже такой ускоренной помощи вряд ли будет достаточно. Долговременные программы помощи по восстановлению постталибского общества окажутся абсолютно необходимыми для того, чтобы возглавляемая США коалиция могла сохранить поддержку мусульманских стран в своей дальнейшей борьбе против глобального терроризма.

7. ЛЕГИТИМНАЯ ВЛАСТЬ

«По моему приказу Соединенные Штаты приступили к ударам по лагерям для подготовки террористов Аль-Каиды и военным объектам режима талибов в Афганистане». Этими словами Джордж Буш открыл свое обращение к нации 7 октября, чтобы объявить о начале военной кампании против терроризма. В том же обращении Буш также ясно дал понять, что США не одиноки в своей борьбе и эту борьбу поддерживает «коллективная воля мира». Ранее эта коллективная воля была более официально выражена в Резолюции Совета Безопасности 1368 (от 12 сентября), где терак-

ты 11 сентября осуждались и расценивались как угроза миру и безопасности во всем мире. В этой же резолюции Совет Безопасности призвал все государства «работать вместе, чтобы немедленно отдать под суд преступников, организаторов и спонсоров этих террористических нападений». Совет также призвал международное сообщество удвоить свои усилия по предотвращению и подавлению актов террора. В Резолюции 1373, сформулированной в соответствии с главой VII Устава ООН, Совет Безопасности далее уточнил те меры, которые страны — члены ООН были призваны предпринять для борьбы с глобальным терроризмом. В данной связи к государствам была обращена просьба воздерживаться от поддержки и финансирования тех, кто причастен к террористической деятельности, усилить и ускорить обмен информацией о действиях или движениях террористов — отдельных лиц или организаций. Однако Совет Безопасности *не* санкционировал использование всех необходимых средств (включая военную силу) для разрушения Афганистана как базы для террористических операций.

Здесь мы переходим к вопросу о центральной легитимной власти. Были ли США вместе с Великобританией уполномочены принимать самостоятельное решение о применении военной силы против Афганистана? Или им нужна была дальнейшая санкция Совета Безопасности? Устав ООН дает четкое разрешение отдельным государствам прибегать к военной силе для самозащиты или защиты других государств в случае вооруженного нападения. Это неотъемлемое право индивидуальной или коллективной самозащиты, как сказано в статье 51 Устава, подчинено двум условиям. Право самообороны может осуществляться только до тех пор, «пока Совет Безопасности не принял меры, необходимые для поддержания мира и безопасности во всем мире». Кроме того, страны — члены ООН должны немедленно сообщить Совету Безопасности о мерах, которые они приняли в осуществление права самозащиты.

Хотя было мало сомнений, что США стали объектом нападений извне, осуществление права на самозащиту США и Великобританией в ответ на эти теракты было не вполне корректным. Иницируя операцию «Несокрушимая свобода», США и Великобритания реагировали не на *совершающееся* нападение, но на теракты, которые имели место почти месяц назад. Согласно философии

статьи 51, это отличие имеет решающий характер. Главное оправдание для существования статьи 51 заключается именно в том, что государства должны быть способны сопротивляться совершающейся агрессии, точно так же как отдельные лица должны иметь право сопротивляться совершающимся нападениям на себя или на других. Однако когда нападение закончено и чрезвычайная ситуация прекращает существовать, государство должно обращаться в Совет Безопасности. То же происходит, когда нападают на отдельных лиц. Они должны искать правосудие у надлежащих властей общества, в котором они живут. Действительно, предполагается, что даже страна — член ООН, защищающаяся от продолжающейся агрессии, должна сообщить о том, что она делает, в Совет Безопасности с тем, чтобы Совет мог вмешаться и как можно скорее стабилизировать ситуацию. Исключительное право отдельного государства самостоятельно использовать силу, таким образом, чрезвычайно ограничено.

Можем ли мы вывести из этого такое заключение: нельзя сказать, что США и их союзники действовали надлежащим образом, в соответствии с принципом легитимной власти? Если строго придерживаться ограничительной интерпретации статьи 51, такое заключение кажется неизбежным. Но те, кто выступает против данной интерпретации, могут найти некоторую опору в аргументе, что самозащита в контексте террористических актов — не то же самое, что самозащита в контексте межгосударственной войны, когда самозащита направлена на отражение вооруженного нападения со стороны другого государства. В первом случае самозащита должна иметь профилактический характер. Отражение терактов в момент, когда они происходят, хотя оно и не совсем невозможно, — очень трудное дело, поскольку террористы могут нанести удар в любое время и в любом месте. Таким образом, успешная защита от терроризма должна фокусироваться на предотвращении совершения таких актов вообще. Если допустить, что эта профилактическая интерпретация права на самозащиту убедительна и оправдана, операция «Несокрушимая свобода», кажется, хорошо подпадает под свою категорию, поскольку главная цель коалиции во главе с США состояла в прекращении использования Афганистана как базы для террористических операций. Согласно этой более широкой интерпретации статьи 51, можно заключить, что решение США и Великобритании предпринять свои атаки соответствуют принципу легитимной власти.

Как уже говорилось, статья 51 предусматривает, что право на самозащиту (и, следовательно, на удовлетворение принципа легитимной власти) может быть осуществлено только до тех пор, пока Совет Безопасности не примет меры, необходимые для поддержания мира и безопасности во всем мире. Учитывая специфический характер угрозы и довольно ограниченную дееспособность ООН, было бы нецелесообразно настаивать на этом условии. ООН может располагать инструментами стабилизации и даже находить решения многих межгосударственных и внутригосударственных конфликтов (поддержание мира, миротворчество, миростроительство и т.д.), но если говорить о боевых действиях против такого сложного явления, как международный терроризм, ясно, что ООН еще не находится на высоте своей задачи. Следовательно, было бы нежелательно ждать, пока ООН вмешается и возглавит военные операции. Кроме того, ООН возглавила дипломатические усилия по выработке прочного компромисса между основными афганскими фракциями, и это показывает, что налицо законное разделение функций и ответственности в такого рода конфликтах.

8. СОРАЗМЕРНОСТЬ (*IN BELLO*)

Оценивая, с одной стороны, стратегическую и тактическую ценность объектов, а с другой — разрушительную мощь используемых видов оружия, можно получить приблизительное представление о том, как проводилась операция, в частности — определить, перевесило ли значение разрушения большинства военных объектов вероятный ущерб.

В воздушной операции выделяются две фазы. С начала воздушной кампании до конца октября США и Великобритания совершали главным образом атаки с помощью высокотехнологического оружия точного наведения против чисто военных целей и гражданских объектов большой военной ценности. В первый день с подводных лодок, кораблей и самолетов были запущены крылатые ракеты. К ним присоединились бомбардировщики наземного базирования и штурмовые самолеты с авианосцев. Главными целями в эти первые дни были системы ПВО талибов и оборудование аэропортов в Кабуле и Кандагаре и вокруг них. В Кабуле также были поражены телебашня, королевский дворец, здания афганского радио и Министерства внутренних дел. Из-за авианалетов почти сразу же прекратилась подача электроэнергии. Другими важными

целями на этой первой фазе действий авиации были, разумеется, базы и тренировочные лагеря Бен Ладена.

Вторая фаза действий авиации началась 1 ноября, когда возглавляемая США коалиция решила поддержать Северный альянс в деле свержения режима талибов. Чтобы расчистить путь к наступлению Северного альянса на севере Афганистана, США начали ковровые бомбардировки позиций талибов. Во время этих тяжелых бомбардировок США использовали кассетные бомбы (СВU-87) и тяжелые (6700 кг) бомбы (BLU-82), так называемые резчики маргариток.

Уровень соразмерности нападений на такие высокоценные военные цели, как системы ПВО, базы Аль-Каиды и тренировочные лагеря, следует оценить как высокий. Устранение этих объектов в немалой степени способствовало достижению общей цели. Использование оружия точного наведения гарантировало, что будут поражены только те цели, на которые оно наводилось. Однако уровень соразмерности нападений на гражданские объекты, расположенные в Кабуле и других городах, вроде телевидения и радиостанций, был гораздо более проблематичен. Военная ценность этих объектов, по крайней мере по сравнению с высокоценными военными целями, указанными выше, была менее очевидной; более того, вероятность причинения непреднамеренных, но прогнозируемых страданий населению и ущерба в густонаселенных районах, например в городах, оценивалась как высокая.

Бомбардировкой передовых позиций талибов на севере Афганистана возглавляемая США коалиция хотела повысить шансы успешного прорыва Северного альянса. Однако из-за применения оружия типа кассетных бомб и огромных «резчиков маргариток» вероятный ущерб следует оценить как намного более высокий, чем в первой фазе воздушной кампании. В частности, кассетные бомбы почти наверняка становились причиной дополнительных страданий, которые будут сказываться еще долго после окончания войны. Кассетные бомбы рассеивают приблизительно 150 бомб малого калибра на большой территории. По данным ООН, от 5 до 12% малых бомб не разрываются и поэтому представляют постоянную опасность как для комбатантов, так и для некомбатантов. Согласно оценкам, в Косово, например, невзорвавшиеся бомбы малого калибра вызвали до 150 жертв¹. Использование

¹ Norton-Taylor R. US Deploys Controversial Weapon // Guardian. 2001. 12 Oct.

«резчиков маргариток» ВЛУ-82 также рискует причинить больше страданий. Когда они взрываются, жидкий раствор содержащегося в бомбе нитрата аммония и алюминиевой пыли уничтожает все в радиусе 800 м, часто оставляя тех, кто не убит, с разорванными легкими и лопнувшими барабанными перепонками¹.

Хотя соразмерность этого рода бомбардировки не была столь очевидна, как при точечной бомбардировке высокоценных объектов во время первой фазы, она тем не менее оказалась достаточной. Из-за стратегической и тактической важности прорыва на севере Афганистана для военной кампании в целом оборудованные позиции талибов были значительно ослаблены. Ослабление талибов не могло быть достигнуто точечными бомбардировками (как в городах). К тому же была надежда, что, если удастся разгромить позиции талибов, значительное число талибских бойцов сдастся или даже перейдет на сторону Северного альянса. С точки зрения принципа соразмерности это помогло бы позднее избежать сухопутных сражений, которые, возможно, обошлись бы слишком дорого.

Об уровне соразмерности сухопутных операций возглавляемой США коалиции можно сказать намного меньше, главным образом ввиду их тайного характера, а также потому, что основная тяжесть наземной военной кампании пришлось на долю Северного альянса. Спецназ был расквартирован вокруг Афганистана (Пакистан, Узбекистан и Таджикистан) с самого начала операции «Несокрушимая свобода». Кроме того, бойцы подразделения «Дельта» и члены британской службы SAS² проводили стратегическую разведку целей, связанных с сетью Аль-Каиды³. 20 октября американский спецназ провел рейды на цели в Кандагаре и вокруг него. Исходя из специфического характера миссий спецназа, можно констатировать, что такого рода операции имеют высокий потенциал соразмерности. Небольшие, но хорошо подготовленные группы могут ликвидировать высокоценные объекты, почти не неся потерь⁴.

¹ Ratnesar R. The Afghan Way of War // Time. 2001. 19 Nov. P. 33.

² * SAS — Special Air Service (англ.) — воздушные силы специального назначения.

³ Elliott M. Down and Dirty // Time. 2001. 22 Oct. P. 49.

⁴ Но даже когда к делу привлечен спецназ, нет реальной гарантии соразмерности. Во время интервенции США в Сомали в 1993 г., например, попытка захватить местного полевого командира потерпела неудачу и были убиты 18 американских солдат, включая 6 командос подразделения «Дельта».

9. РАЗЛИЧИЕ

После событий 11 сентября неоднократно утверждалось, что войну с терроризмом нельзя считать регулярной войной. Как выразился Джордж Буш, речь в этой войне идет о «борьбе цивилизаций» — борьбе за сохранение фундаментальных ценностей западного мира. Кроме того, война, которую предстояло вести, была направлена не просто против вражеского государства, но против международной террористической сети, поддержанной религиозно-фундаменталистским режимом. Характер совершенной несправедливости был столь вопиющим (умышленное убийство нескольких тысяч невинных людей), что это заставило некоторых людей призывать к безжалостным и беспощадным ответным мерам.

Отразился ли этот призыв к беспощадности на методах, которые использовали в операции «Несокрушимая свобода»? По словам Буша в его обращении к нации 7 октября, намерение США состояло не в том, чтобы ответить террористам тем же, нанеся по ним неразборчивые удары. Напротив, Джордж Буш ясно заявил, что будет осуществляться двойная стратегия: «По мере того как мы будем наносить удары по военным целям, мы будем также сбрасывать продовольствие, лекарства и припасы голодающим и страдающим мужчинам, женщинам и детям Афганистана». Но выражение намерения воевать избирательным способом, не является гарантией того, что операции фактически будут проводиться таким способом.

Прежде всего, не следует забывать, что в интересах США и Великобритании было провести военные операции по возможности избирательно, дабы сохранить антитеррористическую коалицию (см. главу IV «Вероятность успеха»). В первой фазе воздушной кампании цели и избранные виды вооружений согласовались с этой озабоченностью. Большинство объектов для бомбометания имело чисто военный характер (системы ПВО, базы и тренировочные лагеря Аль-Каиды, средства управления и контроля), кроме них удары были нанесены по ряду гражданских объектов ограниченной военной ценности (например, телебашня или здание афганского радио). При этом большая часть используемых видов оружия, например крылатые ракеты, имеет высокую различающую способность. Цели во второй фазе (с 1 ноября) носили определенно военный характер (фронтальные позиции талибов). Однако неко-

торые виды вооружения (например, кассетные бомбы) были недостаточно избирательны, так что использование, даже может быть оправданное с точки зрения принципа соразмерности, противоречит принципу различия.

Как и в любой войне, гражданское население сильно страдало. После нескольких недель операции представитель «Талибан» заявил, что уже 1500 некомбатантов были убиты в результате бомбардировок. Хотя проверить точное их число было невозможно, нельзя отрицать, что много афганских гражданских лиц были убиты или ранены случайно или в результате действий, которые носили прогнозируемый, но непреднамеренный характер. Например, 9 октября были разрушены помещения, где размещались представители ООН, занимавшиеся вопросами разминирования, при этом погибли четыре работника. 25 октября бомба попала в автобус в Кандагаре, тогда по крайней мере 10 человек были убиты. Непреднамеренные, но прогнозируемые жертвы среди гражданского населения, вероятно, также имели место, когда сбрасывались кассетные бомбы. Как указывалось при анализе соразмерности (*in bello*), неразорвавшиеся бомбы малого калибра, которыми начинена кассетная бомба, представляют опасность для мирного населения еще долгое время после окончания военных действий. Поэтому их использование может противоречить принципу соразмерности, который предписывает минимизировать число жертв среди гражданского населения.

Положение еще более усложнилось, когда талибские лидеры приказали своим войскам и технике смешаться с гражданским населением в городских районах, вынуждая США оперировать в условиях высокого риска. Вследствие этого бомбы случайно попадали в районы сосредоточения гражданских лиц, например 20 октября в жилой квартал к северо-западу от Кабула, 21 октября — в дом для престарелых под Гератом¹. Для того чтобы избежать непреднамеренных жертв в максимально возможной степени и, конечно, при этом повысить эффективность ударов, США развернули так называемые передовые воздушные диспетчеры (Forward Air Controllers, FAC) для координации наведения бомб на цель. Эти диспетчеры «окрасили» цели лазерными лучами, по которым могли наводиться «умные» бомбы.

¹ Burger K. Taliban «Asymmetric» Tactics Hamper US Strikes // Jane's Defence Weekly. 2001. 31 Oct. P. 3.

Хотя США старались не наносить ударов по невоенным объектам и максимально ограничить побочный ущерб, их отношение к талибам и особенно к боевикам Аль-Каиды было не столь снисходительным. Членов Аль-Каиды называли террористами и убийцами, т.е. США не хотели считать их регулярной армией. По словам Ральфа Петерса, бывшего офицера американской армейской разведки, тем, кто поставил себя вне законов войны, нужно было ответить с той же беспощадностью: «Нет хороших террористов, но мертвый террорист — лучше всего»¹. Кроме того, были введены такие правила ведения боя спецназом, которые были равносильны «неограниченной охотничьей лицензии» при проведении им операций против талибов и Аль-Каиды².

Наконец, поддержка Северного альянса со стороны США поставила вопрос о том, в какой степени можно считать, что США и Великобритания несут свою долю ответственности за военные преступления, совершенные Северным альянсом. Этот вопрос особенно важен применительно к событию, которое произошло в ноябре, когда многие заключенные-талибы были убиты в ходе тюремного восстания в Мазари-Шарифе. Альянс, который потерял десятки бойцов во время боев, подавил восстание с помощью американских бомбардировщиков и спецназа США и Великобритании. Мэри Робинсон, Уполномоченный ООН по правам человека, и «Международная амнистия» призвали к проведению расследования условий, при которых эти заключенные были убиты. По словам «Международной амнистии», цель расследования — выяснить причину инцидента и соразмерность реакции Северного альянса и сил США и Великобритании³.

Одним из последствий проведения военной операции стала проблема захваченных террористов — следует ли их считать военнопленными. Эта проблема стала предметом жарких дискуссий, когда США приняли решение о переправке пойманных членов Аль-Каиды и талибов на американскую военно-морскую базу «Гу-

¹ *Naylor S.* U.S. Must Adopt Ruthless Attitude, Experts Advise // *Defense News*. 24 Sept. 2001. P. 8. В духе такого рода размышлений администрация Буша рассматривала идею об отмене запрета на убийство врагов США (См.: *Elliott M.* We Will Not Fail // *Time*. 2000. 1 Oct. P. 31.).

² *Evans M.* Delta Force «Has Killed Hundreds» // *The Times*. 2001. 24 Nov.

³ *Financial Times*. 2001. 5 Dec.; *BBC News*. Wednesday. 2001. 28 Nov. (<http://news.bbc.co.uk/1/hi/english/world/south-asia/newsid-1680000/1680072.htm>).

антанамо» на Кубе. В ответ на критику, с которой выступили в основном европейцы, по поводу обращения с пленными (некоторым казалось, что обращение было оскорбительным и унижительным) американское руководство заявило, что пойманные боевики были преступниками и не могут рассматриваться в качестве военнопленных. Американские власти отказались следовать процедурам, установленным Женевскими конвенциями, и признать, что вопрос о том, являются ли задержанные боевики военнопленными или нет, должен решать юридически уполномоченный «компетентный суд» в соответствии с нормами международного права. Пентагон больше всего заботило, что такая процедура может серьезно осложнить борьбу против терроризма. Предоставление статуса военнопленных могло в первую очередь привести к признанию того, что у подозреваемых террористов есть на суде свои права¹. Военнопленным предоставляется дополнительная защита (в частности, она выражается в условиях содержания под стражей). Военнопленные не могут подвергаться допросам, за исключением случаев, когда они подозреваются в совершении преступлений. Некоторые террористические акты, совершенные в прошлом Аль-Кайдой против военных объектов, могли быть представлены адвокатами как военные операции, а не преступления. Более того, согласно Женевским конвенциям, военнопленные (в той мере, в какой они не обвиняются в совершении военных преступлений) не являются *персонально* виновными. Военнопленные имеют право на репатриацию по окончании военных действий. По всем этим причинам американские власти опасались, что террористы Аль-Кайды смогут избежать наказания, которого они заслуживали.

Такая позиция стала предметом серьезной критики со стороны международных правозащитных организаций и правительств некоторых стран. Верховный уполномоченный ООН по правам человека Мэри Робинсон заявила, что, по мнению большинства юристов, согласно Женевской Конвенции захваченные были военнопленными². Это мнение было также публично подтверждено Международным комитетом Красного Креста. В результате американское руководство дало разрешение представителям Красного Креста посетить всех пленных, заключенных на американ-

¹ См.: Financial Times. 2002. 8 Jan.

² Financial Times. 2002. 17 Jan.

ской базе на Кубе. В ответ на международную критику условий содержания заключенных на базе оно приостановило переброску пленных из Афганистана с тем, чтобы построить дополнительные камеры¹.

Есть и другая проблема, связанная с борьбой против терроризма. Для того чтобы создать широкую антитеррористическую коалицию, США активизировали свои связи с диктаторскими режимами. Это было неправильно воспринято как предоставление свободы действий всем видам репрессивной политики, направленной против сил оппозиции, которые — часто произвольно — именовались «террористами».

Такая репрессивная политика часто сопровождается применением пыток против тех, кто, как считается, обладает ценной информацией того или иного рода. С этим связана еще одна моральная проблема. Пытки явно противоречат международному гуманитарному праву. Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. гласит, что не разрешаются никакие пытки, даже в обстановке, когда «бомба вот-вот взорвется»². В статье 17 части I (Начало плена) раздела III (Плен) говорится: «Никакие физические или моральные пытки и никакие другие меры принуждения не могут применяться к военнопленным для получения от них каких-либо сведений. Военнопленным, которые откажутся отвечать, нельзя угрожать, подвергать их оскорблениям или каким-либо преследованиям или ограничениям»³. Такой же запрет на пытки или жестокое и бесчеловечное обращение установлен в статье 5 Декларации прав человека (1948), статье 7 части III Международной конвенции гражданских и политических прав (1966) и в Протоколах к Женевским конвенциям (1977). Параграф 2 статьи 2 Конвенции ООН 1984 г. «Против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» ясно указывает: «Никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние войны или угроза войны, внутривнутриполитическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить

¹ Financial Times. 2002. 9/10 Feb.

² *Fotion N.* Responses to Terrorism. Paper read at Carnegie Council on Ethics and International Affairs. Washington D.C. 1997. 29 Jan. P. 26.

³ Права человека: Сборник международных документов. М.: Юридическая литература, 1998. С. 418.

оправданием пыток»¹. Даже если мы знаем почти наверняка о надвигающейся крупной катастрофе, должно быть ясно, что недопустима пытка захваченного террориста (который, как мы можем разумно предположить, обладает жизненно важной информацией о теракте). Как приказ о проведении пытки, так и его выполнение категорически запрещены. Пытки считаются военным преступлением, которое может преследоваться по суду даже спустя много времени после окончания войны. Параграф 3 статьи 2 указанной Конвенции ООН гласит: «Приказ вышестоящего начальника или государственной власти не может служить оправданием пыток»². Эти четкие международные юридические нормы предписывают, чтобы антитеррористическая коалиция принимала решительные меры против всех стран, которые пользуются такими средствами в своей антитеррористической политике.

10. ВЫВОДЫ

Исходя из имеющейся на данный момент информации, можно констатировать, что операция «Несокрушимая свобода» была и все еще является оправданной с точки зрения справедливой войны. Борьба с терроризмом с целью наказать тех, кто несет прямую и косвенную ответственность за теракты 11 сентября, и предотвратить дальнейшие теракты бесспорно представляет собой правое дело. Несмотря на то что ко времени начала операции «Несокрушимая свобода» не было никаких твердых свидетельств прямой причастности Бен Ладена, имелись достаточные указания на то, что Аль-Каида была причастна к организации и осуществлению терактов. Можно даже убедительно доказать, что один только террористический послужной список Аль-Каиды позволил назвать атаку на эту организацию и ее спонсоров оправданной с точки зрения правого дела. Кроме того, не имелось реальных признаков того, что США и их союзники действовали исходя из других мотивов, чем желание разгромить Аль-Каиду и талибов. При этом, как оказалось, для того чтобы сплотить антитеррористическую коалицию, было необходимо иметь правильные намерения.

¹ Права человека: Сборник международных документов. С. 94.

² Там же.

То, что США действовали в интересах самозащиты (хотя и не защищались от *совершающегося* нападения), имеет значение для двух принципов *ad bellum*. С точки зрения принципа крайнего средства нельзя было ожидать, что США исчерпают все невоенные варианты перед нанесением удара. Помимо этого, из-за характера врага было маловероятно, что невоенные варианты, вроде экономических санкций, будут иметь хоть какой-то эффект. Исходя из несколько более широкой интерпретации статьи 51 Устава ООН, можно было бы также сказать, что США в самом деле действовали в соответствии с принципом легитимной власти.

Вероятность того, что возглавляемой США коалиции в конечном счете удастся свергнуть режим талибов, как оказалось, была реалистичной. Уничтожение организации Аль-Каида в рамках одной-единственной операции казалось менее вероятным. Главным предметом озабоченности с точки зрения принципа соразмерности была ухудшающаяся гуманитарная ситуация. Можно было обоснованно предположить, что, если бы не были приняты никакие другие гуманитарные меры (помимо сбрасывания продуктовых наборов с воздуха), баланс соразмерности мог бы склониться в отрицательную сторону.

В целом оба принципа *in bello* неплохо соблюдались в ходе операции «Несокрушимая свобода». Это произошло главным образом благодаря выбору высокоценных военных объектов и использованию высокотехнологического оружия точного наведения на первой фазе воздушной операции. Ковровая бомбардировка позиций талибов была намного более проблематичной, особенно при использовании неизбирательных видов оружия типа кассетных бомб. Оценить наземные операции спецназа США не легко, главным образом из-за их секретного характера. Однако их специализация и то, что они имеют тенденцию работать малыми группами против четко определенных целей, позволяют нам оценивать потенциал уважения ими принципов *in bello* как весьма значительный.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

*Ник Фоушин
Бруно Коппитерс*

1. НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА РЕАЛИЗМ, ПАЦИФИЗМ И МИЛИТАРИЗМ

Данное исследование по военной этике посвящено в первую очередь теории справедливой войны — одной из четырех основных точек зрения на войну и связанные с ней ужасы. Но, подробно анализируя эту теорию, мы неизбежно — с пользой для исследования — обращали внимание также на реализм, пацифизм и милитаризм. Эти три точки зрения мы рассматривали главным образом в тех случаях, когда применяли принципы теории справедливой войны к конкретным историческим событиям. Некоторые из разбираемых нами примеров были связаны с политикой Германии накануне и во время Второй мировой войны. Вне всякого сомнения, эта политика была инспирирована милитаристскими мотивами. В других примерах рассматривался политический выбор, в котором определенную роль играли реалистские мотивы. Разумеется, иногда трудно отождествить страну или ее руководителя с той или иной позицией, поскольку часто со временем они изменяют свою точку зрения. Например, когда Джордж Буш-старший был представителем республиканской администрации при Президенте Никсоне и послом США в ООН, он осуждал индийскую интервенцию в Восточный Пакистан (нынешний Бангладеш). Поступая таким образом, он отстаивал ту линию внешней политики США, которая была глубоко укорененной в реалистском мировоззрении. Пакистан, который в то время был союзником США, необходимо было защищать от Индии, союзника СССР. Выражая поддержку пакистанским властям, США совершенно не учитывали

Москва: Гардарики, 2002

резне среди гражданского населения Восточного Пакистана. Но через 20 лет, став Президентом США, Джордж Буш оправдывал военные действия против Ирака, уже опираясь на теорию справедливой войны.

В остальных примерах конфликтующие стороны обосновывали свои действия как реалистскими мотивами, так и с помощью принципов теории справедливой войны. Возможно, это объясняется тем, что общественное мнение нуждается в разъяснении со стороны руководителей государства, что иллюстрируется анализом одного из рассмотренных в нашей книге примеров. Во время Косовского кризиса в 1999 г. Президент Билл Клинтон заявил, что решение применить военную силу было принято только из гуманитарных соображений. Но значимость таких высказываний снизилась из-за других официальных заявлений, в которых говорилось, что у США в данном случае имелись также собственные стратегические интересы. Очевидно, эти дополнительные заявления предназначались для того, чтобы успокоить тех американцев, которые опасались, что во имя гуманитарной миссии НАТО может пожертвовать национальными интересами США.

Хотя в нашу книгу не были включены примеры, касающиеся тех политиков, которые отстаивали пацифистскую позицию, в истории такие примеры хорошо известны. Например, можно было бы указать на индийское национально-освободительное движение, возглавлявшееся Мохандасом Ганди, которое продемонстрировало практические возможности пацифизма. Еще одной иллюстрацией использования ненасильственных стратегий является сопротивление народа Чехословакии советской оккупации в 1968 г.

Политика, которая руководствуется главным образом, хотя и не исключительно, теорией справедливой войны, имеет значение и для самой теории: она проливает свет и на теорию справедливой войны *как теорию*, и на позиции реализма, милитаризма и пацифизма. Рассмотрим в качестве примера пацифизм. Он однозначно коррелирует с определенными аспектами теории справедливой войны. Большинство пацифистов занимают абсолютистскую позицию. Очевидно, что по сравнению с теорией справедливой войны пацифистская позиция проста в применении. Абсолютный пацифизм принимает моральные требования по поводу насилия вообще

и по поводу насилия во время войны в частности, не делая при этом никаких исключений. Сторонники пацифизма утверждают, что такие правила, как «война недопустима», не терпят никаких исключений. Несомненно, пацифизм усложняется, когда ему приходится философски или морально *обосновывать* свою позицию. Трудно представить и понять аргументы, необходимые для того, чтобы привести убедительный теоретический довод в пользу самой этой позиции. Кроме того, несомненно, трудно с помощью рациональных доводов убедить других людей не применять силу в реальном мире, особенно перед лицом прямой угрозы их жизни, жизни их родственников, друзей и близких. Это не менее трудно сделать даже после того, как люди уже приняли пацифизм на рациональном уровне.

Однако когда, пацифизм принят, он дает простое средство для решения вопроса, должна ли быть применена сила в той или иной ситуации. Если запрещаются всяческие исключения, допускающие применение силы в любой обстановке, то, рассматривая конкретную ситуацию, где есть угроза войны, пацифисты должны сказать «нет» войне. Они могли бы добавить к этому утверждение «все войны безнравственны». Говоря «нет» войне, пацифисты могут снова столкнуться с трудностью отстаивания своей общей позиции и они, возможно, признают, что жить в соответствии с тем учением, которое они приняли, трудно. Но когда эта позиция принята, чисто технически ее легко применять на практике. У пацифистов нет потребности разрабатывать множество критериев, как это делают сторонники теории справедливой войны, которая предполагает, чтобы решение о том, вступать в войну или нет, каждый раз принималось отдельно и специально¹. Однако это не означает, что их позицию легко практически реализовать, когда нужно определить альтернативы использования силы. В главах IV и V, посвященных соответственно принципам вероятности успеха и соразмерности, показано, как трудно применять методы ненасильственной гражданской обороны.

По-своему отличается от традиции справедливой войны и реализм. У реалистов нет такой роскоши, как возможность дать один и только один ответ в ситуации, когда война стучится в дверь. Подобно пацифистам, реалисты сталкиваются с трудной задачей

¹ Об условном пацифизме см.: Введение.

обоснования своей теоретической позиции¹. Но в отличие от большинства пацифистов реалисты — не абсолютисты. Они не говорят войне «да» точно так же автоматически, как пацифисты говорят войне «нет». Скорее, большинство реалистов иногда говорят войне «да» (как и большинство милитаристов), а иногда — «нет». Это означает, что, применяя теорию в какой-нибудь конкретной военной обстановке, реалисты (хотелось бы надеяться) идут по пути размышлений, не отличающемуся от пути размышлений сторонников теории справедливой войны.

Это может происходить следующим образом. Столкнувшись с вероятностью возникновения войны, реалисты прежде всего будут пытаться найти какое-нибудь веское основание для вступления в войну. Это «*веское основание*» не то же самое, что правое дело для сторонников теории справедливой войны. Только на первый взгляд мотивы реалистов и сторонников теории справедливой войны могут казаться одними и теми же. Например, веским основанием может быть защита территориальной целостности союзного или дружественного государства или восстановление международного мира и безопасности. Но для реалистов эти веские основания применяются только в той степени, в какой они связаны с защитой национальных интересов (с точки зрения реалистов). Соображения гуманизма как таковые не входят в круг обсуждаемых вопросов.

Более прямая формулировка реалистского аргумента будет примерно следующего типа: «Мы получим огромную выгоду, если вторгнемся на территорию соседнего государства, поскольку там много нефти (угля, плодородной земли, авиационных заводов и т.д.)». В этом направлении мысли оцениваются также возможные недостатки такого вторжения. Реалисты формулируют свои веские основания для вступления в войну не с этической точки зрения, а с точки зрения собственной пользы. Таким образом, согласно точке зрения реалистов, предполагаемая война в помощь союзному государству, ставшему жертвой агрессии, или военное вторжение на территорию другого государства, могли отвечать критерию веских оснований в том случае, если бы нефтяные

---

¹ Мы используем здесь понятия «реалисты», «пацифисты» и «сторонники теории справедливой войны» для того, чтобы прояснить существующие теоретические различия. Однако ясно, что в практической жизни отдельные люди могут использовать аргументы, взятые из различных течений этической мысли.

запасы этой страны были огромны, но не удовлетворить ему в том случае, если бы эти запасы были малы.

Но если предположить, что требования критерия веского основания выполнены, реалисты, вероятно, захотят, чтобы были соблюдены также требования других критериев. Достаточно любопытно, что эти критерии подобны критериям теории справедливой войны. Например, существует критерий, имеющий отношение к принципу правильных (добрых) намерений, только теперь «добрые намерения» означают не действия в соответствии с правым делом, а, скорее, действия в соответствии с интересами своего государства. Подобным образом реалисты применяют и критерий вероятности успеха. По мнению теоретиков справедливой войны, этот критерий предполагает вероятность успеха в соблюдении принципа правого дела. В противоположность этому для реалистов этот критерий означает что-то вроде «вероятности успеха в соблюдении интересов своего государства». То же верно и в отношении принципа соразмерности. Соразмерность — это консеквенциалистский критерий теории справедливой войны, связанный с благополучием не только одной воюющей стороны, но и всех сторон, которые могут быть затронуты данной войной. Поэтому принцип соразмерности в сущности является этическим критерием. Отсюда следует, что реалисты, которые не видят никакого непосредственного значения принципа соразмерности для военной этики, приспособливают его к своим своекорыстным целям. В этом случае соразмерность для реалистов должна означать что-то вроде утверждения: «Мы вступаем в войну, если общая польза от такого действия соразмерна (а именно, в целом больше) ущербу *для нашей стороны*». К реалистской позиции можно применить даже принцип крайнего средства. Поскольку война — это очень дорогостоящее средство соблюдения собственных интересов, стратегия реалистов неизбежно будет такой: прежде чем прибегнуть к войне, необходимо испытать все остальные средства достижения желаемого.

Таким образом, параллель между теорией справедливой войны и реализмом имеет смысл только в том случае, когда вопрос о том, чтобы начать войну, уже полностью решен. Но она неуместна в том случае, когда еще только предстоит вести войну. Разумеется, когда применяется одна из версий принципа соразмерности, некоторая параллель существует. Реалисты занимаются изучением

издержек и выгод ведения боев и военных кампаний, но и в этом случае их анализ ограничивается издержками и выгодами только своей стороны. Иначе обстоят дела с принципом различия. Реалисты не проявляют никакого интереса к жизням некомбатантов другой стороны, за исключением сбора информации о состоянии общества или случаев, когда они вынуждены соотносить свои действия с нормами международного права. Совершенно отлична от этой точки зрения позиция сторонников теории справедливой войны, высказывающих моральное суждение о том, что необходимо принимать в расчет интересы каждой стороны даже в том случае, если временами от этого в некоторой степени страдают собственные интересы.

Так как и реалисты, и сторонники теории справедливой войны имеют в своем распоряжении теорию, которая помогает им обдумывать свои задачи, то сходств между этими двумя позициями намного больше, чем можно предположить. Прежде всего их объединяют *процедуры*. Сторонники обеих теорий считают, что в ходе принятия решения о вступлении в войну необходимо следовать определенным процедурам. Например, в отношении принципа крайнего средства эти процедуры являются теми альтернативами, которые должны быть испытаны в первую очередь, а что касается принципа легитимной власти, то предпринимать ведущие к войне шаги позволено только определенным официальным лицам, представляющим политическое сообщество.

Но если мы рассматриваем эти теории о вступлении в войну как соединение множества процедур и множества ценностных суждений, то мы видим, что реализм и теория справедливой войны отличаются друг от друга главным образом своим отношением к последним. Реалисты используют множество тех же процедур, что и сторонники теории справедливой войны, но реалисты привержены другим ценностям, поэтому интерпретируют их иначе. Реалисты дорожат интересами государства, принимающего решение о том, вступать в войну или нет, и о том, как оно должно вести войну в том случае, если она уже началась. Они не дорожат непосредственно кем-то или чем-то, что находится вне сферы их национальных интересов. В противоположность этому сторонники теории справедливой войны дорожат всеми людьми. В основе многих принципов, составляющих эту теорию (а в наибольшей степени в основе принципов правого

дела, соразмерности и различия) лежит представление о том, что принимать в расчет следует каждого человека, которого затрагивает все, происходящее во время войны. Внимание к интересам каждого человека не исключает того, что в некоторых обстоятельствах привилегированный статус получает собственный народ. У государства — у любого государства — есть особый долг защищать прежде всего своих собственных граждан. Оно защищает свои границы и свой народ в такой степени, в какой это редко делается для народов других стран. Но равное внимание ко всем означает, что данное государство не будет подвергать гражданских лиц враждебного государства сколько-нибудь большей опасности, чем своих собственных граждан, оно обращается с ранеными врагами точно так же, как и со своими ранеными, оно обращается с попавшими в плен врагами точно так же, как оно хотело бы, чтобы враги обращались с его собственными попавшими в плен гражданами, и т.п.

Многое из того, что было сказано о реализме, применимо и в отношении милитаризма. Не будучи абсолютистской позицией в том смысле, в каком абсолютистским является пацифизм, милитаризм также нуждается в критериях, которые помогают его сторонникам принять решение о том, когда следует начинать войну, а когда — нет. Таким образом, милитаристам также нужна своя версия принципа правого дела. Вспомним (из «Введения»), что милитаристская концепция правого дела отличается тем, что она сформирована не с универсальной точки зрения. Поэтому когда милитаристы говорят о несправедливости, они говорят с точки зрения не человечества, а конкретной группы людей или сообщества. Более того, милитаристы говорят о несправедливости с точки зрения морального превосходства их собственной этнической группы или религиозного сообщества. Например, Гитлер говорил о культурном превосходстве немцев Судетской области над другими народами Чехословакии, когда он призвал к уничтожению этой страны и сформулировал причину мировой войны, к которой он готовился с точки зрения «расового сообщества» и «жизненного пространства для Германии». Он открыто указывал на необходимость подчинения славянских народов арийской расе. Такая интерпретация принципа правого дела не имеет ничего общего с гуманистической точкой зрения теории справедливой войны. Реалисты в отличие от милитаристов не утверждают, что интересы

одной отдельной группы людей, сообщества или государства имеют моральное превосходство над интересами другой группы, сообщества или государства.

Но милитаристам также необходимы критерии легитимной власти, добрых намерений, вероятности успеха и соразмерности, значение которых они могут интерпретировать в соответствии со своей идеологией. То, в чем они, вероятно, не нуждаются, это принцип крайнего средства. Поскольку война для милитаристов — это большей частью плодотворная сфера деятельности, им не нужно стремиться к тому, чтобы избежать войны в том смысле, в каком это нужно сторонникам теории справедливой войны. Теоретики справедливой войны говорят о моральных ограничениях по каждому типу решения относительно войны, в то время как милитаристы учитывают только ограничения, продиктованные благоразумием. Действительно, они считают, что война как таковая — это добродетельная сфера деятельности. Это выглядит так, как будто милитаристы поддерживают мир только для того, чтобы получше подготовиться к войне, в то время как теоретики справедливой войны и реалисты решаются на войну для того, чтобы подготовить наступление прочного мира.

2. ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ И ЧРЕЗМЕРНЫЙ ОПТИМИЗМ

Хотя сравнение различных точек зрения на войну способствует улучшению нашего понимания традиции справедливой войны, тем не менее, применяя эту теорию, легко совершить ошибки. Две из множества подобных ошибок являются основными. Первая основная ошибка обусловлена чрезмерным оптимизмом. В этом случае от этической теории и, в частности, от теории справедливой войны ожидается слишком многое. Чрезмерно оптимистичные последователи традиции справедливой войны полагают, что эта теория дает окончательные ответы на все этические вопросы, имеющие отношение к войне. Конечно, они признают, что наши знания об имеющихся фактах, необходимые для вынесения суждений, ограничены. Если какое-нибудь государство точно не знает, каково положение по ту сторону границы, оно не может найти разумные ответы на вопрос, что делать. Но оптимистичные теоретики справедливой войны настаивают на том, что если бы было известно

достаточно обстоятельств, а столкнувшись с перспективой войны понимали бы сущность теории справедливой войны и, кроме того, если они при этом были еще и разумны, то в любом случае появились бы ответы на вопрос, что делать¹.

Истоки модели, которую используют в теоретическом рассуждении эти мыслители, — в так называемых точных и прикладных науках, где во многих областях физики и химии соединение теории и фактов дает точные ответы. Поэтому в данных областях можно делать прогнозы насчет точного местоположения какого-нибудь объекта или точного количества полученного в колбе жидкого вещества. По их предположению, все теории должны быть подобны теориям точных наук, эти оптимистичные теоретики надеются, что подобные результаты должны давать и этические теории. Их теоретическая установка исходит из того, что, когда становятся известными факты («на входе»), либо теория справедливой войны и другие этические теории дают точные результаты («на выходе»), либо эти теории бессмысленны.

Ключ к пониманию того, что в этом оптимистическом взгляде на теорию что-то неверно, обнаруживается во многих примерах, обсуждавшихся в нашей книге. Вспомним колебания в суждениях, которые мы высказывали относительно советско-финской войны, относительно вторжения советских войск в Польшу в 1939 г. (глава III) или относительно ввода российских войск в Чечню (глава X). Кроме того, в этой книге содержатся два противоречащих друг другу взгляда на войну НАТО в Косово (главы XI и XII). Даже если насчет фактической стороны этих примеров существует значительное единогласие, то в случае применения теории не следует никакого автоматического суждения. Почему это так, мы можем увидеть, если опять-таки внимательнее рассмотрим теорию справедливой войны и способ взаимосвязи элементов этой теории. Как мы уже видели, категория *jus ad bellum* этой теории содержит шесть принципов (а именно: принципы правого дела, легитимной

---

¹ Разновидность такого оптимистического мировоззрения выражается во мнении, что надлежащее применение теории справедливой войны (наряду с фактами) разрешило бы все конфликты и разногласия. Таким образом, если бы два теоретика справедливой войны расходились во мнениях о том, нужно ли вступать в войну, то понадобилось бы только совещание между ними. Предполагается, что, когда они все обсудят, эта теория разрешит противоречие (если, конечно, эти двое будут восприимчивы к чужому мнению).

власти, добрых намерений, вероятности успеха, соразмерности и крайнего средства). Различные элементы данной теории связаны друг с другом, поэтому значение перечисленных принципов невозможно полностью оценить независимо друг от друга. Например, принцип добрых намерений оценивается на фоне принципа правого дела. Намерения являются добрыми, если они способствуют соблюдению принципа правого дела (например, при возвращении поработанному народу его исконной территории). Подобным образом и принцип вероятности успеха, и принцип соразмерности учитывают выгоды и издержки войны на фоне того, что на первом месте находится цель вступления в войну (правое дело). Даже принцип крайнего средства можно понять только на фоне правого дела. Например, само по себе крайнее средство может оказаться той последней попыткой, которая отразит агрессию против государства-союзника. Хотя одни критерии или принципы зависят от других, при применении теории справедливой войны они трактуются так, будто они являются независимыми. Каждый принцип как таковой необходимо применять по отношению к военной обстановке в определенной последовательности. Таким образом, для того чтобы вступление в войну было справедливым, государственная власть должна преодолеть каждый из шести отдельных барьеров. Если хотя бы один из них не преодолен, войну нельзя считать справедливой.

Но почему не предположить, что такие колебания в суждениях и расхождения во мнениях о применении этих теорий нередки? Почему не предположить, что по поводу теории справедливой войны прав оптимист? Очень просто: потому что, как мы уже видели, ни один из этих принципов не устанавливается или не может устанавливаться в точности. Возьмем, к примеру, принцип правого дела. Нарушение политического суверенитета и территориальной целостности какого-нибудь государства — действие, которое мы обычно квалифицируем как агрессию, — является одной из форм несправедливости. Если на страну совершено нападение, то она успешно преодолевает такой барьер, как принцип правого дела, и продвигается по пути к обоснованию вступления в войну. Но, как стало ясно при обсуждении этого принципа в главе I, существуют различные виды агрессии, вследствие чего возможно, что две участвующие в войне страны будут обвинять друг друга в агрессии. «Действительно, мы послали наши войска через границу,

так что в этом смысле мы агрессоры, но мы ведем себя «агрессивно» против настоящего агрессора, который около 20 лет назад захватил ту территорию, которую мы теперь пытаемся потребовать обратно». Так кто же в данном случае агрессор? В этом случае слово «агрессия» *двусмысленно* (т.е. имеет два или более различных значения), но это не значит, что оно двусмысленно всегда. В большинстве ситуаций нет ни двусмысленности, ни *неопределенности* (т.е. когда нет четкой линии, отделяющей одно понятие от другого). Поэтому по поводу того, кто агрессор, в большинстве случаев не возникает сомнений. Но в самом понятии «агрессия» существует недостаток определенности, что во множестве ситуаций создает проблемы. А это в свою очередь создает проблему для всех тех, кто полагает, что теория справедливой войны в соединении со знанием фактов автоматически дает ответы на все вопросы о том, как государство должно вести себя, столкнувшись с возможностью войны.

Правое дело может быть связано не с агрессией, а с гуманитарной необходимостью. Но здесь также есть неопределенность. Если какая-то страна намеренно или по недосмотру причиняет серьезный ущерб большой части собственного народа, то насколько серьезным должен быть этот ущерб, чтобы была оправдана интервенция в эту страну? Сколько для этого должно пострадать людей? Теория об этом не говорит, потому что данный принцип в рамках теории справедливой войны утверждается в самом абстрактном, т.е. неопределенном, виде. Например, две главы о Косово, помещенные в нашей книге, представляют собой разные точки зрения на эту проблему, что наглядно показывает, как неопределенность проявляется на практике.

Так же обстоит дело и с другими принципами. Если принцип добрых намерений в целом определяется как принцип, подтверждающий правое дело, то ответы на вопрос о том, при каких условиях соблюдается принцип добрых намерений, могут быть самыми разными. Одни считают, что добрые намерения не следует смешивать с намерениями, которые не связаны непосредственно с соблюдением принципа правого дела, даже если не предполагается намерения действовать несправедливо или безнравственно. Другие считают, что принцип добрых намерений можно соблюсти в случаях, предполагающих смешанные намерения, если эти намерения, косвенно связанные с реализацией принципа правого дела, не

являются главным основанием для вступления в войну. Третьи применяют принцип добрых намерений еще более гибким образом. Они считают, что одного только наличия добрых намерений среди самых различных намерений в ходе принятия решения уже достаточно для того, чтобы считать, что этот принцип соблюдается. Такая позиция близка к реализму, но не тождественна ему, поскольку с точки зрения теории справедливой войны наличие правого дела есть *conditio sine qua non*¹. В примере, рассматривающем войну в Персидском заливе, где важную роль играли как суверенитет Кувейта, так и заинтересованность западных стран в нефти и их геополитические интересы, упомянутые три позиции привели к разным оценкам этой войны. Согласно первой интерпретации того, как следует применять принцип добрых намерений, война в Персидском заливе, несомненно, была несправедливой, а согласно третьей интерпретации — справедливой. Если принцип добрых намерений применяется согласно второй интерпретации, то у сторонников теории справедливой войны могут быть разные мнения в зависимости от того, какое значение они придают геополитическим интересам и интересам энергетической безопасности западных стран.

В гл. VI мы отмечали, что крайнее средство может означать только крайнее *разумное* средство. Сколько средств должно испробовать государство, прежде чем оно сможет сказать, что были исчерпаны все разумные альтернативы? В одних обстоятельствах этот принцип легче использовать, чем в других. Например, угроза атаки со стороны противника может пресечь какую-либо возможность переговоров. Но могут быть и совершенно неоднозначные в данном плане ситуации. Ничуть не проще в этом отношении принцип соразмерности. Мы указывали в главах V и VII, посвященных данным принципам теории справедливой войны, что принцип соразмерности не объясняет, каким должно быть соотношение между хорошими и плохими средствами — 50:50, 75:25 или какое-нибудь другое. Как мы увидим далее, то же можно сказать и в отношении принципа вероятности успеха.

Вопросы вызывает даже принцип легитимной власти. Этот принцип хорошо функционирует в том случае, когда мы размыш-

¹ *Conditio sine qua non* [кондицио сине ква нон] (лат.) — букв. неперемное условие.

ляем о межгосударственной войне в мире, состоящем из суверенных государств. Когда две страны или более приближаются к состоянию войны, можно относительно просто применить принцип легитимной власти. Народы хорошо знают, кто их лидер, и законным путем определяют, какой из этих лидеров ответствен за объявление войны. В Уставе ООН установлены ясные правовые нормы относительно применения силы. Но все усложняется в том случае, когда рассматривается гражданская или партизанская война. При каких условиях антиколониальные, сепаратистские или революционные движения удовлетворяют требованиям принципа легитимной власти? В каких случаях Совет Безопасности ООН или отдельное государство может во имя гуманитарных целей нарушить принципы суверенитета и невмешательства? Некоторые сложные случаи пограничных разногласий остаются нерешенной проблемой как для специалистов по международному праву, так и для специалистов-этиков, занимающихся проблемами международных отношений.

Легко понять источник этой проблемы. Теория справедливой войны является результатом длительной исторической традиции. Она, как и принцип легитимной власти, была разработана в сочинениях Августина Блаженного, жившего в одной из провинций Римской империи. Благодаря перетолкованию Священного Писания Августин дистанцировался от пацифистской христианской традиции. Принцип легитимной власти в его понимании был одним из принципов, подразумевавших легитимацию и ограничение применения политическими властями силы без отказа от религиозных обязательств христиан перед Богом и человечеством. Возникновение в XVIII в. Вестфальской системы суверенных государств отражало сдвиг от преданности религиозному авторитету Церкви к преданности политической власти государства. Этот сдвиг нашел свое дальнейшее выражение в секуляризации традиции справедливой войны. В то время как в христианском учении о легитимном применении силы решался вопрос о том, как снять напряжение между политической и религиозной преданностью, в традиции справедливой войны в ее секуляризованной форме решался вопрос о том, как преданность государству привести в соответствие с преданностью человечеству.

Именно с тех пор теория справедливой войны стала помогать одному государству противостоять угрозе и реальности войны при

столкновении с другим государством. В основном теория справедливой войны воспринимается как теория, имеющая отношение к сфере межгосударственных конфликтов. Но эту теорию можно применять также и к внутригосударственным конфликтам. В этом случае многие критерии остаются неизменными, поскольку они применимы к любой войне и любой военной обстановке. Например, сепаратистское движение может сослаться на принцип правого дела (в частности, в форме борьбы с угнетением и эксплуатацией со стороны колониальной власти) так же легко, как национальное государство (в форме преодоления последствий произошедшей в прошлом агрессии). Подобным образом повстанческая группировка может сослаться на принцип крайнего средства так же, как это делает национальное государство. Развязывание партизанской и (или) гражданской войны не будет обоснованным, если эта группировка не испробовала (все) остальные средства для преодоления той несправедливости, которую она стремится преодолеть. То же относится и к принципам соразмерности и добрых намерений. Они применяются по отношению к повстанческим войнам точно так же, как к войнам между государствами. А принцип вероятности успеха может стать несколько менее строгим (см. гл. IV и обсуждение темы, посвященной Кубе), т.е. прежде чем повстанческая группировка начнет использовать силу, она, по-видимому, не должна демонстрировать в той степени, что постоянное правительство, свою разумную надежду на успех. Кроме того, любая повстанческая группировка может применить большую часть принципов *jus ad bellum*, как и *jus in bello*, поэтому она сталкивается в основном с теми же препятствиями в обосновании военных действий, что и любое национальное государство. Даже несмотря на то что повстанческие, партизанские или какие-либо другие нестандартные группировки варьируются по форме, все же их действия попадают под большинство ограничений теории справедливой войны.

Это положение в принципе такое же, что и в части *jus in bello* теории справедливой войны. Поскольку принципы различия и соразмерности были кодифицированы в международном гуманитарном праве, появилась ясность относительно того, как их использовать в отношении военных преступников. Но в некоторых случаях применение части принципов *jus in bello* теории справедливой войны все еще осложняется их двусмысленностью и неоп-

ределенностью. Война НАТО в Югославии обосновывалась политическими аргументами, взятыми из традиции справедливой войны, но эта традиция дает также серьезные аргументы и в пользу критической оценки того способа, каким велась эта война. В гл. VIII о принципе различия и в главе XI о Косово указывалось на противоречие между оправданием этой войны в гуманитарном отношении и политическим решением, принятым руководством НАТО, которое обязывало своих пилотов летать в небе Югославии на безопасной высоте. Это решение подвергало опасности тот самый народ, который НАТО стремилась спасти. Оно предполагало большую опасность для жизни гражданского населения Сербии и Косово, что, как можно заметить, вступает в противоречие с принципом различия, требующим сведения к минимуму потерь среди гражданских лиц. Но эта критика основывается на конкретной интерпретации долга солдат на поле боя, интерпретации, которая не обязательно разделяется всеми сторонниками теории справедливой войны. Кроме того, если во всей теории справедливой войны обнаруживаются неопределенность и двусмысленность, становится очевидно, что эту теорию невозможно применить по отношению ко всем или почти ко всем военным ситуациям, как можно применять во всех ситуациях естественно-научные теории (из области физики и химии).

3. ЧРЕЗМЕРНЫЙ ПЕССИМИЗМ

Когда обнаруживаются ошибки, связанные с чрезмерным оптимизмом, появляется соблазн принять противоположную позицию. Такая реакция порождает вторую основную ошибку в понимании теории справедливой войны. Только теперь на место слишком больших ожиданий от этой теории приходят неоправданные сомнения. Неопределенность и двусмысленность принципов справедливой войны заставляют некоторых ученых становиться не оптимистами, а пессимистами. Они полагают, что принципы справедливой войны подобны пластилину, т.е. им можно придать любую желаемую форму. В своем крайнем виде этот пессимизм в теории справедливой войны приводит к скептицизму или даже цинизму. Однако не следует преувеличивать неопределенность и двусмысленность, обнаруживаемые в любой этической теории, в том числе и в теории справедливой войны. Термины, используемые в этике,

никогда не бывают такими же точными, как термины, используемые в некоторых других науках. То же говорил Аристотель в своей «Никомаховой этике»: «Рассуждение будет удовлетворительным, если удастся добиться ясности, сообразной предмету, подлежащему рассмотрению. Ведь не во всех рассуждениях, так же как не во всех изделиях ремесла, следует добиваться точности в одинаковой степени... ведь человеку образованному свойственно добиваться точности для каждого рода предметов в той степени, в какой это допускает природа предмета. Одинаково нелепым кажется как довольствоваться правдоподобными рассуждениями математика, так и требовать от ритора строгих доказательств»¹.

Поэтому в тех случаях, когда имеешь дело с этическими вопросами, говорить, что используемым нами терминам присущи неопределенность и двусмысленность, это не то же самое, что говорить, что они вообще двусмысленны и неопределенны. Большая часть терминов обычного языка содержит неопределенность и двусмысленность, но из-за этого мы не отказываемся от него. Например, допущение, что обычные слова, обозначающие простые цвета, столь неопределенны, что мы не можем сказать о каком-то конкретном лоскуте «он красный или оранжевый»; но это не означает, что невозможно обозначить другие лоскуты как красные или оранжевые. В самом деле, бессмысленно утверждать, что красный и оранжевый — это абсолютно неопределенные цвета. Причина, по которой мы знаем, что цвет какого-то лоскута близок к границе, разделяющей красное и оранжевое (следовательно, понятие, которое мы используем, говоря о лоскуте, неопределенно), заключается в том, что цвет каких-нибудь других лоскутов уже не так близок к этой (неопределенной) границе. То же верно и в отношении национальных границ. Спор по поводу границы, вызванный ее неопределенностью или неочевидностью, имеет смысл потому, что, как мы знаем, в состав данных двух государств входят и другие территории, которые никем не оспариваются. В таком случае неопределенность может ослабить силу какого-нибудь понятия и таким образом помешать тем, кто хочет использовать его, всегда высказывать точные суждения. Но это не обязательно мешает им эффективно использовать данный термин в высказываниях моральных суждений в большинстве случаев.

¹ Аристотель. Никомахова этика, 1094b 10—25 // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 55—56.

Эта дискуссия для теории справедливой войны означает, что она не стала бесполезной по причине неопределенной и (или) двусмысленной терминологии. Скорее, эта теория находится где-то между взглядами тех, кто смотрит на нее чрезмерно оптимистично, и взглядами тех, кто смотрит на нее чрезмерно пессимистично. Это не означает, что в теории справедливой войны нет никакой неопределенности и двусмысленности (оптимистическая позиция). Это также не означает, что все наше мышление пропитано неопределенностью и двусмысленностью (пессимистическая позиция). Главная функция теории справедливой войны заключается в упорядочении нашего представления о войне таким образом, чтобы указать нам, когда мы должны вступать в войну, а когда — нет. Поощряя потенциальных участников войны задуматься над рядом вопросов (например: «За правое ли дело мы собираемся бороться?», «Попытались ли мы решить проблему путем переговоров?»), эта теория отодвигает начало войны, а иногда и предотвращает ее. Помимо этого, ставя вопросы о том случае, когда война уже началась (например: «Являются ли эти люди законной целью нападения?», «Не излишне ли интенсивно мы бомбим противника, который уже и так собирается сдаться?»), теория справедливой войны способствует тому, чтобы сделать войну более гуманной, чем она могла быть в ином случае. Возможно, преодоление ограничений теории справедливой войны не поможет в любом случае (как на это надеются оптимисты), но это может помочь в массе самых разнообразных случаев (что отрицают пессимисты).

Теория справедливой войны обеспечивает теоретическую поддержку, когда нужно сделать выбор более рациональным, разумным и сознательным. Интересно отметить, что у реализма те же цели. Постольку, поскольку реалистская теория подталкивает своих последователей к тому, чтобы они сформулировали веские (своекорыстные) основания для вступления в войну, определили вероятность успеха в этой войне, насколько вступление в войну соразмерно поставленным перед ней целям и т.д., реалисты также сталкиваются с ограничениями, которые затягивают процесс вступления в войну и, возможно, предотвращают ее. Они также могут извлечь выгоду из анализа примеров прошлых войн, а также из того способа, с помощью которого их теория организует их мышление и делает его более разумным, с тем, чтобы они

подходили к проблеме войны и участвовали в ней, твердо зная, что они уже методично продумали все принимаемые решения.

Многое относительно теории справедливой войны было понято благодаря тому вниманию, которое уделялось ошибкам чрезмерного оптимизма и пессимизма. Внесение корректив относительно ошибки чрезмерного оптимизма учит сторонников теории справедливой войны не ожидать получения легких ответов на вопрос о решении начать войну, учит нас быть смиренными. Внесение корректив, исправляющих ошибку чрезмерного пессимизма, учит теоретиков избегать скептического предположения о том, что один ответ в теории справедливой войны подходит так же хорошо, как и другой. Корректирование пессимизма учит также преодолевать трудности вынесения суждений о войне, помогая каждому, кто применяет теорию справедливой войны, быть объективным настолько, насколько это вообще возможно для человека. Изучение теории справедливой войны посредством сосредоточения на двух основных ошибках понимания и применения данной теории немного похоже на попадание в отдаленную цель методом пристреливания — недолета и перелета.

4. УНИВЕРСАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ?

Даже при том, что мы видим некоторую неопределенность в той форме, которую принимает теория справедливой войны, нельзя не отметить, насколько универсальной остается эта теория. Почему это так — объяснить нелегко, но можно попытаться дать следующее правдоподобное объяснение. Как уже упоминалось выше, теория справедливой войны имеет двухчастную структуру: одна часть связана с процедурами, другая — с ценностями. Что касается первой части, то в ней универсальная природа теории справедливой войны вполне понятна. Когда, как, например, в случае принципа крайнего средства, требуется определить все наши альтернативы, мы должны делать нечто очень важное — вести себя разумно. Разум подсказывает нам, чтобы мы не выбирали одну из альтернатив до тех пор, пока не проверены все остальные. Подобным образом, когда принцип соразмерности (в категориях *jus ad bellum* и *jus in bello*) требует оценить издержки и выгоды (каковы бы они ни были), от нас снова требуется просто рационально подходить к этому. Подобным образом принцип вероятности ус-

пеха также побуждает нас вести себя разумно, опять напоминая нам, что прежде чем начать действовать, нужно осуществить оценку издержек и выгод. Даже принцип легитимной власти побуждает нас вести себя разумно, содействуя тому, чтобы общество позволяло принимать важные решения о войне только тем, кто наделен законной властью (т.е. тем, кто, как хотелось бы надеяться, наиболее компетентен). Таким образом, поскольку теория справедливой войны основывается на процедурных соображениях, которые тесно связаны с признаваемыми всеми разумом, логикой и ясным мышлением, понятно, что в этой теории есть тенденция к обладанию универсальным статусом.

Но какова ценностная часть структуры теории справедливой войны? Насколько можно считать ее универсальной? Вспомним, что ценностная часть теории справедливой войны является гуманистической. Она утверждает, что всем без исключения людям следует уделять равное внимание. Все люди имеют какое-то значение в самом широком моральном смысле. Предполагается, что ни один человек не должен обесцениваться как личность. Это та часть теории справедливой войны, которую принимают не все. Такие термины, как «гуманизм», «гуманистический» и «гуманитарный», многим напоминают о Мишеле Монтене, Эразме Роттердамском, Томасе Море и др., т.е. о западных мыслителях Нового времени.

Однако гуманизм — учение, согласно которому все люди достойны заботы, имеет гораздо более древние и широкие исторические корни. Первоначально христианство было (и все еще остается во многих своих формах) гуманистическим в том своем представлении, что каждый из нас есть дитя Божие. Согласно этому учению, не имеет значения, богат человек или беден, стар или млад, каков цвет его кожи, — все мы чего-то стоим и являемся ценностью в глазах Бога. Древнегреческая культура не отличалась гуманистическим мировоззрением. Например, в рамках этой культуры весьма редко порицалось рабство. Однако даже в этой культурной среде стойки призывали выйти за пределы узкогреческой этнической идентичности, а каждого человека рассматривать как играющего в Космосе свою уникальную роль. В Индии универсальным в своем представлении о человеке был буддизм. Благодаря такому представлению особой привлекательностью буддизм обладал для бедных. Как учение он также получил большое

распространение, поскольку учил тому, что спасение предназначено не только для какой-то одной особой касты, но вообще для всех людей. Гуманистическое мышление прослеживается в традиции китайской мысли. Конфуций и Мо-цзы развили соответственно понятие человечности (*жэнь*) и всеобщей любви. Человечность открыто проявляет заботу о каждом человеке. В школу Конфуция приглашались учиться все независимо от того, были они из провинции или из столицы, богатыми или бедными. Понятие всеобщей любви Мо-цзы буквально означает именно то, на что указывает. Мы должны проявлять равную заботу о каждом человеке. В самом деле, согласно Мо-цзы, предполагается, что мы должны заботиться о родителях других людей в той же степени, что и о своих родителях.

Гуманистические представления не универсальны в том смысле, что их утверждают все, однако они обнаруживаются во многих культурах и в разные исторические эпохи. Этот вывод находит свое подтверждение в сравнительном исследовании общественного мнения во Франции, России, Великобритании и США¹. Согласно результатам исследования, проведенного в 1999 г., общественное мнение в этих странах в высокой степени осознает моральное значение принципов категории *jus in bello*². Лишь от 1 до 4% респондентов считают, что для ослабления врага допустимо напа-

¹ People on War. Country Report Russian Federation: Report by Greenberg Research, Inc. Geneva: International Committee of the Red Cross, 1999. Совещание было проведено в Российской Федерации в мае 1999 г. во время войны НАТО в Косово и перед началом второй военной кампании в Чечне.

² Но подсчет мнений показывает также значительные расхождения между этими четырьмя странами в их этическом отношении к войне. Во-первых, это касается вопроса о том, заключается ли главная причина вступления государства в войну, в несостоятельности человеческой природы или в несостоятельности правительства. Население Российской Федерации считает, что это бывает главным образом из-за правительств (72%), а не из-за человеческой природы (14%). Такое высокое признание ответственности политических лидеров в гораздо меньшей степени наблюдается в других странах (26% во Франции, 36% в Великобритании и 33% в США). Во-вторых, существенно различаются ответы на вопрос о том, как нарушители должны быть наказаны. Международный трибунал находит в Российской Федерации гораздо меньше поддержки (21%), чем в других странах (62% во Франции, 51% в Великобритании и 40% в США). В то же время, с тем, что правительство страны, ведущей войну, должно наказывать за военные преступления, согласны 35% российских респондентов, по сравнению с 12% во Франции, 20% в Великобритании и 21% в США. В-третьих, только 16% россиян поддерживают отправку войск за рубеж как части международных сил для ограничения потерь, что примерно в 4 раза меньше, чем в остальных трех странах.

дать как на комбатантов, так и на гражданских лиц. Это означает, что у тех, кто неразборчив в средствах ведения военных действий, общественная поддержка очень слаба. Анализ мотивов такого отношения дает примерно аналогичную картину статистических данных. Апелляция к защите прав человека — это главная причина отказа от нападения на гражданских лиц (55% во Франции, 63% в России, 66% в Великобритании, 51% в США). Кроме того, 63% респондентов в Российской Федерации ссылаются на свой личный моральный кодекс — понятие, менее заметное в Великобритании (30%), США (29%) и Франции (44%). Гораздо меньше людей, обосновывая недопустимость нападения на гражданских лиц, апеллируют к религии, праву и родной культуре¹.

Разумеется, такое квазиединодушие в поддержке общего принципа различия в данных четырех странах резко уменьшается, когда респондентам задают вопросы относительно конкретного применения этого принципа. Лишение гражданских лиц враждебного государства пищи, медикаментов или воды с целью ослабить врага принимается 28% населения России, 25% — Великобритании, 36% — США и 18% — Франции. Нападение на религиозные и исторические памятники приемлемо для 15% населения России, 35% — Великобритании, 36% — США и 23% — Франции. Можно сказать, что значительная часть общественности отстаивает принцип различия, не обязательно осуществляя на практике все его конкретные приложения. Тем не менее даже при конкретном обсуждении этого принципа все же гораздо больше тех, кто его поддерживает.

Отчасти это всеобщая поддержка принципа различия в разных странах с весьма разными военными традициями может быть результатом пережитых ужасов двух мировых войн, сотен многих других войн, которые вспыхивали в течение XX в., и тех войн, которые разгораются уже в XXI в. Кроме того, такая реакция существует, видимо, благодаря развитию международного права и проявляемой им озабоченности относительно соблюдения прав человека. Наконец, можно предположить, что причина такой реакции связана с развитием средств массовой информации, которые способствуют распространению идеологии гуманизма. Каковы бы ни были эти причины, в мире становится все больше стран, которые

¹ К религии апеллируют 14% населения Российской Федерации, 7% во Франции, 9% в Великобритании, 26% в США. К культуре апеллируют 10% населения России, 13% Франции, 3% Великобритании и 5% США.

всерьез разделяют гуманистические идеи. Даже те страны, которые не верят в права человека, не могут не говорить о них. Высказываясь так, будто они следуют принципам гуманистической этики и соблюдают требования теории справедливой войны, соответствующей этой этике, эти государства невольно способствуют укреплению представления об обоснованности гуманизма.

Таким образом, хотя гуманизм, строго говоря, не является универсальным учением, он получает повсеместную поддержку. А поскольку это так, то государствам все труднее открыто игнорировать гуманистические принципы и, следовательно, теорию справедливой войны.

УКАЗАТЕЛЬ

- Абхазия** 10, 11, 85, 165, 310
Августин Св. 33, 34, 47, 49, 86, 92—96, 130, 383
Австрия 105
агрессия, см.: *войны агрессивные*
Азиз Тарик (Aziz Tariq) 214, 217
Албания 266, 272, 285, 287, 310
Алжирская война (1954—1962) 80—83, 273
Аль-Каида 336—370
Амвросий, Св. 33
Ангола 165
Аннан Кофи А. (Annan Kofi A.) 275
Арафат Ясир (Arafat Yassir) 354
Аргентина, см.: Фолклендская война (1982)
Аристотель 33
Аткинсон Рик (Atkinson Rick) 227
Афганистан 264
    American intervention in 336—370
    Soviet intervention in 69, 337, 351, 352
    см.: *Северный Альянс*
- Бабичев Иван** 254
Бангладеш 85, 100—105
    см. также: *Индо-пакистанская война (1971)*
Батиста Фультенцио (Batista Fulgencio) 76, 120, 121, 137, 152
Бейкер Джеймс (Baker James) 217, 219
Белоруссия 111
Бельгия 49, 50, 274, 276
    и Руанда 10
    в Первой Мировой войне 49, 139
    в период 1933—1945 гг. 50, 71, 114, 115, 117, 133, 134
Бен Ладен Осама (Bin Laden, Osama) 336—370
Бенеш Эдуард (Benes Eduard) 106
Биафра, война в ней (1967—1970) 56, 84
    биологическое оружие 182—184, 223, 340
Блэр Тони (Blair Tony) 343
Боливия 76
Босния-Герцеговина
    боснийская война (1992—1995) 10, 59, 62, 85, 158—165, 205, 282, 283, 293, 317, 332
    дейтонские соглашения (1995) 60, 162, 267, 281, 284
    см. также: *НАТО, ООН*
Брежнев доктрина 125
буддизм 389
Булл Хедли (Bull Hedley) 43, 327
Бурская война (1899—1902) 138
Бутрос-Гали Бутрос (Boutros-Ghali Boutros) 162, 163
Буш Джордж (Bush George) 103, 215, 217, 220—223, 297, 371
Буш Джордж У. (Bush George W.) 9, 336, 338, 339, 341, 347, 348, 351, 354, 358, 364
Бхутто Зульфикар Али (Bhutto Zulfikar Ali) 101
- Варшавский Пакт** 153
Ваттель Эммерих де (Vattel Emmerich de) 48, 49
Вебер Макс (Weber Max) 66
Вейс Томас (Weiss Thomas) 62, 330
Великобритания 42, 151, 212, 273, 305, 336, 338, 340, 359—361, 363, 364, 366
Британская Империя 76
    в Первой Мировой войне 137—139
    в период 1933—1945 гг. 24, 70—74, 106, 107, 115, 117—119, 133, 134, 143
    общественное мнение и война 390, 391
    см. также: *Фолклендская война (1982)*

- Венгрия 69, 108, 287, 298, 314
 вероятности успеха принцип 10, 36, 63, 94, 113—128, 133, 134, 136—140, 222, 256—258, 263, 280—285, 302—305, 351—355, 375, 378, 380, 382, 384, 388—389
 Вестфальский мир (1648) и Вестфальская система суверенных государств 58, 68—69, 383
 Витория Франсиско (Vitoria Francisco de) 48, 55
 военная необходимость 173, 194, 197, 205, 313, 349
 см. также: *соразмерности принцип (in bello)*
 война
 anti-colonial wars 35, 42, 76, 79—84, 86, 383—384
 оборонительные войны (против агрессии) 17, 18, 35, 36, 49—55, 63, 65, 77—79, 88, 90, 95, 99, 100, 114, 116, 132, 140, 142, 150
 bellum Romanum (римская война) 170
 гражданские войны 42—44, 87, 91, 120, 132, 137, 169, 295
 объявление войны 41, 170
 определение войны 13, 40—43, 384
 партизанская и антипартизанские войны 38, 80—83, 165, 189—193, 260, 261, 295, 304, 356, 384
 гуманитарная интервенция 35, 55—59, 61, 63, 64, 69, 77, 78, 88, 89, 99, 100, 105—109, 158—165, 211, 265—335, 372
 предупредительный удары и войны 50, 51, 53, 56, 88, 89, 99, 100, 109
 Воробьев Эдуард 256—257
 Вьетнамская война
 Первая Индокитайская война (1946—1954) 80—82
 Вторая Индокитайская, или Вьетнамская, война (1964—1973) 41, 180, 184, 223, 273, 351
 Гаагские конвенции 172, 206, 207
 Гаити 317
 Галл Карлотта (Gall Carlotta) 258
 Ганди Мохандас 29, 30, 372
 Гаха Эмиль 108
 Генлейн Конрад (Henlein Konrad) 105, 106
 геноцид 10, 35, 103, 294, 324, 330
 Германия 274, 288, 305
 в Первой Мировой войне 49, 50, 137—139
 в период 1933—1945 гг. 24, 70—75, 105—112, 114—117, 143—148, 175—177, 371, 377
 общественное мнение и война 6
 Гитлер Адольф 24, 105—110, 138, 377
 Глоувер Джонатан (Glover Jonathan) 156—158
 Гоббс Томас 328
 Голь Шарль де (Gaulle Charles de) 72—75, 82, 83
 Горбачев Михаил 217, 226, 236, 244, 246
 государства-изгои 8, 9
 Гражданская война, см.: *война*
 Грачев Павел 232, 256
 Греция Древняя 168, 169
 Гроций Гуго 33, 48, 55, 95, 96, 112, 113, 130, 141, 142, 315, 319
 гуманитарная интервенция, см. *война*
 Гусак Густав 126
 Даалдер Иво Г. (Daalder Ivo H.) 278, 295, 296, 313
 двойного эффекта принцип (principle of double effect) 185—187, 196, 200, 201, 290
 Де Ваал Томас (De Waal Thomas) 258
 Джентилис Альберикус (Gentilis Albericus) 55
 Джонсон Джеймс Т. (Johnson James T.) 197, 219
 добрых намерений принцип 36, 87—112, 130, 136, 141, 218—221, 226, 249—253, 263, 271—274, 300—302, 344—348, 370, 375, 378, 380—382, 384
 см. также: *интерес (национальный интерес)*
 Доннелли Джек (Donnelly Jack) 16, 18, 324

- Достоевский Ф.М. 57
Дрездена бомбардировка 175
Дубчек Александр 126
Дудаев Джохар 232, 236, 238, 240—244, 246, 247, 249, 256, 259, 263, 264, 296
- Е**
Европа; Европейский Союз 7—12, 42, 72, 83, 89, 109, 127, 170, 209, 219, 268, 332, 367
Египет 51, 223, 338
Ельцин Борис 240, 244—247, 249—251, 254, 255, 263, 287, 329
- Ж**
Женевские конвенции 39, 43, 82, 172, 182, 189, 206, 207, 210, 211, 367, 368
см. также: *Международное гуманитарное право*
- З**
Завгаев Доку 247
Западная Европа, см.: *Европа*
- И**
Игнатъефф Майкл (Ignatieff Michael) 195
Израиль 51, 52, 220, 223, 229, 354, 355
Индийско-пакистанская война (1971) 100—105, 316, 371
Индия 12, 29, 34, 203
интерес (национальный интерес) 8, 11, 15—24, 27, 32, 99, 115, 120, 141, 151, 156, 158, 220, 222, 241, 252, 253, 272, 311, 323, 354, 374—376, 382
см. также: *реализм, добрых намерений принцип*
- Иордания 51, 52, 338
Ирак 8—10, 38, 51, 52, 97, 159, 166, 167, 204, 208, 317, 329, 354
Иран 8, 9, 11, 12, 166, 204, 214, 222, 223, 346
ирредентизм, определение 106
ислам 347, 354, 357
исламская традиция справедливой войны (*джихад*) 95, 103
- Италия 23, 24, 107, 151, 274, 288, 305
- К**
Кант Иммануил 26
Караджич Радован 313
Карибский кризис (1962) 150—158
Карр Эдвард Хэллет (Carr Edward Hallett) 18
Кастро Фидель 120, 121, 136, 137, 152, 155, 209
Католические епископы США 64, 96, 131
Кашмир 12, 203
Кеннеди Джон Фитцджеральд (Kennedy John Fitzgerald) 153—157
Кеннеди Роберт 157
Кеннеди Эдвард (Kennedy Edward) 102, 103
Кент Джордж (Kent George) 55
Кинг Мартин Лютер (King Martin Luther) 29
Киссинджер Генри 21, 306
Китай 7, 8, 10, 12, 33, 103, 130, 132, 143, 184, 204, 275, 288, 298, 299, 309, 311, 315, 338, 344, 345, 354, 390
Кларк Уэсли (Clark, Wesley) 308
Клаузевиц Карл фон 6
Клинтон Уильям Дж. (Clinton William J.) 271, 272, 282, 285, 297, 372
Ковалев Сергей 260
Коген Шелдон (Cohen Sheldon) 131
Кодекс Либера (Lieber Code) 172
колониализм, см.: *война (антиколониальные движения)*
Конфуций 390
Корейская война (1950—1953) 54, 132, 180
Косово 26, 41, 78, 85, 179, 191, 195—197, 265—335, 351, 362, 372, 379, 381
Косовская освободительная армия (УСК) 267, 270, 276, 279, 284, 285, 296, 297, 301, 385
Коутс Этнони Дж. (Coates Anthony J.) 54, 166
крайнего средства принцип 25, 37, 77, 85, 94, 136, 141—167, 182, 218, 219, 222, 225, 239, 242, 245—249, 258, 263, 276—279, 305—307, 332, 336, 348—350, 370, 376, 378, 380, 382, 384, 388
Крайский Бруно (Kreisky Bruno) 155

- Красный Крест 172, 270, 367, 368
 Краутхаммер Чарльз (Krauthammer Charles) 304
 Кристофер Пол (Christopher Paul) 56
 Куба 120—122, 204, 208, 209, 367, 368, 384
 см. также: *Карибский кризис* (1962)
 Кувейт 8, 97—99, 159, 342, 382
 см. также: *Персидский залив, война* (1990—1991)
 Кук Робин (Cook Robin) 273
 Курдское меньшинство в Турции, см.: *Турция, Крайский Бруно*
 Курочкин Виктор (Kurochkin Viktor) 254
 КФОР (KFOR, Косовская война) см.: НАТО
- Лабазанов Руслан 247
 Латвия 298
 Лаутерпахт Герш (Lauterpacht Hersch) 316
 Лебедь Александр 264
 легитимной власти принцип 33, 35, 63, 65—86, 94, 130, 136, 141, 218, 221, 222, 226, 253—256, 274—276, 293, 297—299, 314, 317, 330, 336, 358—361, 370, 376, 378, 382—383
 Ли Стивен (Lee Steven) 200, 201
 Ливен Анатолий (Lieven Anatol) 255
 Ливия 8, 208
 Лига Наций 26
 Литман Марк (Littman Mark) 277, 278, 280, 306
 Лутвак Эдвард (Lutwak Edward) 282
 Люксембург 114—116, 133, 134
- Македония** 272, 287, 310
 Маккаффри Барри (McCaffrey Barry) 231
 Мандельбаум Майкл (Mandelbaum Michael) 307
 Маннергейм Карл Густав (Mannerheim Carl Gustaf) 147
 Масхадов Аслан 264
 Международная амнистия (Amnesty International) 366
 международное гуманитарное право 39, 42, 43, 82, 83, 123, 172, 173, 189, 206, 207, 210, 211, 260, 262, 263, 313, 367, 368, 376, 384, 390, 391
 см. также: *Гаагские конвенции, Женевские конвенции*
 международное право 26, 42, 43, 49, 58, 76, 79, 80, 84, 95, 149, 237, 238, 270, 276, 297, 298, 314—335
 Мексика 76
 Мерфи Джеффри (Murphy Jeffrie) 193, 194, 197
 милитаризм 12, 22—26, 32, 374, 377, 378
 Миллер Франц (Miller France) 108
 Милль Джон Стюарт 59
 Милошевич Слободан 267—269, 279, 280, 282—287, 289, 293, 297, 302, 304
 мины 197, 203—206
 мир (несправедливый мир) 142
 миротворческие операции, принуждение к миру 7, 10, 41, 304, 305
 см. также: *ООН (и миротворчество, принуждение к миру), НАТО*
 Митчелл Джордж (Mitchell George) 225
 Младич Радко 31, 32
 Молотов Вячеслав 111, 146
 Монголия 143, 144
 Монтень Мишель де 389
 Мор Томас 389
 Моргентау Ганс (Morgenthau, Hans) 18
 Мо-цзы 34, 130, 390
 Муким Хан Фазал (Khan Fazal Muqem) 102
 Муссолини Бенито 23—25
 Мутавакиль Вакиль Ахмед (Muttawakil Wakil Ahmed) 344
 Мэн-цзы 34
 мюнхенские соглашения (1938) 107, 108, 143
- Нагасаки, бомбардировка** 180, 181
Нагорный Карабах 10, 305
Наджибулла Мохаммед 337
Нанн Сэм (Nunn Sam) 225
Наполеон 69, 138
Насер Гамаль Абдель 52
НАТО 37, 42, 317
 и террористические атаки на США 11 сентября 2001 г. 338, 343

- в Боснии 10, 60, 161—164, 332, 385
Совет по евро-атлантическому партнерству (ЕАРС) в Косово 298, 299
в Косово 10, 11, 41, 85, 179, 191, 195, 196, 265—314, 323, 329, 331, 333, 344, 383—385
КФОР (KFOR, Kosovo Force) 191, 193, 303, 304
партнерство ради мира (Partnership for Peace, PfP) 298, 299
Ненасильственная гражданская оборона (civilian-based defense) 30—32, 122—124, 134—136, 266, 373
Нигерия 56, 84
см. также: *Биафра, война в ней (1967—1970)*
Нидерланды 61, 114, 117, 134, 177
Нитце Пол (Nitze Paul) 157
О’Брайен У.В. (O’Brien W.V.) 131, 132
О’Хэнлон Майкл Э. (O’Hanlon Michael E.) 278, 295, 296, 313
ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе) 10, 78, 149, 151, 260, 267, 277, 298, 299
Олбрайт Мадлен (Albright, Madeleine) 275
Омар мулла Мохаммед (Omar Mullah Mohammed) 339, 348
Организация Африканских Государств (ОАС) 78
Организация Объединенных Наций 26, 52, 60, 62, 76—79, 148—151, 155, 156, 205, 226, 303, 315, 317, 322, 329—331, 358—362
Устав ООН 41, 58, 78—80, 86, 148, 158, 160, 216, 218, 219, 270, 274, 275, 284, 297, 320—322, 324, 330, 332, 359—361, 370, 383
Генеральная Ассамблея 79, 149, 324
Международный Трибунал по бывшей Югославии (ICTY) 313
и миротворческие операции, операции по принуждению к миру 7, 11, 60, 61, 77, 148, 158—165, 190, 329, 332
и санкции 89, 77, 163, 165—167, 214, 225, 226, 228, 267
Совет Безопасности 8, 10, 11, 35, 55, 60, 63, 77—79, 86, 103, 148, 150, 158—160, 164—167, 214, 274—276, 297, 299, 307—309, 314, 318, 322, 329, 338, 341
резолюции Совета Безопасности 60, 61, 160, 161, 163, 214, 216—218, 221, 222, 225, 267, 269, 274, 275, 279, 299, 301, 332, 342, 358, 383
ЮНИСЕФ (UNICEF) 9
Программа ООН по охране окружающей среды (UNEP) 312
Комиссия ООН по правам человека 304
Временная административная миссия ООН в Косово (UNMIK) 269
Защитные силы ООН (UNPROFOR) 160
Соединенные Штаты 8—11, 30, 41, 42, 54, 55, 69, 76, 97, 102, 103, 121, 132, 184, 191, 199, 204, 209, 267, 268, 271, 272, 275, 279, 282, 297, 300, 303, 305, 311, 318, 323, 332, 336—370, 372
общественное мнение и война 6, 7, 390, 391
см. также: *Карибский ракетный кризис (1962), Персидский залив, война (1990—1991)*
оружие массового поражения 8, 9, 11, 37, 220
см. также: *биологическое оружие, химическое оружие, ядерное оружие*
Паин Эмиль 247, 248
пакистан 12, 203, 339, 343, 353, 356, 363
см. также: *Индийско-пакистанская война (1971)*
Панама 69
Парсонс Энтони (Parsons Anthony) 213
партизанская война, см. *война*

- партнерство ради мира (Partnership for Peace, PfP), см. *НАТО*
- Пауэлл Колин (Powell Colin) 354
- Пацифизм 12, 25—33, 45, 46, 372—374
условный пацифизм 30
ненасильственное сопротивление 27—30
ядерный пацифизм 26, 27
религиозный пацифизм 27—29, 45, 92, 94, 95
см. также: *ненасильственное гражданское сопротивление*
- Перес де Куэльяр Хавьер (Perez de Cuellar Javier) 217, 226
- Персидский залив, война (1990—1991) 8, 38, 97—99, 130, 159, 166, 167, 179, 212—231, 337, 342, 351, 372, 382
- Петен Филипп (Pitain Philippe) 71, 72, 74
- Платон 33, 168—169
- Польская война (1920) 111
- Польша 50, 108—112, 127, 287, 298, 379
- Попов Аркадий 247—248
- права человека 7, 64, 82, 166, 190, 220, 270, 271, 282, 292, 294, 296, 298, 299, 301, 315—335, 368, 369, 392
Хьюман райтс вочч (Human Rights Watch) 311—312
- правого дела принцип 33—37, 47—64, 90, 94, 96, 97, 99, 104, 130, 131, 136, 141, 144, 218—220, 226, 237—246, 248, 249, 264, 269—271, 274—276, 293—296, 300, 329, 331, 335, 341—344, 369, 374—377, 380—382, 384
превентивные удары и войны 48, 51, 88
войны в интересах третьей стороны (проху wars) 42, 69
религиозные войны 58, 68, 87, 93, 94, 137
революционные войны 36, 69, 75, 76, 86, 88, 120—122, 136, 137, 383, 384
сепаратистские войны 10—12, 42, 69, 79, 80—87, 91, 345, 383, 384
- см. также: *Чечня, Косово*
войны против терроризма 42, 336—370
- превентивный удар, см.: *война*
- предупредительный удар, см.: *война*
- Приднестровье 10
- Путин Владимир 345
- пытки 39, 82, 262, 264, 368, 369
- Различия** принцип 9, 37—40, 94, 167—173, 175, 176, 180—182, 184—211, 227—229, 231, 259—264, 282, 283, 288—291, 293, 310—314, 370, 376, 377, 384, 385, 390, 391
- Рамбуйе, переговоры 268, 270, 277, 278, 302, 305, 306
- Рамсфельд Дональд (Rumsfeld Donald) 340, 341, 347
- Раск Дин (Rusk Dean) 156
- Рассел Фредерик (Russell Frederick) 170
- Рахман шейх Муджибур (Rahman Sheikh Mujibur) 101, 102
- реализм 12, 15—25, 32, 45, 99, 120, 156, 157, 373—378, 382, 387
- религия 24, 39, 45, 312
см. также: *христианство, ислам, пацифизм (религиозный), буддизм*
- Риббентроп Иоахим фон (Ribbentrop, von Joachim) 111
- Риэфф Дэвид (Rieff David) 62
- Римская империя 33, 141, 169, 170, 383
- Робертс Адам (Roberts Adam) 281, 283
- Робинсон Мэри (Robinson Mary) 366
- Ролз Джон (Rawls John) 175
- Россия 8, 10—12, 75, 112, 204, 268, 275, 285, 287, 299, 305—307, 310, 311, 338, 344, 345, 354
Российская Империя 110, 111, 147, 172
в Первой Мировой войне 137—139
общественное мнение и война 7, 26, 390, 391
см. также: *Советский Союз*
- Руанда 10, 330
- Ругова Ибрагим (Rugova Ibrahim) 266, 269
- Румыния 75
- Русско-японская война (1904—1905) 139

- Рэмзи Пол (Ramsey Paul) 78, 131, 132, 200
- Самооборона**, см.: *войны оборонительные*
- самоопределения принцип 80, 83–85, 105–108, 1106 111, 237–239, 320
- санкции 37, 165–167, 208, 209, 248, 258, 276, 349, 350
см. также: *ООН (санкции)*
- Сапатисты 76
- Сар Десаи Д.Р. (Sar Desai D.R.) 119
- Саудовская Аравия 229, 337, 338
- Северная Корея 89, 54, 132, 208
- Северный Альянс 353, 357, 362, 363, 366
- Сербия, см.: *Югославия, Косово, Сербия*
- сецессия 7, 107, 108
право на сецессию 7, 10, 84, 85, 237–242
см. также: *война (сецессионистские войны), Чечня, Косово*
- Синцзян 345
- Сирия 51, 52, 223
- Словакия 107, 108
- Словения 85
см. также: *Афганистан, Ирак, Иран, Ливия, Северная Корея, Сирия, Судан*
см. также: *Чехословакия*
- Совет по евро-атлантическому партнерству (Euro-Atlantic Partnership Council, ЕАРС) см.: *НАТО*
- Советский Союз 8, 10, 24, 55, 69, 103, 106, 109–112, 124–128, 184, 234–237, 314, 318, 371, 379
см. также: *Карибский ракетный кризис (1962)*
- Советско-финская война (1939–1940) 144–148, 379
- Советско-японская война (1939) 143, 144
- Содружество Независимых Государств (СНГ) 165
- Солана Хавьер 265, 268, 269, 275, 298, 299
- Сомали (интервенция в нее 1992–1995) 77, 305, 317, 329, 332
- Сонгхрам Пхибун (Phibun Songkhram) 120
- соразмерности принцип (in bello) 11, 12, 37, 39, 94, 167, 171, 174, 187, 198, 201, 202, 205, 229–231, 259–263, 291–293, 310–314, 334, 361–363, 370, 377, 382, 384, 388
- соразмерности принцип (ad bellum) 10, 36, 37, 63, 94, 113, 128–140, 222–226, 258, 259, 263, 264, 285–288, 293, 308–310, 333, 336, 355–358, 375, 378, 380, 382, 384, 388
- Спайкмэн Николас-мл. (Spukman Nicholas J.) 16
- Спарта 23
- сравнительная справедливость 64
- Средние века 57, 67, 68, 89, 170, 171
- средства массовой информации 26, 42, 102, 106, 125, 155, 197, 215, 226, 227, 251, 255, 257, 259, 262, 269, 283, 294, 296, 312, 318, 319, 339, 348, 353, 361, 362, 364, 392
- Сталин Иосиф 146, 234
- Стейси Роберт (Stacy Robert) 171
- стоицизм 389
- Столетняя война (1337–1453) 67
- Суарес Франсиско (Suarez Francisco) 48, 55
- суверенитет 29, 49, 54, 56–58, 63, 64, 66, 68–70, 75–77, 84, 86, 125, 150, 212, 221, 223, 226, 235–236, 238–240, 242, 254, 263, 269, 277–279, 288, 306, 318, 320–322, 324–328, 330, 331, 335, 380, 382, 383
- Судан 344
- Судетская область 105–109, 377
- Сунь-цзы 6, 19, 22
- Сэлинджер Пьер (Salinger Pierre) 157
- Таджикистан** 10, 11, 298, 338, 345, 363
- Таиланд 117–120
- Талибан, режим 336–370
- теория (теория справедливой войны как теория) 7, 12–14, 34, 44–46, 372, 378–392
- территориальная целостность 49, 53, 54, 56, 63, 81, 84, 101, 143–145,

- 147, 158, 237, 241, 245, 246, 250, 253, 254, 263, 271, 303, 305, 307, 374, 380
 см. также: *сецессия, война (сецессионистские войны)*
- терроризм 9, 41, 82, 208—211
 11 сентября 2001 42, 336—370
- Тито Иосип Броз 70
- Толстой Лев 27—29
- Трайковский Борис 304
- Тридцатилетняя война (1618—1648) 68
- Троцкий Лев 66
- Тулмин Стивен (Toulmin Stephen) 203
- Туркменистан 338
- Турция 151, 153—155, 234
 Курдское меньшинство в Турции 273, 296
- Тэйлор Телфорд (Taylor Telford) 49
- Узбекистан 338, 345, 363
- Украина 111
- универсализм (универсальные ценности) 7, 18, 28, 34, 55, 57, 58, 89, 158, 169, 211, 319, 320, 321, 377,
- Уолцер Майкл (Walzer Michael) 6, 51, 52, 54, 78, 182, 194—196, 289
- утилитаризм 45, 130
- Уэйкин Малхэм (Wakin Malham) 171
- Филипс Роберт (Phillips Robert) 59
- Финляндия 144—148
- Фолклендская война (1982) 41, 53, 54, 149, 150, 177—179
- Фома Аквинский Св. 33, 47, 130, 141
- Фомин Александр 155
- Франция 10, 12, 274, 288, 305
 в Первой Мировой войне 49, 71, 137—139
 в период 1933—1945 гг. 70—75, 106, 107, 114, 115, 117—119, 134, 143, 177, 194, 195
 общественное мнение и война 6, 390, 391
 см. также: *Алжирская война (1954—1962)*
- Хак Абдул (Haq Abdul) 340
- Хасбулатов Руслан 247
- Хатынь 112
- Хехир Брайен (Hehir Bryan) 57
- Хиггинс Розалин (Higgins Rosalyn) 62
 химическое оружие 223, 357
- Хиросима, бомбардировка 180, 181, 199
- Хоккедей Артур (Hockaday Arthur) 202
- Холбрук Ричард (Holbrooke Richard) 267, 279
- Холмс Роберт Л. (Holmes Robert L.) 30, 96
- холодная война 7, 37, 52, 58, 88, 104, 184
 см. также: *Карибский кризис (1962), Индийско-пакистанская война (1971)*
- Хорватия 85, 205, 284, 301
- Хоскинг Джеффри (Hosking Geoffrey) 126
- христианство 33, 170, 383, 389
 см. также: *пацифизм (религиозный)*
- Хрущев Никита 152—155, 158, 234
- Хусейн Саддам 8, 98, 166, 208
 см. также: *Персидский залив, война (1990—1991)*
- Хейг Александр (Haig Alexander) 54
- Хейден Роберт (Hayden Robert) 313
- Цицерон 33, 141, 169—170
- Чаушеску Николае 75
- Че Гевара Эрнесто 76
- Чемберлен, Невилль (Chamberlain, Neville) 106
- Чень Лун-чу (Lung-chu Chen) 322
- Черногория 287
- Черчилль Уинстон (Churchill Winston) 73, 181
- Чехословакия
 в период 1933—1945 гг. 105—109, 377
 Советская оккупация Чехословакии 37, 69, 124—128, 314, 372
- Чечня 10, 11, 26, 85, 232—264, 296, 310, 345, 379
- Чешская Республика (Чехия) 287, 298
- Чорпа Джарат (Chopra Jarat) 330

- Ша**храй Сергей 247
Шварцкопф Норман (Schwartzkopf Norman) 179, 215
Шеварднадзе Эдуард 310
Шерман Уильям Текумсе (Sherman, William Tecumseh) 21, 22
Шестидневная война (1967) 51
Ши Джейми (Shea Jamie) 290
Эйкхорст Майкл (Akehurst Michael) 333
Эразм Роттердамский 26, 389
этническая чистка 24, 62, 85, 108, 159, 195, 280, 281, 284, 296, 303, 306, 308, 309
- Ю**гославия 7, 10, 70, 85, 104, 265—314
см. также: *Босния-Герцеговина, Косово*
Южная Африка 166, 208
Южная Корея 54
Южная Осетия 10
Ядерное оружие 11, 12, 37, 52, 65, 180—182, 186, 197—203, 339, 357
см. также: *Карибский кризис (1962), пацифизм (ядерный пацифизм)*
Япония 23, 118—120, 139, 143, 144, 180—182, 184
Яхья Хан (Khan Yahya) 101

ОБ АВТОРАХ

Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры

Под ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна

Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики Института философии РАН (Москва). Соредактор энциклопедического словаря «Этика» (М.: Гардарики, 2001, совместно с А.А. Гусейновым), автор учебника «Этика» (М.: Гардарики, 1998, совместно с А.А. Гусейновым), монографии «Идея морали и базовые нормативно-этические программы» (М.: ИФРАН, 1995), редактор-составитель коллективных трудов: «Этика: новые старые проблемы» (М.: Гардарики, 1999), «Гражданское участие: ответственность, сообщество, власть» (М.: Аслан, 1997), «Опыт ненасилия в XX столетии» (М.: Аслан, 1996), «Мораль и рациональность» (М.: ИФРАН, 1995). В 1991 г. был приглашенным профессором в Университете Улфрида Лойера (Wilfrid Lawier University, Ватерлоо, Канада).

Ван Дамм Ги (Van Damme Guy) — профессор, заведующий кафедрой философии Королевской военной академии (Royal Military Academy, Бельгия). До этого был офицером запаса Бельгийских вооруженных сил. Сфера научных интересов — логика, социальная философия и прикладная этика, в частности этика бизнеса и военная этика. Среди его работ — учебники по логике, критическому мышлению и социальной философии, а также статьи по этическим проблемам бизнеса. Среди последних публикаций по военной этике: «Societe occidentale et course a l'armement» (Западное общество и гонка вооружений // Defense Nationale. Dec. 1999. Vol. 54, № 12) и военному руководству: «Face-to-face leidinggeven in de 21-ste eeuw» (Конкурирующее лидерство в XXI веке // Militaire Spectator. Oct. 1998. Vol. 167, № 10).

Кашиников Борис Николаевич — полковник, кандидат философских наук, профессор Рязанского филиала Московского института МВД. Был фулбрайтовским профессором в Огайском университете (Ohio State University, 1996—1997) и Университете Эмори (Emory University, 1999—2000). Сфера научных интересов — политическая и моральная философия, история и криминология. Среди публикаций — учебник по русской истории (написанный в соавторстве), статьи по моральным проблемам экономики, теории справедливости и этике. Соредактор книги «Организованная преступность в России: философский и социально-политический аспект» (М.: Московский институт МВД, 1999). В 1989 г. служил в миротворческих войсках в Нагорном Карабахе, а в 1993—1994 гг. — в миротворческой миссии ООН в бывшей Югославии в качестве начальника станции гражданской полиции. Член Совета «Журнала по воинской этике» («Journal of Military Ethics»), издающегося Норвежской военной академией.

Келеманс Карл (Seulemans Carl) — старший научный сотрудник кафедры философии Королевской военной академии (Брюссель). Защитил докторскую диссертацию (Ph.D.) по политологии в Брюссельском свободном университете (Vrije Universiteit Brussel). Область исследований — военная этика и международные отношения.

Москва: Гардарики, 2002

Среди последних публикаций: «Wie dient er tussen te komen? De vraag naar het legitieme gezag bij het gebruik van militair geweld in het voormalige Joegoslavië (1991—1995)» (Кто должен вмешиваться? Проблема законной власти в использовании военной силы в бывшей Югославии // Res Publica. Belgian Journal of Political Science. 2001. Vol. 23, № 1).

Коппитерс Бруно (Coppieters, Bruno) — профессор Брюссельского свободного университета (Vrije Universiteit Brussel). Редактор книг «Contested Borders in the Caucasus» (Brussels: VUB Brussels University Press, 1996) — на русском языке «Спорные границы на Кавказе» (М.: Весь Мир, 1999); соредактор книг: «Этнические и региональные конфликты в Евразии» (В 3 т. М.: Весь Мир, 1997); «Commonwealth and Independence in Post-Soviet-Eurasia» (London: Frank Cass, 1998); «Conflicting Loyalties and the State in Post-Soviet Russia and Eurasia» (London: Frank Cass, 1998); «Federal Practice. Exploring Alternatives for Georgia and Abkhazia» (Brussels: VUB Brussels University Press, 2000) — на русском языке «Практика федерализма: Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии» (М.: Весь Мир, 1999); «Contextualizing Secession. Normative Studies in a Comparative Perspective» (Oxford: Oxford University Press, будет опубликовано в 2003). Автор книги «Federalism and Conflict in the Caucasus» (London: Royal Institute of International Affairs, 2001). <http://poli.vub.ac.be/>.

Фоушин Ник (Fotion Nick) — профессор философии Университета Эмори. Круг научных интересов — военная этика, биомедицинская этика, метаэтика и философия языка. Автор книг: «John Searle» (Teddington, UK: Acumen Press, 2000; Princeton N.J.: Princeton University Press, 2001); «Toleration» (Tuscaloosa; Alabama; London: University of Alabama Press, 1992; совместно с Дж. Эльфстромом); «Military Ethics: Looking Toward the Future» (Stanford CA: Hoover Institution Press, 1990); «Military Ethics: Guidelines for Peace and War» (Boston; L.: Routledge and Kegan Paul, 1986; совместно с Дж. Эльфстромом) и редактор: «Contingent Future Persons» (Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Academic Publishers, 1997; совместно с Дж. Геллером); «Hare and Critics» (Oxford: Oxford University Press, 1988; совместно с Д. Синором). В 1984, 1988, 1991—1992 гг. был фулбрайтовским профессором в Университете Йонси (Yonsei University, Сеул). В 1992—1993 гг. был приглашенным профессором в Академии военно-воздушных сил США (United States Air Force Academy, Колорадо).

Хартл Антони (Hartle, Anthony) — полковник, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин (Department of English) Военной академии США (United States Military Academy; Вест-Пойнт). Военную службу начинал на Окинаве в 173-й авиабригаде, откуда дважды направлялся в боевые командировки во Вьетнам. Преподавал английский язык в Военной академии в Вест-Пойнте. Был председателем Оргкомитета Конференции Объединенного командования по профессиональной этике. Автор книги «Moral Issues in Military Decision Making» (Lawrence, KS: University Press of Kansas, 1989) и соредактор «Dimensions of Ethical Thought» (N.Y.: Peter Lang Publishing, 1987). Автор множества статей в военных и академических журналах.

Шень Чжисюн (Shen Zhixiong) — аспирант Академии международных отношений (International Relations Academy, Наньчжин, Китай). Сфера исследований — международная политика.

Ши Иньхун (Shi Yinhong) — профессор международных отношений и директор Центра американских исследований Китайского народного университета (Пекин). Президент Китайской ассоциации исследователей американской истории (American History Research Association of China). Был приглашенным профессором Гарвардско-Еньчинского института (Harvard-Yenching Institute) Гарвардского университета и фулбрайтовским научным сотрудником Университета Северной Каролины в Чэпел-Хилле. Автор ряда книг и статей, посвященных американской внешней политике, Вьетнамской войне, китайско-американским отношениям, проблемам международной стратегии и международной этики, в частности: «Синькуши, синьгеджу, синьгуйфан» («Новые тенденции, новые стратегии и новые нормы». Пекин: Фалу чубанше, 2000). Редактор книги: «Жаньхо шиджи лиши чан бянь» (Послевоенная мировая политика. Т. 11: 1956—1958. Шанхай: Шанхай реньминь чубанше, 1999). Перевел на китайский язык: книги Дж. Бентама «Введение в принципы морали и права» (Пекин: Шанву иньсу гуань, 2000) и Г. Моргентау «Политика между народами» (Шанхай: Ийвэнь чубанше, 1995).

ОБ АВТОРАХ

Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры

Под ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна

Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики Института философии РАН (Москва). Соредактор энциклопедического словаря «Этика» (М.: Гардарики, 2001, совместно с А.А. Гусейновым), автор учебника «Этика» (М.: Гардарики, 1998, совместно с А.А. Гусейновым), монографии «Идея морали и базовые нормативно-этические программы» (М.: ИФРАН, 1995), редактор-составитель коллективных трудов: «Этика: новые старые проблемы» (М.: Гардарики, 1999), «Гражданское участие: ответственность, сообщество, власть» (М.: Аслан, 1997), «Опыт ненасилия в XX столетии» (М.: Аслан, 1996), «Мораль и рациональность» (М.: ИФРАН, 1995). В 1991 г. был приглашенным профессором в Университете Улфрида Лойера (Wilfrid Lawier University, Ватерлоо, Канада).

Ван Дамм Ги (Van Damme Guy) — профессор, заведующий кафедрой философии Королевской военной академии (Royal Military Academy, Бельгия). До этого был офицером запаса Бельгийских вооруженных сил. Сфера научных интересов — логика, социальная философия и прикладная этика, в частности этика бизнеса и военная этика. Среди его работ — учебники по логике, критическому мышлению и социальной философии, а также статьи по этическим проблемам бизнеса. Среди последних публикаций по военной этике: «Societe occidentale et course a l'armement» (Западное общество и гонка вооружений // Defense Nationale. Dec. 1999. Vol. 54, № 12) и военному руководству: «Face-to-face leidinggeven in de 21-ste eeuw» (Конкурирующее лидерство в XXI веке // Militaire Spectator. Oct. 1998. Vol. 167, № 10).

Кашиников Борис Николаевич — полковник, кандидат философских наук, профессор Рязанского филиала Московского института МВД. Был фулбрайтовским профессором в Огайском университете (Ohio State University, 1996—1997) и Университете Эмори (Emory University, 1999—2000). Сфера научных интересов — политическая и моральная философия, история и криминология. Среди публикаций — учебник по русской истории (написанный в соавторстве), статьи по моральным проблемам экономики, теории справедливости и этике. Соредактор книги «Организованная преступность в России: философский и социально-политический аспект» (М.: Московский институт МВД, 1999). В 1989 г. служил в миротворческих войсках в Нагорном Карабахе, а в 1993—1994 гг. — в миротворческой миссии ООН в бывшей Югославии в качестве начальника станции гражданской полиции. Член Совета «Журнала по воинской этике» («Journal of Military Ethics»), издающегося Норвежской военной академией.

Келеманс Карл (Ceulemans Carl) — старший научный сотрудник кафедры философии Королевской военной академии (Брюссель). Защитил докторскую диссертацию (Ph.D.) по политологии в Брюссельском свободном университете (Vrije Universiteit Brussel). Область исследований — военная этика и международные отношения.

Москва: Гардарики, 2002

Среди последних публикаций: «Wie dient er tussen te komen? De vraag naar het legitieme gezag bij het gebruik van militair geweld in het voormalige Joegoslavië (1991—1995)» (Кто должен вмешиваться? Проблема законной власти в использовании военной силы в бывшей Югославии // Res Publica. Belgian Journal of Political Science. 2001. Vol. 23, № 1).

Коппитерс Бруно (Coppieters, Bruno) — профессор Брюссельского свободного университета (Vrije Universiteit Brussel). Редактор книг «Contested Borders in the Caucasus» (Brussels: VUB Brussels University Press, 1996) — на русском языке «Спорные границы на Кавказе» (М.: Весь Мир, 1999); соредактор книг: «Этнические и региональные конфликты в Евразии» (В 3 т. М.: Весь Мир, 1997); «Commonwealth and Independence in Post-Soviet-Eurasia» (London: Frank Cass, 1998); «Conflicting Loyalties and the State in Post-Soviet Russia and Eurasia» (London: Frank Cass, 1998); «Federal Practice. Exploring Alternatives for Georgia and Abkhazia» (Brussels: VUB Brussels University Press, 2000) — на русском языке «Практика федерализма: Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии» (М.: Весь Мир, 1999); «Contextualizing Secession. Normative Studies in a Comparative Perspective» (Oxford: Oxford University Press, будет опубликовано в 2003). Автор книги «Federalism and Conflict in the Caucasus» (London: Royal Institute of International Affairs, 2001). <http://poli.vub.ac.be/>.

Фоушин Ник (Fotion Nick) — профессор философии Университета Эмори. Круг научных интересов — военная этика, биомедицинская этика, метаэтика и философия языка. Автор книг: «John Searle» (Teddington, UK: Acumen Press, 2000; Princeton N.J.: Princeton University Press, 2001); «Toleration» (Tuscaloosa; Alabama; London: University of Alabama Press, 1992; совместно с Дж. Эльфстромом); «Military Ethics: Looking Toward the Future» (Stanford CA: Hoover Institution Press, 1990); «Military Ethics: Guidelines for Peace and War» (Boston; L.: Routledge and Kegan Paul, 1986; совместно с Дж. Эльфстромом) и редактор: «Contingent Future Persons» (Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Academic Publishers, 1997; совместно с Дж. Геллером); «Hare and Critics» (Oxford: Oxford University Press, 1988; совместно с Д. Синором). В 1984, 1988, 1991—1992 гг. был фулбрайтовским профессором в Университете Йонси (Yonsei University, Сеул). В 1992—1993 гг. был приглашенным профессором в Академии военно-воздушных сил США (United States Air Force Academy, Колорадо).

Хартл Антони (Hartle, Anthony) — полковник, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин (Department of English) Военной академии США (United States Military Academy; Вест-Пойнт). Военную службу начинал на Окинаве в 173-й авиабригаде, откуда дважды направлялся в боевые командировки во Вьетнам. Преподавал английский язык в Военной академии в Вест-Пойнте. Был председателем Оргкомитета Конференции Объединенного командования по профессиональной этике. Автор книги «Moral Issues in Military Decision Making» (Lawrence, KS: University Press of Kansas, 1989) и соредактор «Dimensions of Ethical Thought» (N.Y.: Peter Lang Publishing, 1987). Автор множества статей в военных и академических журналах.

Шень Чжисюн (Shen Zhixiong) — аспирант Академии международных отношений (International Relations Academy, Наньчжин, Китай). Сфера исследований — международная политика.

Ши Иньхун (Shi Yinhong) — профессор международных отношений и директор Центра американских исследований Китайского народного университета (Пекин). Президент Китайской ассоциации исследователей американской истории (American History Research Association of China). Был приглашенным профессором Гарвардско-Еньчинского института (Harvard-Yenching Institute) Гарвардского университета и фулбрайтовским научным сотрудником Университета Северной Каролины в Чэпел-Хилле. Автор ряда книг и статей, посвященных американской внешней политике, Вьетнамской войне, китайско-американским отношениям, проблемам международной стратегии и международной этики, в частности: «Синькуши, синьгеджу, синьгуйфан» («Новые тенденции, новые стратегии и новые нормы». Пекин: Фалу чубанше, 2000). Редактор книги: «Жаньхо шиджи лиши чан бянь» (Послевоенная мировая политика. Т. 11: 1956—1958. Шанхай: Шанхай реньминь чубанше, 1999). Перевел на китайский язык: книги Дж. Бентама «Введение в принципы морали и права» (Пекин: Шанву иньсу гуань, 2000) и Г. Моргентау «Политика между народами» (Шанхай: Ийвэнь чубанше, 1995).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (<i>Бруно Коппитерс, Ник Фоушин</i>)	5
Введение (<i>Ник Фоушин, Бруно Коппитерс, Рубен Апресян</i>)	15
1. Реализм	15
2. Милитаризм	22
3. Пацифизм	26
4. Теория справедливой войны	32
5. Вопросы терминологии: справедливость, война и теория	40
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРИНЦИПЫ <i>JUS AD BELLUM</i>	
Глава I. Правое дело (<i>Карл Келеманс</i>)	47
1. Общий подход	47
2. Самозащита	49
3. Защита других	54
4. Выводы	63
Глава II. Легитимная власть (<i>Бруно Коппитерс</i>)	65
1. Общие положения	65
2. Коллаборационистские режимы	70
3. Революционные движения	75
4. Система безопасности ООН	76
5. Антиколониальная борьба	79
6. Легитимная власть и сецессия	84
7. Выводы	86
Глава III. Добрые намерения (<i>Бруно Коппитерс, Борис Кашиников</i>)	87
1. Введение	87
2. Субъективность намерений	90
3. Философский спор	92
4. Анализ применения принципа добрых намерений	96
5. Индо-пакистанская война 1971 г. Гуманитарная интервенция?	100
6. Гитлеровская оккупация Чехословакии в 1938 г. Гуманитарная интервенция?	105
7. Гитлеровская оккупация Польши в сентябре 1939 г.	109
8. Советская интервенция в Польшу в сентябре 1939 г.	110
Глава IV. Вероятность успеха (<i>Ник Фоушин, Бруно Коппитерс</i>)	113
1. Проблемы	113
2. Люксембург, 1940 г.	114
3. Бельгия, 1940 г.	117
4. Таиланд, 1940 и 1941 г.	117
5. Куба, 1950-е гг.	120
6. «Мини» и «Макси»	122
7. Чехословакия, 1968 г.	124
Глава V. Соразмерность (<i>Ник Фоушин</i>)	129
1. Относительный принцип	129
2. Еще раз о Люксембурге и Бельгии	133

3. «Мини» и «Макси»	134
4. Расхождение между принципом вероятности успеха и принципом соразмерности	136
Глава VI. Крайнее средство (<i>Бруно Коппитерс, Рубен Апресян, Карл Келеманс</i>)	141
1. Введение	141
2. Советско-японская война 1939 г.	143
3. Советско-финская (Зимняя) война 1939—1940 гг.	144
4. ООН, организации по международной безопасности и многосторонняя дипломатия	148
5. Политика в условиях ядерного кризиса: Карибский ракетный кризис 1962 г.	150
6. Совет Безопасности ООН и угроза применения силы: Босния 1992—1995 гг.	158
7. Совет Безопасности и экономические санкции	165
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПРИНЦИПЫ <i>JUS IN BELLO</i>	
Краткий исторический обзор ограничений <i>jus in bello</i> (<i>Ги ван Дамм</i>)	168
Глава VII. Соразмерность (<i>Ги ван Дамм, Ник Фоушин</i>)	174
1. Основные допущения	174
2. Действия во время войны	175
3. Ядерное оружие	180
4. Биологическое оружие	182
5. Принцип двойного эффекта	185
6. Выводы	187
Глава VIII. Различие (<i>Энтони Хартл</i>)	188
1. Введение	188
2. Неприкосновенность некомбатантов	188
3. Ядерное оружие	197
4. Мины	203
5. Выбор цели	206
6. Современные проблемы	208
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПРИМЕРЫ	
Глава IX. Война в Персидском заливе 1990—1991 гг. (<i>Энтони Хартл</i>)	212
1. Начало войны	212
2. <i>Jus ad bellum</i>	219
3. <i>Jus in bello</i>	226
Глава X. Чеченская война 1994—1996 гг. (<i>Борис Кашиников, Бруно Коппитерс</i>)	232
1. Чечня: народ и история	232
2. Правое дело	237
3. Крайнее средство	246
4. Добрые намерения	249
5. Легитимная власть	253
6. Вероятность успеха	256
7. Соразмерность (<i>ad bellum</i>)	258
8. Принципы соразмерности (<i>in bello</i>) и различия	259
9. Выводы	263

Глава XI. Вмешательство НАТО в Косовский кризис. Март — июнь 1999 г. (<i>Карл Келеманс</i>)	265
1. Как это было	265
2. Правое дело	269
3. Добрые намерения	271
4. Легитимная власть	274
5. Крайнее средство	276
6. Вероятность успеха	280
7. Соразмерность (<i>ad bellum</i>)	285
8. Различие	288
9. Соразмерность (<i>in bello</i>)	291
10. Выводы	292
Глава XII. Вмешательство НАТО в Косовский кризис: Чья справедливость? (<i>Борис Кашиников</i>)	294
1. Правое дело?	294
2. Легитимная власть?	297
3. Добрые намерения?	300
4. Вероятность успеха?	302
5. Крайнее средство?	305
6. Соразмерность (<i>ad bellum</i>)?	308
7. Позор победы (<i>jus in bellum</i>)	310
8. Выводы	314
Глава XIII. После Косово: морально-правовые ограничения гуманитарной интервенции (<i>Ши Иньхун, Шень Чжисюн</i>)	315
1. Понятие гуманитарной интервенции	315
2. Политические причины и морально-правовые основания гуманитарной интервенции	317
3. Необходимость строгих ограничений	323
4. Непременные условия	329
5. Выводы	334
Глава XIV. Военный ответ возглавляемой США коалиции на теракты 11 сентября (<i>Карл Келеманс</i>)	336
1. Изложение ситуации	336
2. Правое дело	341
3. Добрые намерения	344
4. Крайнее средство	348
5. Вероятность успеха	351
6. Соразмерность (<i>ad bellum</i>)	355
7. Легитимная власть	358
8. Соразмерность (<i>in bello</i>)	361
9. Различие	364
10. Выводы	369
Заключительные замечания (<i>Ник Фоушин, Бруно Коппитерс</i>)	371
1. Новый взгляд на реализм, пацифизм и милитаризм	371
2. Теория справедливой войны и чрезмерный оптимизм	378
3. Чрезмерный пессимизм	385
4. Универсальная теория?	388
Указатель	393
Об авторах	402